ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 7–8

ИЮЛЬ–АВГУСТ

Издание газеты „ПРАВДА"
МОСКВА 1930

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

ИЮЛЬ—АВГУСТ | № 7—8 | 1930

СОДЕРЖАНИЕ.

XVI с'езд ВКП(б) и задачи на философском фронте.

И. Подволоцкий.

XVI с'езд ВКП(б), один из важнейших с'ездов в истории партии, подвел итоги серьезнейшей полосе в области международного рабочего движения и социалистического строительства в СССР и дал план развернутого социалистического наступления на капиталистические элементы по всему фронту.

Тов. Сталин определил период, итоги которому подвел XVI с'езд, как период переломный и для СССР, и для капиталистических государств. Для СССР этот перелом означает собою поворот в сторону нового, серьезного экономического под'ема, означает «растущий под'ем социалистического строительства и в промышленности, и в сельском хозяйстве». Для капиталистических государств этот перелом означает поворот к экономическому упадку, означает «растущий кризис экономики и в промышленности и в сельском хозяйстве».

Капитализм переживает теперь глубочайший экономический кризис, являющийся первым после войны мировым экономическим кризисом, в котором кризис промышленный, охватывающий почти все промышленные страны, переплетается с сельскохозяйственным кризисом, охватывающим основные аграрные страны. Тов. Сталин, в политическом отчете ЦК, дает следующую характеристику особенностей нынешнего экономического кризиса, обуславливающих его широкий размах и затяжной характер.

Кризис поразил главную страну капитализма САСШ, которая сосредоточила у себя не менее половины всего мирового производства и потребления.

Это неизбежно ведет к громадному расширению сферы влияния кризиса. Промышленный кризис переплетается с сельскохозяйственным кризисом в аграрных странах. Это ведет к тому, что «промышленный кризис будет усиливать сельскохозяйственный, а сельскохозяйственный затягивать промышленный, что не может не привести к углублению мирового экономического кризиса» (Сталин).

Нынешний кризис является кризисом эпохи монополистического капитализма, когда, несмотря на перепроизводство, капиталистические монополии будут бороться за сохранение высоких монопольных цен на товары. Это неизбежно ведет к затягиванию экономического кризиса и делает его особенно тяжелым для народных масс.

Наконец последнее. Нынешний экономический кризис «развертывается на базе общего кризиса капитализма, подтачивающего устои капитализма и облегчившего наступление экономического кризиса» (Сталин, стр. 11) [1]. Империалистическая война и ее последствия,— говорит т. Сталин,— усилили загнивание капитализма, подорвали его равновесие, открыли собою эпоху войн и революций. Тот факт, что капитализм не является уже единственной и всеохватывающей системой мирового хозяйства, что и на ряду с капиталистической существует и успешно развивается социалистическая система хозяйства, что империалистическая война и победа революции в СССР расшатали устои империализма в колониальных и зависимых странах, что в этих странах вырос свой капитализм, конкурирующий с капитализмом метрополий, что, наконец, империалистическая война оставила в наследство хроническую недогрузку предприятий и миллионные постоянные армии безработных — все это расшатывает основы капитализма, облегчило наступление экономического кризиса и усугубляет и обостряет мировой экономический кризис. «Нынешний экономический кризис является самым серьезным и самым глубоким кризисом из всех существовавших до сих пор мировых экономических кризисов» (Сталин).

Так рушились все «теории» буржуазных экономистов и социал-фашистов о процветании капитализма, так рушилась взятая правыми оппортунистами у социал-демократов «теория» об «организованном капитализме», о смягчении при империализме внутренних противоречий капитализма, об американской исключительности и т. п. Правые оппортунисты на деле выступили с социал-демократией в роли откровенных апологетов капиталистической стабилизации.

Мировой экономический кризис показал, что из самой стабилизации «вырастает самый глубокий и самый острый кризис мирового капитализма, чреватый новыми войнами и угрожающий существованию какой бы то ни было стабилизации» (Сталин). Он полностью подтвердил анализ «третьего периода» послевоенного развития капитализма, данный XV с'ездом ВКП(б) и VI конгресса КИ, что «третий период» неизбежно ведет к гигантскому обострению противоречия между ростом производительных сил и суженными рынками, к резкому обострению международных и внутренних противоречий капитализма, делает неизбежной новую полосу империалистических войн, войн империалистов против СССР, национально-освободительных войн и интервенций империалистов, ведет к развалу капиталистической стабилизации, к резкому обострению общего кризиса капитализма, к росту революционного движения пролетариата, к гигантским классовым битвам.

Развернувшийся на основе общего кризиса капитализма мировой экономический кризис означает «начало конца относительной капиталистической стабилизации», обостряет до крайней степени все противоречия капи-

[1]) Страницы указаны по брошюре И. Сталина и Л. Кагановича «Отчет Центрального комитета XVI с'езда ВКП(б)».

тализма. Он неизбежно ведет к обострению противоречий, к усилению борьбы за рынки сбыта, за сырье, за вывоз капитала, вызывает бешеную таможенную войну между важнейшими империалистическими странами, особенно между САСШ и Англией, а также странами побежденными и странами победительницами. Тем самым все более усиливается опасность империалистической войны.

Вместе с тем усиливаются противоречия между империалистическими государствами и колониальными и зависимыми странами; кризис усиливает до последней степени нажим империалистов на эти страны, представляющие основные рынки сбыта и сырья, расширяет интервенцию империалистов, ведет их к состоянию войны со «своими» колониями. Это обусловливает дальнейшее нарастание революционного движения в колониальных и зависимых странах, неизбежно перерастающего в национально-освободительные войны и в гражданские войны.

Наконец, кризис ведет к усилению внутренних противоречий капитализма: противоречия между буржуазией и пролетариатом. Кризис усиливает в новых более ожесточенных формах **наступление капиталистов на рабочий класс**, ведет к дальнейшему снижению жизненного уровня пролетариата. Чудовищная безработица, удлинение рабочего дня, значительное понижение заработной платы, уничтожение социального страхования, рост налогового бремени, запрещение организаций рабочего класса, рост репрессий и т. п. — все более усиливаются с наступлением мирового экономического кризиса. **Растет «фашизация государственного аппарата буржуазии при сращении с ним социал-демократии и реформистской профбюрократии», усиливается рост фашизма.**

Вместе с тем растет революционный под'ем среди рабочего класса, усиливается его контрнаступление против буржуазии.

Мировой экономический кризис, протекающий в условиях уже начавшегося революционного под'ема мирового рабочего движения и трудящихся масс колоний, усиливает этот революционный под'ем, «подымает на новую более высокую ступень контрнаступление пролетариата, ведя к перерастанию в некоторых странах кризиса экономического в кризис политический и ускоряет развертывание гражданской войны в колониях». Таким образом **мировой экономический кризис ведет к дальнейшему нарастанию революционного под'ема, к гигантскому обострению классовой борьбы.** Все решительнее выступает класс против класса, готовясь к решающей схватке.

Все это, а также дальнейшая фашизация социал-демократии, идущая параллельно общему революционизированию пролетариата, разрушает социал-демократические иллюзии среди рабочих, ведет к отходу рабочих масс от социал-демократии, создает поворот их в сторону коммунизма. В этом «залог превращения наших братских компартий в большие массовые партии рабочего класса» (Сталин). Учитывая происходящую перегруппировку сил, связанную с обострением классовых противоречий и ростом революционного под'ема пролетариата, Коминтерн «правильно наметил и твердо проводил тактику — **класс против класса**», тактику «самостоятельного руководства классовыми боями», развертывания самой непримиримой борьбы против фашизирующейся социал-демократии, особенно против ее «левого» крыла, усилением борьбы против правого оппортунистического уклона — основной опасности в рядах партии в данный период — являющегося агентурой социал-демократического влияния в рядах коммунистического движения и против примиренчества к правому оппортунизму, являющегося «убежищем оппортунизма в компартиях» (Сталин).

Вместе с тем Коминтерн вел беспощадную борьбу с контрреволюционным троцкизмом, а также с «левыми» загибами в коммунистическом движении, укрепляющими правый оппортунизм. Борясь беспощадно с уклонами от ленинизма, секции Коминтерна разгромили контрреволюционный троцкизм и правых оппортунистов.

XVI партс'езд подчеркивает необходимость сосредоточить внимание коммунистических партий на дальнейшем усилении беспощадной борьбы с социал-фашизмом, в особенности с его «левым» крылом, а также с влиянием национал-фашизма на отдельные прослойки рабочего класса. Необходима дальнейшая борьба с контрреволюционным троцкизмом. Необходимо дальнейшее развертывание борьбы на два фронта, как против правого оппортунизма, являющегося в данный период основной опасностью в компартиях, так и против «левых» шатаний, и против примиренчества к тем и другим.

Могучий под'ем социалистического строительства в СССР, обострение кризиса капитализма, рост международных и внутренних противоречий капитализма, под'ем революционного движения пролетариата усиливает противоречие между СССР и капиталистическими странами, усиливает военную агрессивность империалистических государств против СССР. Вместе с тем это противоречие «расшатывает самые основы капитализма и собирает их в один узел, превращая их в вопрос жизни и смерти самих капиталистических порядков». СССР самим своим существованием революционизирует пролетариат и трудящиеся народы колоний, усиливает все противоречия капитализма.

Могучий рост социалистического строительства в СССР, мировой экономический кризис, усиление противоречий капитализма, рост революционного движения пролетариата и угнетенных колониальных народов говорит о том, что «стабилизации капитализма приходит конец..., что под'ем революционного движения масс будет нарастать с новой силой..., что мировой экономический кризис будет перерастать в ряде стран в кризис политический.

Это значит, во-первых, что буржуазия будет искать выхода из положения в дальнейшей фашизации в области внутренней политики, используя для этого все реакционные силы, в том числе и социал-демократию.

Это значит, во-вторых, что буржуазия будет искать выхода в новой империалистической войне и интервенции в области внешней политики.

Это значит, наконец, что пролетариат, борясь с капиталистической эксплоатацией и военной опасностью, будет искать выхода в революции» (Сталин). Таково положение мирового капитализма и перспективы революционного движения.

Во внутреннем положении Советского Союза за период с XV до XVI партс'езда произошел великий перелом, открывающий собою новый этап в развитии революции, произошли коренные классовые сдвиги. На основе гигантских успехов социалистической реконструкции промышленности произошел величайший перелом в развитии сельского хозяйства, характеризующийся решающим переломом в развитии колхозного движения и совхозного строительства, решительным поворотом основных масс крестьянства в сторону социализма. Это дало возможность партии перейти от политики ограничения и вытеснения капиталистических элементов в деревне к новой политике, политике ликвидации кулачества как класса на основе проведения сплошной коллективизации и перейти от наступления социализма на отдельных участках хозяйственного фронта к общему наступлению социализма по всему фронту.

«Основная установка партии в данный момент состоит в переходе от наступления социализма на отдельных участках хозяйственного фронта к наступлению по всему фронту и в области промышленности, и в области сельского хозяйства. XIV с'езд был, по преимуществу, с'ездом индустриализации. XV с'езд был, по преимуществу, с'ездом коллективизации. Это была подготовка к общему наступлению. В отличие от пройденных этапов период перед XVI с'ездом является периодом общего наступления социализма по всему фронту, периодом усиленного строительства социализма и в области промышленности, и в области сельского хозяйства. XVI с'езд есть с'езд развернутого наступления социализма по всему фронту, ликвидации кулачества как класса и проведения в жизнь сплошной коллективизации» (Сталин, стр. 64—65).

Период между XV и XVI партс'ездами дает решающие успехи в области индустриализации страны. На фоне общего под'ема народного хозяйства в целом мы имеем рост и преобладание удельного веса промышленности над удельным весом сельского хозяйства (53 против 47%). «Мы находимся накануне превращения из страны аграрной в страну индустриальную» (Сталин, стр. 22). Вместе с тем, что является решающим для индустриализации, имеем громадный рост удельного веса производства орудий и средств производства в общей продукции промышленности.

Рост промышленности идет бешеными темпами, обгоняя все предположения пятилетки. Это дало возможность выдвинуть лозунг выполнения пятилетки в четыре года. Новые производственные отношения дают новые закономерности, новые формы и темпы развития производительных сил. Все более и более начинают выявляться на практике преимущества социалистической, плановой системы хозяйства, по сравнению с капитализмом. В исторической схватке социализма и капитализма побеждает социализм. «Перестройка технической базы промышленности и сельского хозяйства при социалистической организации производства открывает такие возможности ускорения темпов, о которых не может мечтать ни одна капиталистическая страна» (Сталин).

Социалистический сектор в промышленности СССР имеет решающий перевес над частнохозяйственным (мелкотоварным и капиталистическим). Капиталистические элементы в крупной (цензовой) промышленности составляют ничтожную долю (0,7%). Индустриализация нашей страны твердо идет по социалистическому пути. «Капиталистические элементы в крупной промышленности уже пошли ко дну.

Ясно, что вопрос «кто кого?», вопрос о том, социализм ли победит капиталистические элементы в промышленности или они победят социализм, — уже решен в основном в пользу социалистических форм промышленности. Решен окончательно и бесповоротно» (Сталин, стр. 24).

Развертывание индустриализации нашей страны партии пришлось проводить в жестокой борьбе с троцкистами и с правой оппозицией. В восстановительный период троцкисты своей программой сверхиндустриализации угрожали разрыву союза пролетариата и крестьянства и срывом дела индустриализации страны. Но если троцкисты в восстановительный период развивали сверхиндустриалистские фантазии, то для реконструктивного периода они выдвинули схему «потухающей кривой», схему снижения темпов развития нашей промышленности. «Что касается реконструктивного периода, то троцкисты с точки зрения темпов являются самыми крайними минималистами и самыми поганенькими капитулянтами» (Сталин, стр. 69).

Теперь троцкисты кричат о чрезмерности большевистских темпов развития промышленности и колхозного движения и о необходимости отбросить лозунг пятилетки в 4 года, смыкаясь в этом с правыми оппортунистами.

Правые оппортунисты выступили за снижение темпов развития нашей промышленности. Но снижение темпов развития промышленности не дает возможности перегнать передовые капиталистические страны, имеющие гораздо более высокий, чем мы, уровень промышленности, не дает возможности социалистической переделки сельского хозяйства, усиливает позиции капитализма, ослабляет позиции социализма. Поэтому «люди, болтающие о необходимости снижения темпа развития нашей промышленности, являются врагами социализма, агентами наших классовых врагов» (Сталин).

Без разгрома троцкистско-зиновьевской оппозиции и в частности без разгрома троцкистской теории «потухающей кривой», без разгрома правых оппортунистов, без решительной борьбы с примиренчеством к тем и другим нельзя было развернуть те большевистские темпы развития, которых достигла наша промышленность.

На ряду с ростом производительных сил вырастают социалистические формы труда, новые социальные формы трудовой деятельности. Если пружиной капиталистического производства является погоня за прибылью, связанная с этим конкуренция, то в противоположность капиталистической эксплоатации и конкуренции социалистическое строительство выдвигает социалистические формы труда (социалистическое соревнование, ударничество и т. п.).

Мы имеем небывалый рост политической активности широчайших масс пролетариата. Об этом свидетельствует все увеличивающийся рост доверия рабочего класса к коммунистической партии, рост сознательного соревнования и ударничества, развитие таких новых форм рабочей активности как ударные бригады, буксиры, встречный промфинплан и т. д.

Социалистическая реконструкция уже теперь обеспечила окончательное господство крупной социалистической индустрии над капиталистическими элементами в области промышленности. Вопрос о победе социализма над капитализмом решен здесь окончательно и бесповоротно. Но тем самым были созданы условия для уничтожения капиталистического класса в сельском хозяйстве — кулачества. Ликвидация кулачества как класса может быть осуществлена только на основе проведения сплошной коллективизации, как ее неразрывная составная часть. Сплошная же коллективизация сельского хозяйства необходимо предполагала социалистическую индустриализацию. Лишь развитие крупной социалистической индустрии создает условия для преодоления величайшей трудности социалистического строительства: социалистической переделки мелкотоварного крестьянского хозяйства.

Но дальнейшее развитие социалистической индустрии в свою очередь невозможно без социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Перед XVI партс'ездом на ряду с бурной социалистической индустриализацией и на ее основе происходит решающий поворот сельского хозяйства на социалистический путь развития, происходит решающий поворот основных масс крестьянства в сторону социализма, подготовленный всем ходом нашей революции. Сплошная коллективизация сельского хозяйства могла начаться лишь на основе социалистической реконструкции промышленности, лишь при наличии поворота в сторону колхозов со стороны основных масс крестьянства. «Поворот крестьянства в сторону коллективизации, — говорит т. Сталин, — начался не сразу. Он, этот поворот, и не мог начаться сразу. Правда, лозунг коллективизации был провозглашен партией еще на XV с'езде. Но для массового поворота крестьянства в сторону социализма недостаточно еще провозглашения лозунга. Для поворота требуется, по крайней мере, еще одно обстоятельство, а именно, чтобы сами крестьянские массы убедились в правильности провозглашенного лозунга и приняли его, как свой собственный лозунг. Поэтому поворот этот подготовлялся исподволь. Подготовлялся он всем ходом нашего развития, всем ходом развития нашей индустрии и прежде всего развитием

индустрии, поставляющей машины и тракторы для сельского хозяйства. Подготовлялся он политикой решительной борьбы с кулачеством и ходом наших хлебозаготовок в его новых формах за 1928 и 1929 гг., ставящих кулацкое хозяйство под контроль бедняцко-середняцких масс. Подготовлялся он развитием сельскохозяйственной кооперации, приучающей индивидуального крестьянина к коллективному ведению дел. Подготовлялся он сетью колхозов, где крестьянин проверял преимущество коллективных форм хозяйства перед индивидуальным хозяйством. Подготовлялся он, наконец, сетью разбросанных по всему СССР и вооруженных новой техникой совхозов, где крестьянин получал возможность убедиться в силе и преимуществах новой техники.

Вот на какой основе возникло то массовое колхозное движение миллионов бедняков и середняков, которое началось во второй половине 1929 г. и которое открыло собой период великого перелома в жизни нашей страны» (Сталин, стр. 30—31).

Только при наличии этих предпосылок можно было поставить задачу сплошной коллективизации и на ее основе ликвидации кулачества как класса.

Сплошная коллективизация, ликвидация на ее основе кулачества как класса являются величайшим историческим переломом в развитии социалистического строительства, в развитии нашей революции. Она означает собою ликвидацию последнего серьезного капиталистического класса и выкорчевывание глубочайших корней капитализма.

Социалистическая реконструкция промышленности и сельского хозяйства, означающая собой развернутое наступление социализма против элементов капитализма по всему фронту, открывает собою новый этап в переходном периоде, в корне отличающийся от первоначального этапа. В первый период мы имели разрушенную промышленность, отсутствие колхозов и совхозов, как массового явления, рост капиталистических элементов в городе и в деревне. В настоящее время социалистический уклад развивается с невиданной быстротой и держит в руках все хозяйственные рычаги народного хозяйства, капиталистический уклад идет ко дну. Мы имеем умирающую «новую» буржуазию в городе. Мы стоим «на пороге ликвидации последнего серьезного капиталистического класса, класса кулаков». «Мы уже вышли из переходного периода в старом его смысле, вступив в период прямого и развернутого социалистического строительства по всему фронту. Ясно, что мы уже вступили в период социализма» (Сталин).

К этой громаднейшей победе революции партия могла притти, лишь строго проводя ленинскую политику в области индустриализации и по отношению к крестьянству. В проведении ленинской политики ЦК пришлось бороться против троцкистов и против правых оппортунистов и «левых» загибщиков.

Троцкизм отрицает возможность союза пролетариата с основными массами крестьянства в строительстве социализма, предсказывал неизбежность столкновения пролетариата и крестьянства. Троцкизм отвергал ленинскую теорию о неравномерности развития капитализма и возможности победы социализма в одной стране. Троцкизм отрицал поэтому возможность построения социализма в СССР силами рабочего класса и крестьянства нашей страны, признавал неизбежность гибели революции, если не будет государственной помощи международного пролетариата. «Мы имеем здесь буржуазное отрицание сил и возможностей пролетарской диктатуры повести крестьянство к социализму, прикрываемое маской «революционных» фраз о победе мировой революции» (Сталин).

Троцкисты отрицали поэтому кооперативный план Ленина, отрицали возможность вовлечения основных масс крестьянства в социалистическое строительство, не верили в возможность того, что крестьянство пойдет по колхозному пути. Поэтому политику союза с основными массами крестьян-

ства в строительстве социализма они заменяли политикой эксплоатации крестьянства.

Отрицая колхозный путь развития, не понимая, что капиталистические элементы деревни могут быть ликвидированы только на основе сплошной коллективизации, проведение которой требует громадных предпосылок, о которых говорил т. Сталин, троцкистско-зиновьевская оппозиция предлагала партии открыть наступление на капиталистические элементы деревни в 1926—1927 гг., когда еще не было этих предпосылок, когда не могло еще итти речи о сплошной коллективизации, когда мы не могли заменить кулацкое производство хлеба колхозным. «Партия не пошла на эту опасную авантюру, ибо она знала, что серьезные люди не могут позволить себе игру в наступление. Наступление на кулачество есть серьезное дело. Его нельзя смешивать с декламацией против кулачества. Его нельзя также смешивать с политикой царапанья с кулачеством, которую усиленно навязывала партии зиновьевско-троцкистская оппозиция. Наступать на кулачество — это значит сломить кулачество и ликвидировать его как класс. Вне этих целей наступление есть декламация, царапанье, пустозвонство, все что угодно, только не настоящее большевистское наступление. Наступать на кулачество — это значит подготовиться к делу и ударить по кулачеству, да ударить по нему так, чтобы оно не могло больше подняться на ноги. Это и называется у нас, у большевиков, настоящим наступлением. Могли ли мы предпринять лет пять или года три назад такое наступление с расчетом на успех? Нет, не могли» (Сталин).

Троцкистско-зиновьевское «наступление» на кулака, проводимое не на основе сплошной коллективизации, как ее неразрывная часть, без участия самих колхозных масс, превратилось бы в простой административный нажим, который неизбежно был бы осужден на срыв. «Мы наверняка сорвались бы на этом деле, продемонстрировали бы свою слабость, усилили бы позиции кулачества и вообще капиталистических элементов, толкнули бы середняка в об'ятия кулачества, сорвали бы наше социалистическое строительство и остались бы без хлеба» (Сталин).

Без социалистической переделки крестьянского хозяйства нельзя ликвидировать кулачество, непрерывно вырастающее на базе мелкотоварного хозяйства. Только сплошная коллективизация является действительной основой ликвидации капиталистических элементов крестьянства, окончательной ликвидации последних корней капитализма.

Лозунг ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации не имеет ничего общего с троцкистско-зиновьевским «наступлением» на кулака.

Теперь, когда под руководством партии идет действительное наступление против кулачества, когда партия проводит политику ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации, Троцкий и троцкисты бешено выступают против сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса, выступают в защиту кулачества, полностью смыкаясь с меньшевиками. Так, от авантюристских лозунгов 1926 — 1927 гг. троцкисты перешли на свои действительные позиции, на позиции откровенной капитуляции перед капитализмом, еще раз окончательно разоблачая свою контрреволюционную сущность.

Давая социальную характеристику троцкизма, т. Сталин говорит: «Капитулянтство на деле как с о д е р ж а н и е, «левые» фразы и «революционно»-авантюристские замашки как ф о р м а, прикрывающая и рекламирующая капитулянтское содержание, — таково существо троцкизма.

Эта двойственность троцкизма отражает двойственное положение разоряющейся городской мелкой буржуазии, не терпящей «режима» диктатуры пролетариата и старающейся либо перескочить «сразу» в социализм, чтобы

избавиться от разорения (отсюда авантюризм и истерика в политике), либо, если это невозможно, пойти на любые уступки капитализму (отсюда капитулянтство в политике).

Этой двойственностью троцкизма об'ясняется тот факт, что свои «бешеные», будто бы, атаки против правых уклонистов троцкизм обычно увенчивает блоком с ними, как с капитулянтами без маски» (Сталин).

Если троцкистско-зиновьевская оппозиция, отрицая возможность участия основных масс крестьянства под руководством пролетариата в строительстве социализма, не понимала, что ликвидация кулачества возможна только на основе колхозного движения, на основе сплошной коллективизации, то правая оппозиция не видела необходимости наступления на кулака, ликвидации кулачества как класса. Она полагала, что кулачество может мирно врасти в социализм. Теория мирного врастания кулака в социализм означает полное непонимание марксистской теории классовой борьбы. Правые думают, что капиталистические элементы мирно, без классовой борьбы либо отомрут, либо врастут в социализм. Теория мирного врастания кулака в социализм означала по существу, что кулачество, представляющее капиталистический путь развития деревни, добровольно сдаст свои позиции и перейдет на социалистический путь. Таким образом снимался вообще вопрос о борьбе капиталистического и социалистического пути развития деревни, снимался вопрос «кто—кого?». Для деревни, с точки зрения правых, оставался один социалистический путь развития, по которому деревня необходимо должна была пойти в порядке «самотека». Отсюда требование простора развития для производительных сил, независимо от их социальной формы, отсюда лозунг «обогащайтесь!», отсюда требование не спешить с переделкой мелкого хозяйства, ставка на индивидуальное хозяйство, на развязывание рынка, позиция против форсирования совхозов и колхозов, отрицание, что колхозы и совхозы являются столбовой дорогой к социализму. Эта линия на индивидуальное хозяйство в деревне, означающая по существу ставку на кулацкое хозяйство, сочеталась с линией на уменьшение темпов индустриализации и отрицание развернутого наступления социализма на капитализм.

Правые оппортунисты считают, что «нэп обеспечивает нам победу социализма — следовательно, можно не беспокоиться насчет темпа индустриализации, развития совхозов и колхозов и т. п., так как наступление победы все равно обеспечено в порядке, так сказать, самотека». Тов. Сталин, вскрывая, что эти правооппортунистические положения ведут к отрицанию роли партии, глубоко развивает проблему соотношения возможности и действительности.

«Советский строй дает колоссальные возможности для полной победы социализма. Но возможность не есть еще действительность. Чтобы превратить возможность в действительность, необходим целый ряд условий, в числе которых линия партии и правильное проведение этой линии играют далеко не последнюю роль».

Поэтому «Ленин вовсе не говорил, что нэп обеспечивает нам победу социализма». Ленин говорил лишь о том, что «экономически и политически нэп вполне обеспечивает нам возможность постройки фундамента социалистической экономики». Но возможность не есть еще действительность. Чтобы возможность превратить в действительность, надо прежде всего отбросить теорию самотека, надо перестроить (реконструировать) народное хозяйство и повести решительное наступление на капиталистические элементы города и деревни». «Выходит, таким образом, что нужно строго различать между возможностями, имеющимися в нашем строе, и использованием этих возможностей, превращением этих возможностей в действительность» (63).

Сущность правого оппортунизма заключается в том, что он разрывает с ленинским пониманием классовой борьбы в переходный, особенно в реконструктивный период, что он становится на точку зрения мелкобуржуазного либерализма в понимании классовой борьбы. Они думают, что социализм можно построить без классовой борьбы, без наступления на капиталистические элементы. Правые оппортунисты не понимают неизбежности обострения классовой борьбы в реконструктивный период, когда решается вопрос «кто — кого» победит: капиталистический или социалистический путь развития деревни, когда кулак, представляющий капиталистический путь, бешено выступает против колхозов, представляющих социалистический путь развития деревни.

Правые элементы, — говорит т. Сталин, — признают возможность построения социализма в СССР, но, «признавая формально возможность построения социализма, они не хотят признавать тех путей и средств борьбы, без которых невозможно построить социализм»... Поэтому «выходит, что правые уклонисты скатываются на деле на точку зрения отрицания возможности построения социализма в нашей стране».

Правые не отрицают возможность вовлечения основных масс крестьянства в дело построения социализма в деревне. Но, признавая ее формально, они вместе с тем отрицают те пути и средства, без которых невозможно вовлечение крестьянства в дело построения социализма. Поэтому «выходит, что правые уклонисты на деле скатываются на точку зрения отрицания возможности вовлечения основных масс крестьянства в дело построения социализма.

Этим, собственно, и об'ясняется тот факт, что свои петушиные бои с троцкистами правые уклонисты обычно увенчивают закулисными переговорами с троцкистами насчет блока с ними.

Основное зло правого оппортунизма состоит в том, что он разрывает с ленинским пониманием классовой борьбы и скатывается на точку зрения мелкобуржуазного либерализма.

Не может быть сомнений, что победа правого уклона в нашей партии означала бы полное разоружение рабочего класса, вооружение капиталистических элементов в деревне и нарастание шансов на реставрацию капитализма в СССР.

Сила правого оппортунизма состоит в силе мелкобуржуазной стихии, в силе напора на партию со стороны капиталистических элементов вообще, со стороны кулачества — в особенности. И именно потому, что правый уклон отражает сопротивление основных элементов отживающих классов, именно поэтому правый уклон есть основная опасность нашего времени в партии (Сталин, стр. 74—75).

Линия правых означает линию уступок кулаку, линию усиления капиталистических элементов хозяйства. Линия правых — кулацкая линия, линия, приводившая к сдаче позиций классовому врагу.

В практике проведения коллективизации мы имели извращения линии партии со стороны «левых» загибщиков, отступивших от ленинского отношения к среднему крестьянству, пытавшихся возродить троцкистское отношение к середняку. «Политика укрепления союза с середняком при опоре на бедноту и беспощадной борьбе с кулачеством стала подменяться насквозь враждебной ленинизму политикой командования в отношении середняка» (Обращение ЦК). Ошибки и извращения «левых» загибщиков выразились «в применении мер принуждения и насилия в отношении середняков и бедняков при построении колхозов; в обобществлении у членов артелей мелкого скота и коров, имеющих потребительское значение; в перенесении на незерновые районы темпов коллективизации, оправдавших себя на опыте и пред-

усмотренных решениями ЦК только в отношении зерновых районов; в скороспелом создании коммун без соответствующей материальной и организационной подготовки; в создании под видом колхозов-«гигантов» безжизненно-бюрократических организаций, построенных на началах командования; в задержке предназначенных правительством для колхозов кредитов и лишении колхозников предоставленных правительством льгот; в грубом администрировании по отношению к колхозам и колхозникам и замене выборности назначенчеством, командованием сверху; в затирании середняка и неиспользовании его хозяйственного опыта; в перенесении на середняка мер борьбы, направленных против кулака («раскулачивание», лишение избирательных прав и т. п.)» (резолюция с'езда).

Если бы эти ошибки и извращения не были своевременно исправлены решениями ЦК партии и статьями тов. Сталина,—«это грозило бы срывом дела коллективизации сельского хозяйства, подрывом самой основы Советского государства — союза рабочего класса с крестьянством».

Необходимо и впредь продолжать беспощадную борьбу с «левыми» антисередняцкими перегибами, играющими на руку кулаку и правому оппортунизму в настоящее время больше, чем когда-либо.

Только последовательная и решительная борьба и победа партии над троцкистами и правыми оппортунистами, только решительная борьба против «левых» настроений, «левых» загибщиков, представляющих «некоторую, правда, бессознательную попытку возродить у нас традиции троцкизма на практике, возродить троцкистское отношение к среднему крестьянству» (Сталин), только решительная борьба с примиренчеством к правым и «левым» дала возможность партии смело проводить ленинскую политику.

Необходимо и впредь продолжать непримиримую борьбу на два фронта как с правым оппортунистическим уклоном — главной опасностью в данный период — представляющим «мелкобуржуазный либерализм», так и с «левыми» шатаниями и загибами, представляющими «мелкобуржуазный радикализм». Необходимо продолжать и впредь непримиримую борьбу с примиренчеством к правым и «левым» оппортунистам, продолжать непримиримую борьбу «с теми примиренческими элементами в партии, которые не понимают или делают вид, что не понимают, необходимости решительной борьбы на два фронта» (Сталин, стр. 75).

Только ленинская политика ЦК обеспечила решающие успехи в деле социалистической реконструкции промышленности и сельского хозяйства и создала возможность развернутого наступления социализма на капиталистические элементы по всему фронту. Главное в этом наступлении состоит «в усилении темпа развития нашей промышленности, в усилении темпа развития совхозов и колхозов, в усилении темпа экономического вытеснения капиталистических элементов города и деревни, в мобилизации масс вокруг социалистического строительства, в мобилизации масс против капитализма» (Сталин, стр. 46).

Значительная часть середняцкой массы в важнейших зерновых районах повернула на социалистический путь. «Тем самым не только теоретически доказана, но и проверена на опыте миллионов людей возможность при диктатуре пролетариата непосредственного перехода от отсталого, малопроизводительного мелкого и мельчайшего индивидуального крестьянского хозяйства к крупному, коллективному, высокопроизводительному хозяйству» (резолюция с'езда).

Крупнейшие успехи социалистической реконструкции в промышленности и сельском хозяйстве, массовое развитие совхозов и колхозов, начавшаяся ликвидация кулачества как класса меняет «самое соотноше-

ние различных экономических укладов в хозяйстве СССР, поскольку вдобавок к социалистическому укладу, представленному промышленностью, вырастает социалистический в сельском хозяйстве СССР, вытесняющий капиталистический уклад.

Социалистические отношения в СССР, опиравшиеся до сих пор, почти исключительно на социалистическую промышленность, отныне начинают опираться также и на быстро растущий социалистический сектор (крупные производства в виде колхозов и совхозов) в сельском хозяйстве» (из резолюции с'езда). Тем самым «открывается возможность преодоления величайшей трудности пролетарской революции» социалистической переделки мелкотоварных отношений, выкорчевывание глубочайших корней капитализма. Основной формой колхоза на данном этапе является артель.

Мы имеем теперь громадные классовые сдвиги в нашей стране. По-новому стоит вопрос об опоре советской власти в деревне. «Отныне в важнейших зерновых районах СССР деревня делится на две основные части: на колхозников, являющихся действительной и прочной опорой советской власти, и на не-колхозников из бедноты и середняков, пока еще не желающих войти в колхозы, но которых массовый опыт колхозов, несомненно, убедит в относительно кратчайшие сроки в необходимости вступить на путь коллективизации» (из резолюции с'езда).

Проведение сплошной коллективизации и, на ее основе, ликвидации кулачества как класса означает выкорчевывание последних корней капитализма, уничтожение последнего капиталистического класса. Делается решающий шаг к уничтожению классов, к социализму.

XVI с'езд ВКП(б) дал план прямого развернутого наступления социализма по всему фронту. Он наметил грандиозные перспективы социалистической реконструкции в области промышленности и сельского хозяйства. Это выразилось ярче всего в плане завершения в основном к концу пятилетки сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР и на ее основе ликвидации кулачества как класса, и в громадном плане развития совхозов. С'езд наметил гигантский темп развития социалистической промышленности, особенно черной металлургии и промышленности, производящей орудия и средства производства. Вместе с тем решающие успехи в деле развития тяжелой индустрии дают возможность одновременно с форсированным развитием тяжелой промышленности форсировать и развитие легкой промышленности. Социалистическая реконструкция промышленности и сельского хозяйства выдвигает центральный вопрос — подготовку новых, пролетарских кадров специалистов и научных работников для промышленности и сельского хозяйства.

Каждый шаг развития социалистической реконструкции означает собой жестокую классовую борьбу с капиталистическими элементами нашего хозяйства, принимающую самые разнообразные и самые ожесточенные формы. Необходимо неуклонно проводить политику ликвидации кулачества как класса, беспощадно подавляя классовое сопротивление кулачества и всех капиталистических элементов.

Успешное выполнение задач, выдвинутых с'ездом, невозможно без продолжения самой непримиримой борьбы на два фронта: против правого оппортунизма, являющегося основной опасностью в данный период, и против «левых» загибов, и против примиренчества к тем и другим. Необходимо бороться против оппортунистических попыток отказа от сплошной коллективизации сельского хозяйства и против снижения темпов развития социалистической индустрии.

XVI партийный с'езд, наметив грандиозные перспективы в деле строительства социализма, в деле развернутого наступления социализма против элементов капитализма по всему фронту, тем самым определил те задачи, которые стоят перед марксизмом-ленинизмом на теоретическом фронте.

Развернутое наступление социализма по всему фронту выдвигает необходимость развернутого наступления марксизма на идеологическом фронте против всех форм и проявлений буржуазной идеологии, необходимость подчинения всех наук методологическому руководству марксизма, мобилизации марксистско-ленинской философии и под ее руководством всех конкретных наук и на службу социалистическому строительству и, на этой основе, — грандиозного развития научного знания под руководством диалектического материализма.

Марксистская теоретическая мысль вообще, и в частности марксистская философская мысль, должна быть орудием партии в деле строительства социализма, в деле борьбы за генеральную линию партии, должна давать ответ на вопросы, выдвигаемые партией.

Марксистская теория, марксистская философия должна сосредоточить свое внимание на исследовании новых общественных отношений, новых общественных явлений, рождающихся в ходе социалистического строительства. Она должна вскрывать законы их движения, основные тенденции их развития, познание которых дает возможность научного предвидения, дает руководство и ясность перспективы для политического действия. Теоретическое исследование новых отношений, складывающихся в процессе социалистического строительства, должно, — говорил т. Сталин, — не только поспевать за практикой, но опережать ее, «вооружая наших практиков в их борьбе за победу социализма», давая практикам «силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела». Марксистская философия должна, поэтому, быть орудием борьбы против теоретических взглядов правых и «левых» оппортунистов, разбивая вдрах всякие отступления от ленинизма.

Практика социалистического строительства создала ряд новых отношений и явлений, научного исследования и обобщения которых не дала наша теоретическая мысль. В области исторического материализма мы застряли на повторении общих формул. Попытки исследования новых отношений чаще всего ограничиваются поверхностным описанием явлений. Нет действительно научного, глубокого исследования внутренней связи и закономерностей развития, внутренней диалектики новых общественных отношений и явлений, нет исследования проблем исторического материализма в условиях переходного и, в особенности, реконструктивного периода. Поэтому положение т. Сталина о том, «что за нашими практическими успехами не поспевает теоретическая мысль, что мы имеем некоторый разрыв между практическими успехами и развитием теоретической мысли», полностью и целиком относится к характеристике положения на философском фронте. Отставание в разработке проблем исторического материализма с особой силой проявилось в реконструктивный период, когда в практике социалистического строительства с необычайной быстротой создаются новые отношения и закономерности общественного развития.

Дать действительно-научное исследование развития новых общественных отношений — дело громадной трудности, требующее теоретического обобщения громадного материала и большого напряжения мысли: иначе мы

получим или поверхностное эмпирическое описание или повторение общих формул, в которые будет втиснут ряд взятых с поверхности примеров. Но именно трудность этого дела и большое отставание теоретической мысли как раз и диктуют необходимость решительного поворота к разработке этих проблем.

Реконструктивный период, те задачи, которые выдвинуты XVI партийным с'ездом, требуют исследования ряда проблем.

В реконструктивный период с особою четкостью выступает изменение в соотношении классов и классовая борьба, а также диалектика производительных сил и производственных отношений.

Социал-демократическая точка зрения на производственные отношения как пассивный рефлекс производительных сил разбивается впрах на повседневном опыте нашей революции. Ленин в гениальных заметках «О нашей революции» со всей силой подчеркнул роль производственных отношений и советского государства в развитии производительных сил. Производственные отношения, являющиеся общественной формой, в которой и посредством которой совершается развитие производительных сил, выражает особые закономерности этого развития для каждой общественно-экономической формации. В переходный период мы имеем три основных общественно-экономических уклада: социалистический, капиталистический, мелкотоварный, с различными соответствующими им закономерностями, формами, темпами развития и уровнем производительных сил, с соответствующей им связью между различными моментами производительных сил. Если труд, орудие труда и предмет труда являются необходимыми элементами всякого производства, то та особая форма, в которой соединяются между собою эти элементы производительных сил, дает общественную форму движения производительных сил, дает производственные отношения и, следовательно, своеобразие законов развития производительных сил.

В мелкотоварном производстве орудие производства, так сказать, непосредственно «срастается» с производителем. Размеры орудия труда определяются и ограничиваются мощностью труда одного человека или семьи, владеющей ими и обслуживающей их. Мелкотоварные производственные отношения не дают простора для развития производительных сил. Развитие производительных сил вело исторически к капиталистическим производственным отношениям. Развитие производительных сил было невозможно без разрыва непосредственного «срастания» производителя и средств производства, свойственного простому товарному хозяйству. Орудия труда, оторванные от рабочей силы и поэтому не ограниченные в своем развитии производительной мощностью одного работника или семьи, имеют возможность гигантского развития на основе кооперации труда. Но разорванные моменты производительных сил сами являются производительной силой только в потенции. Для того, чтобы они стали действительной производительной силой, чтобы был возможен процесс производства, необходимо эти разорванные, противопоставленные друг другу противоположные моменты производительных сил об'единить в единстве. Капиталистические производственные отношения и являются той общественной формой связи, которая разрывает и противопоставляет и вместе с тем об'единяет разорванные таким образом моменты производительных сил, дает особую форму их движения. Капиталистическая форма движения производительных сил имеет специфические закономерности, вскрытые Марксом в «Капитале», свой особый темп, особые стимулы движения, определенную форму труда и вместе с тем особое отношение и роль различных моментов производительных сил. Рабочая сила порабощается орудиями труда.

Капиталистическая форма движения производительных сил означает собою воспроизводство разрыва между рабочей силой и средствами труда.

Это обуславливает собою возможность гигантского развития производительных сил и вместе с тем ограниченность этого развития, неразрывно связанную с такими существеннейшими моментами капитализма как противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения, погоня за прибылью, анархия, разрыв производства и потребления, кризисы, непроизводительные расходы и пр. Капиталистическое производство вынуждено в силу своих собственных имманентных законов «с одной стороны так развить свои производительные силы, как будто оно не является производством на ограниченной общественной основе; с другой стороны оно может их опять-таки развить лишь в рамках этой ограниченности» (Маркс).

Разрыв между рабочей силой и средствами труда, определяющий возможность громадного развития производительных сил при капитализме и вместе с тем ограниченную форму и темпы этого развития, определяет также и границы этого развития. Развитие производительных сил выдвигает необходимость уничтожения разрыва между средствами труда и рабочей силой. Борьба классов, представляющих разорванные моменты производительных сил, в форме которой протекает весь процесс производства, уничтожает капиталистическую форму производственных отношений и с нею разрыв между элементами производительных сил.

Обобществление средств производства уничтожает специфическую ограниченность развития производительных сил, свойственную капитализму, открывает возможность неограниченного развития производительных сил. Социалистические производственные отношения, отражающие новую форму связи элементов производительных сил, дают и новые закономерности, новые формы, новые темпы развития производительных сил. Социализм создаст новый, не только количественно более высокий, но и качественно иной тип производительных сил и вместе с тем иное отношение, иную роль элементов производительных сил. Человек сознательно руководит орудиями труда. Громадной задачей, стоящей перед общественной наукой, является исследование закономерностей социалистической формы развития производительных сил.

Все эти три социально-экономических уклада,—социалистический, капиталистический и мелкотоварный, с соответствующими им закономерностями, формами и темпами развития производительных сил,—переплетаются в переходный период, рождая две тенденции развития: социалистическую и капиталистическую. Переходный период есть «период борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом». Задача диктатуры пролетариата — руководить борьбой социализма против капитализма, руководить социалистической переделкой мелкого товарного хозяйства. Экономика России в эпоху диктатуры пролетариата,—писал Ленин в 1918 г.,—«представляет из себя борьбу первых шагов коммунистически об'единенного— в едином масштабе громадное государство—труда с мелким товарным производством и с сохранившимся, а равно и возрождающимся на его базе капитализмом» (Ленин). Трем общественно-экономическим укладам: социалистическому, мелкотоварному и капиталистическому соответствуют представляющие их классы: пролетариат, мелкая буржуазия (особенно крестьянство) и капиталисты. Каждый из этих классов видоизменился в эпоху диктатуры пролетариата, изменилось и отношение между ними.

Пролетариат из угнетенного, лишенного всякой собственности на средства производства класса при капитализме, становится господствующим классом. Он держит в руках государственную власть и распоряжается обобществленными средствами производства. Пролетариат подавляет возросшее сопротивление капиталистов, руководит крестьянством и другими колеблющимися промежуточными элементами. Это новые задачи классовой борьбы, которые пролетариат не мог перед собой ставить раньше.

Класс капиталистов экспроприирован, лишен средств производства, но он еще окончательно не уничтожен. Капитализм постоянно вырастает из мелкого товарного производства. Пока крестьянское хозяйство остается мелкотоварным, «мы имеем в нем чрезвычайно широкую, имеющую очень глубокие, очень прочные корни, базу капитализма. На этой базе капитализм сохраняется и возрождается вновь — в самой ожесточенной борьбе с коммунизмом» (Ленин).

У капитализма «осталась международная база, международный капитал, отделением коего он является».

После экспроприации капиталистов, капиталисты продолжают самую непримиримую, самую жестокую борьбу.

Крестьянство, как и всякая мелкая буржуазия вообще «занимает и при диктатуре пролетариата среднее, промежуточное положение» (Ленин). Двойственность социальной природы крестьянства неизбежно вызывает колебания его между пролетариатом и буржуазией. Пролетариат должен повести за собой крестьянство в борьбе против городской и деревенской буржуазии за социалистическое переустройство сельского хозяйства и уничтожение классов.

Классовая борьба в переходный период не исчезает. Она принимает новые формы, поднимается на более высокую ступень.

Социализм есть уничтожение классов.

Чтобы уничтожить классы, необходимо, во-первых, свергнуть помещиков и капиталистов, экспроприировать их, во-вторых, «уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделать всех работниками» (Ленин).

Противоречие между буржуазией и пролетариатом имеет характер антагонизма. Разрешение его возможно только через экспроприацию буржуазии и подавление сопротивления в жестокой классовой борьбе. Капиталистические промышленные предприятия можно было превратить в предприятия последовательно социалистического типа через прямую экспроприацию капиталистов, через уничтожение, таким образом, разрыва между производителями и орудиями труда.

Но, свергнув капиталистов, пролетариат делает лишь первый шаг по пути социалистического строительства. Остается мелкое товарное хозяйство, являющееся глубочайшей основой капитализма. Социалистическая его переделка составляет вторую и труднейшую задачу социалистического строительства. Переделать мелкое хозяйство, уничтожить разницу между рабочим и крестьянином нельзя свержением одного какого-нибудь класса. «Ее можно решить только организационной перестройкой всего общественного хозяйства, переходом от единичного, обособленного мелкого товарного хозяйства к общественному крупному хозяйству. Такой переход по необходимости чрезвычайно длителен. Такой переход можно только замедлить и затруднить торопливыми и неосторожными административными законодательными мерами. Ускорить этот переход можно только такой помощью крестьянину, которая бы давала ему возможность в громадных размерах улучшить всю земледельческую технику, преобразовать ее в корне.

Чтобы решить вторую, труднейшую часть задачи, пролетариат, победивший буржуазию, должен неуклонно вести следующую основную линию в своей политике по отношению к крестьянству: пролетариат должен разделять, разграничивать крестьянина-трудящегося от крестьянина-собственника — крестьянина-работника от крестьянина-торгаша, крестьянина-труженика от крестьянина-спекулянта.

В этом разграничении вся суть социализма» (Ленин, т. XVII, стр. 352).

Пролетариат устанавливает различные типы отношений, различную политику по отношению к различным социальным группам крестьянства.

Отсюда ленинский лозунг: опоры на бедноту, союза с середняком, беспощадной борьбы с кулаком. Отношение между пролетариатом и кулачеством, составляющим часть класса капиталистов, есть отношение антагонизма. Но кулачество не может быть полностью экспроприировано, ликвидировано как класс, пока существует мелкотоварное крестьянское хозяйство, ибо оно постоянно вырастает из этого хозяйства. Поэтому пролетариат вначале проводит политику ограничения и вытеснения кулачества. Лишь проведение сплошной коллективизации сельского хозяйства, создающей условия для разрешения сложнейшей задачи пролетарской революции: уничтожения разницы между пролетариатом и крестьянством, делает возможным проведение ликвидации кулачества как класса. Крестьянин-труженик, работник и крестьянин-собственник, торговец — это не только полосы, представляемые различными слоями крестьянства. В реальной жизни эти противоречивые черты сливаются в одно целое. Крестьянин как мелкий буржуа двойственен по самой своей природе. Это обуславливает чрезвычайную сложность отношений между пролетариатом и крестьянством.

Отношение между двумя основными классами переходного периода: пролетариатом и крестьянством тем отличается от отношений между основными классами в классовых общественно-экономических формациях, что крестьянство и пролетариат не являются классами антагонистами единой общественно-экономической формации. Они представляют два различных общественно-экономических уклада: социалистический и мелкотоварный. Но вместе с тем эти два общественно-экономических уклада являлись составными частями единого хозяйства. Это создает внутренние связи и зависимость между ними.

Отношение между пролетариатом и крестьянством не есть отношение антагонизма, но оно и не является только отношением простого различия.

Между пролетариатом и основными массами крестьянства мы имеем общность по коренным вопросам развития. Отношения между ними есть отношения союза, включающего в себя противоречия и борьбу против частно-собственнических тенденций.

В мелкотоварном хозяйстве мы еще не имеем отрыва производителей от средств производства. Крестьянин является не только собственником, он является в то же время и работником. Здесь мы имеем еще непосредственное «срастание» производителей и средств производства. Задача диктатуры пролетариата—активно руководить процессом развития производительных сил в деревне. Стихийная тенденция развития производительных сил здесь есть капиталистическая тенденция отрыва производителей от средств производства. Задача диктатуры пролетариата — на основе развития социалистической промышленности бороться против капиталистической тенденции развития производительных сил, происходящей через разрыв производителей от средств производства. Наличие советской власти и социалистической промышленности создает возможность преодоления этой стихийной капиталистической тенденции крестьянского хозяйства. Воздействие социалистической промышленности на сельское хозяйство создает новый, невиданный путь развития сельского хозяйства. Развитие производительных сил пойдет не путем отрыва средств производства от производителей, а путем кооперации труда вокруг крупных средств производства, создаваемых крупной социалистической промышленностью. Основное содержание переходного периода есть социалистическая переделка мелкотоварного хозяйства, основное отношение есть отношение между мелкотоварным укладом и социалистическим, между крестьянством и пролетариатом. Сложнейшие формы взаимодействия и противоречий между этими двумя укладами, взаимоотношение которых определяет форму движения к социализму, создает невиданную форму движения, форму некапиталистического развития сельского хозяйства. Абсолютно

неправильно рассматривать отношение между социалистическим и мелкотоварным укладом как внешнее столкновение независимо одна от другой развивающихся двух противоположно направленных сил, играющих равную роль в этом взаимодействии. Неправильно рассматривать направление развития нашего хозяйства как стихийную равнодействующую такого «взаимодействия». Социалистический сектор является ведущим началом в развитии хозяйства. Опираясь на него, пролетариат активно воздействует на развитие сельского хозяйства, социалистически переделывает его, борется против капиталистических элементов и против капиталистической тенденции развития сельского хозяйства. План является регулятором развития нашего хозяйства. Все это выдвигает колоссальную роль пролетарского государства в развитии экономики. Реконструкция промышленности создает необходимые предпосылки и вместе с тем выдвигает необходимость социалистической реконструкции сельского хозяйства. Социалистическая промышленность и мелкотоварное крестьянское хозяйство, представляющие два социально-экономических уклада, с различными закономерностями, с различными темпами, различными формами движения производительных сил, являются частями единого хозяйственного целого. Развитие промышленности переплетается с развитием сельского хозяйства. Социалистическая форма движения производительных сил обусловила гигантские, невиданные при капитализме темпы развития промышленности, тогда как мелкотоварные производственные отношения не дают возможности развития производительных сил. Без социалистической переделки крестьянского хозяйства невозможно дальнейшее развитие производительных сил.

И троцкисты, и правые не понимают тесной связи в развитии промышленности и сельского хозяйства, не понимают двойственной природы крестьянина, не умеют отделить крестьянина-собственника от крестьянина-труженика. Троцкисты, видя в крестьянине только собственника, видя только противоположность его с пролетариатом, рассматривали промышленность и крестьянское хозяйство как самостоятельно развивающиеся внешние противоположные силы, между которыми неизбежно столкновение. Отсюда теория о «колонии», об эксплоатации, о невозможности построения социализма в нашей стране. Правые, видя в крестьянине только труженика, забывая о капиталистических тенденциях развития сельского хозяйства, стирая грань между социалистическим и мелкотоварным укладом, выдвигая теорию врастания кулака в социализм, рассматривали промышленность и сельское хозяйство как две самостоятельных платформы, параллельно катящиеся к социализму. В первый этап переходного периода мы имеем разрушенную промышленность, отсутствие значительного социалистического сектора в сельском хозяйстве, рост нэпмана в городе, рост кулачества в деревне. Ленин говорил тогда лишь о первых шагах коммунистической организации труда. Нужно было в о с с т а н о в и т ь социалистическую промышленность, укрепить за ней ведущую роль в развитии хозяйства, чтобы на этой основе перейти к социалистической реконструкции самой промышленности и всего народного хозяйства. Этот процесс изменял соотношения между социально-экономическими укладами, все более усиливал социалистический сектор и его ведущую роль.

В реконструктивный период в первую очередь произошло почти полное вытеснение капиталистического сектора в промышленности. Социалистическая промышленность получила полное господство. Быстрое развитие социалистической индустрии дает основу для социалистической реконструкции мелкотоварного крестьянского хозяйства и ликвидации капиталистических элементов в сельском хозяйстве «Ключем реконструкции сельского хозяйства является быстрый темп развития нашей индустрии» (Сталин). Проведение сплошной коллективизации сельского хозяйства и на ее основе ликвидации кулачества, как класса, означает новый этап в развитии революции: революция подошла к решению второй и труднейшей своей задачи социали-

стической переделки мелкотоварного уклада, выкорчевыванию последних и самых глубоких корней капитализма. Тем самым,— говорит т. Сталин,— «мы уже вышли из переходного периода в старом его смысле, вступив в период прямого и развернутого социалистического строительства по всему фронту». Коренным образом меняется соотношение между социально-экономическими укладами и классами. «Некоторые из этих укладов как устарелые уже идут ко дну, а один из этих укладов, а именно новый уклад в области промышленности и сельского хозяйства, растет и развивается с невиданной быстротой» (Сталин). Вырастает новая форма производственных отношений в колхозном движении. С особенной силой проявляется руководящая роль социалистического сектора. «Социалистический сектор держит теперь в руках все хозяйственные рычаги народного хозяйства» (Сталин). Плановое начало в развитии хозяйства, социалистические закономерности играют все более и более доминирующую роль.

Вместе с тем, именно в реконструктивный период наиболее ярко проявляется активная роль производственных отношений в развитии производительных сил. Социалистическая индустрия дает невиданные при капитализме темпы развития, доказывая тем, что социализм дает новую, более высокую производительность труда. Этим создается основа для победы нового строя.

Создание новой формы производственных отношений в деревне — колхозы (само возникновение лишь благодаря определенному уровню развития индустрии) создает невиданные возможности для освоения техники в сельском хозяйстве и создает громадные предпосылки для развития промышленности, для развития производительных сил вообще. Развитие колхозов ясно показывает, как новая социальная форма дает могучий простор развитию производительных сил и вместе с тем рост производительных сил будет обусловливать переход к высшим социальным формам. Исследование диалектики производительных сил и производственных отношений, начиная от низших до высших форм колхозов, до последовательно социалистических отношений, исследование социальной формы различных ступеней колхозного движения является одной из важнейших задач в области исторического материализма. Здесь рушится теория правых, не понимающих активной роли производственных отношений и роли рабочей силы и выдвигающих один технический момент. При проведении коллективизации даже простое сложение имеющихся средств производства дает большое увеличение производственных возможностей. Правооппортунистические утверждения о невозможности начать коллективизацию, пока не будет полностью дана новая техника, разбиты практикой коллективизации. Но вместе с тем практикой коллективизации разбиты и «левые» загибы, которые на ряду с отступлением от ленинского понимания отношения к середняку, с попыткой «возродить троцкистское отношение к среднему крестьянству», показали непонимание связи социальной формы с определенными производительными силами, непонимание роли социалистической индустрии в развитии колхозного движения, непонимание роли орудий труда в развитии самих производительных сил, впали в суб'ективизм, забегая вперед, перепрыгивая через этапы развития (через артель).

Проведение и закрепление сплошной коллективизации выдвигают необходимость гигантского развития производительных сил в сельском хозяйстве и во всем хозяйстве вообще.

Если нарождающиеся социалистические производственные отношения дают невиданный простор для развития производительных сил, то полное развитие этих отношений возможно только с ростом этих производительных сил, с созданием нового уровня и нового типа производительных сил. В переходный период мы имеем создание новой техники и изменение характера самой рабочей силы, рост ее технической подготовки, рост новых форм труда.

Развитие производительных сил, социалистическая реконструкция производственных отношений ведет к изменению самого пролетариата и крестьянства, к превращению их в работников, ведет к уничтожению разделения труда между городом и деревней, как и всякого разделения труда.

Социалистическая реконструкция, наступление социализма на капиталистические элементы ведет к обострению классовой борьбы с ними, к изменению форм классовой борьбы, к изменению соотношения между классами. Переход от политики ограничения эксплоататорских тенденций и вытеснения кулака к политике ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации, означающее поворот в развитии нашей революции, означает коренное изменение в отношении классов. Проведение сплошной коллективизации означает переделку самого крестьянства. Уже на данном этапе середняк, входя в колхоз, становится опорой советской власти. Создаются коренные условия для выкорчевывания последних корней капитализма, для уничтожения классов. Социалистическое соревнование, ударничество, развитие социалистических форм труда показывают новые сдвиги в самом пролетариате.

Вместе с тем усиливается классовая борьба всех капиталистических элементов, с особой силой проявляются такие формы борьбы как вредительство. Опыт классовой борьбы в нашей революции опровергает либеральное понимание классовой борьбы в переходный период «правыми» оппортунистами, показывает, что классы могут быть уничтожены только в классовой борьбе.

Таким образом, перед нами стоит задача исследования закономерностей развития производительных сил в реконструктивный период, диалектики производительных сил и производственных отношений, соотношения различных социально-экономических укладов и соответствующих им закономерностей развития, соотношения стихии и плана, методологии планирования, отмирания одних и нарождения других закономерностей общественного развития, возникновения социалистических форм труда. Необходимо уделить особое внимание исследованию социалистической реконструкции мелкотоварного крестьянского хозяйства, исследованию социально-экономического характера различных ступеней колхозов, диалектики производительных сил и производственных отношений в развитии от низших форм колхозов к высшим до последовательно социалистических отношений.

Перед нами стоят громадные задачи исследования соотношения основных классов в нашей революции, форм классовой борьбы при диктатуре пролетариата, обострения классовой борьбы в реконструктивный период, изменения классов и соотношения классов в реконструктивный период, проблема уничтожения классов, ликвидация кулачества как класса, переделка крестьянства, уничтожение разницы между пролетариатом и крестьянством, середняк как опора советской власти и т. д.

На ряду с этим стоит исследование таких проблем как партия и класс в реконструктивный период, соотношение экономики и политики, исследование громадной роли пролетарского государства в перестройке экономики и в развитии производительных сил; советское государство в реконструктивный период и отмирание государства, проблема культурной революции и национальной культуры в переходный период, переходный период и первая фаза коммунизма.

До тех пор, пока обобществленной социалистической промышленности противостоит мелкое товарное хозяйство, стихийность в общественных отношениях продолжает играть роль. Вместе с социалистической переделкой крестьянского хозяйства мы все больше подходим к полному построению социализма, к полному превращению «слепой» необходимости общественного развития в сознательное дело самих производителей. Тем самым коренным обра-

зом изменяется ряд общественных отношений и явлений. Уже теперь необходимо поставить исследование связанных с этим изменений общественных связей и отражающих их категорий исторического материализма и предвидеть характер этого изменения: соотношение индивида и общества, свободы и необходимости, изменение форм идеологии, о новой роли различных форм идеологии, отмирание некоторых надстроек, новое соотношение между надстройками, соотношение надстроек и базиса, новые формы противоречий общественного развития и т. д.

Исследование проблем исторического материализма не возможно без усвоения всего теоретического наследства Ленина, работы которого поднимают исторический материализм на новую более высокую ступень, а также без изучения опыта революции после Ленина, теоретически обобщенного в работах т. Сталина и в постановлениях ЦК и с'ездов партии. Теоретическое исследование проблем истмата в условиях реконструктивного периода потребует преодоления различных буржуазных теорий, а также троцкистских, правооппортунистических и «лево»оппортунистических теорий.

XVI партс'езд поставил задачу громадного развития производительных сил промышленности, полную техническую революцию в сельском хозяйстве, большое развитие химизации и электрификации нашей страны. Это требует освоения нами всех новейших достижений капиталистической техники, а затем и дальнейшее развитие производительных сил, на недосягаемую при капитализме высоту. Социализм создаст новый тип производительных сил.

Овладение техникой и ее дальнейшее развитие невозможно без создания своих кадров и без овладения всеми положительными достижениями современного естествознания. Проблема кадров «становится центральной задачей социалистического строительства». Задачами социалистического строительства, задачами социалистической реконструкции выдвигается необходимость овладения пролетариатом современным естествознанием.

Но задача не сводится к простому усвоению естествознания. Буржуазные ученые навязывают современному естествознанию метафизическую и идеалистическую философскую основу. Глубочайший кризис современного естествознания, на котором паразитируют различные идеалистические и чисто-мистические направления, имеет своей основой кризис метафизической методологии, противоречащий положительному содержанию естествознания. Только синтез результатов современного естествознания на основе диалектического материализма выведет современное естествознание из кризиса, уничтожит метафизические и идеалистические направления в нем.

Перед марксизмом стоит задача подчинения естественных наук методологическому руководству марксизма. Эта задача была с особенной силой выдвинута, вслед за Энгельсом, Лениным.

Социалистическая реконструкция, создание новых кадров с особенной силой ставит теперь задачу «экспансии» марксизма в область естествознания. И по мере дальнейшего развития производительных сил, создания кадров, приобщения к науке и технике миллионных масс необходимо полное овладение марксизмом естествознания, дальнейшее развитие естествознания под руководством марксизма. Социализм создает невиданный при капитализме уровень техники и науки. Нужно поставить своей задачей преодолеть отставание между темпом развития социалистической реконструкции и степенью подчинения наук методологическому руководству марксизма, а в дальнейшем следить за тем, чтобы отставание теории не затормозило развития производительных сил.

Необходимость «экспансии» марксизма в область естествознания, выдвигаемая самим ходом социалистической реконструкции, является одним из важнейших моментов культурной революции, одной из форм классовой борьбы между социализмом и капитализмом на фронте теории.

Создание социалистических производственных отношений не возможно без грандиозной культурной революции, без победы марксизма над буржуазным мировоззрением. Фронт идеологии становится одним из серьезнейших участков классовой борьбы. Естествознание и еще более обществознание и философия являются оружием классовой борьбы буржуазии против пролетариата. Марксистско-ленинская философия, исторический материализм являются классовым оружием пролетариата, они партийны по своему существу. **Развернутое социалистическое наступление на капитализм требует развернутого наступления марксизма против всех форм буржуазной идеологии,** требует борьбы против религии, против идеализма и метафизики, против буржуазной общественной науки, против идеалистических и метафизических направлений в естествознании, против всех форм буржуазной идеологии вообще.

Пролетариат совершает великий революционный переворот в области идеологии: на место буржуазного мировоззрения ставит марксистское мировоззрение. Это предполагает: 1) усвоение всех знаний, накопленных человечеством, ибо новое мировоззрение, новая культура «является закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества» (Ленин); 2) критическую переработку всех этих знаний, всех наук на основе диалектического материализма; 3) гигантское движение их вперед под руководством диалектического материализма. Только такое подчинение всех наук, в том числе и наук о природе, методологическому руководству марксизма, только такая перестройка наук и их дальнейшее могучее развитие на основе диалектического материализма—обеспечит полное торжество марксистского мировоззрения над буржуазным мировоззрением, обеспечит победу пролетариата в культурной революции.

Нарождение буржуазных общественных отношений сопровождалось в свое время целой революцией в области идеологии, переворотом в мировоззрении, нарождением новых наук.

Социалистическая революция несет с собою методологический переворот в научном знании, новое мировоззрение, отмирание ряда форм идеологии, перестройку наук, создание новых отраслей науки. Она открывает собою гигантский рост научного знания на основе диалектического материализма.

Развернутое наступление против буржуазной идеологии, овладение всем научным знанием и подчинение его методологическому руководству марксизма означает необходимость руководства со стороны марксистской философии другими науками. Необходимо участие философов в разработке методов конкретных наук, в борьбе против идеалистических и механистических направлений и тенденций в этих науках.

Буржуазия с особенной силой использует науку в своих класовых целях, как оружие классовой борьбы. Задача овладения наукой, проведение «революции» в области научного знания, завоевание руководства всеми конкретными науками, дальнейшее развитие их под руководством марксизма становится актуальной задачей.

В реконструктивный период с гигантской быстротой создаются новые общественные отношения, связи, закономерности, происходит громадный рост производительных сил, с громадной силой развертываются и обнажаются противоречия. Мы имеем общее наступление социализма по всему фронту. Это выдвигает необходимость исследования новых общественных отношений и связей, задачу подчинения естествознания методологическому руководству марксизма, борьбу против всех форм буржуазной идеологии, общее наступление марксизма по всему фронту. Выполнение этих задач невозможно без дальнейшей разработки метода — материалистической диа-

лектики. Именно в реконструктивный период разработка теории диалектики становится более актуальной, чем когда бы то ни было.

«Диалектика есть душа марксизма», говорит т. Сталин. «Беда наших уклонистов в том, что они не понимают и не хотят понять марксовой диалектики» (Сталин).

Теория диалектики есть тот узел в области философии, в котором связываются все важнейшие вопросы теории и практики борьбы пролетариата в нашу эпоху. Разработка теории диалектики есть для философии то основное задание, которое ставит перед нею ход классовой борьбы и строительства социализма.

Разработка материалистической диалектики остается основной задачей на философском фронте. Но на различных этапах развития возникают новые проблемы, подлежащие теоретическому осмысливанию, и исследование которых дает новый материал для разработки самой диалектики. Новый этап революции выдвигает перед теоретической мыслью необходимость теоретического исследования новых общественных отношений, создающихся в реконструктивный период, выдвигает перед философами задачу исследования проблем исторического материализма в условиях реконструктивного периода. Необходимость исследования этих проблем и имевшее место отставание в их разработке требуют решительного поворота теории диалектики к исследованию грандиознго глубочайшего диалектического содержания нашей революции и международного движения пролетариата и на этой основе—обогащение теории диалектики, поднятие ее разработки на более высокую ступень.

Абсолютно неправильно противопоставлять разработку проблем реконструктивного периода разработке теории диалектики. Абсолютно неправильно рассматривать поворот к разработке проблем реконструктивного периода как поворот от разработки теории диалектики. Так могут говорить только те, которые не понимают, что диалектику можно разрабатывать, лишь применяя ее к исследованию конкретного материала и на основе ее применения. Применение теории диалектики к исследованию проблем реконструктивного периода означает собою не поворот от разработки диалектики, а поворот в разработке самой диалектики и в применении диалектики к исследованию новых проблем, выдвигаемых революцией.

Поворот в разработке материалистической диалектики в сторону теснейшей связи ее с исследованием проблем реконструктивного периода и вопросов международного революционного движения: разработка теории диалектики на основе богатейшей диалектики нашей революции и международного революционного движения и применение теории диалектики к исследованию этих проблем — означает новую ступень в дальнейшей разработке материалистической диалектики, — составляет то новое, что должны сделать философы, что характеризует новый этап в работе над диалектикой.

Характеризуя этот поворот в разработке диалектики, резолюция фракции ОВМД и Института философии Ком. Академии (от 17 апреля) говорит следующее:

«Необходимо, чтобы на новом этапе развития были указаны те основные линии, по которым должна развернуться дальнейшая работа по проникновению марксизма во все области знания и практического действия. В условиях, когда решаются важнейшие проблемы социалистической революции, сосредоточение внимания марксистско-ленинской теории на непосредственных проблемах социалистического строительства является неотложной задачей...

Создание социалистических производственных отношений не возможно без грандиозной культурной революции, без победы марксизма над буржуазным мировоззрением. Фронт идеологии становится одним из серьезнейших участков классовой борьбы. Естествознание и еще более обществознание и философия являются оружием классовой борьбы буржуазии против пролетариата. Марксистско-ленинская философия, исторический материализм являются класовым оружием пролетариата, они партийны по своему существу. **Развернутое социалистическое наступление на капитализм требует развернутого наступления марксизма против всех форм буржуазной идеологии**, требует борьбы против религии, против идеализма и метафизики, против буржуазной общественной науки, против идеалистических и метафизических направлений в естествознании, против всех форм буржуазной идеологии вообще.

Пролетариат совершает великий революционный переворот в области идеологии: на место буржуазного мировоззрения ставит марксистское мировоззрение. Это предполагает: 1) усвоение всех знаний, накопленных человечеством, ибо новое мировоззрение, новая культура «является закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества» (Ленин); 2) критическую переработку всех этих знаний, всех наук на основе диалектического материализма; 3) гигантское движение их вперед под руководством диалектического материализма. Только такое подчинение всех наук, в том числе и наук о природе, методологическому руководству марксизма, только такая перестройка наук и их дальнейшее могучее развитие на основе диалектического материализма—обеспечит полное торжество марксистского мировоззрения над буржуазным мировоззрением, обеспечит победу пролетариата, в культурной революции.

Нарождение буржуазных общественных отношений сопровождалось в свое время целой революцией в области идеологии, переворотом в мировоззрении, нарождением новых наук.

Социалистическая революция несет с собою методологический переворот в научном знании, новое мировоззрение, отмирание ряда форм идеологии, перестройку наук, создание новых отраслей науки. Она открывает собою гигантский рост научного знания на основе диалектического материализма.

Развернутое наступление против буржуазной идеологии, овладение всем научным знанием и подчинение его методологическому руководству марксизма означает необходимость руководства со стороны марксистской философии другими науками. Необходимо участие философов в разработке методов конкретных наук, в борьбе против идеалистических и механистических направлений и тенденций в этих науках.

Буржуазия с особенной силой использует науку в своих класовых целях, как оружие классовой борьбы. Задача овладения наукой, проведение «революции» в области научного знания, завоевание руководства всеми конкретными науками, дальнейшее развитие их под руководством марксизма становится актуальной задачей.

В реконструктивный период с гигантской быстротой создаются новые общественные отношения, связи, закономерности, происходит громадный рост производительных сил, с громадной силой развертываются и обнажаются противоречия. Мы имеем общее наступление социализма по всему фронту. Это выдвигает необходимость исследования новых общественных отношений и связей, задачу подчинения естествознания методологическому руководству марксизма, борьбу против всех форм буржуазной идеологии, общее наступление марксизма по всему фронту. Выполнение этих задач невозможно без дальнейшей разработки метода —материалистической диа-

лектики. Именно в реконструктивный период разработка теории диалектики становится более актуальной, чем когда бы то ни было.

«Диалектика есть душа марксизма», говорит т. Сталин. «Беда наших уклонистов в том, что они не понимают и не хотят понять марксовой диалектики» (Сталин).

Теория диалектики есть тот узел в области философии, в котором связываются все важнейшие вопросы теории и практики борьбы пролетариата в нашу эпоху. Разработка теории диалектики есть для философии то основное задание, которое ставит перед нею ход классовой борьбы и строительства социализма.

Разработка материалистической диалектики остается основной задачей на философском фронте. Но на различных этапах развития возникают новые проблемы, подлежащие теоретическому осмысливанию, и исследование которых дает новый материал для разработки самой диалектики. Новый этап революции выдвигает перед теоретической мыслью необходимость теоретического исследования новых общественных отношений, создающихся в реконструктивный период, выдвигает перед философами задачу исследования проблем исторического материализма в условиях реконструктивного периода. Необходимость исследования этих проблем и имевшее место отставание в их разработке требуют решительного поворота теории диалектики к исследованию грандиозного глубочайшего диалектического содержания нашей революции и международного движения пролетариата и на этой основе—обогащение теории диалектики, поднятие ее разработки на более высокую ступень.

Абсолютно неправильно противопоставлять разработку проблем реконструктивного периода разработке теории диалектики. Абсолютно неправильно рассматривать поворот к разработке проблем реконструктивного периода как поворот о т разработки теории диалектики. Так могут говорить только те, которые не понимают, что диалектику можно разрабатывать, лишь применяя ее к исследованию конкретного материала и на основе ее применения. Применение теории диалектики к исследованию проблем реконструктивного периода означает собою не поворот от разработки диалектики, а поворот в разработке самой диалектики и в применении диалектики к исследованию новых проблем, выдвигаемых революцией.

Поворот в разработке материалистической диалектики в сторону теснейшей связи ее с исследованием проблем реконструктивного периода и вопросов международного революционного движения: разработка теории диалектики на основе богатейшей диалектики нашей революции и международного революционного движения и применение теории диалектики к исследованию этих проблем — означает новую ступень в дальнейшей разработке материалистической диалектики, — составляет то новое, что должны сделать философы, что характеризует новый этап в работе над диалектикой.

Характеризуя этот поворот в разработке диалектики, резолюция фракции ОВМД и Института философии Ком. Академии (от 17 апреля) говорит следующее:

«Необходимо, чтобы на новом этапе развития были указаны те основные линии, по которым должна развернуться дальнейшая работа по проникновению марксизма во все области знания и практического действия. В условиях, когда решаются важнейшие проблемы социалистической революции, сосредоточение внимания марксистско-ленинской теории на непосредственных проблемах социалистического строительства является неотложной задачей...

Философам-коммунистам необходимо сосредоточить свое внимание на разработке ленинского философского наследства, на ряду с разработкой наследства Маркса и Энгельса. Ленинский конспект «Науки логики Гегеля», ряд материалов, опубликованных в XII «Ленинском сборнике», вся совокупность работ Ленина в области теории, стратегии и тактики рабочего движения указывают философам те основные линии, по которым должна происходить разработка теории материалистической диалектики...

Работа над дальнейшим развитием теории материалистической диалектики должна быть обогащена и той практической диалектикой, о которой писал Ленин и которой так полна эпоха диктатуры пролетариата в целом, так и действительность реконструктивного периода. Дальнейшая работа над разработкой теории диалектики должна итти в самой тесной связи с теоретическими и практическими задачами, как выдвинутым современный этапом развития социалистического строительства, так и теми проблемами, которые встают в свете мирового кризиса империализма и революционного под'ема. Только разработка теории диалектики на основе истории мысли, на основе всей совокупности современного знания и нового исторического опыта пролетариата может помочь нам осознать специфические закономерности, которые складываются в экономике переходного периода».

Но этот поворот ни в малейшей мере не снимает необходимости разработки теории диалектики на основе всей совокупности человеческого знания, на основе всей истории науки и техники, исследование всей истории философии и т. д. Напротив, именно теперь, в реконструктивный период, когда выдвигается общее наступление марксизма на идеологическом фронте, выдвигается с большей силой необходимость овладения марксизмом естествознанием — открывается большая возможность и необходимость использования результатов естествознания для дальнейшей разработки теории диалектики и подчинение самого естествознания методологическому руководству марксизма.

В период борьбы с механистами нам пришлось уделить много внимания самой защите теории диалектики, постановке и защите проблем диалектики в их общей форме. Теперь необходимо гораздо больше внимания уделить дальнейшей разработке содержания категорий материалистической диалектики и методологическому руководству другими науками.

Разработка материалистической диалектики может и должна проходить: 1) на основе всего теоретического наследства марксизма-ленинизма, на основе теоретического обобщения опыта мирового революционного движения, опыта нашей революции, исследования новых отношений и связей, создающихся в процессе социалистического строительства, в особенности в реконструктивный период; 2) на основе всей совокупности человеческого знания, на основе всей истории науки и техники, на основе всей истории философии, особенно философии Гегеля и материалистической переработки его диалектики.

Подчеркивая необходимость разрабатывать диалектику на основе работ Маркса и опыта классовой борьбы, Ленин писал: «Опираясь на то, как применял Маркс материалистически понятую диалектику Гегеля, мы можем и должны разрабатывать эту диалектику со всех сторон, печатать в журнале отрывки из сочинений Гегеля, истолковывать их материалистически, комментируя образцами применения диалектики у Маркса, а также теми образцами диалектики в области отношений экономических, политических, каковых образцов новейшая история, особенно современная империалистическая война и революция дают необыкновенно много».

Но, вместе с тем, Ленин указывал, что теория диалектики должна быть создана на основе всей совокупности человеческого познания. «История философии, история познания вообще, вся область знания, история отдельных

наук, история умственного развития ребенка, история развития животных, история языка + психология + физиология органов чувств — вот те области знания, из которых должна сложиться теория познания и диалектика» (XII Ленинский сборник, стр. 315).

Всякое отвлечение разработки теории диалектики от конкретного материала неизбежно приведет к формализму, к превращению диалектики в голую схему. Поэтому требование поворота к исследованию проблем реконструктивного периода и необходимость заняться изучением и разработкой методологии конкретных наук не может быть ни в какой мере противопоставлено разработке теории диалектики,—напротив, только на этой основе и может быть разработана сама теория диалектики. Но если теория диалектики не может разрабатываться без обобщения опыта революционной борьбы пролетариата и строительства социализма, без усвоения современного знания, то и разработка важнейших категорий конкретных наук, работа над проблемами реконструктивного периода упирается в разработку теории диалектики. Без разработки проблем исторического материализма, без обобщения опыта нашей революции, без движения в конкретные науки невозможна дальнейшая разработка самой диалектики; как в свою очередь без такой разработки и применения диалектического метода не возможна действительно научная разработка в самих этих областях. Это две стороны одной задачи.

Выдвинутая тов. Сталиным задача приближения теории к исследованию проблем, выдвигаемых революционной практикой, необходимость для теории не только поспевать за практикой, но и опережать ее—ни в какой мере не означает и не может означать сужения или ограничения задач теории. Напротив, она означает необходимость самого мощного расцвета теоретической мысли, обогащенной на основе революционной практики, позволяющего предвидеть перспективы развития.

Разработка теории диалектики должна проходить на основе разработки ленинского философского наследства и всей совокупности работ Ленина. Ленин в области философии, как и во всех других областях, восстанавливает истинное учение Маркса и Энгельса во всей его глубине и об'еме, и вместе с тем, исследуя последний этап капитализма—империализм, исследуя новые результаты, величайшие перевороты в области естествознания, опираясь на опыт классовой борьбы и революционного движения пролетариата в эпоху империализма и пролетарских революций, на опыт социалистического строительства в нашей стране, Ленин обогащает и углубляет материалистическую диалектику, как и весь марксизм, поднимает ее на новую, более высокую ступень. Ленин ставит в центре внимания разработку методологических основ марксизма, разработку материалистической диалектики.

Подчеркивая величайшее значение Ленина как философа, т. Деборин писал в предисловии к IX Ленинскому сборнику: «Ленин в своих чисто-философских работах опирался как на богатый опыт классовой борьбы в эпоху империализма, этого последнего этапа развития капитализма, так и на великие перевороты в области естествознания, стремясь в соответствии с этим углубить и чисто-теоретически философию диалектического материализма, заостряя все вопросы вокруг методологических основ марксизма, вокруг материалистической диалектики... Кто способен на ряду с торжеством схватывать и различия (между Лениным и Плехановым. *И. М.*), легко заметит, что ленинское понимание материалистической диалектики составляет новую ступень в развитии диалектического материализма» (стр. 3).

Поэтому философы-марксисты должны поставить в центре внимания разработку ленинского философского наследства и всей совокупности работ Ленина в области теории, стратегии и тактики рабочего движения.

Ленин дает глубочайшее понимание всех категорий диалектики, все руководящие указания к дальнейшей разработке материалистической диалектики и грандиозный материал для разработки содержания диалектики.

Ленин дает единственно правильное разрешение вопроса о соотношении логики и теории познания, рассматривая категории материалистической диалектики как исторические ступени в развитии познания, а самое логику как «итог, сумму, вывод истории познания мира», как «итог опыта наук» и «существенное содержание всех иных знаний». Материалистическая диалектика и есть, по Ленину, теория познания. Рассматривая логику в связи с историей познания, Ленин дает об'яснение происхождению категорий логики и устанавливает смену ступеней познания и соответствующий ему основной порядок категорий логики. Вместе с тем Ленин об'ясняет движение самого познания, смену ступеней познания, исходя из человеческой практики. Только практическое воздействие человека на природу ведет к познанию внутренних связей и закономерностей. Поэтому Ленин подчеркивает изучение истории техники как необходимый момент разработки диалектики.

Категории логики, как и ступени и формы познания, отражают реальные связи природы и общества. Порядок категорий отражает собою субординацию связей действительности. Рассматривая законы материалистической диалектики, Ленин не просто их перечисляет, но подчеркивает момент соподчиненности. Ленин с особой силой подчеркнул, что основным законом диалектики является закон единства противоположностей, являющейся общей формой всех связей действительности. Суть диалектики Ленин видел в единстве противоположностей. Ленин дает глубочайшее понимание всех категорий материалистической диалектики, как категории причинности, закона и др. Исследование их должно итти в том направлении, как его указывает Ленин. А вся совокупность ленинских работ в целом и любая из его работ в отдельности дает богатейшее содержание для разработки этих категорий.

Величайшей заслугой Ленина не только перед философией, но и перед теоретическим естествознанием, является разработка им проблем о соотношении философии и естествознания, исследование корней кризиса современного естествознания и намечение единственно верных путей выхода. Следуя Энгельсу, Ленин на новом этапе естествознания дает гениальный анализ состояния современного естествознания и намечает пути его дальнейшего развития, разбивает впрах все реакционные, идеалистические, философские направления, паразитирующие на кризисе современного естествознания. Все эти указания Ленина приобретают особенное значение именно теперь, когда во весь рост встала задача подчинения естественных наук методологическому руководству марксизма.

Ленин затрагивает все проблемы философии марксизма, давая глубочайшую их постановку, исправляя ошибки, имевшиеся у ряда марксистов, в том числе и у Плеханова. Ленин исправляет Плеханова в вопросе о недооценке методологии, о соотношении логики и теории познания, в понимании закона единства противоположностей, в понимании опыта, в теории иероглифов, в отсутствии увязки махизма и других идеалистических направлений с кризисом современного естествознания, в «фейербахианской» форме критики предшествующих философских систем и др. В то время как все работы Плеханова были в основном направлены на защиту материализма, Ленин ставит в центре внимания методологию марксизма, материалистическую диалектику, поднимая диалектический материализм на более высокую ступень. Несмотря на эту ограниченность философии Плеханова, Ленин дает ему следующую высокую оценку: «Нельзя стать сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы изучать — именно изучать — все написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма».

Ленин упрекал Плеханова за недостаточное внимание к «Науке Логики» Гегеля. Сам Ленин придавал величайшее значение изучению и материалистической переработке Гегелевской диалектики. Это, как и другой упрек Плеханову, что он, вместо теоретической разработки, сводит законы диалектики к сумме примеров, говорит о величайшем интересе Ленина к разработке теории диалектики. Всякие попытки отказа от разработки теории диалектики, попытки сведения диалектики к сумме примеров или ограничение задач марксизма исследованием только единичных явлений — идут вразрез с ленинизмом.

Изучая историю философии, Ленин дает все руководящие указания и громадный материал для построения марксистской истории философии.

Видя в философии орудие классовой борьбы, понимая, что философская борьба отражает борьбу классов и сама является одним из проявлений классовой борьбы, Ленин с особой силой подчеркнул партийность философии.

Марксистская ленинская философия, партийная по самому своему существу, должна служить оружием партии в борьбе против уклонов от ленинизма, против всех форм ревизионизма, против идеализма и метафизики, против всех форм буржуазной и мелкобуржуазной идеологии.

В борьбе с уклонами внутри партии необходимо продолжать критику теоретических взглядов правого уклона и развернуть критику «левых» шатаний в коммунистическом движении. Глубокой ошибкой было бы думать, что правый оппортунизм проявляется теперь только на практике. Социальная основа правого оппортунизма еще остается. Правый оппортунизм останется в данный период основной опасностью в партии. Разоблачение теоретических корней правого уклона нужно продолжить до конца.

Одной из важнейших ошибок философского фронта была совершенно недостаточная критика теоретических основ троцкизма. Необходимо это исправить, развернув критику троцкизма. В партии «продолжают существовать примиренческие настроения к троцкизму, что прежде всего выражается в недооценке союза рабочего класса с середняцким крестьянством». Одной из актуальных задач является критика теоретических взглядов «левых» оппортунистов.

Необходимо развернуть работу теоретической помощи международному коммунистическому движению, которая до сих пор поставлена совершенно недостаточно.

Под'ем революционного движения, необходимость обострения борьбы против социал-демократии, особенно ее «левого» крыла, против контрреволюционного троцкизма, необходимость решительной борьбы против всех уклонов от ленинизма, особенно против правого уклона, как основной на данном этапе опасности в коммунистическом движении — с особой силой выдвигает необходимость критики теоретических взглядов правого и «левого» оппортунизма в коммунистическом движении, критику теоретических взглядов социал-демократии (Каутский, Кунов, О. Бауэр, М. Адлер и др.), критику контрреволюционного троцкизма. На ряду с этим стоит задача теоретического осмысливания данного периода международного революционного движения, исследования форм классовой борьбы при империализме. Революционное движение в колониях ставит необходимость большой теоретической работы над проблемой некапиталистического развития этих стран, возможных этапов этого развития, связанных с этапами революционной борьбы. Необходимо поставить издание теоретических работ в этих областях на иностранных языках. Необходимо поставить исследование теории и политической методологии фашизма, его социальных корней.

Нарастающий общий кризис капиталистической системы, рост классовых противоречий, борьба буржуазии против рабочего движения и его

идеологии марксизма, рост кризиса современного естествознания — обуславливает рост идеалистических и чисто-мистических философских направлений на Западе. За последние годы мы имеем возрождение идеалистической диалектики, к которой обращаются буржуазные ученые в борьбе против диалектики материалистической. Рост идеализма проявляется не только в чисто-философской форме. Мы имеем рост идеалистических и прямо-мистических течений в науке. Все более обнажается классовый, партийный подход буржуазии к науке, использование науки как оружия классовой борьбы.

Влияние западно-европейских идеалистических и мистических направлений проникает к нам, отражаясь как в философской форме, так и в конкретных науках. В связи с обострением у нас классовой борьбы мы имеем усиление идеалистических взглядов, имеем ряд открыто-антисоветских, идеалистических и мистических выступлений (Лосев и др.). Но в условиях диктатуры марксизма у нас все идеалистические, мистические взгляды больше всего имеют возможность выступать и выступают под прикрытие конкретного знания. Задача марксистско-ленинской философии вести беспощадную борьбу со всеми формами идеализма, во всех областях знания. Необходимо широко развернуть борьбу с религией. Необходимо «закрепить» и развить значительные успехи в деле освобождения масс от реакционного влияния религии» (резолюция XVI с'езда). Борьба против буржуазной идеологии, являющаяся одним из важных участков общего фронта классовой борьбы, должна быть развернута по всему фронту.

Развернутое наступление против буржуазной идеологии, решительная борьба против всех форм идеализма и метафизики, борьба за подчинение естественных наук методологическому руководству марксизма требуют сохранения чистоты марксистско-ленинской философии, беспощадной борьбы со всеми отступлениями от ленинизма, решительного проведения борьбы на два фронта в философии, решительного развертывания большевистской самокритики, изменения форм и темпов научной работы и подготовки большевистских научных кадров.

Борьба против коренного врага — идеализма — должна развертываться со все возрастающей силой.

Успешная борьба против идеализма невозможна без решительной борьбы за чистоту диалектического материализма, решительной борьбы против ревизии и искажения диалектического материализма, без борьбы на два фронта в рядах марксистов.

Успешная борьба против буржуазной идеологии, овладение марксизмом естествознанием была невозможна без борьбы против механистов. Механисты, выступившие против марксистской философии, против подчинения наук о природе методологическому руководству марксизма, выкинувшие позитивистский лозунг: «наука сама себе философия», подменившие диалектический материализм — механистическим, марксизм — позитивизмом, — механисты капитулировали перед буржуазной идеологией, отбросили в сторону само орудие борьбы против буржуазной идеологии — марксистско-ленинскую философию.

Механистическая методология имеет еще значительное влияние в конкретных науках. Она является знаменем борьбы сопротивляющихся проникновению марксизма в конкретные науки. Механистическая методология является теоретической основой правого уклона, главной на данном этапе опасности в партии, и других уклонов от ленинизма. Поэтому механистическая опасность является основной опасностью в наших рядах. Нужно продолжать непримиримую борьбу с механистами, не отступая ни шагу

назад в борьбе с ними,— наоборот, усиливая борьбу, беспощадно критикуя как их воззрения в целом, так в конкретных областях знания, в политике и т. д. Необходимо давать самый решительный отпор беспринципному идейному примиренчеству с механистами.

На ряду с механистической опасностью, с другой стороны, вырастает все более фронт формализма, схоластического искажения диалектики и различных других идеалистических шатаний. Опасность формализма мы имеем как в философии, так и в конкретных науках. Формализм сводит диалектику к мертвой схеме, набору пустых форм, несвязанных с конкретным содержанием, абстрактно «развивающихся» из самих себя, вместо того, чтобы отражать диалектику материальной действительности.

Поворот к действительной разработке диалектики, на основе опыта революции и всей совокупности знаний, как раз с особенной силой выдвигает необходимость борьбы против формализма. Формализм, не понимающий, что материалистическая диалектика должна быть конкретной, содержательной, что разработка материалистической диалектики должна проводиться на основе конкретного материала действительности и в применении к исследованию этого материала, — является существеннейшим тормозом в повороте к разработке содержания материалистической диалектики согласно указаний Ленина. Формализм отрывает разработку диалектики от конкретных проблем, в том числе и от разработки актуальных проблем реконструктивного периода, и поэтому при подходе к исследованию этих проблем, к исследованию действительности он перерастает в вульгарный эмпиризм, смыкается с ним. С формалистами здесь смыкаются те товарищи, которые, рассматривая поворот, как поворот от разработки диалектики, противопоставляют разработку актуальных проблем разработке диалектики и тем самым отрывают их друг от друга. Такой вульгарный эмпиризм в разработке конкретных вопросов ведет к формализму в понимании диалектики. Мы имеем попытку эклектического соединения формализма и вульгарного эмпиризма.

В настоящих условиях, когда в борьбе с прямым отрицанием основных положений диалектического материализма достигнуты значительные успехи, все уклоняющиеся от него и колеблющиеся элементы, а также враждебные ему элементы стремятся перекраситься в защитный цвет. На этой почве вырастает эклектизм. Опасность эклектизма усиливается еще следующим. Если теоретическая позиция всех отходящих от ленинизма оппортунистических групп всегда отличалась эклектизмом, то теперь, когда правый и «левый» оппортунизм разбиты и антиленинская их сущность разоблачена, когда открытая, развернутая защита их оппортунистических взглядов затруднена, правый и «левый» оппортунизм будет выступать с более замаскированной, с еще более эклектической позицией. Эклектизм является одним из самых распространенных типов мелкобуржуазного мышления. Мелкобуржуазное влияние в области идеологии будет выступать против марксизма в наших условиях и под флагом эклектизма.

Поэтому борьба против эклектизма, теоретическое разоблачение эклектизма является серьезнейшей задачей.

В борьбе за чистоту марксистской теории необходимо вести решительную борьбу на два фронта: 1) против механистов как главной опасности в наших рядах, против примиренчества к ним и всяких эклектических шатаний этого типа, 2) против формализма, различных других идеалистических ошибок, против примиренчества к ним, против эклектических шатаний этого типа.

Одной из черт правого оппортунизма является узкий практицизм, делячество, забвение общих перспектив развития. Отсюда вульгарный эмпиризм, деляческое отношение к теории. Вульгарный эмпиризм является одной из форм борьбы против ленинизма.

Мелкобуржуазный практицизм, ограниченный крутозор мелкого буржуа — является истинной основой вульгарного эмпиризма. Эта ограниченная точка зрения оказывает влияние на известные слои пролетариата и отражается в некоторых прослойках партии, выявляясь в узком практицизме, в недооценке теории. Ленин, в споре со Струве, вскрыл классовый характер вульгарного эмпиризма. Теоретическое исследование действительности вскрывает неизбежность гибели буржуазии, неправильность ее мировоззрения. Поэтому буржуазия в этих случаях отбрасывает теорию, обращаясь к вульгарному эмпиризму и используя его в борьбе с марксизмом.

Одной из разновидностей вульгарного эмпиризма является отказ от разработки теории диалектики.

Необходимо вести самую решительную борьбу против всех форм вульгарного эмпиризма.

Задача борьбы за чистоту марксистской теории требует смелого проведения развернутой большевистской самокритики не взирая на лица как постоянного метода нашей работы. Самокритика в разработке марксистской теории нужна нам буквально «как воздух, как вода». В единогласно принятой резолюции фракции ОВМД и Института философии говорится:

«Решительное развертывание подлинно большевистской самокритики является коренным условием выполнения огромных задач, стоящих перед марксистско-ленинской философией. Дальнейшее движение вперед в области теории, в условиях монопольного положения марксизма, возможно только на основе широко развитой самокритики в собственных рядах. Самокритика должна обеспечить такое положение, чтобы малейшие ошибки в среде марксистов не замалчивались, а немедленно подвергались критике и исправлению.

Самокритика должна стать повседневным методом нашей работы, она должна содействовать вовлечению в теоретическую работу широких слоев рабочего партийного актива, через самокритику только можно добиться того положения, чтобы вся наша работа находилась под постоянным контролем широкой пролетарской общественности.

Самокритика на теоретическом фронте должна носить выдержанный большевистский характер, решительно борясь со всякого рода попытками выхолащивания принципиально-теоретического и политического существа ее, превращения ее в «чисто-академическую», оторванную от конкретных задач партии и от задач на теоретическом фронте. Точно так же необходимо давать решительный отпор попыткам зажима самокритики, попыткам подмены самокритики не принципиальными, а личными моментами».

Важнейшей задачей является на деле развернуть самокритику при разработке марксистской теории, вскрывая все ошибки, кем бы они ни были допущены.

Решительное признание со стороны всех работников философского фронта, что самокритика на философском фронте развернута недостаточно, что она должна быть развернута значительно более, чем это имело место до сих пор, дает уверенность в действительное развертывание самокритики и исправление имевших место ошибок в процессе дальнейшей работы, в процессе начавшегося поворота.

Существеннейшей задачей является теперь подготовка большевистских кадров философских работников. Требования, пред'являемые теоретической мысли данным этапом социалистического строительства, могут быть выполнены только при условии создания большого, постоянно растущего коллектива теоретических работников. Нужно уделить огромное внимание делу массовой подготовки этих кадров. Необходимо решительно проводить линию на орабочение этих кадров, на создание коллектива теоретических работников из рабочих, прошедших школу общественной и партийной работы. Эти кадры должны быть созданы из товарищей, «которые на протяжении

всей истории внутрипартийных боев на деле, примером доказали, что они боролись за ленинскую линию партии, что они отстаивали принципы большевизма против троцкистско-зиновьевских и правооппортунистических искажений ленинизма» (резолюция фракции ОВМД и Института философии от 24 апреля с. г.).

Необходимо изменить формы и методы подготовки кадров, актуализировать учебные программы учреждений, подготовляющих кадры.

Выполнение задач, стоящих перед марксистско-ленинской теорией, невозможно без изменения т е м п о в и ф о р м работы. Индивидуализм и рабски-медленные темпы характерны для научной работы. Необходимо решительно сделать поворот к к о л л е к т и в н о й работе в области теории, к воспитанию все новых и новых кадров в коллективной работе, к ускорению темпов научной работы, применению практики социалистического соревнования, ударных бригад и т. п.

На ряду с научной разработкой проблем марксистско-ленинской философии, необходимо широко развернуть работу над популярной литературой, широко развернуть пропаганду, марксизма в широких массах. Все большее приближение к массам и их теоретическому обслуживанию — является одним из необходимейших моментов п о в о р о т а в работе на философском фронте.

Философия неотделима от политики, теория неотделима от практики. В настоящее время, когда силы партии сконцентрированы в решающей борьбе за социалистическое строительство, за его темпы, за укрепление позиций революционного пролетариата во всем мире, философский фронт производит решительную перестройку своих рядов и своей работы. От общих разговоров и деклараций о повороте н у ж н о п е р е й т и к д е й с т в и т е л ь н о м у п р а к т и ч е с к о м у о с у щ е с т в л е н и ю п о в о р о т а в о в с е й ф и л о с о ф с к о й р а б о т е.

В процессе этого поворота философские кадры оглядывают пройденный путь с тем, чтобы отметить свои собственные ошибки, недостатки в своей работе. Начинает развертываться самокритика. Актуализация работы, еще более непосредственное приближение ее к политике, углубление самой решительной борьбы за генеральную линию партии — таков основной смысл, основное содержание намеченного и уже проводящегося, хотя еще далеко не законченного поворота на философском фронте. В ногу со всей партией философы-коммунисты борются и будут бороться за ликвидацию отставания работы на теоретическом фронте, за поворот, за партийность.

Новый этап революции выдвигает громадные теоретические задачи перед марксистско-ленинской философией. Под руководством Центрального Комитета нашей партии, отряд коммунистов, работающий на философском участке общего фронта борьбы за построение социализма, отдаст все силы на выполнение этих задач, будет верным отрядом в борьбе за генеральную линию партии.

Заметка о вреде путаницы и поповской проповеди и об искусстве заметать следы.

Ник. Карев.

Читателям наших теоретических журналов и работникам философских учреждений и организаций известны многочисленные выступления за последнее время по самым разнообразным вопросам т. В. Ральцевича. Правда, содержание каждого из этих выступлений было неожиданным для всех слышавших предыдущее. За сравнительно короткий промежуток времени т. Ральцевич успел:

1. Высказаться против механистов.

2. Выступить в защиту проф. Переверзева, занимающего эклектическую, об'ективистскую и механистическую позицию.

3. Высказаться против системы взглядов проф. Переверзева и признать свою ошибку.

4. Подписать вместе с тт. Каревым, Лупполом, Стэном, Подволоцким и др. письмо в редакцию «Безбожника» против примиренчества к механистам в выступлении т. Ярославского на ЦС Союза безбожников.

5. Признать это письмо заключающим в себе ошибки.

6. Выступить с горячей речью на расширенном заседании фракции ОВМД и Института философии в защиту доклада т. Деборина, против всех товарищей, критиковавших линию работы и философскую позицию руководства Института и Общества воинствующих материалистов-диалектиков.

7. Признать это выступление ошибочным.

8. Выступить на расширенном заседании бюро ячейки ИКП с заявлением, что критика взглядов т. Деборина тт. Фурщиком, Дмитриевым и др. на-руку механистам и он, Ральцевич, ее решительно отвергает.

9. Признать затем печатно, что в критике Фурщика есть «ряд правильных замечаний».

Так т. Ральцевич, словно задавшись целью иллюстрировать на себе, как на живом примере, свое понимание диалектических законов, от раза к разу, от статьи к статье, от выступления к выступлению демонстрирует «раздвоение единого» и переход в собственную противоположность.

При том сей странный «циклический» процесс происходит со все ускоряющимся темпом. Между защитой т. Ральцевичем проф. Переверзева и признанием этой своей ошибки прошел почти год. Между выступлением т. Ральцевича против т. Фурщика и признанием правильности «ряда замечаний» Фурщика прошло около двух месяцев. Теперь т. Ральцевичу удалось поставить рекорд. Он ухитрился изменить свою точку зрения по важнейшему вопросу, касающемуся самых основ нашего мировоззрения, р о в н о в т е ч е н и е о д н о г о м е с я ц а. Это — столь исключительное «достижение» на философском фронте, что было бы несправедливо, если бы «Под Знаменем Марксизма» прошло мимо него. Тем более, что оно обязывает и к

кое-каким общим выводам относительно стоящих в области марксистско-ленинской философии задач.

* * *

Итак, в № 14 «Большевика» за этот год т. Ральцевич напечатал рецензию на № 5 журнала «Под Знаменем Марксизма», вышедшего к XVI партс'езду. Разбирать всю путаницу, которой т. Ральцевич наполняет 11 страниц журнала, не имеет никакого смысла. Мы возьмем в качестве примера лишь одно место, которое т. Ральцевич, как сладкое блюдо, преподносит «в заключение» своего произведения.

«Вот, — пишет т. Ральцевич, — совершенно безапелляционное и совершенно механистическое положение Карева: «Поэтому признание об'ективного существования случайности ни в какой мере не исключает того, что все причинно обусловлено, что никакой свободы воли нет» (Карев, «За диалектику», изд. 1-е, стр. 287—288, разрядка Ральцевича). А вот другое положение: «Т.-е. диалектический материализм стоит на почве абсолютного детерминизма» (Там же, та же стр.).

Оба эти положения ничего общего не имеют с марксизмом-ленинизмом, с диалектическим материализмом».

Так вещает т. Ральцевич в 175.000 экземпляров «Большевика»! И не знаешь — чему больше удивляться: «легкости в мыслях необыкновенной» автора или долготерпению советской бумаги, ее покорно сносящей.

Само собой разумеется, что было бы странно ожидать от В. Ральцевича точной, добросовестной передачи мысли того, кого он «критикует». Этому препятствуют одновременно и суб'ективные, и об'ективные причины. Об'ективные — неумение понять то, что написано «критикуемым», суб'ективные — невинное желание немного «приспособить» непонятое положение к своим целям.

Тов. Ральцевичем дело изображается так, что признание всеобщности причинной связи, отрицание свободы воли и признание абсолютного детерминизма представляют якобы в моей статье два различных положения, при чем второе положение на утверждении абсолютного детерминизма заканчивается. Между тем, стоит только открыть соответствующую страницу моей книги, чтобы убедиться, что второе положение есть лишь перефразировка первого и вовсе не заканчивается одним лишь признанием абсолютного детерминизма.

У меня написано: «Т.-е. диалектический материализм стоит на почве абсолютного детерминизма, отрицая абстрактный детерминизм (см. об этом наш доклад по поводу сборника «Диалектика в природе» № 2, на заседании Общества воинствующих материалистов-диалектиков, опубликованный в «Под Знаменем Марксизма», № 4 за 1927 г.)».

А на заседании Общества воинствующих материалистов, ссылка на которое здесь приводится, по поводу одной статьи склонявшегося тогда к механистам т. С. Васильева, было сказано следующее:

«Любопытно, что человек, выступающий в сборнике, являющемся органом механистов, человек, который теперь повторяет то, что всегда говорилось диалектиками против механистов, оказывается неспособным удержаться на правильной точке зрения и соскальзывает на совершенно иные рельсы: он выдвигает ныне не только диалектические положения, но наряду с ними и совершенно идеалистические. Есть некоторые положения в статье Васильева, ничего общего с материалистической точкой зрения не имеющие. Так он пишет, что с точки зрения Гольбаха и механического материализма вообще «нет никакой иерархии законов, нет никакой качественной спецификации закономерности для различных отрезков действительности. Суммирующиеся движения, количественное

накопление и соединение этих движений не имеют никаких разрывов закономерности» (стр. 17). Но поставить это в вину механическому материализму—значит сойти с точки зрения материализма вообще. Если вдуматься в это положение, то по существу оно представляет собой чистейший идеализм, ибо с точки зрения материалистической диалектики скачки нельзя понимать, как разрывы закономерности. В том-то и заключается диалектическая точка зрения, что скачки представляют перерывы в непрерывном и вместе с ним составляют моменты одного закономерного целого. Таким образом, сборник, рядом с проповедью механических предрассудков, дает и проповедь идеалистического, по сути дела совершенно мистического понимания диалектики, как утверждающей разрывы закономерности.

Можно привести еще одно положение Васильева в том же духе. На стр. 21 он пишет, что «все стремления Гольбаха были направлены к тому, чтобы утвердить полный и абсолютный детерминизм, исключающий какую бы то ни было случайность». Это ставится в упрек Гольбаху.

Конечно, неправильно представлять себе дело так, что диалектическая точка зрения абсолютно исключает случайность. Но когда ставится в упрек механистам, в данном случае Гольбаху, что они стремятся утвердить абсолютный детерминизм, то получается такое впечатление, что случайное должно быть абсолютно противопоставлено детерминизму. Это неверно! На почве детерминизма мы различаем случайное и неслучайное. На почве детерминизма мы утверждаем это различие между случайным и неслучайным, но не абсолютно противопоставляем случайное детерминизму. Я бы сказал, что мы признаем абсолютный детерминизм, но отрицаем абстрактный детерминизм, исключающий случайное.

В этом отношении статья Васильева показательна, потому что иллюстрирует неустойчивое состояние мысли механистов в основных вопросах мировоззрений, которое может очень быстро привести на деле к чистейшему идеализму» («Под Знаменем Марксизма» № 4 за 1927 г., стр. 212—213).

Это я говорил еще в 1927 г.

Таким образом т. Ральцевич совершил в моем утверждении, что мы «признаем абсолютный детерминизм, отрицая абстрактный детерминизм», — «совсем маленькую» операцию: он вместо запятой поставил точку и отрезал конец предложения, в противопоставлении которого началу заключается вся суть дела. Но требовать от т. Ральцевича, чтобы он не искажал цитат, было бы слишком жестоко. Скольких ценных произведений лишилась бы тогда советская философская мысль и как грубо была бы нарушена «свобода воли»!

Если бы дело было только в перевранной цитате — не стоило бы и браться за перо. Восстанавливать истину во всех случаях, когда взгляды «критикуемого» автора извращают тт. Ральцевич, Митин, Фурщик и т. д. — значило бы тратить время на скучное и малоблагодарное занятие. Каждому — свое!

Беда в том, что то, что по существу дела внушает Ральцевич минимум 175.000 читателей, превосходит меру всякого вероятия. Ральцевич об'являет не имеющим ничего общего с марксизмом-ленинизмом признание того, что все в мире причинно обусловлено и нет никакой свободы воли. Он утверждает, что марксизм-ленинизм не совместим с абсолютным детерминизмом, т.-е. с утверждением того, что мы не можем допускать в природе чего бы то ни было не подверженного законам и причинным связям материального мира. Но это — чистейшая поповская проповедь.

Даже в современной буржуазно-помещичьей философии свободу воли открыто защищают только попы и ксендзы, да философы типа Лосева и Бердяева. Свобода воли им нужна для того, чтобы «обосновать» бес-

смертие души и воздаяние за грехи. Отрицание абсолютного детерминизма в этом смысле означает веру в чудеса и ничего больше означать не может. Читать в нашей печати подобные вещи — просто срам.

Ральцевича, не отдающего себе, очевидно, отчета в самых коренных основах материалистического мировоззрения, смутило, видно, то обстоятельство, что я говорю об абсолютном детерминизме. Но это — общая для всех путаников черта. Еще Богданов в свое время всегда начинал свои нападки на материализм с насмешек над тем, что материализм признает нечто абсолютное [1]). Ральцевич читал Ленина. Он — за «действительную разработку ленинского философского наследства». Но это — лишь для парадных «замечаний». А взявшись писать о детерминизме, он не удосужился продумать, например, следующего положения Ленина: «Господство над природой, проявляющее себя в практике человечества, есть результат об'ективно-верного отражения в голове человека явлений и процессов природы, есть доказательство того, что это отражение (в пределах того, что показывает нам практика) есть об'ективная, абсолютная, вечная истина» [2]).

Абсолютная, т. Ральцевич, где вы?

И на следующей странице Ленин указывает, что наше цельное, охватывающее и теорию и практику мировоззрение должно быть «построено на детерминизме». Механисты упрекали диалектиков-материалистов в том, что, признавая существование об'ективной случайности, мы якобы прерываем цепь причинности в природе. Когда я им отвечал, что мы различаем случайное и неслучайное на почве детерминизма — это было простой перефразировкой указанного замечания Ленина.

Столь пекущийся о якобы забываемой у нас философами практике и столь практичный т. Ральцевич не замечает, что именно только признание всеобщности причинных связей и позволяет добиваться нам успеха в нашей практической деятельности, что если бы не оправдывался абсолютный, т.-е. не знающий никаких исключений, детерминизм — то не достижима была бы и свобода.

Либо все в мире причинно обусловлено, никакой свободы воли, противоположной детерминизму, нет, и тогда возможна наука, техника, настоящая свобода, опирающаяся на познанную необходимость, — либо детерминизм не абсолютен, цепь причинных зависимостей не всеобща, и тогда невозможна никакая наука и неизбежна вера в чудеса и бога. Так стоит вопрос, т. Ральцевич, будьте добры выбирать!

Впрочем, вы выбрали уже один раз — свободу воли...

Чудовищное утверждение Ральцевича должно быть рассматриваемо как тревожный симптом значительной опасности, нам угрожающей. Диалектика—очень острое оружие. Правильно примененная, она как ланцетом взрезает все покровы явлений, учит улавливать их действительное строение и жизнь. Но по соседству с ней гнездятся софистика и эклектика—родные сестры идеализма и поповщины. Ленин неоднократно подчеркивал их опасность в статьях против «левых» во время войны, против Троцкого и Бухарина и т. д. Борясь с механистами, мы никогда не забывали, что мы диалектические материалисты. Когда механисты говорили нам, что, признавая об'ективную случайность, мы скатываемся к свободе воли и вере в чудеса — мы с самого начала пресекали эти нападки именно так, как я отвечал

[1]) См., напр., статью А. Богданова «Вера и наука», направленную против «Материализма и эмпириокритицизма» Н. Ленина.

[2]) Н. Ленин, Соч., изд. 2-е, т. XIII, параграф о «Свободе и необходимости», стр. 156.

Васильеву, когда он от механизма качнулся в некоторых вопросах к идеалистическим утверждениям. Мы никогда не критиковали механистов за то, что они материалисты, мы их критиковали за то, что они непоследовательные материалисты, за то, что они сами допускают идеалистические ошибки, питают почву для идеализма. Но к основной линии борьбы с механистами пристегивались подчас эклектические, неустойчивые материалистически элементы. И когда механистам был нанесен сильный удар — эти элементы поднялись на поверхность и не сдерживаемые более дисциплиной прежнего этапа борьбы, питаемые мелкобуржуазными настроениями, выступили с целым рядом прямо и прикрыто идеалистических идей. Не видеть этого — значило бы обманывать самих себя. Выступление Ральцевича по поводу свободы воли и детерминизма — один из наиболее ярких примеров таких шатаний. И надо сознаться, что нынешние эклектики подчас не менее опасны, чем механисты. И. И. Степанов, при всех своих философских ошибках, не писал никогда в защиту свободы воли и против детерминизма, а Ральцевич пишет. Не дать беспощадного отпора поднимающей голову воинствующей эклектике à la Ральцевич — значит испортить идейную победу над механистами. Если для разоблачения и идейного разгрома механистов понадобилось 5 лет, то в условиях победоносного строительства социализма с путаниками, надо надеяться, удастся справиться еще скорее.

После того, как все воробьи на крышах стали чирикать по поводу скандального случая с защитой поповских взглядов под видом марксизма-ленинизма в рецензии т. Ральцевича, наш «столп ортодоксии», ровно через месяц после появления рецензии, разразился в № 15—16 «Большевика» «письмом в редакцию». В качестве одного из «наиболее чутких философов-партийцев», как т. Ральцевич не постеснялся назвать себя в рецензии (следуя, очевидно, старинному лозунгу: «главное — не стесняйся!»), он пытается теперь учесть столь неблагоприятно сложившуюся для него ситуацию. Его «письмо в редакцию» может служить прекрасным образцом идейной сумятицы, сочетающейся с недурным искусством заметать следы.

Тов. Ральцевич пытается дать раз'яснение к рецензии, появившейся в № 14 «Большевика». Он указывает, что «ставил своей задачей» «автор рецензии», что он «хотел сказать» и т. д. Но, как сие ни странно, т. Ральцевич нигде не удосужился заметить в своем «письме», что этот «автор рецензии»— он сам. У читателя, который, поверив т. Ральцевичу, не стал бы с поличным проверять по предыдущему номеру «Большевика», кто же написал комментируемую т. Ральцевичем фразу — неизбежно создается впечатление, что т. Ральцевич раз'ясняет утверждения кого-то другого. Таково искусство! Впрочем, в толковании типа Хлестакова до сих пор идет спор — забывается ли он сам, когда говорит, чувствуя к мистификации «влечение род недуга», или намеренно «интригует» окружающих.

А как бы просто т. Ральцевичу сказать — не «в рецензии, помещенной в № 14 «Большевика», а «в моей рецензии», не «автор рецензии», а «я» или «мы» и т. д.! Но т. Ральцевич, очевидно, так привык к своим постоянным «превращениям», что сам к себе через месяц относится, несознавая того, в третьем лице. Как же нам относиться к этому философскому Протею?

Однако значительно опаснее, чем эта попытка личной метаморфозы, идейная мистификация в «письме» т. Ральцевича.

Сознавая, что написано им что-то «не круглое», т. Ральцевич теперь пишет, что в моей фразе, которую он столь торжественно об'явил «ничего

общего не имеющей с марксизмом-ленинизмом», первая половина ее — что все в мире причинно обусловлено—правильна (неужели?!), неправильно же утверждение, что никакой свободы воли нет, и еще более неправильно, даже «нелепо», по компетентному мнению т. Ральцевича, признание того, что «диалектический материализм стоит на почве абсолютного детерминизма».

Засим т. Ральцевич разражается следующей тирадой: «Говорить, что «никакой свободы воли нет», это значит становиться на точку зрения фатализма, механического и вульгарного материализма. Попы, философы-идеалисты и всякого рода суб'ективисты воображают, что человек независим от законов природы и общества и эту воображаемую независимость они считают свободой воли.

Марксизм-ленинизм решительно выступает и непримиримо борется против идеалистов, попов и всякого рода суб'ективистов, понимающих свободу воли как независимость от законов природы и общества, от причинной обусловленности явлений, от естественной необходимости.

Но он в то же время решительно выступает и против вульгаризаторов диалектического материализма, заявляющих, что «никакой свободы воли нет», или еще более нелепых утверждений, что «диалектический материализм стоит на почве абсолютного детерминизма» [1]).

Большей путаницы, чем вся эта тирада т. Ральцевича, трудно себе представить. Во-первых, действительно «нелепо» признавать, что «все причинно обусловлено», и отрицать абсолютный детерминизм (читатель помнит, что я его противопоставлял с одной стороны абстрактному детерминизму, а с другой стороны—отрицанию детерминизма, индетерминизму). Нелепо, так как положения эти совершенно тождественны по своему содержанию. Или, может быть, т. Ральцевич, вопреки тому, что у меня написано, и тому, что общепризнано в философской литературе, в понятие детерминизма вкладывает еще свое особое содержание и думает, что это что-либо в роде зеленой собаки или архангела Гавриила? Или, может быть, он думает, что если сказано: «абсолютный», то вообще больше ничего сказать нельзя? Так ведь у меня же он мог бы прочесть, что я говорю об абсолютном детерминизме, включающем в себя признание об'ективной случайности. Нельзя ли т. Ральцевичу с необычайной «чуткостью» сочетать и некоторую грамотность в той области, в которой он собирается законодательствовать? Но к чему еще грамотность, когда есть «чуткость»?

Во-вторых, абсолютно неправильно (абсолютно, т. Ральцевич!) изображать диалектическое понимание свободы, как окрошку из детерминизма и свободы воли. В подходе т. Ральцевича к проблеме свободы и необходимости ярко обнаруживается «метод» всех наших ныне воинствующих эклектиков. Если диалектический материализм преодолевает и идеализм, с одной стороны, и механический, абстрактный детерминизм, с другой стороны, то т. Ральцевич понимает это в том смысле, что диалектики заимствуют немного от детерминизма (только чтобы это был не абсолютный детерминизм!), немного от свободы воли суб'ективистов (только бы не сказать, что «никакой свободы воли», в противопоставлении детерминизму, нет!). Это—такая же карикатура на диалектику, как и понимание нашими героями борьбы партии на два фронта, как мещанской точки зрения «золотой середины», с позаимствованиями и справа и слева. Само собой разумеется, что проводимая партией борьба на два фронта ничего общего не имеет с этой путаницей. Диалектика не имеет ничего общего с «героями оговорочки».

---

[1]) «Большевик», № 15-16 за 1930 г., стр. 117.

В подтверждение своей путаницы Ральцевич с обезоруживающей наивностью ссылается на Энгельса, приводя следующие замечания из «Анти-Дюринга»:

«Свобода,—говорит он,—заключается не в воображаемой независимости от законов природы, а в познании этих законов и в возможности поэтому планомерно пользоваться ими для определенных целей... Поэтому свобода воли означает не что иное, как способность принимать решения со знанием дела» (Фр. Энгельс, «Анти-Дюринг», Гиз, 1928 г., стр. 103).

И далее:

«... свобода состоит в господстве над самим собой и над внешней природой, основанном на познании естественной необходимости: значит она является необходимым продуктом исторического развития. Первые выделявшиеся из животного царства люди были во всем существенном так же не свободны, как сами животные; но каждый шаг вперед по пути культуры был шагом свободы» (стр. 104).

Ральцевич не замечает даже, что слова Энгельса не только не подтверждают его эклектических положений, а прямо бьют по ним.

Для Энгельса, как и для Ленина (в приведенной ранее цитате) свобода не только не противоположна необходимости, всеобщности причинных связей, но непосредственно опирается на нее. Энгельс утверждает как раз, что чем более мы постигаем естественную необходимость явлений—тем более мы можем быть свободны. Еще Гегель показал, почему это так,—диалектику отношения между свободой и необходимостью. Если поведение человека причинно не обусловлено, то я никогда не могу предвидеть поведения других людей, поэтому я никогда не могу предвидеть и результатов своего поведения, вытекающего из столкновения его с поведением других, — моя свобода оказывается мнимой, с повязкой на глазах, и превращается в абсолютную и совершенно внешне противостоящую мне необходимость.

Наоборот, если поведение мое обусловлено, как и поведение всех других людей, я могу предвидеть результат их и своей деятельности и сообразовать с ним свои поступки. Необходимость превращается в свободу. Поэтому для Энгельса свобода воли означает не отрицание детерминизма и не ограничение его, как думает Ральцевич, а, наоборот, способность принимать решения со знанием дела, т.-е. опираясь на знание законов действительности.

Тов. Ральцевич не дает себе труда подумать даже над такой простой вещью, что если отрицать абсолютный детерминизм, то столь же необходимо приходится признавать хоть в чем-либо абсолютную независимость воли и значит нечто выпадающее из цепи всеобщего взаимодействия в природе.

Тов. Ральцевич вообще не понимает, как в диалектике преодолеваются противоположности. Они не преодолеваются ни тем, что они разграничиваются по-кантовски друг с другом, ни тем, что вы чисто-внешне «возвышаетесь» над ними или отрицаете какую-либо из них. Во всех этих случаях они вновь воскресают из мертвых, как замечательно показал еще Гегель на сотнях примеров. «Преодолеваются» они лишь тем, что вы вскрываете их конкретный реальный исторический переход одной в другую.

Поэтому, когда мы рассматриваем движение каких-либо противоположностей, мы должны прежде всего «преодолеть» их абстрактное противопоставление друг другу. Поэтому я говорил, что мы признаем абсолютный детерминизм, отрицая абстрактный детерминизм.

И поэтому же Энгельс говорит, что «механизм (а также материализм XVIII столетия) не может выбраться из абстрактной необходимости, а благодаря этому также из случайности» [1]).

Абстрактной необходимости, т. Ральцевич! Еще раз—где вы?

Для Энгельса не необходимость возникает на основе свободы, а свобода на основе необходимости. Для эклектика Ральцевича нет даже проблемы того, что же в диалектике свободы и необходимости является исходным пунктом их перехода одного в другое.

Между прочим, в умении выделить эту историческую основу процесса — одно из существенных отличий диалектики от эклектики.

Поэтому же, по самому своему понятию, свобода реализуется только в коллективе, и в процессе исторического развития человеческого общества проходит различные ступени развития. В социалистическом и в коммунистическом обществе мы будем иметь качественно отличные типы свободы от той, о которой мы можем говорить по отношению к людям, живущим в условиях капитализма. Гениальные замечания на эту тему интересующиеся проблемой товарищи могли бы найти у Маркса. Было бы чрезвычайно поучительно рассмотреть вызревание этих новых типов свободы у нас в переходном обществе. Но разве «актуальных» тт. Ральцевича, Митина и Фурщика привлекают такие поистине актуальные проблемы? Ведь для серьезного исследования нужно столько времени и сил, и в нем не помогают никакие фальшивые цитаты [2]). А им кажется, что достаточно написать пару пустозвонных и эклектических рецензиек, чтобы стать «столпом ортодоксии»... Правда, в лице т. Ральцевича мы имеем скорее всего поповскую ортодоксию.

Итак, вместо того, чтобы поправиться, Ральцевич лишний раз демонстрировал свою эклектику. Мы видели, что свобода с точки зрения диалектического материализма заключается не в ограничении детерминизма и не в отграничении от него, а покоится на нем. Кто полагает другое — действительно, и не материалист, и не диалектик.

---

[1]) «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. II, стр. 81; разрядка моя. *Н. К.*

[2]) Нельзя хотя бы мимоходом, к слову, не отметить еще двух фальсификаций Ральцевича в его рецензии. На стр. 89 он пишет, что в моей статье в № 5 «Под Знаменем Марксизма» «о философской борьбе с троцкизмом не сказано ни слова». Читатель легко может проверить, что из 9 страниц статьи об итогах и задачах работы в области исторического материализма три страницы специально посвящены критике методологии троцкизма. Кроме того, еще на двух страницах есть на эту тему отдельные замечания. Но чем отличился бы в «философии» т. Ральцевич, если бы он не «интерпретировал» того, что пишут Деборин, Карев, Луппол и т. д.? Само собою разумеется, что о действительных недостатках и ошибках в нашей философской работе Ральцевич судит только по наслышке.

В статье своей, далее, я указывал, что «Под Знаменем Марксизма» занимало правильную позицию в дискуссии по литературоведению, ошибкой же было то, что основные философские кадры не участвовали в ней в печати. Ральцевич скачет и пляшет вокруг этого замечания. Однако в «Под Знаменем Марксизма» действительно появилась статья т. Щукина против Переверзева тогда, когда т. Ральцевич еще выступал в защиту Переверзева. Тов. Ральцевич сам публично признал в апреле на фракции ОВМД, что он выступал за Переверзева вопреки указаниям философов-работников ОВМД и Института философии. Тов. Ральцевичу известно, что в дискуссии с Переверзевым критиковавшие его товарищи публично и печатно ссылались на мою позицию. И, наконец, философский Иван Александрович сам же, в той же рецензии, через полстраницы признает, что я выступил на правлении ОВМД против Переверзева. Отчего же шум и крик? Это, несомненно, крик ущемленного бывшего переверзианца.

Но т. Ральцевича, совершающего свою цепь метаморфоз или превращений по Апулею, кажется, нельзя и подозревать в устойчивости ни в том, ни в другом отношении.

«Пусть же консулы будут на страже», как говорит старая латинская пословица. Дело не в т. Ральцевиче. Дело в тех, кого сбивает с толку Ральцевич, выдавая поповщину и эклектику за марксизм-ленинизм. Дело в дезориентации масс, влекущихся всем ходом борьбы к диалектическому материализму и получающих вместо здорового хлеба марксизма-ленинизма—эклектический яд. Но так как массы здоровы, социалистическое строительство под руководством большевистской партии идет вперед,—эклектика неизбежно в конце концов должна быть сметена и будет сметена.

Воинствующая путаница.

(Философские подарки тт. Ральцевича и Митина).

С. Новиков.

«Дар случайный, дар напрасный».
Пушкин.

Философская дискуссия развертывается. «Самокритика» в стиле М. Фурщика продолжается. «Самокритика» (в кавычках) заключается в том, что мы сами критикуем других, но не самих себя—двойная итальянская самокритика по методу двойной... итальянской бухгалтерии. Вслед за т. Фурщиком выступают тт. Митин, Ральцевич и Юдин (в алфавитном порядке) для доказательства, что А. М. Деборин хотя и не 100%-ный либерал и каутскианец, но что-то в роде этого, и во всяком случае—конкретный носитель всего зла, носитель «формалистического, абстрактно-схоластического уклона в философии», уничижитель Ленина, как философа и теоретика, «Ленина, как мыслителя», и, наконец, зажиматель самокритики на философском фронте. «Самокритикующие» пописывают статейки без аргументов или с аргументами, позаимствованными у «самокритикуемых», «самокритикуемые» вынуждены вести дискуссию в эпистолярной форме, история советской философии обогащается целой серией философских писем в редакции. Ральцевич и Митин на трибуне! Слушайте! Слушайте! Слушайте! Говорит т. Ральцевич — радиостанция воинствующей путаницы — автор «Воинствующего невежества» (в кавычках и, увы, без кавычек), вчерашний воинствующий переверзевец, а сегодня — коренник из «тройки»... пионеров в философии, «всегда готовых» сменить на повороте «современное философское руководство»...

I. Об одном философском подарке... Переверзеву (или „партийная" полемика Ральцевича с Цырлиным).

Но тут меня прерывает предостерегающий голос благопристойной трещотки, что моя статья уже «отличается не только непартийным, но и прямо непристойным характером полемики» (Ральцевич, «Большевик» № 14, стр. 12). Слушаюсь, маэстро, и так как я не полагаюсь на свой собственный литературный такт, я решил составить в назидание себе, читателю и вам, т. Ральцевич, небольшую книгу хорошего тона, нечто в роде кодекса «партийной» и «пристойной» полемики. Это будет неоригинальная работа, более того, она будет «сверх меры переполнена цитатным материалом» из... «Воинствующего невежества» Ральцевича. Само собой разумеется, что моя хрестоматия «не содержит ни одной правильной самостоятельной мысли», ибо, как я уже предупредил, она будет состоять из цитат и отрывков из произведений т. Ральцевича.

Я, конечно, сознаю все неудобства такой формы изложения, когда вдруг, посредине моей статьи, пред глазами читателя вырастет целая хрестоматия «пристойных» цитат, но ничего не поделаешь: я, в отличие от

Ральцевича, не могу выйти без аргументов. В моем положении человека, «проработанного» на весь Союз, трещать а-ля Ральцевич не полагается. Нужны аргументы. Итак, приступаем к чтению «Кодекса «партийной» и «пристойной» полемики», составил и снабдил примечаниями С. Новиков, по В. Ральцевичу.

1. «Критика Цырлиным «механизма» Переверзева есть реакционная критика» (подчеркнуто мною. За стиль и синтаксис т. Ральцевича не отвечаю. *С. Н.*).

2. «Она нападает не только и не столько на Переверзева, сколько на марксистскую теорию вообще. Поэтому выступление против такой критики является партийной обязанностью» (Не шибко... удачливый критик Цырлина и апологет Переверзева в пылу «партийной» и «пристойной» полемики даже не заметил, что Цырлин, хотя и «кувырком», в неуклюжей и теоретически незрелой форме, нащупал основные пороки меньшевистской, струвистско-об'ективистской, эконом - материалистической, историко-фаталистической, бесклассовой и «беспартийной», грубо-механистической литературоведческой концепции Переверзева. Посмотрим, как Ральцевич выполняет свою «партийную обязанность» по защите переверзевщины. *С. Н.*).

3. «Статья Цырлина во многих отношениях — стилистическом, логическом, гносеологическом и социологическом — представляет собою такую богатую коллекцию «перлов», в ней господствует такая чудовищная путаница, она так забавно надута и надуто-претенциозна, что ее разбор обещает незаурядное «общечеловеческое» удовольствие» (Разрядка моя. *С. Н.* Я надеюсь, что читатель уже испытывает «незаурядное» общепартийное удовольствие» от стиля т. Ральцевича. Это — на первой странице «Воинствующего невежества» одного из «наиболее чутких философов-партийцев», как Ральцевич с необыкновенной скромностью величает себя и «своих» на страницах «Большевика». А что же дальше?.. Послушайте. *С. Н.*).

4. У Цырлина... «путаница, эклектизм, софистика, мешанина». «У Цырлина все невпопад» (Увы, оказалось, что многое у Цырлина даже очень и очень впопад). «Но с Марксом обращается Цырлин весьма суб'ективно» (Ну, и стиль, ну, и синтаксис, но слушайте дальше. *С. Н.*). «Цырлин пропускает слово «вначале» без всяких оговорок и отметок». Ральцевич деликатно намекает, что Цырлин подделывает цитату из Маркса о роли такой случайности, «как характер людей, стоящих вначале во главе движения» (письмо к Кугельману от 17/IV-71 г. о Парижской Коммуне). «Тем самым мысль Маркса существенным образом изменяется». Дальше у т. Ральцевича следует отсебятина, в которой истина перемешана с ложью. Так, напр., Ральцевич утверждает, что «Маркс имеет в виду большое значение характера вождей в начале движения масс, именно для приведения масс в движение» (Как будто бы для масс, уже находящихся в движении, и для самого развернутого движения характер вождей, напр., политические качества центральных комитетов, не имеют большого значения. *С. Н.*). «Когда массы уже приведены в движение... на уровне вождя может остаться лишь тот, кто идет с массами, учится у масс, учитывает закономерность движения масс» (Так хвостистски Ральцевич понимает искусство руководства. По Ленину вождь идет во главе масс, а не просто с массами. А хвостист всегда идет с массами... в хвосте их: напр., социал-патриоты всех стран во время войны всегда говорили, что они идут с массами, учатся у масс, учитывают закономерность движения масс, одним словом, руководят, по Ральцевичу, массами, которые действительно и весьма закономерно плыли в фарватере социал-шовинизма. Характер вождей, качество руководства имеет большое значение *и* в начале, *и* в середине, *и* в конце, *и* в любой момент любого движения. Это не значит, что мы отрицаем роль такой «случайности», как характер людей, стоящих «в начале во главе движения»... против фило-

софского руководства. Отсутствие характера у Ральцевича и др. воинствующих эклектиков, — эклектицизм есть тоже характер, — породит еще не мало путаницы на философском повороте. Но очередное наше примечание несколько затянулось. Мы просим читателя запомнить, что т. Ральцевичу не нравится, когда в цитате пропускаются слова «без всяких оговорок и отметок». Мы скоро убедимся, что это—«основной метод работы» Ральцевича и всех со-Ральцевичей—фальсификация, искусственное усечение цитат, и на одно «слово» и на много слов, но по обыкновению с тем эффектом, что мысль «усеченного» и «секомого» автора «существенным образом изменяется», ну, прямо-таки, до неузнаваемости. Продолжаем составление нашей хрестоматии. *С. Н.).*

5. «Путает Цырлин, чем дальше, тем больше»... «Ленинская увязка — это исторический материализм, а цырлинская — это истерический суб'ективный идеализм» (Подчеркнуто мною. И это не опечатка. Так и написано: «истерический». Вот это называется «партийная», «пристойная» и вдобавок еще культурная полемика, с которой т. Ральцевич дебютировал на страницах «Революции и Культуры». « В этом вся суть дела» (подчеркнуто Ральцевичем. *С. Н.).* Вся судь дела в истерическом суб'ективном идеализме Цырлина. Если читатель думает, что это — все! — он ошибается. Ральцевич продолжает «выражаться». Слушайте! Слушайте! *С. Н.).*

6. «Прежде всего, конечно, ясно, — удивительно, как повторяется история! — что Цырлин, начав цитату из Ленина, преспокойно поставил точку там, где у Ленина всего лишь стоит запятая» (Подчеркнуто Ральцевичем). Читатель скоро, очень скоро убедится, как «удивительно — повторяется история»... с усекновением цитат под не шибко... ловкими руками тт. Ральцевича и Митина. *С. Н.).* Но все это пустяки по сравнению со следующим перлом:

7. «Так как на свете нет абсолютной чепухи и в самой чепуховой (цырлинской) чепухе имеется элемент абсолютного, то давайте материалистическую и об'ективную диалектику Маркса, Энгельса, Дицгена, Плеханова и Ленина дополним (и даже проверим) суб'ективистским, агностическим, скептическим релятивизмом самоновейших путаников» (Скобки т. Ральцевича. Подчеркнуто мною. *С. Н.* Путаник Ральцевич ставит здесь на одну доску диалектику Маркса, Энгельса и Ленина с диалектикой Дицгена, который немало напутал в вопросах теории познания и за это, по выражению Ленина, понравился махистам, «реакционным философам». «Дицген выражает свои мысли расплывчато, неясно, кашеобразно—в отличие от Энгельса». «Реакционным философам И. Дицген мог понравиться потому, что он кое-где путает» (Ленин, Соч., т. XIII, стр. 201). «Путаница» И. Дицгена могла состоять только в отступлениях его от последовательного применения диалектики, от последовательного материализма, — в частности от «Анти-Дюринга» (Там же, стр. 202). Поставив на одну доску Маркса, Энгельса и Ленина с Дицгеном и, увы, с Плехановым, которого Ральцевич и Митин с усердием, достойным лучшей участи, свергают теперь с пьедестала, т. Ральцевич в этом интересном и весьма... запутанном положении величает жертву своей «самокритики» самоновейшим путаником, несущим абсолютную, самую чепуховую (цырлинскую) чепуху. Ай, да «пристойная» и «партийная» полемика! *С. Н.).*

8. В. Ральцевич продолжает характеризовать свою «самокритикуемую» жертву. «Это значит также, что (у Цырлина. *С. Н.)* наука о литературе превращается в сказку про белого бычка, про семь пятниц на неделе и т. д.» (Любопытно узнать, что может следовать после семи пятниц на неделе? Сокращения «и т. д.», «и т. п.» играют, как мы в этом еще убедимся, большую роль в аргументации т. Ральцевича. *С. Н.).*

9. «Если возможность оклеветания Переверзева и его учеников находится в руках Цырлина, и если ему (и кое-кому еще) так хочется, то почему бы не воспользоваться этой прекрасной возможностью? И Цырлин пользуется» (Подчеркнуто нами). Стиль и тон статьи Цырлина, да и основное ее содержание (критика переверзевского механицизма) так же похожи на клевету, как стиль и тон—и содержание статьи т. Ральцевича—на партийную и пристойную полемику. Но поставьте в 9-ю тираду другие фамилии: вместо Переверзева т. Деборина, вместо Цырлина тт. Ральцевича или Митина, и вы получите «основной метод работы» нашего законодателя «партийной» и «пристойной» полемики» (Ральцевич, Воинствующее невежество, «Революция и Культура», № 6 за 1929 г., стр. 33, 40, 44, 45, 48, 49, 50, 53).

10. Добавление из пост-скриптума к «Воинствующему невежеству» В. Ральцевича. «Быть может, редакция своей оговоркой собирается возбудить «спор» между т. Дебориным и Лениным?» Это Ральцевич вежливенько обхаживает уже не Цырлина, а редакцию «На Литературном Посту». Прямо пророческие строки, но не по адресу... Чтоб окончательно убить редакцию «На Литературном Посту», т. В. Ральцевич заканчивает так же «шибко умно», как «в начале... движения» против Цырлина: «Словом, как видно, редакция намерена спорить только с т. Переверзевым. Вдвойне печально» (Там же, стр. 54, 55).

Подумайте, какой криминал! «Спорить... с товарищем Переверзевым!» Кстати, т. Ральцевич признал на заседании фракции ОВМД и Института философии, что он выступал в защиту Переверзева вопреки указаниям т. Деборина. Теперь уже ясно, что именно Ральцевич призван возглавить наш поворот на философском фронте. Он на это «уполномочен», как один из «наиболее» чутких философов партийцев», проявивший бездну теоретического и политического «чутья» в своей «партийной» и «пристойной» полемике с Цырлиным и в защите... Переверзева и переверзевщины.

И после всего этого т. Ральцевич, «Воинствующее невежество» которого действительно во многих отношениях—стилистическом, логическом, гносеологическом и социологическом — представляет собою такую богатую коллекцию «перлов», что даже в $^1/_{10}$ доле она не представлена в нашей «хрестоматии», именно В. Ральцевич берется давать нам уроки «партийной» и «пристойной» полемики. В доме повешенного не говорят о веревке. Это «не шибко умно». Но чтоб повешенный говорил о веревке, на которой он сам повесился — это уж просто чудо и шибко неумно. Автору «Воинствующего невежества» лучше бы помолчать о партийной и пристойной полемике.

Вот и получилось «вдвойне печальное»... «удовольствие», когда именно т. Ральцевич заговорил о веревке, на которой он повешен. Зато читатель наверняка получил, если не общепартийное, то «общечеловеческое» и, увы, сомнительное удовольствие, читая кодекс хорошего литературного тона по Ральцевичу... Приятное с полезным. В дальнейшем мы неоднократно будем прибегать к оному «кодексу», когда будем испытывать «нужду» в «выражениях» для квалификации «основного метода работы» тт. Ральцевича и его со-Ральцевичей.

II. Философские подарки Ральцевича... Троцкому и философская борьба с политическим оппортунизмом.

С завидной скромностью т. Ральцевич причисляет себя и, конечно, всю «тройку» к лику «наиболее чутких философов-партийцев». Мы видели, какую философскую и партийную чуткость этот наиболее «чуткий» из «наиболее чутких философов-партийцев» проявил в борьбе с критиком... Переверзева. Такую же «чуткость» он проявляет в борьбе с критиками... троцкизма.

Начнем с самого что ни на есть «шибко умного» места в «знаменитом» «Философском подарке»... Ральцевича по вопросу о критике теоретических корней троцкизма. Наш «крытик»... кроет, что в статье «Политическая методология троцкизма» у меня «имеется недооценка теоретических корней троцкизма» (ну, и стиль!), что «основные философские кадры» статей С. Новикова заранее ослабляют необходимую силу теоретического удара по методологическим корням троцкизма, и т. д., и т. п.». (Напоминаем читателю, что у Ральцевича вся сила аргументации запрятана в сокращениях: и т. д., и т. п.). На каком основании В. Ральцевич «умозаключает», что у С. Новикова «имеется недооценка теоретических корней троцкизма»? Видите ли, Новиков, «к сожалению», считает Троцкого публицистом, несерьезным теоретическим противником, quantité negligeable в теоретическом отношении и — о, ужас! — самое «теорию перманентной революции» — поверхностной публицистической схемой. Каюсь, грешен в «недооценке» теоретических способностей Троцкого, а не теоретических корней троцкизма, мой многоуважаемый «критик» и поклонник «теоретического» таланта Троцкого! Более того, — это у меня даже рецидив непочтительности к Троцкому—«теоретику». В другом месте, в «Коммунистическом Интернационале», с международной трибуны, я не постеснялся (представьте себе!) нарушить все правила международной вежливости и в специальном параграфе писать о «Нищете троцкистской философии нашего термидора», и — о, ужас, ужас! — я назвал там эту троцкистскую теорию «социальной глупостью»; более того, я писал, что «от бесконечного повторения эта социальная глупость не возвышается до степени теоретического разума» (С. Новиков, Автобиография ренегата Троцкого, «К. И.» 1930 г., № 7, стр. 51).

А теперь я об'ясню вам, т. Ральцевич, почему я считаю своей партийной обязанностью подчеркивать ничтожество Троцкого, как «теоретика». Троцкий (и все троцкисты) утверждают, что троцкизм и есть ленинизм; Троцкий уверяет нас, что его «теория перманентной революции», после исторической проверки Октября, оказалась тождественной ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую; Троцкий хвастает, что Ленин капитулировал перед «теорией перманентной революции» (основание — предсмертное письмо троцкиста Иоффе!), Троцкий «намекает», что он в своих американских статейках предвосхитил ленинские «Письма из далека» и тезисы 4 апреля; Троцкий тоже считает себя «наиболее чутким философом-партийцем» и сообщает своему читателю, что этак в 17—18 лет он самостоятельно открыл диалектику и материалистическое понимание истории, до знакомства с произведениями Маркса, Энгельса, Плеханова и Меринга (о Ленине-философе он просто не вспоминает); Троцкий доходит до апогея мании величия и рекомендует свою «теорию перманентной революции» как универсальную концепцию планетарного значения — для России, Запада и Востока; Троцкий величает крупнейшего лениниста—т. Сталина—ползучим эмпириком и теоретическим примитивом, «Вопросы ленинизма» которого якобы кишат ученическими (?!! *С. Н.)* ошибками (?!!! *С. Н.)*. Троцкий называет классические статьи Сталина по национальному вопросу ученическими работами; Троцкий «философствует», что политическая методология ВКП и КИ складывается из механической суммы зигзагов от ползучего эмпиризма и поссибилизма к безудержному авантюризму, волюнтаризму и имманентному идеализму (sic!); наконец, — учитель вашего союзника — Фурщика — ультра-троцкист К. Корш усиленно выдвигает Троцкого в теоретики и подчеркивает, что его (и ваш) «выдвиженец» оказался прозорливей Ленина в оценке исторической роли Каутского и теоретической сущности каутскианства — перед лицом таких «литературных фактов и факторов» (ибо писания Троцкого и троцкистов имеют свободное хождение

среди европейских и американских рабочих!) я считаю своей теоретической и политической обязанностью коммуниста подчеркивать ничтожество Троцкого, как теоретика, подчеркивать то, что он есть на самом деле, об'ективно-реально, независимо от моей оценки.

А вот мой «шибко» чуткий критик, набросившийся на меня с такой же философско-партийной «чуткостью», как в свое время на критика переверзевщины, попал в прямо - таки смешное и... печальное положение защитника «теоретической» репутации Троцкого!

В. Ральцевич утверждает, что мои оценки «теоретика» Троцкого «теоретически направлены к оправданию пассивности (по меньшей мере) «основных философских кадров» в деле борьбы с троцкизмом, а политически ведут к ослаблению бдительности партии к троцкистской опасности, как якобы лишь «все же некоторой опасности» (стр. 71). Теоретически и политически это утверждение покоится все же на некоторой реальной путанице и фальсификации. Маркс, как будто, считал Прудона слабоватым экономистом и философом, и все же он пустил в ход всю свою теоретическую силу для удара по нищете прудоновской философии. Энгельс был о теоретических способностях Дюринга не более лестного мнения, чем аз, грешный (если позволено сравнить великое с малым), о теоретических способностях Троцкого, и все же он не ослаблял «заранее необходимую силу теоретического удара» по Дюрингу, этому прообразу современных нам путаников на философском повороте; Ленин был невысокого мнения о философских способностях российских и западных махистов, и все же он направил против них такой мощный теоретический удар, как «Материализм и эмпириокритицизм». Плеханов был убийственного мнения о философском таланте Богданова (которого он третировал как Тредьяковского от философии), и все же он пустил в ход всю блестящую силу своей логики и полемики, чтоб уничтожить своего (кстати, не столь уж бездарного в теоретическом отношении) противника. Ральцевич (если продолжить исторический ряд наших блестящих философов-полемистов до поворота на философском фронте), Ральцевич уничтожающе отзывается о теоретическом таланте Цырлина, и все же он исчерпал всю необходимую и доступную ему силу для теоретического удара по критику... Переверзева, так что в результате получилось «вдвойне печальное... удовольствие».

С каких это пор в истории марксизма принято считать об'ективную оценку теоретических ресурсов противника марксизма за пропаганду пассивности по отношению к этому противнику? Кто преувеличивает силы противника, тот сеет панику. Кто недооценивает его силы, тот обманывает самого себя и свою армию. Нужна трезвая, об'ективная оценка своих и враждебных сил. Считая, по всей совести, Троцкого ничтожным в теоретическом отношении противником, я этим самым выражаю уверенность, что теоретических сил нашего философского фронта вполне хватит, чтобы разбить вдребезги методологию троцкизма. И не оправдание, а, наоборот, осуждение «основных философских кадров» содержится в моей оценке теоретических ресурсов Троцкого, осуждение за то, что, имея дело с таким слабым противником, они, и особенно тт. Митин и Ральцевич, от разговоров о критике методологии троцкизма не переходят к делу.

Я позволю себе обратить просвещенное внимание т. Ральцевича на следующие поистине золотые строки о методологии троцкизма: «Борьба с такой «методологией» (иронические кавычки принадлежат «тройке» авторов. *С. Н.*) является, конечно, первейшей обязанностью воинствующего материалиста-диалектика». Подумайте, авторы третируют методологию троцкизма как «методологию» в иронических кавычках, у них (у авторов), так сказать, «к сожалению»... «имеется недооценка теоретических корней троц-

кизма», и все же они находят, что бороться с такой, с позволения сказать, «методологией» (в иронических кавычках) является первейшей обязанностью воинствующего материалиста-диалектика... Где же логика?.. Кому принадлежит эта преступная и зазорная, уничижительная оценка «методологии» троцкизма? Марксу, Энгельсу и Дицгену нашего поворота на философском фронте—Митину, Ральцевичу и Юдину (в алфавитном порядке)! Но если этим «классикам» можно закавычить иронически «методологию» троцкизма, то почему же мне нельзя этого сделать в отношении теоретических способностей Троцкого (а не корней троцкизма). Вот это и есть двойная итальянская... самокритика, с вашей стороны.

А где фальсификация?.. спросит т. Ральцевич. Есть! В. Ральцевич пишет, что мои оценки Троцкого «политически... ведут к ослаблению бдительности партии к троцкистской опасности, как якобы лишь «все же некоторой опасности» (стр. 71)». Увы, у меня сказано нечто совсем другое, а именно: «Разбитый вдребезги, идейно и организационно разгромленный, теоретически и политически импотентный, контрреволюционный троцкизм представляет собой все же некоторую реальную опасность в наших братских компартиях и даже в ВКП, где он находит свое отражение в форме всевозможных левых загибов» («П. З. М.» № 5, стр. 71; подчеркнуто здесь. *С. Н.*). Ральцевич же пропускает слово... «реальную»... «без всяких оговорок и отметок». «Тем самым мысль»... Новикова «существенным образом изменяется» (у Цырлина по отношению к Марксу этот прием не нравится Ральцевичу, а в отношении моей малости он употребляет оный прием, как «основной метод работы»). Совершив, таким образом, «все же некоторую реальную»... фальсификацию моей мысли, Ральцевич скрывает от читателя, как я далее развиваю мысль о «все же некоторой реальной опасности» троцкизма. Я пишу, что «новейшая эволюция троцкизма» («слева» направо) «усугубляет троцкистскую опасность около и внутри нашей партии и КИ», что «троцкизм превращается в некоторой степени из подчиненной опасности в подчиненный момент главной, правоуклонистской опасности внутри партии». «Не переставая быть самостоятельной, хотя и подчиненной «левой» опасностью, троцкизм усиливает главную опасность внутри партии — правый уклон» (Там же; подчеркнуто здесь. *С. Н.*). Чем эта оценка отличается от распространенной формулы насчет борьбы с правым уклоном, как главной опасностью на данном этапе, и с остатками троцкизма? «Как это может быть понятно даже»... Ральцевичу — ничем! Маловато «бдительности» и «чуткости» и многовато «нервничания и чрезмерной торопливости» проявляет мой критик «на повороте» при «извороте» моих мыслей. Это и есть самокритика по методу двойной бухгалтерии (что Цырлину возбраняется, то Ральцевичу разрешается, ибо он ведь первый из лика «наиболее чутких партийцев-философов»!). Фальсификация и путаница—вот «основной метод работы» Ральцевича, как и Фурщика, с тем отличием, что Фурщик, усекая цитаты из Деборина, по неосторожности оставляет след в виде многоточия, а Ральцевич работает более и даже «наиболее чутко». Он опускает слова и целые абзацы «без всяких оговорок и отметок».

Может быть, Ральцевич видит у меня ослабление «бдительности партии к троцкистской опасности» потому, что я говорю о разгроме троцкизма? И в этом случае он путает. «После разгрома троцкизма, в основном законченного уже ко времени VI конгресса, на первое место встала борьба с правым уклоном и с примиренческим отношением к нему» (Молотов, Отчет делегации ВКП(б) в ИККИ XVI с'езду, стр. 50). Итак, т. Молотов утверждает, что разгром троцкизма был в основном закончен уже к VI конгрессу КИ; между VI конгрессом КИ и XVI с'ездом ВКП наша партия тоже не-

спала и, очевидно, разгромила троцкизм не только в основном, но и во многих деталях... Возьмем максимально осторожную оценку товарища, который имеет неисчислимые политические заслуги в борьбе с троцкизмом: «Мы завершили в основном борьбу с троцкистской оппозицией и другими оппозиционными группировками, бывшими до XV с'езда. Я говорю «в основном» потому, что мы не можем дать гарантии, что на том или ином трудном этапе не возникнут те или иные группировки, которые собьются на путь изгнанных из партии оппозиционных и фракционных групп» (Ярославский, О работе ЦКК. Доклад на II Московской областной партконференции, «Правда» от 9 июня 1930 г.).

По сути дела и буквально т. Ярославский утверждает здесь, что разгром троцкизма в основном уже завершен и что внутри партии троцкизм представляет собой некоторую возможную опасность («Мы не можем дать гарантию, что на том или ином трудном этапе не возникнут (в будущем времени, т. Ральцевич!) те или иные (некоторые, т. Ральцевич) группировки, которые собьются на путь» троцкизма). Тов. Ральцевич, вы обязаны обвинить т. Ярославского, что его рассуждения «политически ведут к ослаблению бдительности партии к троцкистской опасности». Теперь сравните с оценкой т. Ярославского мою оценку: «контрреволюционный троцкизм представляет собой (в настоящем времени, т. Ральцевич!) все же некоторую реальную опасность в наших братских компартиях и даже в ВКП» (реальную, а не возможную или просто опасность, как Вы изволите подчищать» меня в «Большевике», т. Ральцевич!). Чем же моя оценка менее бдительна, чем оценка т. Ярославского, особенно если вспомнить весь контекст, в котором я говорил об опасности троцкизма.

А теперь послушайте, почему «не шибко умно» раздувать значение троцкистской опасности внутри партии. Троцкий иронизирует насчет борьбы с «остатками троцкизма» во всех «казенных» резолюциях, что, видимо, остатки растут и развиваются и не могут быть добиты и разгромлены, что-де эти остатки вошли железной занозой в тело ВКП и размножаются там. Пред таким «литературным фактом» «не шибко умно» политически раздувать действительное значение этих «остатков». Впрочем, у Ральцевича (Ральцевич говорит, что у Цырлина) «семь пятниц на неделе»: его рецензия в «Большевике» утверждает, что «основные философские кадры» страдают недооценкой теоретической и политической опасности троцкизма, а его же рецензия в «Правде» на книгу Луппола, что Лупполу... «мерещится троцкизм». Вот и разберитесь в этакой путанице. А в действительности Ральцевичу только «мерещится»... «недооценка теоретических корней троцкизма» со стороны товарищей, которые во всяком случае не меньше Ральцевича, Митина, Юдина занимались оценкой и теоретических и политических корней троцкизма (и правого уклона).

Ральцевич «кроет» меня и редакцию «П. З. М.» не только и не столько за то, что я пишу о методологии троцкизма, сколько за то, чего я не пишу: «Посвященная постановке вопроса о «политической методологии троцкизма» статья С. Новикова ни слова не говорит... о законе неравномерности капиталистического развития... Ни слова не говорит С. Новиков также и о понимании Троцким классов, существа и форм классовой борьбы в СССР. Ни слова не упоминает он о троцкистской теории государства и понимании Троцким природы советского государства». «Совершенно очевидно, что если эта «беглая» заметка кладет начало, как утверждает С. Новиков, «систематической критике идеологии контрреволюционного троцкизма», то можно чрезвычайно усомниться в способности журнала «П. З. М.» выполнить хотя бы задним числом столь ответственную задачу». Рецензия Ральцевича, видимо, рассчитана им на персонажей, о которых Ленин писал, что они верят на слово... Заглянувши в мою статью, читатель «совершенно очевидно» убедится,

что фальсификация и путаница составляют «основной метод работы» Ральцевича. Я пишу, что «при систематическом анализе всех «трудов» Троцкого можно и должно шаг за шагом проследить суб'ективно - идеалистическую струю в троцкистской методологии», что «в рамках беглой заметки» (действительно посвященной «только постановке вопроса») я не могу проследить концепцию Троцкого на других проблемах и во всех трудах Троцкого и его сторонников. «Это потребовало бы целого исследования» (Подчеркнуто здесь. *С. Н.*). «С этого (с этого всестороннего исследования, т. фальсификатор!) и должна начаться «систематическая критика идеологии контрреволюционного троцкизма..., которая до сих пор в области философской велась совершенно недостаточно» (Из резол. об'един. заседания фракций Института философии и ОВМД) («П. З. М.» № 4, стр. 71). Итак, я здесь черным по белому привожу из резолюции, за которую голосовала и «тройка» Ральцевича, ясное утверждение, что философская критика троцкизма велась совершенно недостаточно; я пишу, что ограничиваюсь только постановкой вопроса, что нужно всестороннее исследование, которое и положит начало систематической критике троцкизма. Я в конце статьи снова повторяю, как бы в предвидении грядущего фальсификатора, что «для систематической философской критики троцкизма необходимо проследить, как... методологические «качества» Троцкого проявляются во всех без исключения проблемах, которые он освещает и извращает в «полном собрании» своих оппозиционных и просто контрреволюционных сочинений» (стр. 87), а мой шибкий на фальсификацию критик приписывает мне хвастливое утверждение, что моя заметка кладет начало систематической критике троцкизма (На моем месте редактор «Большевика» т. К. Розенталь воскликнул бы: «Пользуюсь этим случаем для того, чтобы об'явить» т. имярек «бесчестным лгуном и клеветником». «Лгун-рецидивист, вот моральная характеристика моего достопочтенного «критика»» [1]), ибо т. Ральцевич на протяжении одной страницы дважды фальсифицирует цитаты из С. Новикова, и оба раза весьма реально.

Спрашивается, зачем же В. Ральцевичу понадобилась фальсификация № 2? А очень просто: Новиков в «беглой» заметке, претендующей положить начало систематической критике троцкизма, «забыл» такие и такие-то (действительно важные и важнейшие) проблемы. Ясно, что именно этого Новикова Провидение, то бишь философское руководство, должно было избрать для провизорного ослабления необходимой теоретической силы удара по методологии троцкизма. В этой бессвязной... связи Ральцевич иронизирует, что статья С. Новикова «является прекрасной иллюстрацией нервничанья и чрезмерной торопливости, которые обнаруживают «основные философские кадры» на повороте». Тов. Ральцевич нервничает и торопится до смешного: он не заметил, напр., что в вопросе о построении социализма в нашей стране увязаны формы и сущность классовой борьбы в Советском Союзе; что я довольно подробно и даже не «одним», а многими словами освещаю отношение Троцкого к проблеме ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. Я в этой связи пишу, что, «как раньше «слева», так теперь справа, Троцкий отождествляет середнячество с кулачеством» (стр. 80), что по Троцкому ликвидация кулачества как класса и сплошная коллективизация осуществимы только в планетарных рамках (стр. 81), — что же это все вопросы, не относящиеся к существу и формам классовой борьбы в Советском Союзе?.. Я сопоставляю ленинское и троцкистское понимание проблемы: «вожди — партия — класс — массы» и показываю, что «Троцкий подходит к массам в коренных вопросах рево-

---

[1]) К. Розенталь, О барабанном бое и полемическом задоре, «Большевик» 1930 г., № 7—8, стр. 104, 106.

люции, хозяйства и политики с аппаратной категорией управления, командования и принуждения, тогда как здесь в первую голову уместна категория связи и убеждения» (стр. 75), а мой нервный и торопливый критик утверждает, что «ни слова не говорит С. Новиков также и о понимании Троцким классов, существа и форм классовой борьбы в СССР» (за стиль В. Ральцевича не отвечаю. *С. Н.*).

Далее, для сведения т. Ральцевича, посильную политическую критику троцкистской «теории» классовой борьбы в Советском Союзе и троцкистского «понимания» природы, советского государства я дал на страницах «К. И.» как раз в то время, когда В. Ральцевич был занят на страницах «Революции и Культуры» апологией бесклассовой, меньшевистской литературоведческой концепции Переверзева. Вторично я занимался этой темой там же и совсем недавно, как раз в те дни, когда Ральцевич должен был покаяться в своей апологии Переверзева (см. С. Новиков, Путь Троцкого (От «Антикаутского» к Каутскому), «Комм. Инт.» 1929 г., № 12; его же, Автобиография ренегата Троцкого, «К. И.» 1930 г., № 7).

Остается закон неравномерности развития капитализма. Его методологическое значение мне не менее известно, чем Ральцевичу. У К. Корша Ральцевич мог бы узнать, что я писал об этом законе еще в 1928 г. (С. Новиков, Политическое завещание Каутского, «К. И.» 1928 г., № 44—45) (Ср. K. Korcsh, Mater. Geschichtsauffassung, Archiv Grünberg, 1924, 2 Heft, S. 257). Другое дело, что Корш, подражая... В. Ральцевичу, фальсифицирует соответствующее место моей статьи до неузнаваемости и приписывает мне утверждение, будто я нашел у Каутского «признание известного (ленинского!) закона неравномерности развития капитализма и империализма» и что «даже теперешний Каутский» должен, по-моему, при большей последовательности, притти к признанию невозможности ультра-империализма и мирно-организованного капитализма, и, наоборот, к признанию возможности победы социализма даже в одной отдельно-взятой капиталистической стране и некапиталистической эволюции стран Востока. В действительности я у Каутского «нашел» «закон многообразия развития капитализма» в лже-«Материалистическом понимании истории». Я писал, что Каутский наткнулся на правильный след, который ведет к закону неравномерности развития капитализма и империализма и, что если бы Каутский был марксистом, он от этого закона мог бы притти к вышеуказанным большевистским консеквенциям. Вы видите, т. Ральцевич, что Корш обходится со мною согласно вашему «основному методу работы». Но попутно Вы узнали, какое огромное методологически значение я придаю закону неравномерности развития капитализма и империализма.

К 50-летнему юбилею т. Сталина я писал: «В борьбе с троцкизмом Сталин как бы заново открыл марксистско-ленинский закон неравномерности экономического и политического развития капитализма. Из этого безусловного закона... следует невозможность ультра-империализма и «организованного капитализма»... возможность построения социализма в СССР... невозможность деколонизации колоний при империализме.. возможность некапиталистического развития стран Востока, как и возможность перерастания демократических диктатур пролетариата и крестьянства в колониях и полуколониях в социалистические диктатуры» (С. Новиков, Сталин и колониальный Восток, «Революционный Восток» № 8, стр. X). Далее, Митин и Юдин могли бы засвидетельствовать, что я немало говорил о законе неравномерности в понимании Ленина-Сталина, с одной стороны, и Троцкого, с другой, в своем докладе: «Методология троцкизма и левых загибов». Теперь уже очевидно, что я «игнорирую» этот закон.

Наконец, я рекомендую т. Ральцевичу вдуматься, какие теории Троцкого привлек т. Сталин на XVI с'езде, чтобы вскрыть существо троцкизма: 1) «буржуазную теорию троцкизма о невозможности построения социализма в нашей стране»; 2) «буржуазную теорию троцкизма о невозможности приобщения трудящихся масс крестьянства к социализму». И как раз в связи с проблемой ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации! и 3) «организационную теорию троцкизма» (Политотчет ЦК XVI с'езду ВКП, Гиз, 1930 г., стр. 68—69). Если позволено сравнить малое с великим, я напоминаю т. Ральцевичу, что как раз все эти (и не только эти!) существенные для троцкизма теории Троцкого освещаются в моей статье. Подумайте, т. Ральцевич, Сталин, определяя существо троцкизма, действительно, ни одного слова не говорит о законе неравномерности. Так вопите же, что Сталин недооценивает этот «безусловный закон» и т. д. («без понимания чего невозможна действительная критика отрицания троцкизмом возможности победы социализма в одной, отдельно взятой капиталистической стране». (Ох, и стиль у Вас, т. Ральцевич!). Так вопите же, что Сталин не «бдит» и не смотрит в корень троцкизма... Вот и получилось снова «вдвойне» печальное»... «удовольствие» из Вашей рецензии, т. Ральцевич.

Засим, я обращаюсь с вопросом: много ли за последние годы в наших теоретических органах вообще появилось теоретических статей против троцкизма? и против брандлеризма (Тальгеймер!)? и против социал-фашизма?.. Разве все остальные журналы, кроме «Под Знаменем Марксизма» освобождены от этой партобязанности — от критики теоретических корней троцкизма, тальгеймеризма, каутскианства, австро-марксизма, конструктивного социализма и тому подобных теорий, враждебных ленинизму? Не только редакция «П. З. М.», но и редакции многих других журналов показывают совершенно-недостаточные, ну прямо-таки недопустимо-медленные, черепашьи темпы в деле теоретической критики всех перечисленных, враждебных нам «измов».

В своей декларации «тройка» ни слова не обронила о теоретической критике социал-фашизма и тальгеймеризма, а ведь без одновременной теоретической, развернутой философской атаки на социал-фашизм нельзя атаковать как следует методологию Троцкого и Тальгеймера, которые в поразительном согласии друг с другом доказывают «логическую» невозможность «социал-фашизма» (ставшего уже историческим фактом). Еще в апреле 1929 г., когда Ральцевич находился в разгаре своей драки с Цырлиным за честь Переверзева, я говорил на I Всесоюзном совещании ОВМД: «Я бы мог еще указать на один новый философский фронт. Появилась работа Троцкого, оценивающая итоги ноябрьского пленума. Эта работа не только политического характера, но и с претензией на философско-методологическое обоснование «наших разногласий». Троцкий проводит там идейку, что методологической основой «сталинизма» является имманентный идеализм и схоластика. Мне думается, что ОВМД можно взять на себя защиту диалектического материализма и ленинизма от философского ревизионизма, откуда бы он ни исходил, от механистов, социал-демократов или троцкистов как в Советском Союзе, так и за границей. Международному фронту ревизионизма от Ортодокс до Каутского и Троцкого нужно противопоставить международный философско-политический фронт диалектического материализма. Я думаю, что нашему союзному ОВМД следует принять ряд шагов перед Коминтерном, чтобы поставить эту работу на должную высоту» («П. З. М.» 1929 г., № 5, стр. 159). Тт. Митин и Ральцевич ни одного звука не проронили тогда на эту тему, а теперь они открывают нам Америку о необходимости методологической критики троцкизма, при чем они совершенно

забывают о такой же и неменьшей необходимости критиковать социал-фашизм! А ведь об этом сказано и в резолюции совещания ОВМД (§ 12) и в резолюции «Об итогах и новых задачах на философском фронте», тщательно сплагиированной в «оригинальной» статье не менее «оригинальной» «тройки»! Должно быть, дело обошлось не без «нервничанья и чрезмерной торопливости», если целое трио забывает о необходимости идеологической борьбы с социал-демократией, о необходимости направить ураганный огонь против теоретических основ социал-фашизма и его особенно опасной, «левой» разновидности. Могут ли чуткие философы-партийцы, игнорируя эту работу, выполнить свои партийные и теоретические обязанности пред Коминтерном?..

А вот как один из «наиболее чутких философов-партийцев» т. Ральцевич самостоятельно «разобрался» в методологии троцкизма. В специальной работе «Эмпиризм и диалектика» («В. К. А.» № 33) он из 29 страниц 22 посвящает философской стороне дела (эти страницы могли бы послужить прекрасной иллюстрацией формалистического, абстрактно-схоластического уклона некоторых учеников т. Деборина), 6 страниц методологии правого уклона и 20 строк методологии троцкизма. Вот вам «правильная» пропорция между логическим и историческим, а также и между борьбой с правым уклоном и борьбой с троцкизмом. Но дело не только в количественных отношениях, а в качестве теоретической силы удара т. Ральцевича по методологии троцкизма. Он заметил троцкистский рационализм и воображаемые троцкистские прыжки, но в специальной работе об «Эмпиризме и диалектике» у него нет ни слова о ползучем эмпиризме Троцкого, этой оборотной стороне троцкистского летучего рационализма. Ральцевич, должно быть, в силу его особенной философской и партийной «чуткости», прошел мимо методологической основы капитулянтской сущности троцкизма: «Троцкистский рационализм (на такой же эклектической базе, как и современный правый уклон) хотел прямолинейно продолжать политику военного коммунизма, непосредственных экспроприаций и т. д.». На какой эклектической базе—остается тайной Ральцевича. Впрочем, двумя абзацами раньше он писал, что (бухаринская) «рационалистическая теория (4 фаз революции. *С. Н.*) прекрасно согласована с ползучим эмпиризмом». Если именно эту эклектическую базу Ральцевич имеет в виду, тогда мы получим «вдвойне-печальное»... «удовольствие»,—а именно механическое и весьма пустое отождествление методологии правого уклона и троцкизма.

Между тем своеобразие методологии троцкизма в том, что летучий рационализм переходит у него в ползучий эмпиризм, «левая» форма в правую сущность (Сталин, Доклад на XVI партс'езде). Именно такова «формула перехода» троцкизма к очередным делам при встрече с трудностями, в кризисные моменты и трудные полосы революционного движения. Так было в годы реакции после первой русской революции (от «перманентной революции» переход к ликвидаторству), так обстоит дело с троцкизмом в годы реакции в Китае (от лозунга китайской диктатуры пролетариата к лозунгу китайской учредилки), так же обстоит дело с троцкистским пониманием наших внутренних союзных дел (от сверхиндустриализации и ставки на раскулачивание (в 1925—1927 гг.!!) к отрицанию «пятилетки в четыре года» и лозунга «ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации» (в 1930 г.). Теоретический «удар» Ральцевича по методологии троцкизма повисает в воздухе—он ничего не об'ясняет в политических переходах и перелетах троцкизма.

Или чего, напр., стоит такой «перл»: «Великолепный прыжок и получайте чистенький, законченный социализм». Так выглядит у Ральцевича троцкистское... отрицание возможности построения социализма в Советском Союзе. По Ральцевичу выходит, что Троцкий признает возможность—да еще

одним прыжком!—построить полный, «законченный социализм», тогда как Троцкий «учит», что построить социализм нельзя ни в одной стране, ни даже на одном континенте, а лишь в планетарном масштабе. Кто выдумал, что Троцкий отрицает возможность построения социализма в одной стране, когда, по Ральцевичу, он берется построить «законченный социализм» одним прыжком. По Ральцевичу, выходит, что разница между троцкизмом и ленинизмом только в расчете количества прыжков, необходимых для построения социализма в СССР. И этот невообразимый путаник из путаников берет на себя смелость отмерять необходимую силу теоретического удара по троцкизму!

Более того, он решительно ничего не понял в действительной диалектике соотношения между рационализмом и ползучим эмпиризмом и в правом уклоне. Для него вообще не существует такая проблема: в чем своеобразие сочетания обоих этих элементов, с одной стороны в правом уклоне, а с другой стороны в троцкизме. Он и в правом уклоне ставит на первом месте рационализм, который-де прекрасно согласован с ползучим эмпиризмом. Если б Ральцевич стал утверждать, что в этой формуле первенство в методологии правого уклона отдается ползучему эмпиризму (ибо с н и м-де согласован рационализм), тогда опять-таки получится пустое отождествление методологии правого уклона с методологией троцкизма. Посмотрите, как троцкистская «методология» (в иронических кавычках!) характеризуется в статье тройки: «Для с.-д. сущности троцкизма крайне характерно эклектическое сочетание механистической ревизии и формально-идеалистических моментов». Хотелось бы узнать, как выглядит д и а л е к т и ч е с к о е сочетание этих методологических «качеств». Но это между прочим. А главное, у «тройки» в методологии троцкизма на первое место ставится механистическая ревизия, а рационализм и формализм представлены только в виде «моментов». Тогда, спрашивается, в чем же отличие теоретических корней троцкизма от теоретических корней правого уклона? Получается абстрактное тождество, тождество без различия. Получается нечто в роде похороненного учения т. Максимова, что механицизм есть «левый» уклон. А дело, в действительности, обстоит так: в троцкизме летучий рационализм перерастает сплошь и рядом в ползучий эмпиризм, а у правого уклона, наоборот, ползучий эмпиризм сочетается с рационалистическими моментами. Без этих методологических переходов нельзя отыскать ключи к политическим переходам в практике троцкизма и правого уклона и к переходам последних друг в друга.

В этой связи мы остановимся еще на моих криминалах по части Бухарина. Видите ли, Новиков рекомендует Бухарина как интересного теоретика! А разве это неверно, что в лице Бухарина погибает интересный, хотя и недоучившийся диалектике, теоретик? А если Бухарин по-моему интересный теоретик, то, казалось бы, я «дооцениваю» теоретические корни правого уклона? Так нет же, т. Ральцевич буквально ставит синтаксис вверх ногами и наворачивает такое стилистическое чудище: «В действительности «разоблачением теоретических корней» правого уклона не только «н е б ы л а з а в е р ш е н а» его политическая критика, но к этому разоблачению философский фронт еще п о - н а с т о я щ е м у и н е п р и с т у п и л». В этом стилистическом «шедевре» т. Ральцевич осторожненько намекает, что аз, грешный, считаю завершенной т е о р е т и ч е с к у ю критику правого уклона. Тогда как в действительности я утверждаю, что политическая критика правого уклона была завершена (т.-е. д о п о л н е н а, у г л у б л е н а или о б о с н о в а н а. *С. Н.*) разоблачением его теоретических корней. При большей догадливости Ральцевич должен был обрушиться на действительно уязвимые места моей формулировки: «п о л и т и ч е с к а я критика правого уклона была з а в е р ш е н а и т. д. Так, напр., Ральцевич мог бы приписать мне утверждение, что, по-моему, п о л и т и ч е с к а я б о р ь б а

с правым уклоном у ж е з а в е р ш е н а, т.-е. окончена, что стало быть правый уклон перестает быть для меня главной опасностью на данном этапе и т. д., и т. п. Он, к чести его, по этой дорожке не пошел, и мимо политической стороны дела ринулся в «т е о р и ю», так и получился у него запутанный намек «на то, чего не ведает никто»: будто я считаю завершенным разоблачение теоретических корней правого уклона.

Затем, чего стоит открытие, что философский фронт еще «п о - н а с т о я щ е м у и не приступил» к разоблачению теоретических корней правого уклона? Что за «барски-пренебрежительный тон» по отношению к работе целого коллектива партийцев-философов, писавших, докладывавших и дискуссировавших на тему о теоретических корнях правого уклона! (См. сб. «Теория равновесия и материалистическая диалектика»; «Дискуссия по историческому материализму», «В. К. А.» №№35—36 и т. д.). Пока Ральцевич не приступит к этому делу, настоящего разоблачения теоретических корней правого уклона не выйдет! Вообще у нас на философском фронте нет ничего «действительного»: нет «действительной разработки ленинского философского наследства», нет действительной критики правого уклона, нет и не будет действительной критики методологии троцкизма, ибо ни в одной из этих действительных работ Философского Института Комакадемии наши двойные итальянские самокритики не принимали и не принимают участия... Разве это не позиция «истерического суб'ективного идеализма» (вспомните полемику с Цырлиным!) считать, что если та или иная часть нашей философской действительности не существует в мыслях «тройки», то ее и нет в.. действительности...

Для «основного метода работы» нашего воинствующего путаника и всей «тройки» «громче всех крикунов» это вообще характерный прием: смазывать действительные достижения, раздувать не менее действительные недочеты и о ш и б к и и доводить таким образом философскую самокритику до абсурда. Если Сталин говорит о «некотором разрыве между практическими успехами и развитием теоретической мысли», Ральцевич должен громче всех крикнуть: «(в особенности, философской)». Таким образом, восстанавливается нелепая теория «исключительности» философии, только с отрицательным знаком. А вот резолюция пленума Комакадемии, прошедшая соответствующие партинстанции, отмечает «отставание теоретической борьбы в области философии от задач социалистического строительства и конкретных отраслей научного знания», а в э к о н о м и к е «п о л н ы й отрыв от проблем социалистического строительства и революционной борьбы пролетариата» (Подчеркнуто мною. *С. Н.*). Выходит, что в о с о б е н н о с т и отстает не философия, а экономическая мысль. Или, напр., тт. Ральцевич и Митин «громче всех кричат», что философский фронт по-настоящему даже и не приступил к разоблачению теоретических корней правого уклона, что действительной разработки философского наследства Ленина нет, а та же резолюция утверждает, что «к числу несомненных достижений этого (философского. *С. Н.*) фронта нужно отнести р а з о б л а ч е н и е м е х а н и с т и ч е с к и х к о н ц е п ц и й, к р и т и к у м е т о д о л о г и ч е с к и х к о р н е й п р а в о г о о п п о р т у н и з м а, борьбу против идеализма... разработку проблем философии марксизма - л е н и н и з м а на основе идейного наследства Маркса, Энгельса и Л е н и н а» (Подчеркнуто нами. *С. Н.*).

Казалось бы, если к разоблачению теоретических корней правого уклона на философском фронте даже и не приступили, если выдержанной методологической критики троцкизма философское руководство не в состоянии дать, если действительной разработки философского наследства Ленина нет и не будет (пока за все эти дела не возьмется «тройка»), тогда, казалось бы, что отсюда следует? что философское движение в нашей стране находится в состоянии т я ж е л о г о кризиса? Но не то выходит по «чуткой» логике

т. Ральцевича: наше философское движение находится у него в состоянии лишь «некоторой кризисной полосы» (стр. 94; подчеркнуто мною. *С. Н.*). И после этого они обижаются, когда их называют воинствующими путаниками, эклектиками! (Вообще у «некоторых» философов имеется «некоторое» непонимание слова «некоторый»: его «недооценка», когда речь идет, напр., о «некоторой реальной опасности» троцкизма, и переоценка, когда речь идет о «некоторой кризисной полосе» на нашем философском фронте). Вот это и есть двойная итальянская «самокритика». И еще одна черточка для характеристики «основного метода работы» Ральцевича. Тройка вместе со всеми философами-партийцами Москвы голосовала за известную резолюцию, опубликованную в «П. З. М.» № 4. Тройка переписала этот документ в своей «знаменитой» статье, а теперь приходит Ральцевич и с ясным лбом изрекает: «Да и чему здесь удивляться, если не далее, как в апреле с. г. «П. З. М.» писал: «В борьбе партии с правым уклоном критика методологических корней правого оппортунизма явилась прямым продолжением борьбы с механистами» (№ 4, стр. 6). «Чему тут удивляться», так и остается тайной Ральцевича. Видимо, утверждению, что для философов-партийцев «критика методологических корней правого оппортунизма явилась прямым продолжением борьбы с механистами». Но ведь это же абсолютно правильное отражение того, что было и есть, т.-е. действительной истории... нашей философии. Но чему действительно приходится удивляться, так это тому спокойствию, с которым Ральцевич сознательно вводит в заблуждение читателей «Большевика», будто критикуемые строки «писал» «П. З. М.», тогда как в действительности это криминальное место «писала»... резолюция «Об итогах и новых задачах на философском фронте» (принятая всеми голосами московских философов-коммунистов, против одного Варьяша, в том числе и голосами «тройки»: Ральцевича, Митина и Юдина). Эта же резолюция без единого примечания напечатана в журнале «Революция и Культура»—не скажет ли т. Ральцевич, что вышеуказанное криминальное место «писала» «Революция и Культура»?

Чтобы покончить с вопросом о политической медологии т. Ральцевича, посмотрим, что Ральцевич на«dumm»ал по вопросу об отношении пролетариата к крестьянству в рецензии на книгу Луппола («Правда» № 235). Среди некоторых действительно ошибочных положений этой хорошей книги т. Ральцевич «нащупал» утверждение, что «отношение между пролетариатом и крестьянством есть отношение различия, а не противоположности или, тем менее, противоречия». Ральцевич, конечно, спешит об'явить, что это у Луппола антиленинская «диалектика». «Лупполу мерещится, что признание противоречий между пролетариатом и крестьянством означает троцкизм. Этим он сам (троцкизм или Луппол? *С. Н.*) скатывается в данном конкретном вопросе на позиции правого уклона». Увы, прежде всего ясно, а не мерещится, что Ральцевич в данном конкретном вопросе скатывается на позиции... воинствующей механистики Перельман, которая давненько критиковала такую же «антиленинскую» диалектику у Деборина, пустивши в ход то же политическое обвинение Деборина в правом уклоне. Луппол утверждает то же, что и Деборин, у которого воинствующей механистке не понравилось следующее место (кстати, весьма и весьма «переработанное» ею по «основному методу работы» т. Ральцевича): «Буржуазия и пролетариат составляют, напр., различные общественные классы. Однако различными общественными классами являются также пролетариат и крестьянство. Правда, это еще ни в малейшей мере не говорит о том, что они противоположные классы в смысле противоположности их интересов и пр. Но различие переходит в противоположность, когда оно касается существа дела, т.-е. если это различие «субстанциальное» (Деборин, Философия и

марксизм, Гиз, 1926 г., стр. 264; ср. Современные проблемы философии марксизма, 1929 г., стр. 131).

Странно, что, критикуя Луппола, т. Ральцевич забыл «покрыть» тут заодно и Деборина. Вместе пойманы, вместе повешены. Но в этом случае Ральцевичу сразу напомнили бы, что он плагиирует Перельман (это — естественное и неизбежное последствие примиренческого отношения «тройки» к механистам). Так, с перельмановской помощью Ральцевич камня на камне не оставляет от «лупполовской «диалектики» «единства» не противоречий, а различий или «противоположностей (не противоречивых)» («Правда» № 235). Из сопоставления обоих «убийственных» «аргументов» т. Ральцевича видно, что он-то стоит за «признание противоречий между пролетариатом и средним крестьянством», за характеристику отношения пролетариата к среднему крестьянству как «единства» «противоположностей» противоречивых. Короче говоря, если освободить путаницу В. Ральцевича от искусно понаставленных кавычек, то ясно, что для него отношение пролетариата к среднему крестьянству есть отношение противоположности и противоречия, т.-е. точь-в-точь по образу и подобию отношения пролетариата к буржуазии. Если это не троцкизм, то что же такое троцкизм? Когда Луппол, вслед за Дебориным утверждает, что здесь налицо отношение различия, то лишь механисты или примиренцы к ним, т.-е. путаники, могут приписать Деборину и Лупполу правый уклон, — ибо путаники не понимают, что при определенных, конкретных условиях различие переходит в противоположность, а противоположность в противоречие. В отношении различия заложены элементы противоположности и противоречия. «Развитое различие есть противоположность; развитая противоположность есть противоречие» (Деборин). Формула Деборина и Луппола содержит в себе признание противоречий между пролетариатом и средним крестьянством. Но это такая формула, которая за различиями и противоречиями не забывает единства (без кавычек), союза пролетариата и среднего крестьянства, такая формула, которая отмежовывает ленинизм от троцкизма и путаницы Ральцевича.

В рецензии т. Ральцевича есть «признание противоречий между пролетариатом и средним крестьянством», но нет ни одного слова об их действительном единстве (без кавычек), об их союзе, есть таким образом признание наличия противоречивых интересов, но отсутствует признание общих интересов у пролетариата и основных масс крестьянства,—если это не троцкизм, тогда что же такое троцкизм в понимании существа и форм классовой борьбы в СССР? Кто говорит только о противоречии и забывает тут же резко подчеркнуть единство, общность интересов пролетариата и среднего крестьянства, тот говорит троцкистской прозой. У пролетариата и среднего крестьянства больше общих, нежели различных, противоположных или противоречивых интересов. На этом признании покоится ленинская теория возможности переделки среднего крестьянства в колхозном котле и, стало быть, возможности построения социализма в Советском Союзе. На отрицании и забвении общности, при одностороннем, метафизическом подчеркивании противоречия интересов пролетариата и среднего крестьянства покоится вся троцкистская «теория». Отношение пролетариата и среднего крестьянства есть двойственное отношение: общности и противоречия интересов; это вытекает из двойственной природы середняка, который сам в себе несет противоречивое общественное отношение—труженика к спекулянту, торговцу хлебом.

Фатальная, почти-максимовская «закономерность»: из примиренческого отношения к механистам (плагиирование мыслей Перельман!) вылупилось у Ральцевича примиренческое отношение к троцкизму в понимании «суще-

ства и форм классовой борьбы в СССР». Неужели т. Максимов прав, и механистический уклон есть действительно «левый» уклон, ведущий фатально к троцкизму? Если в отношении т. Степанова это было «не шибко умно», то в отношении т. Ральцевича тезис т. Максимова (относящийся, может быть, только к 1927 г.) не без зерна истины. Конечный результат «эпизода» можно выразить в такой математической формуле: Ральцевич : Лупполу = Перельман : Деборину (примиренец к механистам Ральцевич относится к Луп полу, как непримиримая механистка Перельман к Деборину). Ральцевич «скатывается в данном конкретном вопросе»—об отношении пролетариата к среднему крестьянству—к своему «теоретику»—Троцкому. После этого нет ничего удивительного в том, что Ральцевич и вся «тройка» замалчивает троцкистско-коршианскую ошибку Фурщика в вопросе об оценке роли довоенного Каутского в истории и теории марксизма... Значит ли это, что у Ральцевича троцкистский уклон? Нет, он просто—воинствующий путаник.

В путанице Ральцевича о троцкизме концы, наконец, сошлись с концами: в «ученой» работе «Эмпиризм и диалектика» Ральцевич открыл, что троцкизм есть признание возможности построения полного социализма одним прыжком («великолепный прыжок—и готово—получайте чистенький, законченный социализм»), а в столь же ученой рецензии на книгу Луппола он сделал новое и столь же ценное открытие, что голое «признание противоречий между пролетариатом и средним крестьянством» (и только противоречий! *С. Н.*) не есть троцкизм. Оба открытия друг друга стоят. Распутаем путаницу Ральцевича. Троцкизм считает, что ни одним, ни каким - угодно количеством прыжков построить законченный социализм невозможно ни в одной стране, ни даже на одном континенте, тем более в крестьянской стране, ибо, по Троцкому, отношение пролетариата к широким массам крестьянства есть отношение противоречия, которое может быть разрешено только на мировой арене, только в планетарном масштабе. Эклектик Троцкий по-своему последователен. Эклектик Ральцевич непоследователен от начала до конца. Он принимает главные теоретические корни троцкизма, основу «теории перманентной революции» (отношение пролетариата к широким массам крестьянства есть отношение противоречия и только противоречия!), но отказывается признать вытекающую отсюда троцкистскую теорию невозможности построения социализма в одной стране, зато самому Троцкому приписывает признание возможности построения законченного социализма в нашей стране, правда, одним великолепным прыжком, и сводит, таким образом, все «наши разногласия» с Троцким к спору о количестве прыжков и длительности эпохи строительства социализма.

Вот как т. Ральцевич обнаружил свою прямо - таки необ'ятную «силу теоретического удара по методологическим корням троцкизма»: к сожалению, никак нельзя сказать, что у Ральцевича «имеется недооценка теоретических корней троцкизма», он охотно питается этими корнями, ибо не понимает, куда они растут. Ральцевич «в данном конкретном вопросе» занял позиции «некоторых вчерашних участников троцкистско-зиновьевской оппозиции». В. Ральцевич живет вчерашним днем Карева «в данном конкретном вопросе», ибо т. Карев отказался от своей теоретически неправильной и политически вредной, безусловно троцкистской формулировки («отношение к ним» (ко всем другим оставшимся от прежних общественно-экономических формаций классам, стало быть, и к основным массам крестьянства. *С. Н.*) «есть отношение классовой борьбы» («П. З. М.» 1927 г., № 10—11, стр. 75), а т. Ральцевич пришел к этой формулировочке в своей рецензии на книгу Луппола. Хорошую книгу Луппола нужно критиковать, но умеючи, не делая при этом троцкистских ошибок и, кстати, не попадая пальцем в небо. А Ральцевич занимается этим делом, и не без успеха.

Так, напр., Ральцевич утверждает, что «неленинским (скорее—бухаринским) является представление Лупполом буржуазного государства, как «оболочки буржуазного общества», «как предохранительной оболочки капиталистического общества». Аргументы? Никаких. Ральцевичу в «оболочке» Луппола, видимо, «мерещится» механический «обруч» Бухарина. Ну, а как быть с таким «неленинским (скорее—бухаринским) представлением» Маркса о социалистической революции: «На ряду с постоянным уменьшением числа магнатов капитала... растет/и возмущение рабочего класса... организованного самим механизмом (ужас!) капиталистического процесса производства. Монополия капитала становится оковами (ужас! ужас!) того способа производства, который вместе с нею и благодаря ей достиг расцвета. Централизация средств производства и обобществление труда достигают уровня, при котором они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой (трижды ужас!). Последняя (оболочка, т. Ральцевич) разрывается» (Капитал, т. I, стр. 613; подчеркнуто нами. *С. Н.*). «Механизм»... «оковы»... «оболочка»! — вот как Маркс выражается о производственных отношениях капитализма. Не скажет ли Ральцевич, что Маркс механист? Напоминаю, что Маркс, Энгельс и Ленин иногда — и неоднократно — употребляли термин «равновесие» и производные от него. Но значит ли это, что они хоть капельку придерживались теории равновесия?.. Луппол, как известно, тоже не придерживается этой теории. Ральцевич хватается за известные «аргументы» Варьяша, который с таким же успехом пытался произвести Деборина в механисты (см. его выступление и наш ответ в дискуссии об «Истмате» Бухарина, «В. К. А.» № 35—36). Фатальная закономерность. Примиренчество к механистам обязывает подражать «основному методу работы»... Варьяша.

III. Философские подарки тт. Ральцевича и Митина М. Фурщику (а заодно и Л. И. Аксельрод, М. Вернеру и К. Коршу).

Подкрепившись... «теоретическими корнями троцкизма», т. Ральцевич отправляется в страну фурщикиады. Он приписывает т. Деборину и моей малости «некритическое пользование терминами «социальные инстинкты»» и более того находит у нас «биологическое понимание инстинкта» в духе «социального дарвинизма». Ни одной цитаты для обоснования столь тяжкого обвинения он не приводит. Единственный аргумент у Ральцевича: «Новиков некритически долбит: социальные инстинкты... животных». «Разумовский же в противоположность ему заявляет: «Социальные инстинкты — отнюдь не (разрядка В. Ральцевича) биологическая, но уже социальная категория». «Социальные стремления или инстинкты в понимании Маркса, Энгельса... таким образом не содержат в себе ровно ничего биологического». «Сочетание понятия «социальный» с «инстинктом» в биологическом смысле было бы, конечно, величайшей безграмотностью»... Ральцевич утверждает, что «все эти совершенно правильные замечания т. Разумовского идут по линии критики отдельных формулировок т. Деборина». Я тоже со спокойной совестью считаю эти замечания т. Разумовского правильными, ибо ни в одном месте моей статьи о Фурщике, как и у т. Деборина, наш «критик» не отыщет ни одного намека на биологическое понимание социальных инстинктов человека. Я в своей статье, в полном согласии с тт. Дебориным и Разумовским, «долблю» (по отношению к некоторым головушкам это, увы, единственно надежный и почти «основной метод работы»), «долблю», что социальные инстинкты наших животных предков содержатся в социальных инстинктах, в нравственном чувстве человека в «снятом» виде. Социальные инстинкты человека, «долблю» я, истори-

ческая, социальная категория, новое, социальное качество, хотя и возникшее естественно-исторически из социальных инстинктов наших животных предков. Вот и все. Где же тут хоть малейшее подобие биологического понимания социальных инстинктов человека или социологического понимания социальных инстинктов питекантропоса?

А о социальных инстинктах животных писали Маркс и Энгельс и, увы, т. Разумовский! «Общественный инстинкт... наблюдается и в животном мире» (Разумовский, «П. З. М.» № 5, стр. 198). Там же т. Разумовский присоединяется безоговорочно и, конечно, вполне правильно к утверждениям Энгельса, что наши животные предки «были общественными животными» (Архив, т. II, стр. 93); что «взаимодействие живых существ включает сознательное и бессознательное сотрудничество, а также сознательную и бессознательную борьбу. Нельзя даже в растительном и животном мире видеть только одностороннюю борьбу» (Там же, стр. 21). Разумеется, что т. Разумовский присоединяется и к известному месту из письма Энгельса к Лаврову: «Я не могу согласиться с вами, что борьба всех против всех была первой фазой человеческого развития. По моему мнению, общественный инстинкт был одним из важнейших рычагов развития человека из обезьяны («Летопись Марксизма», кн. V, стр. 36) (Все разрядки по ст. т. Разумовского). Итак, Энгельс считает, что в животном мире имеются сознательные и бессознательные (инстинктивные, т. Ральцевич!) борьба и сотрудничество; и что общественные (социальные, т. Ральцевич!), инстинкты, руководившие нашими общественными животными предками в их борьбе и сотрудничестве, и были одним из важнейших рычагов в развитии человека из обезьяны. Как видите, Энгельс «долбит» о социальных инстинктах животных и более того о борьбе и сотрудничестве у всех живых «существ», даже у растений! Так вопите же, мой «чуткий» критик, что Энгельс некритически пользуется терминами «социальные инстинкты», «борьба» и «сотрудничество»! «Как это может быть понятно даже» Ральцевичу, борьба и сотрудничество—социальные категории, и все-таки Энгельс употребляет их в применении к животным и растениям! В чем же дело?.. Разумовский, конечно, разумеет, в чем суть вопроса, а Ральцевич нет. Когда марксист употребляет такие «пограничные» категории, как социальные инстинкты, борьба и сотрудничество животных, он усматривает у наших животных родственников и предков, разумеется, не человеческую «социальность», а... животную (стадную — у обезьян, ройную—у пчел, косячную—у диких лошадей и т. д., и т. п.), и, наоборот, социальные инстинкты человека марксист понимает от начала до конца не как биологическую, а как социальную категорию. Именно на этой точке зрения стоят Деборин, Разумовский и, аз, грешный.

Неудивительно, что при своей проницательности «критик» приписывает мне целую кучу нелепостей: 1) защиту «чуть ли не всех положений теории нравственности Каутского» (теорию нравственности Каутского, автора «Этики», я критикую, как механистическую!); 2) «признание актуальности «категорического императива» Канта при коммунизме» (я «категорический императив» Канта не только критикую, но даже «непристойно» высмеиваю как абстрактный, формальный, надисторический нравственный закон, негодный, стало быть, ни при одной общественной формации!); 3) безоговорочную защиту Плеханова в вопросах этики (я «величаю» и весьма «непристойно» его «простые законы нравственности и права» ренегатским откровением! — см. «П. З. М.», № 5, стр. 175). Тов. Ральцевич «самокритикует» меня в кредит: аргументы его известны «лишь близким родственникам уважаемых редакторов журнала», поместившего «философский подарок» Ральцевича. Он пишет, что моя статья против

Фурщика требует «особой подробной критики». Будем ждать, а пока посмотрим, что за выводы следуют у т. Ральцевича после столь «содержательной и победоносной» «аргументации».

Оказывается, он с удовлетворением констатирует в статье т. Разумовского «отступление редакции, отступление «П. З. М.» перед рядом правильных замечаний Фурщика, допускающего, однако, некоторые (подчеркнуто мною. Ох, и везет же т. Ральцевичу с этим словом! *С. Н.*) ошибочные положения, что требует еще особой критики». Откладывая критику «некоторых» (так! так!) ошибочных положений Фурщика до более спокойных времен, Ральцевич приглашает Деборина признать, что «в р я д е м е с т (т а к и х - т о и м е н н о) о н с а м д о п у с т и л э к л е к т и з м, дал н е ч е т к и е, д в у с м ы с л е н н ы е и п р я м о н е в е р н ы е ф о р м у л и р о в к и ». Какие неверные формулировки—это опять-таки известно «лишь близким родственникам» т. Ральцевича. Но что примечательно, так это — превращения т. Ральцевича и его друзей в «проблеме» Фурщик—Деборин. Когда механисты, уцепившись за статью Фурщика, стали кричать в «Безбожнике», что Деборин—механист, «биологист» в вопросах этики («биологизирует» социальные инстинкты!), шестерка во главе с т. Митиным прокламировала там же, что всем известны заслуги Деборина в борьбе с механистами, хотя у него и имеются неудачные формулировки в статье против Аксельрод. Теперь же Ральцевич в «данном конкретном вопросе» о социальных инстинктах повторяет против Деборина буквально аргументы механистов во главе с Варьяшем! До сих пор тт. Митин и Ральцевич говорили о «н е у д а ч н ы х», а теперь о н е в е р н ы х формулировках т. Деборина. Далее, списывая... чужие слова и мысли, «тройка» указывала на э к л е к т и з м, на р и к к е р т и а н с к и е, «н е о к а н т и а н с к и е п о з и ц и и» Фурщика и его не исторический подход к Каутскому (подчеркнуто «тройкой». *С. Н.*); теперь же Ральцевич говорит об э к л е к т и з м е Деборина, а у Фурщика обнаруживает «ряд правильных замечаний» и только «н е к о т о р ы е ошибочные положения» (о троцкистско-коршиевской стороне ошибок Фурщика нет ни слова ни в статье «тройки», ни в рецензии т. Ральцевича!). Превращения, которые могли бы составить благодарный сюжет для Апулея... (автора прекрасных сатир под заглавием «Превращения или о золотом осле»). Мы без особого удовлетворения констатируем, что в своей рецензии Ральцевич, как и все наши воинствующие эклектики, отступил на... н е о к а н т и а н с к и е п о з и ц и и Фурщика. Эклектики эклектика видят издалека, как рыбак рыбака...

Наконец, в связи с вопросом о социальных инстинктах уместно спросить, какого мнения т. Ральцевич, напр., о такой формулировке: «Т е п е р ь с т а л о я с н е е я с н о г о, ч т о в о с н о в е п р а в о г о о п п о р т у н и з м а л е ж и т ж и в о т н а я т р у с о с т ь м е л к о г о б у р ж у а»... Ведь правый оппортунизм и мелкий буржуа суть, как будто, с о ц и а л ь н ы е категории, а животная трусость — б и о л о г и ч е с к а я категория, более того, «непристойная» форма довольно элементарного животного инстинкта, а именно—инстинкта самосохранения. И что же оказывается? Что этот ж и в о т н ы й, б и о л о г и ч е с к и й инстинкт мелкого буржуа образует о с н о в у, с у щ н о с т ь правого оппортунизма... Не правда ли, т. Ральцевич, здесь налицо «б е з г р а м о т н о е» сочетание одной б и о л о г и ч е с к о й с целыми двумя с о ц и а л ь н ы м и категориями? Не правда ли, эта формулировка может принадлежать только путанику—социальному дарвинисту? Кто же автор этой «безграмотной» (хотя и правильной, как всякая банальность) формулировки? Посмотритесь в зеркало (В. Ральцевич, «Эмпиризм», «В. К. А.» № 33, стр. 54). Это—двойной взнос В. Ральцевича: 1)—в науку о социальных инстинктах и 2) в проблему о социальных и теоретических корнях правого уклона. Нечего говорить, что формулировка Ральцевича обнаружи-

вает у автора прямо-таки необыкновенную оригинальность, глубину и «силу теоретического удара по методологическим корням» правого уклона...

Засим, позвольте зарегистрировать у вас, т. Ральцевич, еще одно противоречьице: как вы утверждаете теперь, что «философский фронт еще по-настоящему и не приступил»... «к разоблачению теоретических корней правого уклона» («Большевик» № 14, стр. 92), если год тому назад вам «стало яснее ясного», что «лежит в основе правого оппортунизма»..., или, может быть, вы скажете, что в одном случае вы говорили о социальных, а в другом о теоретических корнях. Тогда у вас в обоих случаях налицо либо ползуче-эмпирический, либо формалистический разрыв между «социальным» и «теоретическим», между «конкретным» и «абстрактным», между «историческим» и «логическим», т.-е. вы страдаете всеми недостатками, которые вы с Митиным хотите (и не можете!) открыть у Деборина.

* * *

Тт. Митин и Ральцевич воображают, что они заняли на повороте «самостоятельную позицию» «наиболее чутких философов - партийцев». Присмотримся ближе к этой «самостоятельности». Едва ли не центральным пунктом этой «самостоятельной позиции» является утверждение, что т. Деборин страдает «формалистическим искажением марксистской теории». Итак, Деборин и его ближайшие ученики являются конкретными носителями формалистического зла, «формалистического, абстрактно-схоластического уклона в философии» (Митин, «Правда» №№ 217 и 218). Одним словом, нашим «наиболее чутким философам-партийцам» «теперь яснее ясного стало» то, что... механистам было не менее ясно года два и три тому назад. Механисты величали разработку теории материалистической диалектики гегельянщиной, схоластикой и формализмом. Известная книжка И. И. Степанова кишит обвинениями «деборинщины» в идеализме, витализме, поповщине, гегельянщине, формализме, схоластике и т. д. без конца. Л. И. Аксельрод написала «В защиту диалектического материализма» целую книгу «Против схоластики»... Деборина. Сарабьянов собрал и кодифицировал все эти «эпитеты» в бойком и безвкусном памфлете, который по своему тону почти мог бы конкурировать с «партийной» и «пристойной» полемикой Ральцевича против Цырлина. А наши «наиболее чуткие философы - партийцы», позаимствовав у механистов главное обвинение против Деборина (обвинение в формалистическом уклоне!), воображают, что они заняли «самостоятельную позицию» при повороте на философском фронте... Самомнение воинствующих плагиаторов, которые все, что у них есть правильного, списали, без указания источника, из резолюции «Об итогах и очередных задачах на философском фронте» («П. З. М.» № 4) или из работ, докладов и выступлений Деборина и его ближайших учеников, а все, что есть неправильного, частью примыслили собственным умом, а частью, и большею частью, позаимствовали у неокантианца Фурщика, у механистов, у ультра-троцкиста Корша и меньшевистского философа М. Вернера (А. Шифрина). Да, да, у М. Вернера и К. Корша, это не описка.

М. Вернер устанавливает в «советском марксизме» черты универсальной, законченной, авторитарной идеологии со всеми конститутивными признаками последней: абсолютизмом мышления, априористикой, догматизмом и апологетикой («Gesellschaft» 1927, № 7, стр. 45, 52). Сочувственно цитируя И. Степанова о гегельянщине Деборина, М. Вернер пишет, что в господствующем направлении советской философии (у Деборина, тт. Митин и Ральцевич!!) «особенно плачевно обстоит с канонизированной, но плохо переваренной диалектикой, которая воспринимается в ее схоластической форме» (стр. 54; подчеркнуто мной. *С. Н.*).

К. Корш, конечно, согласен с этой оценкой «советского марксизма». Он прорабатывает Деборина, как ученика Ленина, а «Ленина и иже с ним» за то, что «они вдруг совершенно серьезно... начали говорить о каком-то абсолютном бытии и какой-то абсолютной истине». Он обвиняет Ленина и Деборина, что они тянут марксистскую философию назад от исторического материализма к философскому материализму, от поставленного Марксом и Энгельсом «вопроса об отношении между совокупным общественным бытием и всеми историческими формами общественного сознания к значительно более узкому, теоретико-познавательному, или «гносеологическому» вопросу об отношении между об'ектом и суб'ектом познания, и понимают одновременно это познание как в основе непротиворечивый, поступательный эволюционный процесс и как бесконечный прогресс приближения к абсолютной истине». Стало быть, К. Корш обвиняет Ленина и Деборина, как Митин Деборина, в метафизическом предпочтении «абстрактного»—«конкретному», «логического»—«историческому». Как бы подражая Митину (гм! гм!), Корш прямо пишет о «Материализме и эмпириокритицизме» Ленина: «Следует обратить внимание на тот факт, что Ленин во всем этом произведении, которое на 370 страницах занимается отношением бытия и сознания, обсуждает это отношение только с абстрактной теоретико-познавательной *) точки зрения, ни разу не пробуя исследовать познание в одном ряду с другими историческими *) общественными формами сознания, как исторические явления, как идеологическую «надстройку» соответственной экономической структуры общества... или же как лишь только «всеобщее выражение действительных отношений существующей классовой борьбы» («Комманифест») (K. Korsh, Marxismus pun Philosophie, S. 37, 38, 2-te Auflage. *С. Н.*).

Корш видит коренной порок Ленина-философа и, разумеется, Деборина в абстрактном, логическом, «гносеологическом» подходе к проблемам познания, в игнорировании ими социальных, исторических, классовых корней философских систем. Митин почти буквально повторяет Корша, когда он утверждает, что у Деборина «развитие новейшей философии представлено, как исключительно логический переход одних философских систем в другие, без достаточного анализа социальных корней и исторических условий, обусловивших («условий, обусловивших». Ну, и стиль! *С. Н.*)—как самые философские системы, так и их переход друг в друга» («Правда» № 217). Если Фурщик смыкается с Коршем в оценке марксизма довоенного Каутского, то Ральцевич и Митин смыкаются с тем же Коршем, и с меньшевиком М. Вернером, и с механистами в оценке «основного метода работы» Деборина, как якобы формалистического, абстрактно-схоластического искажения марксизма.

Правда, пообещав устроить кровопролитное сражение, Митин с'ел только чижика. Формалистическим искажением марксизма оказывается страдает, главным образом... «крайне ценная», «ранняя работа» т. Деборина, его «Введение». Как можно назвать крайне ценной работу, страдающую формалистическим искажением марксизма, это секрет логики нашего воинствующего эклектика. Митин готов амнистировать последние работы т. Деборина, особенно против механистов, и признать, что они в значительной степени освободились от формализма, «однако сильный элемент формализма и в них остается». Это трусливое обвинение, построенное на оговорочках

---

*) Звездочкой подчеркнуто нами. Остальные разрядки автора. «Ленин — мыслитель», стр. 7—8.

к оговорочкам, выдает с головой почтенного «крытика» без... аргументов. Берем последние работы Деборина: «Ленин, как мыслитель»—не менее, чем наполовину, посвящена проблемам исторического материализма (империализма, диктатуры пролетариата; культуры). «Диалектика и естествознание» увязывает проблемы теории материалистической диалектики с жгучими проблемами современного теоретического естествознания. «Очерки по истории материализма XVII и XVIII вв.» дают логический и исторический, теоретико-познавательный и социально-классовый анализ философских, атеистических, этических и социально-политических воззрений указанных мыслителей. «Философия и марксизм» (изд. 1930 г.) более чем наполовину состоит из статей на жгучие социологические темы, например: «Гибель Европы или торжество империализма»—против Шпенглера; «Последнее слово ревизионизма» (против религиозного социализма М. Адлера, Кранольда и К°; «Фрейдизм и социология» — против фрейдомарксистов; работа против де-Мана, «Октябрьская революция и диалектический материализм» и т. д.). Столь же основательны митинские обвинения Плеханова в формализме, в приверженности к логическому по сравнению с историческим. Видимо, для Митина не существует блестящего социального, классового анализа, который Плеханов дает на ряду с логическим анализом в своих лучших философских и социологических работах. Для Митина, видимо, не существует «Статей против Струве», «Очерков по истории материализма», посвященных, главным образом, анализу социологических, этических и политических взглядов материалистов XVIII в.; не существует работ о социалистах-утопистах и историках эпохи реставрации; не существует статей по вопросам методологии искусства и литературы; не существует статей о религии и т. д. Существуют только статьи Митина и Ральцевича. История марксистской философии делится на две эпохи: от Маркса, Энгельса и Дицгена до Ленина и от Ленина до... Митина, Ральцевича и Юдина.

Наши «самостоятельные» «громче всех крикуны» именно у Деборина и, увы, у т. Карева узнали впервые про опасность формалистического искажения диалектики, напр., про формалистические ошибки Дмитриева и Гоникмана. Однако это не мешает Ральцевичу и Митину с важным видом выдавать чужие мысли за «самостоятельную позицию» и обратить очередной лозунг борьбы с формалистическим уклоном против авторов этого лозунга.

«Предмет философии конкретен» (Гегель). Философия наша ищет почвы конкретного. В этом смысл поворота на философском фронте. Но обрящет она эту почву конкретного не на путях и дорожках Л. И. Аксельрод, М. Вернера и К. Корша. Нужно продолжить и развернуть наступление против механистов, а Митин и Ральцевич берут у механистов аргументы против Деборина, который, по их же мнению, идет в первых рядах антимеханистического фронта; нужно развернуть наступление против методологии социал-фашизма и троцкизма, а Митин и Ральцевич берут у социал-фашиста М. Вернера и ультра-троцкиста Корша отравленные клеветой аргументы против действительно «основных философских кадров» нашего Союза. Нужно со всей силой ударить по действительному формализму, а они борются с вымышленным «формализмом» Деборина, от которого они впервые услыхали про существование формалистической опасности. Можно ли представить себе большую идейную сумятицу и беспринципность, более грубое попрание всех законов истории и логики марксизма? И такие путаники надеются выхлопотать себе монопольное право на большевистскую философию! Они обвиняют Деборина в предпочтении логического историческому, потому что их собственный «основной метод работы» есть предпочтение алогического логическому и истерического историческому (Вспомните, т. Ральцевич, вашу «пристойную» и «партийную» полемику с Цырлиным, у которого вы открыли «истерический суб'ективный идеализм»); потому что сами они ору-

дуют приемами Алексинского — «визгом» и «выкриками» (Ленин, О карикатуре на марксизм (для сведения некоторых обидчивых гусей сообщаю, что в «приемах Алексинского» Ленин обвинял левого коммуниста Пятакова-Киевского).

Партийность в философии и проблему Ленин—Плеханов тт. Митин и Ральцевич считают своим доменом. Деборина они обвиняют в недооценке Ленина как философа. Митин вопрошает, где у Деборина «роль Ленина как философа-марксиста»? Деборин «не понимает... всей глубины Ленина поднявшего на основе новой эпохи на высшую ступень весь марксизм и его философскую теорию» («Правда» № 217). Такую недооценку Ленина-философа Митин находит у Деборина в работе «Ленин как мыслитель» и в «Предисловии к Ленинскому сборнику IX». Даем слово самому обвиняемому: «Коммунизм—это практический материализм, так учили основатели коммунизма Маркс и Энгельс... Вся теория марксизма и есть теория изменения мира... Ленин был ВЕЛИЧАЙШИМ *) практическим материалистом. Он дальше и глубже всех видел. Но тот, кто видит дальше и глубже других,— тот является именно философом *). Он был, главным образом, философом-практиком. Вопрос о строении материи, об отношении материи к духу; наших мыслей или сознания — к миру были неразрывно связаны для него с вопросами общественного развития... Он стал философом коммунизма, властителем дум угнетенного человечества. Он учил практическому материализму...» *). Митин видит чуть ли не оскорбление личности Ленина в утверждении Деборина, что Ленин был философом-практиком, что он учил практическому материализму. Митин не понимает, что здесь дана наиболее высокая в устах марксиста оценка Ленина-философа. Митин не понимает, что Деборин подчеркивает здесь партийность Ленина в философии. Деборин говорит всей своей характеристикой, что материализм Ленина действительно включал в себя партийность, что Ленин был величайшим практическим материалистом, коммунистом, т.-е. величайшим марксистом нашей эпохи, что «он стал философом коммунизма, властителем дум угнетенного человечества», величайшим революционным мыслителем, а не книжным червем, короче говоря, что Ленин был воплощением партийности в философии, что он ни в какой мере не был заражен формализмом, отрывом теории от практики, философии от политики, логического от исторического. Это и только это (а это идеал, к которому мы стремимся при повороте на философском фронте) вложил Деборин в свою характеристику «Ленина как мыслителя», Далее, Деборин утверждает, что «ленинизм есть революционный марксизм эпохи крушения капитализма и рождения социализма» (стр. 12). Эта формулировка однозначна с классическим определением Сталина (...«марксизм эпохи империализма и пролетарских революций»). Он пишет еще дальше, что Ленин дал «блестящий образец применения метода диалектического материализма... в своем анализе империализма, мировой войны и социалистических партий» (стр. 79), т.-е. важнейших проблем эпохи. А Митин вопрошает: «Где (у Деборина) роль Ленина, как величайшего теоретика эпохи империализма и пролетарских революций?».

*) Звездочкой — моя разрядка. Деборин, Ленин как мыслитель, стр. 7—8.

[1]) Само собой разумеется, что Митин не приводит ни одной из этих решающих в данном споре формулировок Деборина. Митин подражает Фурщику. Ральцевич следует Митину и Фурщику, и все это делается «без всяких оговорок и отметок». «Основной метод работы» — что тут поделаешь? *С. Н.*

Тов. Митин, один из «наиболее чутких философов-партийцев»... хочет вместе с Ральцевичем взять себе на откуп всю партийность в философии, но, в силу своей «чуткости», он стал на дыбы, встретившись у Деборина с правильной и высокой оценкой Ленина, как непревзойденного философа-партийца. Чуть ли не оскорбление личности он увидел в характеристике Ленина как философа-практика, не понимая, что, с точки зрения Ленина, это—наивысшая похвала, ибо: «Практика во сто раз важнее всякой теории» (т. XVIII, ч. 1, стр. 17). «Практика выше теоретического познания, ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности (Ленинский сборник IX, стр. 261). Практика—критерий истины. Практика, вооруженная теорией, выше всякой голой теории. Но разве Деборин, говоря о практике Ленина, понимает ее не в этом высоком, диалектическом смысле? Зато очень хорошо видно, как «глубоко» Митин понял идею партийности в философии...

Не более удачно обвинение Деборина в недооценке роли Ленина-диалектика. Открываем предисловие т. Деборина к Ленинскому сборнику IX: «Кто способен на ряду с тождеством схватывать и различия, легко заметит, что ленинское понимание материалистической диалектики составляет новую ступень в развитии диалектического материализма (Слушайте, т. Митин!). Между Плехановым и Лениным существует различие, отражающее особенности исторических фаз в развитии революционного движения и классовой борьбы пролетариата. Ленин в своих чисто-философских работах опирался как на богатый опыт классовой борьбы в эпоху империализма (слушайте, слушайте, т. Митин!), этого последнего этапа в развитии капитализма, так и на великие перевороты в области естествознания, стремясь в соответствии с этим углубить и чисто-теоретически философию диалектического материализма (теперь вы понимаете, что значит философ-практик, т. Митин?), заостряя все вопросы вокруг методологических основ марксизма, вокруг материалистической диалектики. Он выдвинул поэтому требование дальнейшей разработки и развития диалектики на основе результатов общественных и естественных наук» (Подчеркнуто автором, стр. 3—4. *С. Н.).*

Теперь неудивительно, что Митин только мельком упоминает и не смеет цитировать «Предисловие Деборина к Ленинскому сборнику IX», ибо как раз отсюда и с этого места он списал все, что у него есть правильного в «крике». на тему Плеханов—Ленин. Деборин здесь прямо заявляет, что и чисто-теоретически Ленин по сравнению с Плехановым поднял философию диалектического материализма на новую ступень, оплодотворив материалистическую диалектику всем богатством содержания классовой борьбы в эпоху империализма и пролетарских революций. Митин списывает эту мысль Деборина и возвращает ее автору в виде обвинения, что Деборин недоучитывает или не понимает «всего теоретического значения ленинизма, всей теоретической глубины Ленина, поднявшего на высшую ступень весь марксизм... и его философскую теорию».

Но Митин списывает Деборина не шибко грамотно, ибо утверждение, что Ленин поднял весь марксизм и его философию на высшую ступень, равносильно утверждению, что мы уже достигли абсолютной истины, и что в дальнейшем марксизм не подлежит развитию. Как же в этом печальном случае быть с «действительной разработкой ленинского философского наследства»? Разрешается ли Митину, Ральцевичу и их внукам поднять марксизм на еще более высокую ступень, чем «высшая ступень» Митина? Формулировка Митина была бы грамотна, если бы было сказано «на высшую ступень по сравнению с Плехановым». У Митина есть еще одна и тоже малограмотная неопределенная формулировка, гласящая, что «Ленин поднял марксизм и практически и теоретически на новую, высшую ступень». Опять-

таки не видно, на высшую по сравнению с кем. Но раз у Деборина сказано, что ленинское понимание материалистической диалектики составляет «новую ступень» и т. д., то Митин не может не «крикнуть всех громче»: «на новую высшую ступень» и забыть тут же сказать по сравнению с кем, с какой предшествующей ступенью [1]).

Впрочем, сам Митин поднял проблему Плеханов—Ленин на «высшую ступень». Вот его другой самостоятельный взнос в эту проблему: «Плеханов часто в политических, тактических вопросах приходил к меньшевизму, оппортунизму, а во время империалистической войны к социал-шовинизму, оборончеству» (Подчеркнуто нами. «Правда» № 218. С. *Н*.). Мы грешным делом до сих пор думали, что Плеханов всегда был меньшевиком, а во время империалистической войны... всегда был социал-шовинистом. Тов. Митин совершает в этом вопросе коперников переворот. Принято думать, что Плеханов пришел к меньшевизму всего только один раз, но зато всерьез, надолго и навсегда, на всю жизнь. Оказывается, что Плеханов только «часто», а не всегда и не во всех вопросах политики был меньшевиком, а в 1914—1918 гг.—социал-шовинистом. Вот, что значит поднять проблему партийности в философии, заодно с проблемой Ленин — Плеханов, на «новую, высшую ступень», действительно новую. В системе нашего партпросвещения рассказ такой, митинской, политической новости считается политической неграмотностью и препятствием для перехода на «новую высшую ступень», высшую, чем... кружок политграмоты. Отсюда мораль для «наиболее чутких философов-партийцев»: перед тем, как хлопотать о монополии на партийность в философии, надо повторить историю партии, хотя бы по кратким учебникам Н. Н. Попова и Е. Ярославского... До проблемы партийности в философии существуют партийность в политике и политграмота, в состав которой входит твердое знакомство с элементарными учебниками по истории партии.

В. Ральцевич тоже вложил свою долю в проблему Ленин — Плеханов. Так он вразумляет своего читателя, что «высшим синтезом высших форм эмпиризма и рационализма является материалистическая диалектика Маркса, Энгельса, Дицгена, Плеханова, Ленина» («В. К. А.» № 33, стр. 41). Это— «высший синтез высших форм» путаницы. Ленин, как диалектик, поставлен позади Дицгена и Плеханова (должно быть в историко-хронологическом порядке?). Материалистическая диалектика Маркса, Энгельса и Ленина ставится на одну ступень с диалектикой Дицгена и Плеханова.

Ральцевич (у Ральцевича сказано: Луппол): «представляет себе философский путь Ленина, как... простое продолжение философского пути Плеханова» и Дицгена (см. Ральцевич, рецензия на книгу Луппола, «Правда» № 235). Между тем, у Дицгена имеется немало отступлений от последовательного применения диалектики и от последовательного материализма. За эту путаницу (отмеченную у него и Марксом и Лениным) он понравился Маху

---

[1]) Так как я имею дело с фальсификаторами, я считаю необходимым подчеркнуть, что Ленин поднял материалистическую диалектику и весь марксизм на новую и высшую ступень не только по сравнению с Плехановым, но, в известном смысле, даже по сравнению с Марксом и Энгельсом, ибо теоретическая диалектика Ленина обогащена всем опытом и практической диалектикой революционного движения на Западе и Востоке в эпоху империализма и пролетарских революций, до которых Маркс и Энгельс не дожили. Наконец, Ленин обнаружил конгениальность с Энгельсом в постановке проблем диалектики природы, диалектики естествознания. Такую же конгениальность с Марксом и Энгельсом он обнаружил в разрешении проблемы партийности в философии. В своей юношеской работе «Немецкая идеология» Маркс и Энгельс утверждают, что коммунизм — это практический материализм. За 30 лет до опубликования «Немецкой идеологии» в своей тоже юношеской работе против Струве Ленин выставляет конгениальное положение, что «материализм включает в себя... партийность». *С. Н.*

и российским махистам. У Дицгена были срывы к идеализму вплоть до утверждения, что «мы могли бы с таким же правом называть себя идеалистами», как и материалистами (ср. Ленин, т. XIII, стр. 200, 201).

Плеханов-политик был поразительным не-диалектиком, ползучим эмпириком, метафизиком и софистом; в вопросах этики Плеханов скатился к кантианству; он в теории познания сделал ряд ошибок; у него были механистические колебания в духе «сведения» химии и биологии к молекулярной механике; Плеханов недооценивал значение диалектики, как всеобщей методологии знания; он прошел мимо новейшей революции в естествознании и проблемы завоевания естествознания материалистической диалектикой; он критиковал нео-кантианцев и махистов «более с вульгарно-материалистической, чем с диалектическо-материалистической точки зрения» (Ленинский сборник IX, стр. 197). Политический оппортунизм Плеханова отразился на его интерпретации исторического материализма (бесклассовая 5-членная формула исторического материализма, меньшевистская трактовка проблемы зрелости революции в «Основных вопросах марксизма» и т. д.). Во время войны Плеханов подверг коренной ревизии всю марксову теорию классовой борьбы в духе воинствующего социал-шовинизма, а именно: он открыл, что ход развития всякого классового общества определяется классовой борьбой во внутренних отношениях и во время мира и классовым сотрудничеством в международной политике и во время войны (История русской общественной мысли, т. I, стр. 11). В ренегатском предисловии 1917 г. к 5-му изданию своего «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Плеханов утверждает, что пролетариат заинтересован в приобретении колоний; он снова подымает там на щит «простые законы нравственности и права» и провозглашает, что, «по прямому смыслу теории Маркса и Энгельса, международный пролетариат не может сразу подняться на ту ступень сознательности, которая нужна для полного понимания им глубокого своего интереса. Пока не достигнута эта ступень, остается возможным и даже неизбежным... забвение пролетариатом наиболее глубокого своего международного интереса, ради менее глубокого частного интереса» («Группа «Освобождение труда»», т. V, стр. 16, 17). Иначе говоря, Плеханов, вполне в выдержанном стиле своей политической софистики, утверждает здесь, что, при неравномерности развития интернационализма, пролетариат каждой страны имеет право на социал-патриотизм, социал-шовинизм и социал-империализм. Наконец, для Плеханова-философа почти не существует проблемы партийности в философии. А т. Ральцевич приходит и открывает у Плеханова «высший синтез высших форм эмпиризма и рационализма»... и ставит плехановскую диалектику и, должно быть, «тоже-диалектику» (Ленин) на одну ступень с материалистической диалектикой Маркса и Энгельса, задвигая Ленина на последнее место после Дицгена и Плеханова. Если б Ральцевич продумал как следует..., ну, хотя бы ежемесячные анонсы «П. З. М.», он бы и там нашел правильное решение вопроса о роли Ленина в истории диалектического материализма: ««П. З. М.» имеет перед собой защиту ортодоксального диалектического материализма Маркса, Энгельса и Ленина». «П. З. М.» ведет непримиримую борьбу за ортодоксальный диалектический материализм Маркса, Энгельса и Ленина», а **не** «Маркса, Энгельса, **Дицгена**, **Плеханова** и Ленина», как это следовало бы по истории и логике Ральцевича. И после этого Ральцевич смеет обвинять других в смазывании роли Ленина в истории и теории материалистической диалектики (см. его претензии к Лупполу на эту тему). Но чего требовать с героев двойной итальянской «самокритики»?

Ральцевич несносен и тогда, когда он хвалит Плеханова, и тогда, когда он вкупе с Митиным третирует теперь Плеханова, как Моисей Мендельсон Спинозу... или же как Плеханова третирует... К. Корш, все тот же Корш.

К. Корш согласен с М. Вернером в его оценке «советского марксизма», но порицает этого, по его словам, «лево-меньшевистского философа» за высокую оценку Плеханова, как философа (ср. Korsch, Marxismus und Philosophie, 2-te Auflage, S. 23, Anmerkung 17).

Каков же баланс «самостоятельных» взносов тт. Ральцевича и Митина в проблему Ленин—Плеханов? Насквозь оппортунистическая переоценка Плеханова-политика (взнос Митина) и путаное отождествление материалистической диалектики Маркса, Энгельса и Ленина со слабой во многих отношениях диалектикой Дицгена и Плеханова (взнос Ральцевича), а, с другой стороны, смыкание с К. Коршем в отрицательной оценке Плеханова-философа [1] (Кстати, такой пренебрежительный отзыв о книге Луппола, «как у Ральцевича, можно встретить только у... К. Корша, который называет ее «жалкой макулатурой»). Куда ни взглянешь, у наших воинствующих путаников прямо фатальные совпадения с М. Вернером и К. Коршем и тому подобными чуткими «философами-партийцами» троцкистско-меньшевистского толка.

* * *

Нам осталось об'ясниться с т. Ральцевич еще в одном маленьком вопросе. Тов. Ральцевич, вообще-то ко мне очень строгий, амнистирует меня на прощание; он говорит, что я правильно критикую т. Фурщика—«за отрицание последним свободы воли вообще».

Увы, я никак не могу принять комплимент Ральцевича. И по очень простой причине: не желая быть идеалистом, со-путаником и спутником Ральцевича, я самым решительным образом стою «за отрицание свободы воли вообще». Ибо «свобода воли вообще» есть не что иное, как воображаемая независимость от законов природы, т.-е. чистейший идеализм. Стало быть не «за отрицание свободы воли вообще» я критикую Фурщика, а совсем за нечто другое, а именно, за отрицание свободы воли, «как способности принимать решения со знанием дела» (Энгельс). С другой стороны, даже всем со-Ральцевичам должно быть очевидно, что наиболее путаный из их со-путаников, порицая Фурщика «за отрицание свободы воли вообще», сам-то расписывается в признании оной свободы, ergo он «в данном конкретном вопросе» стал на позицию или, вернее, сел в лужу беспросветного, махрового идеализма. Очутившись в столь приятном положении и вообразив, что я намерен составить ему компанию, т.-е. подкинув мне свою собственную путаницу, Ральцевич требует в виде компенсации, чтобы я критиковал Карева за какую-то ф у р щ и к о в с к о-аксельродовскую ошибку в вопросе о свободе воли...

Тов. Ральцевич требует от меня, чтобы я признал механистическими следующие положения т. Карева: «Поэтому признание об'ективного существования случайности ни в какой мере не исключает того, что все причинно обусловлено, что никакой свободы воли нет». «Т.-е. диалектический мате-

[1] А то, что у них есть правильного в их ученических рассуждениях о проблемах: партийность в философии и Ленин-Плеханов, они позаимствовали у Деборина, у Луппола (который давно и совсем недавно писал на тему «Ленин и партийность в филоософии») и, увы, у Карева. Митин присутствовал 8 мая 1930 г. на докладе Карева «О Ленинском сборнике XII» («П. З. М.» № 6). Тогда он воздержался от критики или вообще от оценки этого доклада, в котором т. Карев, касаясь проблемы Ленин-Плеханов, указывал, что Ленин, по сравнению с лучшими теоретиками II Интернационала, поднял все содержание марксизма и, разумеется, его философию на новую ступень; что Ленин ярче и глубже Плеханова понимает идею партийности в философии, как и материалистическую диалектику и ее роль во всей теории марксизма («П. З. М.» № 6, стр. 134—135). С т. Митина достаточно, что он через 3 месяца изложил эти мысли Карева «своими словами» («Правда», 8 и 9 августа 1930 г.), добавив от себя лишь изрядную долю воинствующей путаницы. *С. Н.*

риализм стоит на почве абсолютного детерминизма». Тов. Ральцевич заявляет, что «оба эти положения ничего общего не имеют с марксизмом-ленинизмом, с диалектическим материализмом». «Но, прежде всего, конечно, ясно — удивительно, как повторяется история! — что Ральцевич (у Ральцевича сказано: Цырлин. *С. Н.*). «начав цитату... из»... Карева, «преспокойно поставил точку там, где у» Карева «стоит всего лишь запятая». У Карева сказано: «т.-е. диалектический материализм стоит на почве абсолютного детерминизма, отрицая абстрактный детерминизм» (За материалистическую диалектику, изд. 2-е, стр. 319).

А теперь разберемся в Монблане идеалистической путаницы, навороченной здесь «классиком марксизма» № 2 (№ 1 на спине у Фурщика!). Ральцевич заявляет, что оба положения Карева и, конечно, все первое положение, от начала до конца, ничего общего не имеют с марксизмом-ленинизмом и диалектическим материализмом. И точка. Стало быть, по Ральцевичу ничего общего с марксизмом не имеет и утверждение Карева, что нет беспричинных случайностей, «что все причинно обусловлено». Это значит, что Ральцевич признает существование беспричинных случайностей и отказывается от детерминизма, как подчиненного момента диалектического материализма, ибо по глубокому разумению т. Ральцевича, одно из двух: либо ничто не обусловлено причинно, либо не все причинно обусловлено. В первом случае мы имеем дело с полным и абстрактным, а во втором — с частичным и относительным отрицанием детерминизма. В том и другом случае т. Ральцевич смыкается с вульгарнейшим суб'ективным идеализмом. Раз ничто не обусловлено, или не все причинно обусловлено, то наша воля либо полностью, либо частично независима от причинности, от законов природы. Тогда мир, так или иначе, в той или иной пропорции наполнен блаженством «свободы воли вообще», свободы воли, как воображаемой независимости от законов природы. Поэтому нет ничего удивительного, что наш блаженный Василий (он же Ральцевич) пришел к оной «свободе воли вообще». Но удивительно, что ему позволяют наслаждаться этой идеалистической пакостью и поповщиной на страницах теоретического органа нашей партии — партии научного коммунизма, партии воинствующего материализма! У тов. Ральцевича в вопросе о свободе воли концы сошлись с концами, у него все здесь обстоит вполне благополучно, в духе более или менее последовательного, хотя и трусливого идеализма. Это — высшая мера последовательности, на которую вообще способна путаная мысль нашего «наиболее чуткого философа-партийца» и драчливого эклектика.

Наоборот, подчеркивая, «что все причинно обусловлено», Карев этим самым говорит, что нет никакой свободы воли, как воображаемой независимости от законов природы. Карев стоит здесь весьма твердо, от начала до конца, на позиции диалектического материализма.

Далее, Энгельс критиковал абстрактный, механический детерминизм, а не абсолютный детерминизм. Абстрактный детерминизм отрицает об'ективную случайность, тогда как абсолютный детерминизм нисколько не исключает признания об'ективной случайности. Вслед за Гегелем Энгельс утверждает, что сама «случайность есть скорее абсолютная необходимость» («Диалектика природы», изд. 2-е, стр. 138). Энгельс отвергал абстрактную необходимость и признавал абсолютную необходимость. Стало быть, «диалектический материализм стоит на почве абсолютного детерминизма, отрицая абстрактный детерминизм». Карев «в данном конкретном вопросе» прав, так за что же мне его критиковать? За то, что он не подменяет, подобно т. Ральцевичу, диалектический материализм релятивизмом? Кто покидает почву абсолютного детерминизма, тот скатывается к абсолютному релятивизму, к идеализму, к признанию существования необусловленных, беспричинных слу-

чайностей, тот понимает об'ективную случайность как беспричинность; тот, разумеется, должен рано или поздно скатиться к идеалистически-понимаемой свободе воли. Путаница у т. Ральцевича происходит от смешения абсолютного детерминизма с абстрактным детерминизмом. Покидая почву абсолютного детерминизма, Ральцевич становится на почву идеализма [1]).

Энгельс и Ленин признавали абсолютность природы и абсолютность истины. «Всякое истинное познание природы есть познание вечного, бесконечного, а потому оно по существу абсолютно» (Энгельс, Диалектика природы, стр. 105). «Бесконечность абсолтного, познавающего мышления слагается из бесконечного количества конечных человеческих голов» (Там же, стр. 106). Конгениально с этим Ленин утверждает, что «человеческое мышление по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин» (т. XIII, стр. 110). «Для об'ективной диалектики и в релятивном есть абсолютное» (Там же, стр. 302). Диалектический материализм допускает абсолютную истину, но не абстрактную истину. Точно также обстоит с детерминизмом. Абсолютность природы включает в себя абсолютную необходимость. Это — абсолютная истина. Поэтому нельзя быть диалектическим материалистом, отвергая абсолютный детерминизм. Стало быть, я никак не могу просто из любезности к т. Ральцевичу критиковать т. Карева «в данном конкретном вопросе». Не могу еще и по той причине, что не хочу сомкнуться с К. Коршем, который критикует Ленина за допущение абсолютного бытия и абсолютной истины... Это значит, что Корш критикует Ленина, по сути дела, за признание абсолютного детерминизма, как подчиненного момента материалистической диалектики...

Идеалистическое, поповское отрицание абсолютного детерминизма прекрасно уживается у т. Ральцевича со струвистским об'ективизмом в понимании об'ективности истины. Так, Ральцевич утверждает, что «для пролетариата только та теория важна и полезна, только та теория имеет действительный успех на практике, об'ективная истинность которой доказана самой практикой, независимо от желаний, намерений, интересов пролетариата. Такой теорией является не рационализм и не эмпиризм, а материалистическая диалектика» («Вестник Комм. Академии» № 33, стр. 48; подчеркнуто мною. *С. Н.)*. К сожалению, эта «диалектика» самого т. Ральцевича имеет с материалистической диалектикой не более общего, чем профессорский об'ективизм Струве и Переверзева.

Ральцевич утверждает ни более, ни менее, что об'ективная истинность марксизма может быть доказана «самой практикой, независимо от желаний, намерений, интересов пролетариата». Но это—сплошная путаница. Никакая истина не может быть доказана по способу т. Ральцевича, ибо «независимой» практики, практики, не зависящей от человека, не существует в природе. Практика опосредствуется от начала до конца нашими желаниями, намерениями и интересами. Об'ективная истина марксизма (ленинизма) доказывается самой практикой пролетарской классовой борьбы, весьма и весьма зависящей от желаний, намерений, интересов и целей, ближайших и конеч-

[1]) Характерно, что Ральцевич позаимствовал свое отношение к абсолютному детерминизму у... т. С. Васильева, который, по собственному его признанию, страдал примиренчеством к механистам (См. «П. З. М.» 1927 г., № 4, стр. 213, и сб. механистов «Диалектика в природе» № 2, стр. 21). Тов. Васильев критиковал Гольбаха за его стремление «утвердить полный и абсолютный детерминизм, исключающий какую бы то ни было случайность». Карев в своем докладе о 2-м сборнике механистов показал, что Васильев смешивает абсолютный детерминизм с абстрактным, механическим детерминизмом. Дело происходило в 1927 г. Приходит теперь примиренец к механистам Ральцевич и через 3 года повторяет ошибку примиренца к механистам—С. Васильева. Вот как выглядит «самостоятельная позиция» Ральцевича, прилежного ученика Перельман и С. Васильева! *С. Н.*

ных целей пролетариата. Без «желанной», «намеренной», целесознательной, страстной и непримиримой теоретической и практической большевистской борьбы на два фронта, конечно, соответствующей интересам пролетариата, нельзя доказать на практике об'ективную истинность генеральной линии нашей партии. Если б об'ективная истинность ленинизма и генеральной линии нашей партии могла быть доказана «самой практикой, не зависимо от желаний, намерений, интересов пролетариата», наш пролетариат и его партия могли бы спокойно лечь спать в надежде, что все устроится «самотеком», по способу т. Ральцевича, «самой практикой, независимо от намерений, желаний, интересов пролетариата».

Бесклассовая «практика» Ральцевича, не зависящая от классовых интересов пролетариата!—не имеет ничего общего с большевистской практикой классовой борьбы. «Независимую» практику «классовой борьбы» осуществляет социал-фашизм, и то лишь потому, что независимость этой «практики» от пролетариата является оборотной стороной ее зависимости от классовых интересов буржуазии. Независимая «практика» Ральцевича не имеет ничего общего с практикой Маркса, Энгельса и Ленина, с практикой—критерием об'ективной истины. Зато бесклассовая, об'ективистская «практика» Ральцевича, не зависящая от классовых интересов пролетариата, вполне конгениальна с бесклассовым, профессорским об'ективизмом Струве и Переверзева.

Спрашивается, чье знание породило невежество Ральцевича? Конечно, Ленина. Ленин пишет: «познание может быть... полезным в практике человека... лишь тогда, если оно отражает об'ективную истину, не зависящую от человека. Для материалиста «успех» человеческой практики доказывает соответствие наших представлений с об'ективной природой вещей, которые мы воспринимаем» (т. X, изд. 1-е, стр. 112; подчеркнуто мною. *С. Н.*).

Ленин говорит, что об'ективная истина не зависит от человека, ибо он понимает под об'ективной истиной об'ективную природу вещей. Ральцевич же перелагает Ленина «своими словами», и у него получается «абсолютная (увы, не цырлинская, а своя собственная, Ральцевичская) чепуха», что практика не зависит от человека. Ленин рассуждает, как материалист, Ральцевич, в лучшем случае, как созерцательный материалист, в худшем случае—как об'ективист, как духовное чадо Струве и Переверзева. Если это не ползучий эмпиризм, тогда—что же такое ползучий эмпиризм? Своим идеалистическим отрицанием абсолютного детерминизма и об'ективистским пониманием об'ективности истины, как... результата бесклассовой «практики», Ральцевич дал свой собственный «высший синтез высших форм рационализма и эмпиризма»... Беда только, что это—синтез Струве с Переверзевым, склеенный отсебятиной Ральцевича.

А теперь, прощаясь с моим «предметом», я спрашиваю т. Ральцевича, «почему он до сих пор не рассказал читателям «Большевика» и «Правды» о своем романе с переверзевщиной? И еще один вопрос: за что вы с Митиным едите т. Деборина? Не потому ли, что вы придерживаетесь философии щедринского ерша-реалиста: «Разве едят за что? Едят потому, что есть хотят...». Вы «едите» Деборина без аргументов. Является ли это «пристойной» и «партийной» формой полемики?

Почему ваш «основной метод работы» превратился в «высший синтез высших форм» фальсификации и плагиата, увязанных воинствующей путаницей? Почему вы проявляете так много «нервничанья и чрезмерной торопливости» при повороте на философском фронте, ставите в цитатах точки вместо запятых, пропускаете слова и целые абзацы без оговорок и отметок и допускаете элементарные, теоретические и политические ошибки? Почему вы с Митиным утоляете свою духовную жажду из меньшевистских и троц-

кистских источников (Аксельрод, М. Вернер, Корш, Троцкий!)? Почему вы принимаете от них и им преподносите «философские подарки» и выдаете весь этот срам за партийную чуткость и чуткую партийность в философии?

А где же самокритика в отношении Деборина и его ближайших учеников?—спросят меня Ральцевич и Митин. Во-первых, мы все критиковали их, и они сами критиковали себя в резолюции «Об итогах и новых задачах на философском фронте». Во-вторых, критикуя тт. Митина и Ральцевича, учеников Деборина и его ближайших учеников, я этим самым подверг довольно резкой критике учительские способности ваших учителей: учили, учили вас, а выучили... путаников.

В-третьих, я «всегда готов» (и не в кавычках!) критиковать Деборина и его ближайших учеников на страницах «Большевика», но... добросовестно, в полной противоположности «основному методу работы» Митина и Ральцевича.

Пост-скриптум (о переписке Ральцевича с читателями „Большевика").

В философском отделе «Большевика» видимо догадались, что Ральцевич наделал беду в своей вылазке против Карева по вопросу о свободе воли. Вместо того, чтобы открыто, по-большевистски признать допущенные им грубейшие махрово-идеалистические ошибки в этом вопросе, Ральцевич шлет послание в редакцию «Большевика» (см. № 15—16). Это едва ли не самое путаное из всех творений Ральцевича, из всего того, что он... натворил при повороте на философском фронте, если только вообще можно больше напутать, чем Ральцевич напутал в № 14 «Большевика» или в рецензии на книгу Луппола.

Ральцевич приводит почти полностью свою вылазку против Карева по вопросу о свободе воли и с неподражаемым, хотя и бессознательным, юмором высказывает следующие соображения насчет умственных способностей своих и... читателей «Большевика».

«Так как автор рецензии, подвергая критике определенные положения т. Карева, не ставил своей задачей развернутое изложение этой проблемы, то у ряда читателей может получиться неполное, а отсюда и возможно неправильное понимание того, что хотел сказать автор в рецензии по данному вопросу».

Автор отвечает не за то, что он хотел сказать, а за то, что он сказал: по-русски это называется — «слово не воробей, вылетит — не поймаешь». Поэтому и получается сплошной конфуз, когда Балаболкины берутся за авторское ремесло. Напрасно т. Ральцевич так беспокоится, что его могут неполно или неправильно понять. Правда, он, действительно, пишет так путано, что не всегда легко понять смысл его писаний, но все же у ряда читателей имеется весьма полное и вполне правильное понимание того, что Ральцевич сказал и напутал в вопросе о свободе воли, а именно: 1) что в № 14 «Большевика» Ральцевич признает «свободу воли вообще», которая является псевдонимом свободы воли, как воображаемой независимости от законов природы; 2) что он там же признает существование беспричинных случайностей и клеймит как немарксистское — утверждение Карева, «что все причинно обусловлено». Стало быть, он вторично расчищает почву для свободы воли, как независимости от законов природы, и 3) что вполне последовательно, на основании путаницы №№ 1 и 2, Ральцевич отвергает абсолютный детерминизм, как подчиненный момент диалектического материализма. Одним словом, читатель очень хорошо понимает, что в № 14 «Большевика» у Ральцевича все обстоит более или менее благополучно с точки зрения последовательного идеализма: раз не все причинно обусловлено,

то не все абсолютно-детерминировало; раз существуют беспричинные случайности, то, конечно, открывается место для фантома «свободы воли вообще» и нет места для абсолютного детерминизма, нет места для материализма.

Ну, а в № 15—16 «Большевика» Ральцевич хочет выбраться из этого болота абсолютно-последовательного идеализма. Посмотрим, как он справляется со своей задачей:

«Поэтому после фразы рецензии: «Оба эти положения» и т. д. необходимо добавить, заметив, что в первой цитате до слов: «что никакой свободы воли нет»—положение правильно»: [1]) (и дальше Ральцевич «добавляет» целых шесть абзацев, о которых ниже).

Но прежде всего я хочу справиться у читателя, понял ли он хоть что-нибудь в этом бессмысленном наборе слов Ральцевича, в этом продукте стилистического невежества и трусливого эклектицизма? Если из бессмыслицы, столь «искусно» навороченной Ральцевичем, выколупать заложенный там смысл, то получится следующее: в отличие от Ральцевича № 14-го, Ральцевич № 15—16-й признает правильным положение Карева, что нет беспричинных случайностей, «что все причинно обусловлено». Если бы Ральцевич не был трусливым, хотя и драчливым эклектиком, он должен был просто сказать, что он, Ральцевич, по бедности своей, по нищете своей философии и по своей литературной малограмотности, в № 14 «Большевика» сделал по вопросу о случайности, причинности и свободе воли такие-то и такие-то грубейшие, махрово-идеалистические ошибки. Вместо такого открытого, большевистского признания, Ральцевич полусознательно, полубессознательно запутывает себя и читателя в стилистически-уродливом, безграмотном абзаце, который должен скрыть от сотен тысяч читателей «Большевика» самый факт и действительный размах идеалистических ошибок блаженного Василия, путающегося на философском повороте как человек, лишенный всякого намека на... свободу воли.

Что же следует в 6-ти новых абзацах, которые Ральцевич пропустил «без всяких оговорок и отметок» в № 14 «Большевика»? (Оказывается, что Ральцевич применяет свой «основной метод работы» не только по отношению к цитатам из чужих статей, но и к собственным рецензиям, ибо он работает без «нервничанья и чрезмерной торопливости», и увы—без... головы. Поэтому ему и приходится задним числом апеллировать к любезности читателя с сенатским раз'яснением, что «необходимо добавить» в № 15—16 всего-на-всего только шесть абзацев в рецензии, напечатанной в 14-м номере «Большевика»). Итак, «необходимо добавить», но ясно, что кроме добавочной путаницы у Ральцевича ничего не может выйти из такого «добавления». Он пространно раз'ясняет, что признает свободу воли по Энгельсу «как способность принимать решения со знанием дела»; он решительно выступает «против вульгаризаторов диалектического материализма, заявляющих, что «никакой свободы воли нет», или еще более нелепых утверждений, что «диалектический материализм стоит на почве абсолютного детерминизма». Это Ральцевич прорабатывает с прежним успехом «фаталиста», «вульгарного материалиста» и «механиста»... Карева!

Мы уже знаем, что по Кареву нет никакой свободы воли, как воображаемой независимости от законов природы, ибо

[1]) Для удобства читателя приводим еще раз соответствующее место рецензии т. Ральцевича: «Вот безапелляционное и совершенно механистическое положение Карева: «Поэтому признание об'ективного существования случайности ни в какой мере не исключает того, что все причинно обусловлено,—что никакой свободы воли нет» (Карев, За диалектику, изд. 1-е, стр. 287—288, разрядка наша. *В. Р.*). А вот другое положение: «Т.-е. диалектический материализм стоит на почве абсолютного детерминизма» (Там же, та же стр. *В. Р.*

Оба эти положения ничего общего не имеют с марксизмом-ленинизмом, с диалектическим материализмом». *С. Н.*

«все причинно обусловлено». Поэтому громы Ральцевича против Карева могут вызвать только улыбку недоумения у читателя и восхищения у... Варьяша. А вот у тов. Ральцевича получилась непролазная путаница. Он даже не догадывается, что его «свобода воли вообще», от которой он не отказывается, вполне тождественна свободе воли, как воображаемой независимости от законов природы. Далее, в 15—16 номере «Большевика» он признает (правда, в нелепо запутанном абзаце), что беспричинных случайностей нет, «что все причинно обусловлено», т.-е. он становится на почву абсолютного детерминизма, но тут же он открещивается от абсолютного детерминизма, да еще как от максимальной нелепости, якобы абсолютно несовместимой с диалектическим материализмом. Воинствующая путаница достигает своего апогея. Это Ральцевич демонстрирует на практике своих превращений 3-й закон «диалектики» воинствующего эклектизма — «отрицай самого себя». Одним словом, «овес растет по Гегелю (Ленин), а Ральцевич—по Апулею» (напоминаем, что это— автор превосходных сатир под заглавием «Превращения или о золотом осле»).

Если в № 14 «Большевика» мы имели дело с Ральцевичем — воинствующим эклектиком, который по вопросам: 1) случайности, 2) причинности и 3) свободы воли, залез в болото последовательного идеализма, то в № 15—16 перед нами трусливый и нашкодивший эклектик, окончательно запутавшийся в этих трех соснах. А баланс: наш блаженный Василий, попрежнему наслаждается блаженством «свободы воли вообще». Теперь нашему трусливому идеалисту остается сделать еще один шаг, чтобы, упившись своими «блестящими» литературными «успехами» на философском повороте, уверовать в свое личное бессмертие, а за одно и в бытие божие. Тогда исполнятся все условия для причисления Василия блаженного к лику антирелигиозных небожителей, а заодно... и религиозных социалистов.. Короче говоря, безбожник Ральцевич путает... безбожно.

Покидая бедлам «свободы воли вообще», я позволю себе несколько слов по личному вопросу. Тов. Ральцевич мило иронизировал, что статья С. Новикова «Политическая методология троцкизма» «является прекрасной иллюстрацией того нервничанья и чрезмерной торопливости, которые обнаруживают «основные философские кадры» на повороте». Скажите, тов. Ральцевич, можно ли более вас нервничать, торопиться, суетиться, спешить и... смешить читателя? Подумайте, пропустить — и не в цитате из чужой статьи, а в собственной рецензии! — целых шесть абзацев без «всяких оговорок и отметок»! Вы следуете «методологии» анекдотического цыгана, который сам у себя украл лошадь. Далее, я хотел бы на прощание сделать вам комплимент. Вы очень похожи на двух знаменитостей: как «теоретик» — на Вашего «теоретика» — Троцкого, а как стилист — на Вашего тезку — Василия Тредьяковского. Вы и в теоретическом и в стилистическом отношении quantité negligeable — ничтожная и... смешная) величина. Очень уж Вы насмешили читателя своим письмецом в редакцию о Вашей злополучной рецензии в № 14 «Большевика». Выражаю Вам на прощание свое «общечеловеческое» сочувствие по случаю постигших Вас литературных «успехов» на философском повороте. Вы сделали довольно солидный поворот... от-ворот диалектического материализма к интеллигибельному миру «свободы воли вообще». Кланяйтесь там Канту и всем Вашим предшественникам, вкушающим блаженство оной свободы. Не забудьте поклониться там и К. Форлендеру, в бозе почившему официальному философу германской социал-демократии, самому чуткому из «наиболее чутких философов-партийцев» немецкого канто-марксизма. У Вас теперь знатная — неокантианская родня: от Фурщика до Форлендера.

Практика и диалектическая логика.

П. Кучеров.

Раскрытие соответствия мышления бытию во всемирно-историческом процессе общественной практики является характерной особенностью марксистской теории познания.

Работами Маркса был завершен процесс преодоления гносеологической робинзонады, безраздельно господствовавшей в XVIII столетии. Преодоление индивидуализма в теории познания, возникшее еще на почве суб'ективно идеалистических систем Канта и Фихте, достигает особенной силы у Шеллинга и Гегеля. Однако идеалистический характер философии Шеллинга и Гегеля исключал возможность окончательного преодоления робинзонады в теории познания. «Философия тождества» Шеллинга и «Феноменология духа» Гегеля уничтожали индивидуализм, первая своим «натуралистическим историзмом», вторая — социальной историей, но идеализм «Философии тождества» и «Феноменологии духа» причудливыми путями реставрировал гносеологическую робинзонаду.

Социальный историзм на почве идеализма явился предметом критики в специальной работе Маркса «Как нам быть с гегелевской диалектикой» («Архив Маркса и Энгельса» кн. III). Маркс вскрыл диалектическое решение проблемы познания, мистифицированное, но в основном открытое Гегелем.

Величайшая заслуга «Феноменологии духа» Гегеля заключается в разрешении гносеологической проблемы суб'екта и об'екта в связи с социальной деятельностью людей.

Диалектика сознания и предмета раскрывалась на фоне социальных эпох, классовых противоречий на всей совокупности явлений общественной жизни. Несмотря на исходный пункт и конечный результат «феноменологии», несмотря на идеализм ряда важнейших разделов этой книги, здесь впервые была совершена попытка вывести проблему познания из узких рамок «чистого знания» на путь, непосредственно увязанный с общественной практикой.

Гегель выдвигает ряд положений, вскрывающих рациональное ядро его собственной философии. Эти положения непосредственно подготавливают гносеологические позиции, исходя из которых Маркс в 1845 году мог разбить антиисторическую, индивидуалистическую метафизику Фейербаха. Гегель непосредственно подготовливает раскрытие в практике единства суб'екта и об'екта, основную тему тезисов Маркса «О Фейербахе».

«Практика, — говорит он, — лишь постольку противоположна моментам (действия индивидуальности и действительности), поскольку они должны считаться обособленными; но по существу как взаимное проникновение действительности и индивидуальности оно есть их единство» (Феноменология духа, стр. 185).

Практика (делание) понимается как взаимопроникновение действия суб'екта и предметной действительности. Действие и действительность обна-

руживаются в единстве. Суб'ект теряет свою абстрактную, метафизическую видимость, — деятельность суб'екта становится предметной деятельностью. «Сама индивидуальность понимается как взаимное проникновение бытия и делания» (Феноменология духа, стр. 181). Предметность суб'ективной деятельности обнаруживается Гегелем на основе практики. Конкретная деятельность реального суб'екта предполагает действительность об'екта. Разрешение проблемы суб'екта возможно только на почве действенной связи суб'екта и об'екта. Суб'ект раскрывает свое существо в практическом отношении к действительности. «Индивид не может знать, что он собой представляет, пока посредством делания не выявит себя как действительность» (Феноменология духа, стр. 180). Представление суб'екта невозможно вне деятельного отношения к предмету, вне перехода в форму об'екта, вне выявления в действительность.

Индивид сам по себе, изолированный от действительности, является не представленным бытием, бытием, лишенным всякого действительного смысла. Существо суб'екта обнаруживается только лишь тогда, когда из бытия непредставленного он переходит в бытие представленное в действительный об'ект. Такой переход есть практика — суб'ект обнаруживает свое бытие в практике. «Делание, — говорит Гегель, — есть переход из формы бытия, еще не представленного в форму представленного» (Феноменология духа, стр. 180). Маркс повторяет Гегеля в «Капитале»: «труд постоянно переходит из формы деятельности в форму бытия» (т. I, стр. 166). Существо суб'екта раскрывается при переходе деятельности в предмет, в опредмечивании (выражение Маркса) деятельности.

Вскрывая существо суб'екта, практическая деятельность раскрывает и бытие предмета. Переход деятельности в предмет раскрывает для деятельности предметное бытие. Предмет теряет свою противоположную суб'екту внешность, раскрывается в действии суб'екта, обнаруживает свою действительную предметную природу, «распредмечивает» (выражение Маркса) свою природу.

Раскрытие предмета для суб'екта, «распредмечивание», обнаруживается в практике в проникновении суб'ективной деятельности в об'ект, в «опредмечивании». Проникновение в об'ект, переход из формы деятельности в форму бытия есть в то же время раскрытие предмета. Переход суб'ективной деятельности в бытие (опредмечивание) и раскрытие об'екта суб'екту (распредмечивание) представляют единый процесс, процесс практики, предметной деятельности. «Опредмечивание» нужно понимать как «распредмечивание», оба процесса находятся в единстве друг с другом. В единстве обоих процессов в труде обнаруживается существо суб'екта, суб'ект является формой практики, предметной деятельности.

Разрешение проблемы суб'екта и об'екта в предметной деятельности является рубежом между буржуазно-индивидуалистической гносеологией и теорией познания диалектического материализма.

Гегель подошел к раскрытию диалектики суб'екта и об'екта в исторической общественной практике. Диалектика перехода суб'екта, деятельности в предмет (опредмечивание) и предмета в деятельность (распредмечивание), составила величие гегелевской феноменологии. В этой книге были предугаданы основные черты решения гносеологической проблемы, и в ней же густой туман идеалистической традиции завесил материалистическую суть этого решения.

Понадобился новый этап в развитии философии, в свете которого могла бы рассеяться пелена «явлений сознания» «Феноменологии духа».

«Величие гегелевской «Феноменологии» и ее конечных результатов — диалектики отрицания отрицания, как движущего и порождающего принципа,

заключается, — по мнению Маркса, — в том, что Гегель рассматривает самопорождение человека, как процесс, рассматривает опредмечивание (Vergegenständlichung), как распредмечивание (Entgegenständlichung), как отрешение и снятие этого отрешения, в том что он значит усматривает сущность труда и понимает предметного человека как результат его собственного труда» («Архив Маркса и Энгельса», кн. III, стр. 264). Величие гегелевской «Феноменологии» Маркс видит в разрешении проблемы суб'екта и об'екта, как диалектики «опредмечивания» и «распредмечивания», в том, что единство этих процессов разрешается в сущности труда, в предметной деятельности.

То, в чем Маркс видит «величие» «Феноменологии», противоречит всей идеалистической спекулятивной конструкции этой книги. Практика в ее рациональном понимании существует прежде всего как материальное производство. В практике деятельность не существует как деятельность чистого сознания, а раскрывается как конкретная деятельность общественных людей. Суб'ект проявляется не в чистых формах сознания, а в форме определенной общественной деятельности. Предмет, доступный деятельности, а значит и предмет познания (познание только лишь сторона деятельности) перестает быть отвлеченно абстрактной, изолированной по отношению к суб'екту, внешностью. Предмет раскрывает свою материальную природу в единстве с деятельностью людей.

Гегель в «Феноменологии духа» подошел к разрешению проблемы суб'екта и об'екта в практике, в этом величие гегелевской «Феноменологии», но Гегель не мог последовательно развить этого решения. Последовательно проведенное раскрытие в предметной деятельности взаимопроникновения суб'екта и об'екта является принципом материалистической теории познания, принципом, последовательно проведенным в философских и экономических работах Маркса.

Маркс разработал диалектико-материалистическое учение о суб'екте и об'екте, развивая и углубляя действительный смысл этого учения в критике буржуазного индивидуализма. Взгляды Маркса на решение основного вопроса всякой философии оформились в борьбе с гносеологической робинзонадой Фейербаха. Решая проблему суб'екта и об'екта в сфере чувственности абстрактного изолированного индивидуума, Фейербах становился на антиисторическую, созерцательную точку зрения. «Чувственную деятельность» Фейербах трактовал созерцательно, индивидуалистически. Чувственная деятельность Марксом понимается не гуманистически, а социально исторически. Чувственно человеческая деятельность может быть понята только как общественно-историческая практика. Если действенному историзму «Феноменологии духа» Гегеля недоставало материально-чувственного блеска, то фейербаховская философия чувственности выступала оторванной от конкретно исторической практики. Чувственность у Фейербаха становилась созерцанием. «Недовольный абстрактным мышлением, Фейербах выдвигает созерцание, но он рассматривает чувственность не как практическую человечески чувственную деятельность» (пятый тезис Маркса о Фейербахе). «Фейербаховское понимание чувственного мира ограничивается.. голым ощущением... рассматривает «человека вообще» вместо «реального исторического человека» («Архив Маркса и Энгельса» кн. I, стр. 217).

Антиисторический индивидуализм Фейербаха в свете рационального истолкования «Феноменологии духа» Гегеля представлялся Марксу чрезвычайно бедным и бессодержательным. Предметы «чувственной достоверности» и чувства человека, в котором Фейербах видел основу разрешения основных гносеологических проблем, «даны только благодаря общественному развитию, благодаря промышленности и торговым сношениям. Известно, что вишн-

невое дерево, как и все почти плодовые деревья, появились в нашем поясе лишь несколько веков тому назад, благодаря торговле, и таким образом оно стало доступно «чувственной достоверности» (Там же).

В решении проблемы предмета знания, в форме необходимого момента этого решения выступает материальное производство, практическая деятельность во всем богатстве социальных форм.

В предшествующей Гегелю и Марксу философии суб'ект и об'ект рассматривались как обособленные метафизические сущности. Кант и Фихте, растворяя об'ективное в суб'ективном, лишали суб'ект подлинного действенного проникновения в об'ективное.

Диалектическое разрешение проблемы суб'екта и об'екта, их конкретное взаимопроникновение возможно только как предметная деятельность. Только в практике находит свое подлинное выражение переход из формы деятельности в форму бытия (опредмечивание) и обратный переход из формы бытия в форму деятельности (распредмечивание).

Практика вскрывает в себе диалектику суб'екта и об'екта, диалектика этих понятий возможна только как практика.

Гносеологическая проблема отношения суб'екта к об'екту включает в себя предметную деятельность. Гносеологическое выступает в единстве с социальным.

«Вопрос о том, свойственна ли человеческому мышлению предметная истина, вовсе не есть вопрос теории, а практический вопрос. На практике должен человек доказать истинность, т.-е. действительность и силу своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолированного от практики, есть чисто-схоластический вопрос» (Маркс).

Практикой решается основная проблема гносеологии, вопрос об отношении мышления к бытию. Практика становится существенной предпосылкой теории познания. Гносеология открывает практикой всю свою аргументацию. Лейтмотивом гносеологической проблемы выступает социально-историческая проблема. Основной вопрос, с которого начинает гносеология, вопрос об отношении суб'екта к об'екту раскрыт предметной деятельностью. Практикой обнаружено, что «суб'ект и об'ект являются историческими категориями, а не метафизическими сущностями» (Деборин).

Суб'ективная деятельность предметна. Суб'ект существует, как персонификация предметного мира. «В производстве личность об'ективируется» (Маркс, Введение к критике, стр. 22). Уже для Гегеля «индивидуальность» существует, «как взаимное проникновение бытия и делания» (Феноменология духа, стр. 181). Бытие суб'екта обнаруживается во взаимопроникновении предмета и деятельности в практике.

Единство гносеологической и социально-исторической проблемы вело к окончательному разрыву со всякой теорией познания, разрешающей проблему суб'екта вне предметной деятельности, в частности к полному разрыву с трансцендентальным идеализмом.

Суб'ект в кантианской гносеологии оставался пустой формой. «У Канта «Я» является «как трансцендентальный суб'ект мыслей», при том это «Я», по собственному выражению Канта, имеет то неудобство, что для какого-нибудь суждения о нем мы постоянно должны уже пользоваться им (Гегель), т.-е. что «Я» у Канта пустая форма» (Ленин, Ленинский сборник IX, стр. 249). Трансцендентальный идеализм Канта, при разрешении проблемы суб'екта, не выходил за пределы отвлеченного знания. Для Маркса конкретная суб'ективность раскрывается в предметной деятельности как неразрывная от об'ективности, как сохраняющая в себе об'ективность, как существующая только благодаря об'ективности.

«Превратно рассматривать суб'ективность и об'ективность, как некую прочную и абстрактную противоположность. Обе вполне диалектичны» (Гегель, Наука логики, т. II, стр. 237).

Ленин коротко резюмирует это важнейшее гносеологическое положение: «Суб'ективность и об'ективность—то же суть и не то же» (Ленинский сборник IX, стр. 207).

Поскольку предмет обнаруживается в своем единстве с суб'ектом, поскольку предмет и суб'ект взаимопроникают друг друга, постольку теория суб'ективного познания становится в то же время теорией предмета.

Впервые к раскрытию единства теории познания и теории предмета пришел Гегель, показывая в своей «Феноменологии» различные периоды взаимопроникновения деятельности и предметности. Несмотря на то, что деятельность выступала здесь только в форме деятельности сознания, а предметное бытие было не чем иным, как понятием, несмотря на всю мистификацию, Гегелю удалось раскрыть рациональное решение вопроса. Теория познания становилась теорией предмета [1]).

Предметная деятельность, конкретная форма единства суб'екта и об'екта вскрывает в теории познания ее об'ективную сторону. Суб'ективное проникновение в действительность, деятельность, переходящая в об'ект, существует как раскрывающая содержательность об'екта. Самодвижение об'екта в предметной деятельности проявляется в имманентных об'екту законах. Действительная об'ективность раскрывает свою внутреннюю закономерность в различных формах предметной деятельности. То, что для «Феноменологии» оказывалось бытием понятия, раскрывающимся в различных формах сознания, то в предметной деятельности обнаруживается как бытие законов реальной действительности, раскрывающееся в различных периодах практики.

В теории познания, опирающейся на всемирно-историческую практику, об'ективное раскрывает себя суб'ективному. Предмет в своем самодвижении обнаруживает себя познающему суб'екту, обнаруживает свою (об'ективную) форму движения. В теории познания, являющейся одновременно теорией предмета, каждая категория есть «ступень познания» (Ленин) и в то же время отражение формы об'ективного движения предмета. Ступени в процессе познания предмета являются формами раскрытия об'екта суб'екту. Конкретное единство суб'ективного и об'ективного, практика, выступает как предпосылка каждой гносеологической категории.

Учение о практике как о предпосылке и исходном пункте гносеологии с особенной силой было подчеркнуто в «Материализме и эмпириокритицизме» Лениным. «В с я ж и в а я ч е л о в е ч е с к а я п р а к т и к а в р ы в а е т с я в н а ш у т е о р и ю п о з н а н и я» (Т. XIII, стр. 190). Этим положением Ленин формулировал коренное отличие учения о процессе познания в марксизме от всякой идеалистической теории познания.

«В к л ю ч а я к р и т е р и й п р а к т и к и в т е о р и ю п о з н а н и я, м ы н е и з б е ж н о п о л у ч а е м м а т е р и а л и з м» (Ленин). Материалистичность критерия практики заключается в обнаружении предметной деятельностью на ряду с посюсторонностью предметной истины, потусторонности самого предмета. Практика раскрывает как непоколебимую истину, оправданную ее всемирно-историческим развитием, то положение, что действительный мир существует вне зависимости от человеческого действия и познания. Предметная деятельность обнаруживает внешний мир как абсолютную реальность.

---

[1]) Сравнить: R. K r o n e r, Von Kont bis Hegel, B. II, S. 388.

Каждая новая ступень развития предметной деятельности богаче, шире предшествующей ступени. Новая ступень общественной практики выступает на расширенной предметной основе. В практике последующих поколений участвует ряд предметов, совершенно неизвестных предшествующим ступеням общественного развития. Внешний мир и его абсолютная реальность раскрываются практикой, как необходимое условие и как необходимое основание, делающее возможным постоянно расширяющееся, обогащающееся самодвижение предметной деятельности. Развитие предметной деятельности раскрывает существование внешнего мира, вскрывает факт его абсолютной реальности, как основы всего предметного многообразия практики. Предметная деятельность вскрывает потусторонность мира человеческой деятельности и человеческому познанию. Раскрытие потусторонности внешнего мира обнаруживается в единстве с посюсторонностью предметной истины, в единстве с предметной стороной деятельности.

Диалектика независимого от деятельности материального мира проявляется в предметной стороне практики, составляет основу деятельности людей. Законы внешнего мира становятся основным моментом предметной деятельности. «Законы внешнего мира, природы... суть основы целесообразной деятельности человека» (Ленинский сборник IX, стр. 213). «Человек в своей практической деятельности имеет перед собой об'ективный мир, зависит от него и им определяет свою деятельность» (Там же). «Техника механическая и химическая потому и служит целям человека, что ее характер (состав) состоит в определении ее внешними условиями (законами природы)» (Там же, стр. 215).

Историческое развитие общественной практики включает в себя природу внешнего мира.

Об'ективное движение предмета, практика и теория познания в философии Маркса и Ленина выступают в неразрывной связи друг с другом. Эти три момента взаимопроникают друг друга.

История философских систем была историей неправильного одностороннего соединения одного из этих моментов с другим.

Так Спиноза утверждает «природу метафизически оторванную от человека» (Маркс), для него не существует конкретно-историческое отношение суб'ективного и об'ективного, а также и специфики процесса познания. В философии Юма проблема познания отвлекается от об'ективного материального движения и конкретно-исторического процесса, замкнутая в пределы состояний сознания индивидуального суб'екта, теория познания превращается в психологию. Философия Богданова, изолируя гносеологическое и конкретно-историческое от об'ективной логики внешнего мира, лишает конкретно-историческое его материальной плоти, его действительного существа. Абсолютный идеализм Гегеля мистифицирует эти три момента, подменяет один момент другим.

Подлинное единство природного, социально-исторического и гносеологического раскрывает диалектический материализм. Об'ективная диалектика предмета раскрывается в логике. «Логика есть учение о познании. Есть теория познания. Познание есть отражение человеком природы. Но это не простое, не непосредственное отражение, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формулирования, образования понятий etc. и охватывает условно, приблизительно универсальную закономерность вечно движущейся и развивающейся природы» (Ленинский сборник, стр. 203). Диалектика, как логика, как теория познания, раскрывает, обнаруживает себя как учение об об'ективном развитии действительности.

«Онтологическое», противопоставленное в философии Канта «гносеологическому», в материалистической диалектике выступает в единстве с процессом познания. «Онтологическое» становится подлинной реальной основой «гносеологического». Теория познания, диалектика познания становится воспроизведением самой действительности, конкретности единства противоположностей. «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его есть суть диалектики». «Диалектика есть учение о том, как могут быть, как бывают, как становятся единым противоположности, при каких условиях они бывают тождественными, превращаясь друг в друга». Бытие действительности раскрывается в познании. В логике единство бытия и познания, единство теории познания и учения об об'ективном развитии бытия не есть простая догма. Существующее на основе бытия единство об'ективно-логического и гносеологического обнаруживается потому, что «вся живая человеческая практика врывается в теорию познания» (Ленин).

Единство онтологического и гносеологического обнаруживается как опосредованное социально-историческим. Практика выступает как предпосылка единства процессов бытия и познания, как предпосылка единства об'екта и понятия.

Признание практики, как предпосылки логики, составляет характерную особенность философии диалектического материализма. Рациональный смысл «Феноменологии духа», величие самой идеи «Феноменологии» Маркс видел в попытках раскрыть сущность предметной деятельности, единство «опредмечивания» и «распредмечивания», в попытке раскрыть взаимопроникновение суб'екта и об'екта в общественно-исторической практике.

Заслугу гегелевской философии в попытке подойти к практике как предпосылке логики усматривает вслед за Марксом Ленин. «Замечательно,— говорит он,— к идее, как совпадению понятия с об'ектом, к идее, как истине, Гегель подходит через практическую целесообразную деятельность человека. Вплотную подходит к тому, что практикой своей показывает человек об'ективную правильность своих идей, понятий, знаний, науки» (Ленинский сборник, стр. 210).

Конкретное единство суб'екта и об'екта Ленин считает необходимым предпослать отношению суб'екта и об'екта в логике. «Если рассматривать отношение суб'екта к об'екту в логике, то надо взять во внимание и общие посылки бытия конкретного человека... в об'ективной обстановке» (Ленинский сборник, стр. 239). Такую постановку вопроса Ленин считает «превосходной, глубокой, чистым материализмом» (Там же). Превосходной потому, что рассмотрение конкретной суб'ективной деятельности и конкретной предметности, разрешение в предметной деятельности гносеологической проблемы составляет превосходство диалектического материализма над всей предшествующей философией, знаменует поворотный пункт в теории познания. Глубоко верной потому, что только лишь таким образом уничтожается метафизическая гносеология и создается почва для построения теории познания как учения о познании, раскрывающем всю глубину конкретной действительности. Материалистической потому, что практика, предметная деятельность раскрывает существование внешнего материального мира, подлинного об'екта логики. «Деятельность... изменяет внешнюю действенность, уничтожает ее определенность (меняет те или иные ее стороны, качества) и таким образом отнимает у нее черты кажимости, внешности и ничтожности, делает ее само в себе и само для себя сущей (об'ективной истиной)» (Ленинский сборник, стр. 269).

Развитие практики вскрывает об'ективную истину бытия, раскрывает внешнюю действительность как «само в себе и само для себя» сущую дей-

ствительность. Познание, которому предпосылается развитие практики, уже в своем исходном пункте и во всем процессе существует как раскрытие об'ективной самой для себя сущей действительности. Исходным пунктом, началом логики выступает бытие материального мира, бытие материи. Бытие материи, как об'ективно существующее абсолютное бытие, обнаружено развитием постоянно расширяющей свою предметную основу практики. Об'ективное бытие материи, обнаруженное в итоге развития практики, выступает на первой ступени логики. В исходном пункте логики уже обнаруживается об'ективная основа теоретико-познавательной стороны логики.

В «Науке логики» Гегеля «чистое понятие», тождество суб'екта-субстанции приводило к отрицанию взаимопроникновения об'ективного и суб'ективного. Взаимопроникновение суб'екта и об'екта возможно только на почве их различия. Результат «Феноменологии духа», «абсолютное знание», уничтожая различие суб'екта и об'екта, устанавливая их метафизическое тождество, понятие превращалось в чистую об'ективность. Этим выводом Гегель уничтожал гносеологическую проблему, возможную только лишь при допущении различия суб'екта и об'екта. Если в предметной деятельности, составляющей рациональный смысл «Феноменологии», гносеологическая проблема получала свою реальную основу, то в выводах, обусловленных исходными предпосылками всей гегелевской системы, гносеологическая проблема подверглась метафизическому отрицанию.

Логика Гегеля, опирающаяся в своем исходном пункте на итог «Феноменологии духа», представлялась движением чисто-об'ективной сферы понятия. Об'ективизм чистого понятия исключал момент несоответствия, различие суб'екта и об'екта. Логика с порога отбрасывала гносеологическую проблему. Гносеологический момент не находил себе места в идеализме гегелевской логики.

Логика диалектического материализма выдвинула задачу борьбы с идеалистическим об'ективизмом, с полным отрицанием гносеологической стороны логики. Наиболее последовательно в марксистской литературе эта борьба проведена Лениным в «Конспекте «Науки логики» Гегеля».

Основу всей идеалистической конструкции логики Гегеля составляет положение, что «понятие в своей об'ективности есть сама сущая в себе и для себя вещь», положение, полностью отрицающее в структуре логики гносеологическую сторону. Ленин критикует отрицание гносеологического момента в логике, как «об'ективизм, мистику» (Ленинский сборник, стр. 191).

Рационалистический об'ективизм, мистификация проблемы суб'екта и об'екта заключается в сведении об'екта к суб'екту, в превращении суб'екта в чистый об'ект. Суб'ективное, не противостоящее, не различающее себя от об'ективного, теряло действенную природу. Об'ективность понятия, «сущая в себе и для себя», исключала подлинное развитие, заключала в себе измену развитию. «Об'ективизм + мистика + измена развитию» (Ленин, там же).

Действенное отношение мышления к бытию составляет гносеологическую сторону логики диалектического материализма. Гносеологическая сторона логики исключалась абсолютным идеализмом «феноменологии», во всемирно-исторической практике. Теория познания находит свою реальную основу, свою действительную предпосылку. Абсолютное понятие уничтожало взаимопроникновение суб'екта и об'екта, предметная деятельность является осуществлением диалектики об'ективного и суб'ективного. В теорию познания включается действительная предметная деятельность. Гносеология обнаруживает свое единство с практикой. «Единство теоретической идеи (познания) и практики... это единство именно в теории познания» (Ленинский сборник, стр 271).

Диалектика мышления и бытия в теории познания раскрывается в единстве с диалектикой деятельности и предметности в практике. В том и другом процессе обнаруживается несостоятельность метафизической гносеологии, односторонне отрывающей суб'ективное от об'ективного. Тот и другой процесс уничтожает «односторонность» суб'ективного и об'ективного. Истинный смысл гегелевской «Логики» и ее отношение к «Феноменологии» заключаются в попытке преодолеть ограниченность метафизической гносеологии, в единстве процессов познания и практики. В ряде положений Гегель возвышается до осознания единства обоих процессов. «Очень хорош, — говорит Ленин, — § 225 «Энциклопедии», где «познание» теоретическое и «воля», практическая деятельность изображены как две стороны, два средства уничтожения «односторонности» и суб'ективности и об'ективности» (Ленинский сборник IX, стр. 251). Практика и познание выступают как две стороны в своем единстве, уничтожающие метафизическое отделение суб'екта и об'екта. Маркс, вводя критерий практики в теорию познания, опирается на рациональную форму взаимоотношения «Феноменологии духа» и «Науки логики» Гегеля. «Маркс, — говорит Ленин, — непосредственно к Гегелю примыкает, вводя критерий практики в теорию познания: см. тезисы о Фейербахе» (Ленинский сборник, стр. 257). Как уже было показано выше, непосредственная зависимость Маркса от Гегеля в этом вопросе полностью подтвердилась опубликованными в последнее время работами Маркса, относящимися к 1843—1845 гг.

Единство процесса познания и практики заключается в их общей основе, раскрытой в практике и подразумеваемой уже в исходном пункте логики, в материальном существе внешнего мира. Логика, своей теоретико-познавательной стороной, включающая в себя всемирно-историческую практику, раскрывает процесс познания как процесс углубления в предметную конкретную действительность. Предметная деятельность есть действенное проникновение во внешний мир, процесс познания, устанавливающий свои контуры на всемирно-исторической предметной деятельности, есть процесс раскрытия, есть процесс углубления в конкретную целостность действительности.

Учение о познании, логика, построенная на основе всемирно-исторического развития практики, приобретала совершенно иной смысл, чем логика Гегеля, имеющая своим исходным пунктом итог феноменологии, чистую сферу понятия. Раскрытие в познании материального движения об'екта, углубление познания в действенное движение материи подразумевает различие мышления и бытия. «Познание, — говорит Ленин, — есть вечное, бесконечное приближение мышления к об'екту. Отражение природы в мысли человека надо понимать не «мертво», не «абстрактно», не без движения, не без противоречий, а в вечном процессе движения, возникновении противоречий и разрешении их» (Там же, стр. 228). В «Логике» выступает в своеобразной форме процесс противоречия между бытием и мышлением. Момент различия мышления и бытия, различия, выступающего на основе единства, является основным моментом в процессе логического познания. Теория познания выступает как существенная сторона теории логики. В «Логике» процесс не представляет собой чистую об'ективность. Для Гегеля «об'ективное понятие» есть об'ективная идея, для Ленина «идея есть отношение для себя сущей (якобы самостоятельной) суб'ективности (человека) к отличной от этой идеи об'ективности» (Ленинский сборник IX, стр. 225). Вне теории процесса познания, направленного на отличный от мышления об'ективный мир, нет материалистической теории логики.

Представляя логику как об'ективное самодвижение понятия, Гегель уничтожал процесс углубления суб'екта в действительный об'ект, процесс реального познания действительности. «Мир явлений и мир в себе суть мо-

менты познания природы человеком, ступени изменения или углубления (познания). Передвижка мира в себе все дальше и дальше от мира явлений — вот чего не видно у Гегеля», — говорит Ленин (Там же, стр. 115). Логика не представляется Гегелю как процесс углубления мысли в предмет, как процесс воспроизведения в мыслях действительности в ее конкретности, во всем многообразии ее движения.

Величайшая заслуга марксизма заключается в раскрытии гносеологической стороны диалектики. Для Маркса диалектическая методология и есть теория познания, воспроизведение конкретного путем мышления. «На эту сторону дела, и это не сторона дела, а суть дела, не обратил внимания Плеханов и другие марксисты» (Ленин, К вопросу о диалектике). Понимание диалектики как теории познания воспроизвел и развил Ленин в своих работах над «Наукой логики». Опираясь на теоретико-познавательную сторону методологии, Маркс показал основной недостаток «Логики» Гегеля. «Абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного путем мышления. Гегель поэтому поддается иллюзии, что реальное следует понимать как результат восходящего к внутреннему единству, в себя углубляющегося и из себя развивающегося мышления, между тем как метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его мысленно как конкретное. Однако это ни в коем случае не процесс возникновения самого конкретного» (Маркс, Введение к критике, стр. 37).

В рецензии на «Критику политической экономии» Энгельс характеризует Маркса как мыслителя, раскрывшего в идеалистической конструкции «Логики» Гегеля теорию познания. «Маркс был и остается единственным, который мог взять на себя задачу выделить из гегелевской логики то ядро, которое содержит в себе действительное открытие Гегеля в этой области, и выработать диалектический метод, освобожденный от его идеалистической оболочки, в той простой форме, в которой он только и является правильной формой развития мыслей» (Разрядка моя. *П. К.*).

Действительное открытие Гегеля заключалось в открытии правильной формы развития мыслей, в открытии теории познания, диалектической методологии материальной действительности. Теория познания совпадала с методологией. Прежней теории познания, замыкающейся в пределы познания, оторванного от материального развития, теории, посвященной вопросам: о границах, способностях, критерии знания как такового, пришел конец. Теория познания как теория природы чистого знания, как правильно подчеркивает А. Деборин, умерла, ей на смену выступила методология раскрытия, мысленного воссоздания конкретной действительности, методология как подлинная теория диалектического материализма [1]).

Гегелевская критика «Логики» Аристотеля основывалась на необходимости включить в логику теорию познания, в категории логики «соответствие истине». «Если, — говорит Гегель, — в логических формах не усматривать даже ничего кроме формальных функций мышления, то и в таком случае заслуживало бы исследования, в какой мере они сами для себя соответствуют истине. Логика, которая этим не занимается, может из'являть притязание самое большое на значение естественно-исторического описания явлений, мышления, описания того, как они совершаются» (Наука логики, ч. II, стр. 16). Описанию метафизически изолированного от действительности мышления, метафизическим формам логики Гегель противопо-

[1]) На непонимании этого вопроса основана критика А. М. Деборина т. Загорулько в его выступлении на второй конференции марксистско-ленинских учреждений.

ставляет категории познания, логические формы, в которых заключено соответствие с истиной, гносеологический момент. «Итак, не только описание форм мышления и не только естественно-историческое описание явлений мышления, но и соответствие с истиной. В таком понимании логика совпадает с теорией познания» (Ленин, там же, стр. 191). В положениях, открывающих важнейший раздел «Науки логики», учение о сущности, Ленин усматривает осознание Гегелем гносеологической стороны логики. «Бытие, — говорит Гегель, — есть непосредственное. Так как познание хочет познать истину того, что такое бытие в себе и для себя, то познание не останавливается на непосредственном и его определениях, но проникает через них в предположении, что это бытие есть еще не что иное, чем самое бытие, что эта основа составляет истину бытия». Вхождение в глубь бытия действенное раскрытие познания внутренней сущности бытия составляет материалистическую суть первых строк «учения о сущности». Существо перехода бытия в сущность, по мнению Ленина, оттеняет гносеологическую сторону «Логики» (Ленинский сборник IX, стр. 109).

В своем рациональном понимании теория познания является путем раскрытия действительного бытия, путем вхождения в бытие, теория познания совпадает с методологией познания всеобщих форм движения бытия. «Познание есть познание опосредованное, так как оно не находится непосредственно при сущности и в сущности, но начинает с другого, с бытия, и должно пройти предварительный путь, путь выхода за бытие или правильное вхождение в оное» (Гегель, там же). В ряде положений Гегель не только усматривает теоретико-познавательную сторону логики, но и раскрывает теорию познания, как методологию.

Предметная деятельность, практика осуществляет в своем историческом пути превращение внешнего мира в предметное бытие общественного производства, является путем вглубь предметного многообразия внешнего мира. Предметная деятельность намечает в теории познания контуры движения познания, контуры раскрытия действительности. Единственно «правильной формой развития мыслей», формой, основанной на историческом развитии предметной деятельности, является развитие от абстрактного к конкретному, вхождение вглубь действительности, раскрытие все более сложных, все более глубоких форм движения. Ступенчатость познания отражает историческое движение определенных форм, ступеней предметной деятельности.

А. М. Деборин подчеркивает значение логических категорий, как исторических ступеней, в процессе познания материальной действительности. Процесс познания историчен, основываясь на конкретной предметной деятельности людей. История предметной деятельности «дает нам ключ к уразумению и к правильному разрешению самой проблемы знания. Разнообразные формы мысли и познания соответствуют различным историческим ступеням в ходе развития жизни во всех ее проявлениях, в процессе исторического становления человечества» (Деборин, Философия и марксизм, стр. 272). Историческое становление человечества, общественную практику во всех ее проявлениях А. М. Деборин считает ключом к уразумению проблемы знания, ключом к уразумению логики, а тем самым и предпосылкой теории познания. Этим А. М. Деборин показал связь между рациональным пониманием «Феноменологии духа» Гегеля и марксистским пониманием предметной деятельности. «Гегель, — говорит он, — понял необходимость применения исторического метода к самому процессу знания. Та и другая форма знания является продуктом исторического развития и сама покоится на тех низших формах, из которых она произошла путем их преодоления. Гегель показал, что сознание человечества имеет свою историю и что история этого сознания человечества совпадает с историей всех

других форм жизни, с которыми она составляет одну целостную истину. Вместе с тем обнаружилось, что диалектика как метод оправдала себя на истории сознания, которая изображена Гегелем в «Феноменологии духа» (Деборин, там же). История сознания человечества, совпадающая с историей всех других форм жизни, составляет определенную сторону целостности исторического становления, определенную сторону общественной практики. Процесс предметной деятельности оправдывал «диалектику как метод». Практика закрепляла о б ' е к т и в н у ю истину диалектического метода.

В предметной деятельности суб'ект (деятельность) обнаруживал свое единство с об'ектом, взаимопроникновение, переход в предмет (опредмечивание). Процесс познания, включающий в себя всю общественную практику, раскрывается как переход мышления (суб'екта) в об'ект. «Познание есть процесс погружения.., совпадение мысли с об'ектом есть процесс» (Ленинский сборник, стр. 225).

Логика своей теоретико-познавательной стороной воспроизводит единое с предметной деятельностью разрешение проблемы суб'екта и об'екта. В логической деятельности воспроизводится взаимопроникновение суб'екта и об'екта, но воспроизводится в специфических логических формах. Единство логики и практики обнаруживается в теоретико-познавательной стороне логики. «Единство теоретической идеи (познания) и практики... э т о е д и н с т в о и м е н н о в т е о р и и п о з н а н и я» (Ленинский сборник, стр. 271. Разрядка моя. *П. К.*).

Суб'ективное в логической деятельности — это процесс мышления, процесс деятельности путем абстракций, деятельность самих абстракций. В логической деятельности суб'ект выступает как абстракция.

Об'ект логики, внешняя материальная действительность, конкретное развитие материи. Для логики существование внешнего мира не гипотеза, а предпосылка, раскрытая, обнаруженная в предметной деятельности. Имманентное развитие материи, включающее в себя взаимодействие, переходы, единство многообразия, является предметом диалектической логики. Конкретное, об'ект логики, обнаруживает свою полноту в результате логического исследования. «Конкретное потому конкретно, что оно заключает в себе множество определений, являясь единством в многообразии. В мышлении оно поэтому выступает как процесс соединения, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно является исходным пунктом в действительности...» (Маркс, Введение к критике, стр. 76).

В логике суб'ект выступает как абстрактное, об'ект как конкретное. Диалектика суб'екта и об'екта выражается как диалектика абстрактного и конкретного. Развернутое в предметной деятельности, диалектическое взаимопроникновение суб'ективного и об'ективного включается в диалектику абстрактного и конкретного, создавая взаимопроникновению суб'екта и об'екта в логике твердую материальную почву.

Формы практики — это формы взаимопроникновения суб'ективного (деятельности) и об'ективного (предметности). Логические формы, категории являются формами взаимопроникновения абстрактного (суб'ективного) и конкретного (об'ективного). Практика есть историческое единство суб'екта и об'екта, категория — их логическое единство. Категория, как логическая «фигура», заключает в себе практику, как предпосылку. «Практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики» (Ленинский сборник IX, стр. 267). Предметная деятельность, воспроизводящая миллиарды раз единство суб'екта и об'екта, закрепляется в категориях логики, в формах логического взаимопроникновения абстрактного и конкретного. Категории материалистической логики заключают в себе, в специфической логической форме всемирно-историческую предметную деятель-

ность. Логический суб'ект и об'ект, абстрактное и конкретное сохраняет в себе существо исторического суб'екта и об'екта, деятельности и предметности.

Понимание отношения общественной практики к «Логике» Маркса принципиально отличалось от спекулятивно-понятого Гегелем отношения логики к феноменологии. «Метод Маркса отличен от гегелевского в двух отношениях: во-первых, он отличен по своему исходному пункту, по своему теоретико-познавательному основанию, в смысле разрешения вопроса о взаимоотношении мышления и бытия; во-вторых, метод Маркса противоположен гегелевскому в смысле иного разрешения вопроса об отношении абстрактного и конкретного, формального и материального, что непосредственно связано с материалистическим мировоззрением Маркса» (Деборин, Гегель и диалектический материализм, стр. XXI). Материализм Маркса, теоретико-познавательное основание диалектического материализма, критерий практики находятся в непосредственной связи с решением вопроса об отношении абстрактного и конкретного, формального и материального. Критерий практики, включенный в теорию познания, последовательно приводит к материалистической диалектике абстрактного и конкретного.

В развитии практики деятельность людей определенного общества проникает вглубь материального бытия предметного мира (опредмечивается). Исходя из исторической практики, диалектическая логика намечает контуры движения познавательной деятельности путем абстракций. Деятельность людей определенного общества неразрывна от предметного мира, в свою очередь абстракция не является обособленной от об'ективного, материального, конкретного, пустой схемой. Процесс познания путем абстракций находится в единстве с конкретным, отражает отдельные стороны, определенные процессы материального мира, развития материи. Абстрактное отражает определенность конкретной реальности, вот почему Маркс говорит о реальности абстракций, о «реальной абстракции». «Пустая абстракция» — это призрак, основывающийся на представлении об оторванной от предметного мира деятельности отдельного индивида. Преодоление гносеологической робинзонады в предметной деятельности непосредственно связано с логическим преодолением отвлеченной от реальности абстракции, с реальной, конкретизирующейся абстракцией. «Абстракция» и «конкретное» единство противоположностей» (Ленинский сборник IX, стр. 235). В конечных определениях, в логических формах заключается конкретная всеобщность материального бытия. Суб'ективное, абстрактное заключает в себе в форме единичного, в форме частного всеобщность об'екта. «Единичное, — говорит Гегель, — суб'ект, есть столь же и не единичное, а всеобщее», в этом положении Ленин усматривает «диалектику понятий и ее *материалистические корни*» (Там же. Разрядка моя. *П. К.*).

Материалистическая диалектика суб'екта и об'екта, абстрактного и конкретного является исходным пунктом критики всякого идеализма. Ленин критикует Канта за метафизическое понимание суб'екта, за формальное понимание абстракции. «У Канта «пустая абстракция» на место живого шествия, движение знания нашего о вещах все глубже и глубже» (Там же, стр. 38). Маркс противопоставил Канту учение о «реальной абстракции», единство абстрактного и конкретного, диалектику формального и материального.

Подобно тому как практическая деятельность выступает на каждом последующем этапе развития, все более углубляясь в предметное бытие материального мира, деятельность познания путем абстракции раскрывает «все глубже и глубже» сущность вещей, переходя ко все более конкретным взаимодействиям развивающейся материи. Единство абстрактного и конкрет-

ного, определенная форма всеобщего становится подвижным противоречием. «Категория—идея процесс», говорит Ленин (Там же, стр. 235).

Подлинный материалистический смысл логической категории был обнаружен философией, своим исходным пунктом сделавшей всемирно-историческую предметную деятельность. «Шествие знания нашего о вещах все глубже и глубже» (Ленин) подтверждается шествием исторической практики, успехами деятельности людей, проникающей все глубже и глубже в действительный мир вещей.

«Наука логики» Гегеля в ряде положений дает чрезвычайно «умную и глубокую» (Ленин) характеристику логической суб'ективности. Характерной чертой всех этих высказываний является их полное несоответствие с результатом феноменологии, субстанцией-суб'ектом, с чистой об'ективностью идеи. Здесь Гегель воспроизводит не конкретный и исходный пункт своей «Феноменологии духа», а ее рациональное ядро, диалектику деятельности и предметности. «Суб'ективность, — говорит Гегель, — диалектически порывает свой предел и через умозаключение раскрывается в об'ективность» (Гегель, Наука логики, ч. II, стр. 36). В противоположность изолированному от об'ективного отвлеченному суб'екту метафизической теории познания Гегель понимает суб'ект как деятельность, диалектически порывающую свои пределы и переходящую в об'ект. Разумеется, Гегель не мог окончательно развить диалектику суб'екта. Понадобилась коренная переделка всего наследия диалектического идеализма, понадобились другие исходные пункты, на основе которых могла бы быть развита подлинная диалектика суб'екта. Последовательно раскрытая диалектика суб'екта могла быть только материалистической диалектикой. Всю глубину учения о суб'екте диалектического материализма высказал Ленин в своем положении, что «с у б'е к т и в н о с т ь е с т ь с т р е м л е н и е... у н и ч т о ж и т ь о т д е л е н и е (идеи) от об'екта» (Ленинский сборник, стр. 225).

Суб'ективность есть процесс раскрытия действительного об'екта. В практике деятельность получает свое определение на основе предмета и выступает как предметная деятельность. Теоретико-познавательная сторона логики обнаруживает суб'ективность процесса познания как раскрывающуюся об'ективность, как самодвижение об'екта. Об'ективность, развитие конкретного, определяет развитие категорий, процесс мышления, определяет воспроизведение конкретного путем мышления. Теория познания диалектического материализма отрицает формальный и идеалистический подход к категориям, отрыв категорий от об'ективных процессов материального развития. Примат об'екта над суб'ектом, раскрытый практикой, выступает в материалистической логике, как примат об'ективной закономерности над деятельностью познания. Об'ективная диалектика предмета раскрывается в категориях логики. Конкретное выражается в абстрактном, дает действительный смысл абстрактному. В категории, как в единстве абстрактного и конкретного, конкретное выступает как всецело доминирующий момент. Абстрактное существует благодаря внутренней противоречивости конкретного. «Логические понятия суб'ективны, пока остаются «абстрактными», в своей абстрактной форме, но в то же время выражают вещи в себе» (Ленин, там же, стр. 240), об'ективную, противоречивую, развивающуюся действительность материи. В познании могут выступать отдельные моменты природы, в своей обособленности, абстрагированно от других моментов, только благодаря своей относительной самостоятельности в действительности, благодаря своей противоположности другим моментам. Так качество об'ективного процесса находится в относительной самостоятельности, в противоположности к количественному изменению. Внутренняя противоречивость конкретного является об'ективной основой логической абстракции.

Подобно тому, как в предметной деятельности, в практике, законы внешнего мира (законы электричества) являются основанием деятельности суб'екта (электротехника), так и в логике законы об'ективного внешнего мира являются основой суб'ективной познавательной деятельности, деятельности путем абстракции. Моменты абстракции заключены в самой природе. «Природа *и* конкретна *и* абстрактна, *и* явления *и* суть, *и* мгновение *и* отношение» (Ленин, там же).

Попытка установить примат суб'екта над об'ектом, попытка представить разум «законодателем природы» ведет к отрыву суб'екта от об'екта в логике, приводит к учению о категориях, как об отвлеченных абстракциях. Логика Канта, покоящаяся на теоретико-познавательной основе суб'ективного идеализма, устанавливает статическую систему категорий, отрицает переход одной категории в другую.

Диалектика категорий, их переход друг в друга основывается на об'ективной диалектике материальных процессов. Процесс развития категорий — об'ективный процесс. «Человеческие понятия суб'ективны в своей абстрактности, оторванности, но об'ективны в целом, в процессе, в итоге, в тенденции, в источнике» (Ленин, там же). Об'ективная конкретность выступает в категориях в процессе их движения в их тенденции. Как источник категории, об'ективное выступает как внешний материальный мир. Как итог, конкретное раскрывается в результате логического движения во всей полноте своих противоречивых форм.

«Образование (абстрактных) понятий и операций с ними уже включает в себе представление, убеждение, сознание закономерности об'ективной связи мира» (Ленин, там же). Движение абстрактных понятий является раскрытием об'ективной закономерности. Теория процесса познания не является отличной от материалистической диалектики, а находится в единстве с ней, составляет ее существенный момент. Теория познания, включающая в себя всемирно-исторический процесс общественной практики, свою действительную сущность обнаруживает в об'ективном развитии действительности. «Развертывание всей совокупности моментов действительности — сущность диалектического познания» (Ленин, там же, стр. 159). Близость Гегеля к материализму в ряде положений, где он возвышается до понимания гносеологического момента логики, заключается в подчеркивании об'ективной основы теории познания. «Двигаться вперед, — говорит Гегель, — к все более точному пониманию в н у т р е н н е й гармонии и з а к о н о м е р н о с т и природы» (стр. 289)... (Близость к материализму) (Ленин, там же). Движение знания для кантианца — это движение, независимое от «вещей в себе», внешнее движению самого бытия, для диалектического материалиста сущность процесса познания коренится в развитии природы и в развитии общественной жизни, общественной практики.

Самодвижение бытия определяет логические категории, в этом об'ективное значение логики. «Путь знания кажется «деятельностью познания», «внешняя относительно бытия»... Но этот ход есть движение самого бытия». Ступени познания — категории — основываются на об'ективном развитии материи. Категории выражают форму бытия, условия существования... отдельные стороны действительного конкретного целого» (Маркс, Введение к критике, стр. 43).

Учение о единстве суб'екта и об'екта в логике, диалектика абстрактного и конкретного включает в себя как предпосылку взаимопроникновение суб'екта и об'екта в практике. Предметная деятельность выступает как предпосылка логики. Логические категории выражают формы бытия материального мира, всеобщие закономерности природы и общества. Диалектический материализм раскрывает единство об'ективной закономерности внешнего мира,

практики и процесса познания. Доминирующим моментом в этом единстве выступает об'ективная закономерность внешнего мира, дающая содержание практике и процессу познания.

Попытка Георга Лукача в его «Geschichte und Klassenbewusstsein», попытка оторвать процесс познания, диалектику суб'екта и об'екта в познании и общественную практику от об'ективной диалектики природы в корне ложна. Ограничение диалектики общественной практикой и проблемой познания ведет к непониманию предметной деятельности и теории познания. Об'ективное развитие природы материи в практике и познании выступает как об'ективное основание.

Теория познания диалектического материализма, в отличие от теории познания Канта, раскрывает, отражает в формах мысли об'ективную диалектику материального мира.

Конкретная диалектика суб'екта и об'екта, предметная деятельность в учении Маркса, в отличие от «практики» в понимании Г. Лукача, раскрывает свою об'ективную основу — природу материального мира, намечает контуры процесса познания об'ективной действительности.

Теория познания, включающая в себя процесс всемирно-исторической практики, раскрывает диалектику об'екта, самодвижение об'екта, об'ективно существующую диалектику природы [1]).

Маркс и Энгельс являются основоположниками того мировоззрения, в котором об'ективная диалектика природы, практика и диалектика познания впервые были рационально поняты.

---

[1]) В теории познания диалектического материализма проблема практики выступает дважды. Здесь проблема практики рассматривалась как предпосылка диалектической логики. Взаимоотношение практики и «суб'ективной» логики, вопрос о практике как о критерии логической истины будет нами рассмотрен особо.

Накопление капитала при растущем органическом составе.

(К вопросу о капиталистической рационализации).

Отто Бенедикт (Вена).

I. Прежняя трактовка проблемы.

Известные схемы накопления, к которым прибегает Маркс во II томе «Капитала» для наглядного выяснения главных условий процесса накопления, имеют в своей основе определенные весьма упрощающие гипотезы. Так, прежде всего принимаются неизменными социальные и технические отношения для следующих друг за другом периодов, т.-е. отвлекаются как от роста органического состава капитала, так и от относительного уменьшения переменного капитала по сравнению с постоянным, а также и от всякого изменения в норме прибавочной стоимости, а следовательно, и отношения между прибавочной стоимостью и переменным капиталом.

Эти упрощающие гипотезы явились предпосылкой для разрешения поставленной себе Марксом задачи. Он именно стремился показать, как происходит в принципе накопление, потому что последнее представляет собою сложный процесс, который для своего удачного разрешения предполагает известные количественные отношения, становящиеся в свою очередь условием для дальнейшего беспрепятственного хода накопления. Поэтому чем более упрощающий характер носили гипотезы, при помощи которых Маркс излагал эти затруднения, тем более наглядную картину затруднений всего процесса в целом он мог нам дать.

Но именно вопрос об этих марксовых упрощающих гипотезах является в течение многих лет в марксистской литературе предметом самых горячих дискуссий. С одной стороны тот факт, что накопление на основе этих схем протекает видимо беспрепятственно, постоянно дает повод апологетам капитализма приводить их в качестве доказательства гармонии капитализма, доказательства того, что проявляющиеся препятствия для накопления преодолимы, поскольку только капиталисты выражают желание накоплять согласно схеме. С другой стороны постоянно ставился вопрос, не является ли возможным, как раз наоборот, поскольку отбрасываются упрощающие гипотезы, доказать на основании этой схемы абсолютную невозможность длительного накопления, т.-е. вопрос о том, не имеет ли капитализм, независимо от сознательной воли пролетариата, преодолеть его непреодолимые «чисто-экономические» границы. Этот вопрос был впервые резко поставлен Розою Люксембург в «Накоплении капитала», и ответ был дан в последнем смысле.

Общая аргументация Розы Люксембург, сводящаяся к тому, что реализация всей прибавочной стоимости невозможна по той причине, что взаимный обмен между обеими установленными Марксом главными группами производства, а именно между производством средств производства и производством предметов потребления,— даже если бы он и был возможен количественно,— был бы бессмысленен с капиталистической точки зрения,— эта аргументация была уже подвергнута критике **Бухариным** в его книге «Империализм и накопление капитала». Напротив того, другой поставленный ею вопрос до сих пор был едва ли в достаточной степени исследован. Речь идет о ее утверждении, что при гипотезе растущего органического состава сохранение необходимых количественных пропорций вообще невозможно, т.-е. что невозможность длительного накопления может быть доказана чисто-количественным путем на примере схемы.

Как известно, у Люксембург значительную роль играет проблема разных норм накопления. Она подвергает критике то, что Маркс заставляет свои подразделения накоплять в различном темпе, и доказывает, что при допущении равных норм накопления, т.-е. того, что накопляются равные в процентном отношении части прибавочной стоимости, весь процесс неминуемо должен потерпеть крушение.

Фриц Штернберг в своей книге «Der Imperialismus» (Berlin 1926), исходя из этой же гипотезы, хотя и весьма поверхностно, пришел к тому же результату и базирует на этом свою критику всего марксова учения.

С другой стороны, **Отто Бауэр** в своей статье «Die Akkumulation des Kapitals» («Neue Zeit» 1913) именно с целью изобличения ложности утверждения Розы Люксембург построил схему, в которой в основу кладет ее главные требования роста органического состава и равных норм накопления и, несмотря на это, стремится доказать, что даже при этих предположениях явно выступает внутренняя гармония капитализма. Правда, Роза Люксембург в своей «Антикритике» подвергла эту схему жестокой критике и выяснила, что при бауэровском товарном обмене дело обстоит не совсем чисто, что прежде всего несостоятелен его метод частичного перемещения прибавочной ценности группы II в группу I. Несмотря на это, бауэровская схема была одобрена официальным теоретиком II Интернационала Карлом Каутским в качестве наиболее замечательного способа разрешения проблемы, соответственно тому факту, что социал-демократия все в более ясной форме развивает теорию, что именно рационализация призвана прежде всего для преодоления противоречий капитализма.

Тем больший интерес представляет однако то обстоятельство, что **Генрих Гроссман** в своей книге «Akkumulations- und Zusammenbruchsgesetz des kapitalistischen Sistem» (Leipzig 1929) стремится доказать как раз на примере бауэровской схемы, что и последняя неизбежно должна привести к крушению капитализма, при чем в отличие от Розы Люксембург он вовсе не подвергает эту схему дальнейшей критике и принимает ее со всеми ее «нечистотами» в качестве базиса для своего исследования. Во всяком случае он приходит к результату, коренным образом отличающемуся от вывода, к которому пришла Люксембург. По его мнению, бауэровская гармония держится, правда, до некоторого определенного момента, когда должен воспоследовать крах, при чем у Гроссмана это явление играет двойную роль — с одной стороны, в качестве базиса для окончательного краха, а с другой — в качестве базиса для периодических кризисов.

Мы видим таким образом, что при трех исследованиях с одинаковой основной гипотезой роста органического состава получается три различных результата. Как следует об'яснить это противоречие? Как

это возможно, что в течение десятилетий эта проблема еще не выяснена, что одинаковые основные гипотезы (напр., Бауэр-Гроссман) привели к различным результатам и совершенно различные гипотезы (Гроссман-Люксембург) привели к внешне одинаковым результатам?

В первую голову нам кажется необходимым при этом принять во внимание следующее обстоятельство: применение схем с определенными, произвольно избранным, числами таит в себе большую опасность, а именно, что результаты будут обобщены и что из случайно полученных количественных отношений будет выведен количественный основной закон. И все названные авторы упустили из виду необходимость исследования этих отношений в их освобожденном от случайностей самом общем виде.

Правда, Бухарин в своем «Накоплении» составил алгебраическую формулу накопления; но в виду того, что последняя не учитывает роста органического состава, она непригодна для того, чтобы служить базисом для самого общего исследования проблемы.

Далее, вышеупомянутые исследования ни в коем случае не опирались на совершенно одинаковые основные гипотезы: в то время, как Люксембург, Штернберг и Бауэр принимают одинаковые нормы накопления, Гроссман составляет формулу, совершенно независимую от этой гипотезы. В то время как Бауэр и Гроссман допускают, что часть прибавочной стоимости группы II просто вкладывается в группу I, Люксембург самым резким образом критикует это допущение. В то время, как Бауэр и Гроссман предполагают постоянный процентный рост рабочего населения, Люксембург борется против этой гипотезы, при чем также не заботится о том, чтобы доказать правильность своей точки зрения. В то время, как Бауэр принимает норму прибавочной стоимости за постоянную величину и забывает сдержать свое обещание исследовать модификации, вызванные растущей нормой прибавочной стоимости, Люксембург заявляет, что как раз ее рост должен быть источником величайших нарушений.

Именно неясность в вопросе о соответствующих основных предпосылках с их заложенными уже в их существе последствиями наряду с произвольным характером избранных величин составляет главную причину того, почему до сих пор должны были получиться столь различные результаты. Ибо последние должны были явиться лишь последствием той точки зрения, исходя из которой было предпринято исследование, и таким образом полученное доказательство есть лишь результат стремления привести определенное доказательство, а именно, с одной стороны, стремления реформистов к отрицанию противоречий капитализма и, с другой стороны, стремления некоторых революционеров предсказать капитализму фаталистический «чисто-экономический» конец.

Таким образом ясно, что, если количественные проблемы накопления исследовать с хотя бы наполовину удовлетворительной точностью, то для этого необходимы следующие предварительные условия: 1) алгебраическая трактовка вопроса, при чем последний само собою разумеется должен быть подвергнут проверке с исторической точки зрения; 2) проблема должна трактоваться в возможно общей форме, т.-е. должны быть приняты лишь такие основные гипотезы, которые действительно соответствуют имманентным основным законам капитализма, и необходимо избегнуть всех тех гипотез, которые заранее включают в себя разрешение проблемы. В дальнейшем мы попытаемся провести исследование данной проблемы, соответствующее этим условиям.

Исследование влияний, вытекающих из роста органического состава, на ход накопления имеет тем более актуальный характер, что наиболее ха-

рактерный признак современного капитализма, а именно *его рационализаторские тенденции, ставят эмпирически эту проблему все в более острой форме.*

С исторической точки зрения само собою понятно, что в той же мере реформизм сопровождает рационализационное наступление все более и более откровенной разработкой теории, прославляющей рационализацию. Для него капиталистическая рационализация — это мудрость всех мудростей; своим пророческим оком он прозревает сквозь «неудобства» увольнений, несчастных случаев и нищеты масс очертания идеальной эпохи; рост продукции, уменьшение эксплоатации, тенденция к полному своему самоуничтожению — таков, по мнению реформистов, глубочайший смысл рационализации.

Поэтому мы должны поставить вопрос, имеют ли в действительности тенденцию к ускорению накопления эти основные явления капиталистической рационализации—растущий технический прогресс и все более перерастающая последний интенсификация труда. Верно ли, что капиталистическая рационализация может или даже должна сопровождаться тенденцией к уменьшению эксплоатации? Каково вообще направление развития капиталистического механизма?

Но прежде чем перейти к этому исследованию, мы должны подвергнуть резкой критике гипотезы как Люксембург-Штернберга, так и Бауэра-Гроссмана.

II. Критика гипотез Люксембург-Штернберга.

Роза Люксембург в гл. 25 «Накопления» критикует схемы Маркса, утверждая, что при гипотезе роста органического состава, при избранном Марксом темпе накопления в производстве средств существования (группа II), должна получиться несбываемая часть прибавочной стоимости. На указание *Густава Экштейна*, что принятый ею закон равных норм накопления вовсе не существует, она возражает («Антикритика», сноска, направленная против Экштейна), что первая схема Маркса, показывающая различные нормы накопления, представляет собою лишь попытку, в то время как в своем основном втором примере Маркс принимает равные нормы накопления.

Раньше, чем мы рассмотрим детальнее эти вопросы, следует отметить одно: *если мы допустим гипотезу равных норм накопления, то мы сделаем для себя доказательство невозможности накопления слишком легким делом.* Ибо действительно ясно следующее: если, напр., норма прибыли в обоих подразделениях одинакова, то равная норма накопления означает одинаково быстрый рост капитала в обоих подразделениях, т.-е. длительное постоянное отношение между величиной обеих групп. С другой стороны, однако—если мы примем норму накопления за постоянную величину, то рост органического состава должен сопровождаться ростом первой группы по отношению ко второй, так как ведь рынок сбыта первой группы постоянно возрастает по отношению к росту рынка сбыта второй группы. Это противоречие фактически приводит к тому, что в ставшем относительно слишком большим подразделении II должен остаться несбываемый товарный остаток. Этому можно, правда, помочь тем, что обе нормы накопления уменьшатся, так что капиталисты будут все больше потреблять, но это могло бы быть исходом лишь в течение некоторого времени, так как даже при полном потреблении капиталистами прибавочных стоимостей группа II по сравнению с группой I должна с этого момента оказаться относительно слишком большой. Однако еще более сильно должна эта тенденция проявиться, если соответственно действительности, как у Маркса, принять, что в группе I имеется более высокий органический состав и, следовательно, меньшие нормы прибыли, чем в группе II. Тогда равные

нормы накопления означали бы даже уменьшение величины группы I и по отношению к величине группы II.

Отто Бауэр сделал, конечно, смелую попытку попросту использовать все время часть прибавочной стоимости группы II для накопления в группе I, чем он естественно избегает опасности того, что группа II станет слишком большой.

Роза Люксембург, правда, резко критиковала эти методы Бауэра, но, по нашему мнению, ее аргументы были весьма сомнительны. Ее важнейшие возражения были следующие: 1) Бауэровский товарный обмен и в чисто-количественном отношении идет не ладно, так как невозможно об'яснить, на что может подразделение II купить средства производства, которые оно помещает в подразделении I («Akkumulation», S. 427). 2) Перенесение части прибавочной ценности группы II в группу I терпит крушение вследствие особенной вещественной формы этих товаров (Там же, стр. 430). Она пишет: «Нельзя посредством партии стеариновых свечей, которые продать невозможно, приобрести акции медных рудников, или посредством склада неимеющих сбыта калош основать новый машиностроительный завод».

Эти возражения кажутся нам не вполне правильными. Остановимся несколько детальнее на схеме Отто Бауэра:

Он начинает с постоянного капитала в 120 000, переменного капитала в 50 000 и прибавочной стоимости в 50 000 в группе I и постоянного капитала в 80 000, переменного в 50 000 и прибавочной стоимости в 50 000 в группе II.

1-я схема: 120 000+50 000+50 000=220 000.
80 000+50 000+50 000=180 000.

Он предполагает, что постоянный капитал увеличивается ежегодно на 10%, переменный и прибавочная стоимость на 5% и что обе группы накопляют равными нормами. Первая группа употребляет поэтому из прибавочной ценности 10 000 на увеличение постоянного капитала и 2 500 на увеличение переменного капитала и сама потребляет в качестве дохода 37 500. То же самое во второй группе.

Если мы теперь отвлечемся временно от переселения капиталистов II в группу I, то накопление должно будет совершаться следующим образом: группа I употребляет средства производства стоимостью в 120.000 для восстановления и в 10.000 для увеличения своего постоянного капитала; точно так же группа II тратит предметы первой необходимости стоимостью в 50 000+2 500 для потребления рабочих в следующем году и потребляет 37 500 как собственный доход. Группа I таким образом должна еще продать средства производства стоимостью в 90 000 и точно так же группа II располагает предметами потребления одинаковой стоимости. Эти товары могут быть просто обменены, при чем капиталисты группы I из купленных предметов потребления потребляют 37 500, а остаток 52 500 употребляют на увеличение переменного капитала следующего года. Точно так же группа II использует средства производства стоимостью в 90.000 в качестве возмещения потребленного постоянного капитала (80 000) и для его увеличения (10 000). Мы имели бы таким образом во втором ряду при остающейся прежней норме прибавочной стоимости следующее соотношение:

2-я схема: 130 000+52 500+52 500=235 000
90 000+52 500+52 500=195 000

До сих пор каждая группа вкладывала свой капитал в собственное подразделение, и процесс обмена совершался без трений. Но так как пропорция вложенного в группе II капитала увеличилась по отношению к капиталу, вложенному в группе I, в то время как уже было указано выше, ее будущий рынок сбыта должен относительно уменьшиться, то при дальнейшем

накоплении должно воспоследовать затруднение. Ибо весь постоянный капитал следующего года, а следовательно, и рынок сбыта группы I увеличивается на дальнейшие 10% и доходит до 242.000; при этом потребительский фонд группы I, в виду того, что она должна теперь превратить 11.000 в постоянный капитал и 2.625 в переменный, будет составлять 38.875 (52 000—11.000—2 625=38 875). Но тогда будущий рынок сбыта группы II, в виду того, что и там потребляется 38 875, становится равным 38 875+38 875+55 125+55 125=188 000, при чем 55 125 должно представить стоимость переменного капитала при 5% росте в каждой группе в следующем году. Таким образом рынку сбыта группы II в 188.000 противостоял бы склад предметов потребления в 195.000, а рынку сбыта группы I в 242.000 лишь склад средств производства в 235.000. Вот пример для вышеуказанной тенденции, которая должна была бы обнаружиться при равных нормах накопления.

Для того, чтобы дать возможность капиталистам группы II избежать этого печального положения, Отто Бауэр заставляет их во второй год производить лишь столько, сколько соответствует их будущему рынку сбыта в 188 000. Они вкладывают поэтому лишь 85 334 в постоянный и 51 333 в переменный капитал своего собственного подразделения, так что последующее производство в группе II получает следующий вид: 85 334+51 333+51 333+188 000.

У них остается таким образом излишними—если мы допустим, что они сначала накопляли согласно 2-й схеме—средства производства стоимостью в 4.666 и предметов потребления стоимостью в 1.167. Эти излишки вкладываются теперь в группу I, так что в конечном результате в качестве бауэровской схемы для 2-го года получается:

3-я схема: 134 666+53 667+53 667=242 000
83 334+51 333+51 333=188 000

Эта операция до сих пор, что касается обмена ценностей, не встречает никаких возражений, так как возможность для капиталистов группы II вкладывать часть своих средств производства или предметов потребления в группу I сама по себе вполне мыслима. Но как обстоит дело с вещественной формой этих товаров группы II, которые должны быть теперь употреблены в группе I? Что касается предметов потребления на 1 167, то совершенно безразлично, идут ли они на уплату рабочим группы I или группы II. Но что касается средств производства ценностью в 4 666, то они должны обладать особенной вещественной формой средств производства группы I. Правда, теперь можно было бы возразить, что нет, конечно, никакой гарантии того, что капиталисты группы I придали в действительности как раз соответствующей части своих продуктов желательный вещественный вид. Но так как мы при схематическом изложении, так же, как и Маркс, должны допустить, что группа I дает своим продуктам такой вещественный вид, который соответствует количественным меновым соотношениям—иначе ведь схемы у Маркса не имели бы под собою вещественного основания, то можно также допустить и гипотезу, что они произвели как раз на сумму 85 334 средств производства с вещественной формой I для группы II.

Но, напротив того, если возражениям Люксембург мы вообще не придаем решающего значения, то нам кажется, что метод Бауэра недопустим по совершенно другим причинам. Рассмотрим прежде всего количественный вопрос с другой точки зрения.

Если бы не было перенесения капиталистов группы II, то органический состав группы I был бы 130 000 : 52 500. Ясно поэтому, что и те, кто из группы II вкладывает в группу I, были бы вынуждены производить на основе того же органического состава, но это, однако, означает, что они, как это

видно при самом беглом взгляде на цифры, обладают слишком большим количеством средств производства и соответственно слишком малым количеством предметов потребления.

Но не может ли органический состав быть также 134 666 : 53 667, как это желательно Бауэру? Не могут ли те, кто из группы II вкладывают в группу I, примениться к этому, если они, например, прежде обменяли средства производства ценностью в 495 на средства потребления той же самой ценности, так что они производят с составом 4 171 : 1 662, вместо того чтобы производить с составом 4 666 : 1 167!

Но, быть может, они вовсе и не производят самостоятельно, а просто свои излишние средства производства и средства потребления в сумме 4 666+1 167 продали в обмен на акции капиталистам I, которые и включили их в общее производство группы I соответственно органическому составу 134 666 : 53 666?

Но и на этом пути должны оказаться трудности, так как таким образом взрываются основные условия схемы:

1) Почему капиталисты обеих групп решили в первом году добавить к постоянному капиталу по 10.000 и переменному по 2.500? По Бауэру это произошло потому, что новый органический состав совокупного капитала в следующем году равнялся уже 220 000 : 105 000. Между тем капиталисты каждой группы при решении вопроса о том, какое приложение дать своему капиталу, нисколько не заботятся о том, каков средний органический состав совокупного капитала,— они заботятся только о том, каков он в их собственном подразделении; и если бауэровские капиталисты и поделили свои доли накопления, согласно желанию Бауэра, то это произошло лишь в том случае, если новый органический состав на основе нового состояния техники равнялся в подразделении I 130 000 : 52 500 и во II — 90 000 : 52 500. Но как же они могут при таком состоянии техники по новому желанию Бауэра производить после этого с органическим составом 134 666 : 53 667 и 85 334 : 51 333?

2) Если эти возражения касаются лишь количественной стороны вопроса, то к этому присоединяется еще и историческая сторона: какое побуждение имеет капиталист в группе II вкладывать часть своей прибавочной стоимости в I? Являются ли условия производства прибавочной стоимости в I лучше, чем во II? Беглый взгляд на эту схему обнаруживает, что в действительности происходит как раз обратное. II работает с большей нормой прибыли (мы, как и все прежние исследователи, отвлекаемся здесь от образования средней нормы прибыли); поэтому вложение части прибавочной стоимости в I означает для него отказ от части, могущей поступить в его распоряжение прибыли. Поэтому для каждого из этих капиталистов это должно иметь такой вид, что он в том случае, если вложит всю свою накопленную прибавочную стоимость в группу II, получит больше прибавочной стоимости на каждую единицу своего капитала и, следовательно, сможет также быстрее и накоплять (ведь Бауэр принимает равную норму накопления). Или, быть может, капиталисты заранее предчувствуют несчастье, которое случится с ними, если они не удовлетворят желание Бауэра? Подобное предположение находилось бы в полном противоречии с анархическим характером капитализма.

На это, правда, можно возразить, что если группа II не перекочует, то несколько позднее должна обнаружиться невозможность сбыта части прибавочной стоимости во II, а поэтому капиталисты группы II, получив урок из опыта пережитых ими затруднений, должны будут все-таки решиться на переселение в I. Но это означало бы лишь, что гармоническая схема Бауэра в действительности является схемой перманентного кризиса, тем более, что наступивший во II кризис должен был бы немедленно пере-

нестись в подразделение I, так что указанный Бауэром исход—переселение—как раз в решающий момент не показался бы капиталистам II слишком соблазнительным. Кроме того, в случае кризиса II, возражение Розы Люксембург относительно не имеющих сбыта стеариновых свечей было бы правильно, т.-е. тогда было бы уже слишком поздно, и переселение должно было потерпеть крушение вследствие ненадлежащей вещественной формы товаров.

3) Мы ниже покажем, что проблема, от которой Бауэр пытается ускользнуть, существует и для марксовых схем, и что, несмотря на это, Маркс ни одним словом не упоминает даже о возможности того разрешения вопроса, которое мерещится Бауэру.

Таким образом, исходя из всех этих соображений, метод Бауэра кажется нам абсолютно непригодным. Но если и этот исход не является исходом и если с другой стороны, как уже указано, гипотеза равных норм накопления заранее исключает всякое беспрепятственное накопление, то мы должны тем в более острой форме поставить вопрос, не совершенно ли произвольна эта гипотеза? Прежде всего, каждое из обоих подразделений состоит ведь из отдельных капиталов, индивидуальные нормы накопления которых без сомнения совершенно различны в зависимости от их величины, состава и других условий. Почему же средняя нормы накопления должна в одном подразделении быть той же, как и в другой?

Не представляет ли уже в противоположность этому уже с самого начала гораздо более вероятным принятие совсем иных предпосылок, как раз лежащих в основе всех, имевших место до сих пор исследований, а именно: что норма прибыли во II выше, чем в I, т.-е. принятие более низкой нормы накопления в группе II? Более высокая норма прибыли есть ведь лишь выражение меньшего технического прогресса во II. Но рука об руку с этим и процесс роста и концентрации во II должен быть более замедленным, и в согласии с этим пропорция капиталистических доходов по сравнению с отдельными прибавочными стоимостями должна быть выше. Это означает, однако, не что иное, как меньшие нормы накопления в подразделении II. С другой стороны, по аналогичным причинам темп накопления в I будет более скорым, чем во II. Так, Маркс пишет (Kapital, т. III, стр. 233): «И одновременно возрастает концентрация, потому что за известными пределами крупный капитал с невысокой нормой прибыли накопляется быстрее, чем небольшой капитал с высокой нормой прибыли». Далее он пишет о капитале с высокой нормой прибыли (там же, стр. 227): «Капитал накопляет при этом медленно, несмотря на высокие прибыли».

И, наконец, гипотеза равных темпов накопления в обоих подразделениях противоречит также и доказанному Лениным основному закону о неравномерности капиталистического развития, на котором мы, впрочем, остановимся в дальнейшем подробнее.

Далее, невозможность накопления в случае равных норм накопления существует не только при растущем органическом составе, но в известных случаях также и при постоянном. Если мы, например, имеем во II более высокую норму прибыли, чем в I, и если состав капитала остается постоянным, то равные нормы накопления означали бы, что капитал в I растет медленнее, чем во II; с другой стороны, отношение рынка сбыта для I в отношении к рынку сбыта для II остается постоянной; следовательно, уже обнаружившийся кризис сбыта в группе II должен обнаружиться также и в группе I.

Однако Маркс при исследовании своей первой схемы совершенно не указывал на это обстоятельство. У него в группе II также указываются

более высокие нормы прибыли, и у него также равные нормы накопления вызвали бы немедленно застой сбыта в II, и, несмотря на это, Маркс не поступает, как Бауэр, заставляющий инвестировать части прибавочной стоимости группы II в I, а в соответствии с действительностью избирает для группы II другую, и именно меньшую, норму накопления!

Лишь в том случае, если нормы прибыли в обоих подразделениях равны, что означает равномерное накопление в обоих подразделениях, лишь тогда могут беспрепятственно применяться — при неизменном органическом составе — одинаковые нормы накопления. И поэтому, вопреки мнению Люксембург, нет никакого противоречия в том, что Маркс в своей 2-й схеме избирает при равных нормах прибыли равные нормы накопления; напротив того, это само собою разумеется. Именно из этих фактов обнаруживается, что Маркс, который постоянно утверждал, что органический состав в отдельных отраслях производства ни в коем случае не одинаков и для которых, следовательно, 2-я схема представляла лишь редкий специальный случай, принял, конечно, не закон одинаковых норм накопления, а, наоборот, закон неодинаковых норм накопления.

Мы поэтому не преградим себе заранее, как это сделал Штернберг, пути к разрешению проблемы непригодной гипотезой равных норм накопления и исследуем вопрос о влиянии органического состава в самой общей его форме также и при возможности образования различных норм накопления. Но в следующей главе будет показано, что нам при этом необходимо с величайшей осторожностью подходить к вопросу, чтобы уберечь себя от других ложных основных гипотез.

III. Критика гипотез Бауэра-Гроссмана.

Генрик Гроссман в своей вышеупомянутой книге стал в ряды защищающих ту точку зрения, что из марксовой схемы вытекает «чисто-экономический» конец капитализма. Он пытается с математической точностью доказать, что капиталистическая система, начиная с известного пункта своего развития, должна притти к чисто-экономической катастрофе, и базирует на этом также и новую теорию кризисов.

Исходя из схемы Отто Бауэра и продолжая ее дальше, он приходит к результату, что эта схема доказывает не гармонию, как полагает Бауэр, а, наоборот, абсолютную невозможность накопления. Более того, на стр. 139 он пытается независимо от случайных чисел схемы чисто-«логически» показать, что этот результат является само собой разумеющимся, а на стр. 184 он выводит даже алгебраическую формулу, которая должна это недвусмысленно доказать. Рассмотрим несколько детальнее путь, по которому идет Гроссман.

Бауэровские гипотезы были следующие: постоянный капитал увеличивается ежегодно на сумму, остающуюся постоянной (10%). Точно также и переменный капитал увеличивается на постоянную сумму (5%), которая должна быть меньше для того, чтобы об'яснить относительное уменьшение переменного капитала по сравнению с постоянным. Наконец, Бауэр принимает постоянную норму прибавочной стоимости. Принимая эти три основных гипотезы, Гроссман приходит к результату, что после определенного числа лет накопление становится более невозможным и именно потому, что капиталисты теряют основу своего потребления, а именно свой доход! И действительно, формула Гроссмана, которая—скажем это теперь, заранее — с чисто-математической (!) точки зрения совершенно правильна—как будто это подтверждает.

Познакомимся с его результатом сначала в общих чертах. Что является квинт-эссенцией его выводов? Он доказывает, что вследствие уменьшения норм прибыли накопление постоянного капитала, который он заставляет постоянно расти, вынуждает капиталистов постоянно увеличивать свои нормы накопления, ибо их прибавочная стоимость растет менее быстро, чем их постоянный капитал; что поэтому при дальнейшем развитии этого процесса наступит момент, начиная с которого норма накопления становится так велика, что доход капиталистов должен даже абсолютно уменьшаться. И в конце концов наступает момент, когда капиталисты даже в том случае, если они сами больше ничего не хотят тратить на себя, должны были бы признать, что прибавочной стоимости не хватит на покрытие нормы накопления. И в этот момент, по мнению Гроссмана, для капитализма бьет его последний час.

Теперь мы для полной уверенности рассмотрим также и его формулу: она гласит:

$$n = \frac{\log\left(\frac{m - a_v}{\Omega \cdot a_c}\right)}{\log\left(\frac{100 + a_c}{100 + a_v}\right)}$$

при этом m—постоянная норма прибавочной стоимости, a_c и a_v—постоянные величины, показывающие ежегодный рост всего постоянного или всего переменного капитала, Ω обозначает органический состав всего капитала в начале исследования и n — количество лет, по истечении которых потребительская доля капиталистов должна исчезнуть. Эта формула, которая действительно в математическом отношении выведена безупречно (насколько она безупречна в историческом отношении, это еще придется проверить), как будто вполне подтверждает вышеуказанный результат, ибо в виду того, что m должно быть больше, чем a_v, значение n является могущей быть вычисленной конечной величиной.

Для того, чтобы убедить всякого, кто мог бы еще сомневаться в этом результате, Гроссман приводит еще один пример в пользу того, что он открыл, по его мнению, столь характерное в процессе накопления. А именно, Гроссман удивительным образом сравнивает происходящее в процессе накопления с тем, что происходит в резервуаре с водой! Он пишет (стр. 180): «Масса прибавочной стоимости подобна резервуару с водой, который, правда, получает в известный период приток воды в 5%, но вместе с тем в тот же период времени теряет больше 5% воды. Ясно, что на длительный период такое состояние становится невозможным, и что раньше или позже резервуар... должен опустошиться».

Это сравнение уже само по себе заставляет опасаться метода Гроссмана, но мы пока ограничимся рассмотрением результата его исследования. Мы должны обозначить его результаты, как по меньшей мере весьма поразительные.

Прежде всего, согласно Гроссману, крушение наступает потому, что исчезает основа потребления капиталистов. Следовательно, не в связи с трудностями накопления и сбыта, как всегда принималось до сих пор! Накопление идет у него плавно по своему пути; до последнего момента капиталисты пунктуально выполняют наложенную на них Гроссманом обязанность—ежегодно накоплять в постоянном темпе. Их доход становится все меньше, но, несмотря на это, они продолжают прилежно накоплять дальше, пока, наконец, не наступает страшный момент, когда они стоят перед дилеммой: либо остановить шедшее до того столь прекрасно предприятие, либо умереть с голоду. Это, во всяком случае, поразительный результат!

Но интересен и другой вывод, который Гроссман забывает констатировать, так как он может пошатнуть все его здание: в то время, как с тех пор Маркс установил свои схемы, для всех исследований одно постоянно являлось основным, а именно, что все результаты относятся лишь к совокупному капиталу и не применимы к индивидуальному капиталу отдельных капиталистов, формула Гроссмана правильна (математически!), будучи применена к какому угодно отдельному капиталу. Ибо, если мы находим в применении к отдельному капиталу те же гипотезы постоянного роста его отдельных частей, также как и постоянной нормы прибавочной стоимости,—а раз постоянное накопление является для Гроссмана основным законом капитализма, то отдельные капиталы должны были бы по крайней мере в среднем столь же постоянно накоплять,—то при тех же гипотезах должен был бы получиться тот же самый результат. А именно, что норма прибыли станет слишком малой для того, чтобы сделать возможным постоянный рост отдельного капитала и поэтому также и отдельный капиталист будет поставлен перед гроссмановской дилеммой: либо умереть с голоду, либо приостановить производство!

Здесь мы переходим к самому важному пункту, а именно к методологической критике Гроссмана. Сразу должно броситься в глаза при ознакомлении с гроссмановским исследованием то обстоятельство, что он совершенно не принимает во внимание марксова подразделения совокупного капитала на два подразделения. Вся проблема меновой связи обоих подразделений, вся проблема вытекающих отсюда затруднений, господствующая во всей современной марксистской литературе, для Гроссмана вовсе не существует. Вопрос, который он себе ставит, звучит очень просто: как происходит рост какой-либо величины (напр., постоянного капитала), постоянно увеличивающейся на равномерную сумму, если другая величина (напр., прибавочная стоимость), за счет которой она покрывает свой рост, растет медленнее, чем она? Это, однако, не проблема процесса накопления, а — как Гроссман сам показывает в своем примере с резервуаром воды, как будто иронизируя над самим собой — всего лишь проблема резервуара с водой.

Ибо совершенно не нужно никакой формулы, не говоря уже о длинной диссертации, для того чтобы доказать тот факт, для понимания которого нет необходимости даже быть марксистом, что при постоянно падающей норме прибыли невозможно увеличивать капитал в остающейся постоянной мере! Но что же общего имеет этот факт с вопросом о накоплении и о его трудностях? Мы оставим даже пока в стороне то обстоятельство, что Гроссман упускает из виду важнейший вопрос, а именно взаимную связь главных подразделений. Мы рассмотрим лишь тот вопрос, который он ставит, а именно: какова судьба всего капитала при растущем органическом составе?

Прежде всего вот что: на чем, собственно говоря, основывается гипотеза Гроссмана о постоянно растущем постоянном капитале? Этот вопрос, которого Гроссман совершенно не ставит, потому что он без всякой критики перенимает гипотезы Бауэра, должен быть безусловно поставлен. Ибо Гроссман был обязан рассмотреть, не делает ли он для себя—точно так же, как и Люксембург—слишком легким доказательство крушения капитализма тем, что он принимает гипотезы, которые заранее должны воспрепятствовать ходу процесса.

Вопрос гласит так: что мешает капиталистам спастись от гроссмановской дилеммы—умереть с голоду или перестать накоплять—самым простым способом, к которому, конечно, и прибег бы каждый отдельный капиталист, если бы процент на его капитал в банке начал постоянно падать, — а именно, что помешает ему меньше накоплять?

Как приходят вообще Гроссман и Отто Бауэр к своей гипотезе постоянного роста постоянного капитала? Для того, чтобы это проверить, мы хотим также проделать гроссмановское алгебраическое исследование, но гораздо более простым, более общим и ясным путем.

Если в первом году состав совокупного капитала — C + V + M и из M часть M × A (A = норма накопления) накопляется, а в следующем году постоянный капитал есть C′ и переменная есть V′, то C′ + V = C + V + M : A.

Кроме того

$$\frac{v}{c} + \pi, \ \frac{v^1}{c^1} = \pi^1. \ \frac{M}{c+v} = p \quad \text{(норма прибыли)}$$

то получается: $\frac{c^1}{c} = \frac{(1+\pi).(1+p.A)}{(1+\pi^1)}$

Затем Гроссман, так же, как Бауэр, принимает пропорцию C′ : C, т.-е. рост постоянного капитала, величину бо́льшую 1, в качестве постоянной; если мы это также сделаем, то получается:

$$\frac{(1+\pi).(1+p.A)}{(1+\pi^1)} = \text{постоянное и больше 1.}$$

Но так как левая часть равенства, поскольку A является постоянным, при уменьшении π, π′ и p до нуля уменьшается до предела 1, то это уравнение может быть удовлетворено лишь в том случае, если A возрастает (гроссмановское уменьшение дохода!). Но и для этого имеется граница; а именно: если A = 1, т.-е. если доход капиталистов исчез, то это выражение, вместе с падающим p, уменьшается и не может уже удовлетворить требованиям равенства. Это и дало бы гроссмановский экономический конец системы.

Следовательно, для того, чтобы уравнение могло постоянно иметь место, пропорция C′ : C, хотя и должна была бы постоянно быть больше 1, но до этой границы соответственно уменьшению левого выражения должна была бы падать; тогда уравнение могло бы иметь место даже в том случае, если норма накопления не достигала бы 1, и даже тогда, если она оставалась бы постоянной. Таким образом, если отпадает гроссмановская гипотеза постоянного роста постоянного капитала, то одновременно отпало бы абсолютное уменьшение дохода и вместе с тем рухнула бы вся теоретическая постройка Гроссмана! Мы подвергнем поэтому эту гипотезу критике.

Когда выражение C′ : C действительно должно было бы быть постоянным, как это предполагает Гроссман?

Назовем пропорцию, в которой рабочее население возрастает от одного периода к другому, W . W′ есть, таким образом, пропорция (V+M : (V′+M′) т.-е. отношение переменного капитала + прибавочная стоимость одного периода к постоянному капиталу + прибавочная стоимость предшествующего периода, ибо рабочее население пропорциально величине (V + M), поскольку интенсивность труда остается той же самой.

Далее, как известно, величина (V + M) по отношению к C постоянно уменьшается. Назовем величину этого уменьшения G. Таким образом, получается

$$G = \frac{V+M}{C} : \frac{V'+M'}{C} = \frac{V+M}{V'+M'} \cdot \frac{C'}{C} = \frac{1}{W} \cdot \frac{C'}{C}$$

Таким образом G. W = C′ : C размеру увеличения постоянного капитала.

Следовательно, выражение C′ : C будет постоянно, если выражение G . W постоянно. Теперь мы знаем, что Бауэр увеличение рабочего населения, т.-е. W, фактически принимает постоянным. Как же обстоит дело с G, величиной, о которой не говорят ни Бауэр, ни Гроссман?

У Бауэра и Гроссмана норма прибавочной стоимости постоянна, т.-е. $\frac{M}{V} = \frac{M'}{V'}$, с другой стороны (V : C) у Бауэра постоянно уменьшается, поэтому и (V + M) : C постоянно уменьшается, т.-е. $\frac{V+M}{C} : \frac{V+M'}{C}$ величина постоянная; но это было выражением для G; следовательно, у Бауэра также и G вследствие его гипотезы постоянной нормы прибавочной стоимости величина постоянная.

Мы видим, следовательно, что Гроссман должен потому заставлять своих капиталистов постоянно накоплять, что он некритически перенял бауэровскую гипотезу постоянного роста рабочего населения и постоянной нормы прибавочной стоимости. Обе гипотезы, однако, совершенно произвольны.

Прежде всего, норма прибавочной стоимости не постоянна; она должна расти вследствие обесценения рабочей силы, сопровождающего рост производительности. Но если мы предположим, что норма прибавочной стоимости растет, то G, как это легко заметить, перестает быть постоянной величиной, так как величина выражения (V + M) : C больше не падает с постоянной скоростью, но медленнее, потому что M по сравнению с V повышается. Таким образом, G не является уже больше постоянной величиной, но обладает значением, которое хотя и больше 1, но может упасть до предельной величины 1.

А как обстоит дело с вопросом о постоянном приросте числа рабочих?

Как уже показала Роза Люксембург, не капитал приспособляется к потребностям рабочего населения, но развитие последнего должно приспособляться к потребностям капитала. Поэтому нельзя понять, почему капиталистическая система должна быть осуждена на гибель только потому, что рабочее население должно постоянно расти. А между тем это квинт'эссенция доказательства Гросомана! Если, как это явствует из формулы, весь результат гроссмановского анализа падает в воду его же резервуара, если рабочее население и растет, но не постоянным, а замедленным темпом, то уготовит ли постоянный рост рабочего населения гибель капитализму или, наоборот, стремление капитализма, как это и имеет место, накоплять дальше, навяжет рабочему населению более замедленный темп роста?

Ясно, что рост рабочего населения есть вторичное; первичное — это ход самого процесса накопления, который производит для себя рабочее население соответственно своим потребностям (мы отвлекаемся от временных неизбежных нарушений), а таким образом гроссмановская математическая формула является не чем иным, как доказательством того, что одна из его математических гипотез была исторически ложной.

Ибо потребность капитализма есть лишь рост рабочего населения вообще, которое является предварительным условием того, что вообще имеет место накопление капитала. Маркс неоднократно говорит об этом основном условии, напр. («Kapital», т. III, стр. 246): «Впрочем, абсолютное увеличение числа наемных рабочих, несмотря на их относительное уменьшение, только отвечает потребности капиталистического способа производства. Если бы развитие производительных сил уменьшило абсолютное число рабочих..., то это вызвало бы революцию, потому что большинство населения вышло бы в тираж». Маркс показывает также (там же, стр. 232), что может полу-

читься общее перенакопление капитала, если при определенной величине рабочего населения рабочее время последнего не может быть больше увеличено. Но этот случай находит у него следующую характеристику: «Следовательно, если бы капитал возрос по сравнению с рабочим населением настолько, что нельзя было бы удлинить абсолютное рабочее время... ни расширить относительное прибавочное время... т.-е. если бы возросший капитал производил лишь такую же или даже меньшую массу прибавочной стоимости, чем до своего увеличения, то оказалось бы абсолютное перепроизводство капитала».

Хотя и вполне ясно, что в этом указанном Марксом случае, т.-е. когда население вообще не увеличивается,—часть капитала «вполне или частично лежала бы без употребления» (и это, как видно, Гроссману мерещится при построении им своего доказательства)—все же столь же ясно, что этот случай не наступит также и тогда, если рабочее население, правда, не в постоянном размере, но все-таки неизменно будет расти. Тогда, правда, как уже доказано, капитал не будет иметь возможности накоплять в постоянном размере; но так как все-таки всякое, даже уменьшенное, накопление должно вызвать увеличение массы прибыли (увеличение рабочего населения, т.-е. возможность абсолютного роста прибавочной стоимости, является ведь нашей основной гипотезой), то в этом случае не наступит никакого перенакопления капитала в марксовом смысле.

Мы уже показали, что поскольку гипотеза постоянного роста рабочего населения, как и постоянной нормы прибавочной стоимости, отбрасывается, и, следовательно, в выше приведенном уравнении величина $G \times W$, оставаясь постоянно больше 1, все же может приближаться к 1, как к своему пределу,—постольку уравнение $G \cdot W = \frac{(1+\pi)(1+p \cdot A)}{(1+\pi)}$ всегда может быть удовлетворено, т.-е. в схеме Гроссмана возможно длительное накопление, поскольку норма прибавочной стоимости будет увеличена, и рост рабочего населения будет приспособлен к потребностям капитала. Поскольку, таким образом, рост постоянного капитала будет замедляться, теоретические выводы Гроссмана, покоящиеся на этом постоянном росте, не имеют решительно никакого базиса. Ибо разве капиталист, если его воля к накоплению в неизменном темпе (которую мы принимаем без всяких оговорок) натолкнется на непреодолимые границы, вследствие относительного уменьшения рабочего населения, станет приостанавливать поэтому производство? Поставить этот вопрос—значит ответить на него: ему придется меньше накоплять, т.-е. он уменьшит темп своего накопления.

Ленин в своем «Империализме» также указал на то, что неизбежным последствием высшего развития капитализма и уменьшения возможностей в его прибыльном применении является как раз приостановка накопления. Но и Маркс также неоднократно ясно пишет, что вследствие падения норм прибыли темп накопления должен замедлиться. Так, напр., он пишет («Kapital», т. III, стр. 222); «С другой стороны, вследствие этого ускоряется накопление, рассматриваемое со стороны массы, хотя с понижением нормы прибыли понижается и норма накопления». Далее он пишет (там же, стр. 231): «Накопление капитала со стороны стоимости замедляется, вследствие понижения нормы прибыли». В том же предложении он пишет, что только лишь ускорение накопления потребительной стоимости (именно вследствие обесценения постоянного капитала) снова приводит к ускоренному темпу накопления со стороны стоимости. И, наконец, даже сам Гроссман становится в конечном счете на ту же точку зрения:

В самом деле здесь мы подходим к интересному противоречию в аргументации Гроссмана. А именно после

того, как он убедительно излагает нам на стр. 182 экономический конечный пункт капиталистической системы на основе своей схемы, он показывает нам модифицирующие противоположные тенденции, позволяющие капиталистам в момент крушения временно преодолеть последнее. Каковы же эти противоположные тенденции? Он пишет (стр. 186):

«Процесс накопления может продолжаться, если прежние предпосылки будут изменены, а именно: а) либо норма накопления (?) будет уменьшена и темп накопления будет замедлен, или b) постоянный капитал будет обесценен, вследствие чего опять-таки норма накопления (?) станет меньше; с) либо рабочая сила будет обесценена, и зарплата таким образом будет понижена, вследствие чего норма накопления переменного капитала (?) станет меньше и поэтому норма прибавочной стоимости (?) станет больше; d) либо, наконец,—вследствие экспорта капитала, благодаря чему норма накопления (?) снова уменьшается».

Да, но что же все это перечисленное, собственно говоря, означает?

Мы уже показали, что повышение нормы прибавочной стоимости уменьшает тенденцию к крушению; второе предварительное условие для этого, а именно—приспособление роста населения к потребностям капитала—ускользнуло от Гроссмана; но пункты а), b) и d) означают, однако, не что иное, как то, что мы только что констатировали в духе Маркса и Ленина против Гроссмана, а именно, что не накопление в постоянном темпе ведет к крушению, а опасность крушения ведет к замедлению темпа накопления! Ибо с точки зрения основной тенденции безразлично, происходит ли это замедление постоянно или в периодические отрезки времени, но в среднем все же постоянно!

Собственно говоря, против этой двойной роли гроссмановского результата—в качестве крушения и в качестве кризиса—нечего было бы, конечно, возразить. Диалектика процесса накопления приводит к тому, что тенденции к краху капитализма выступают и в качестве постоянно преодолимых и, однако, в качестве все более обостряющихся и одновременно неизбежных. Мы спрашиваем лишь об одном: если Гроссман вполне справедливо рассматривает свои крушения в общем, как нечто преодолимое, то чем же отличается тогда его «экономический конечный пункт» от преодолимых кризисов. Почему же последний кризис больше уже не может быть преодолен?

Не подлежит сомнению, что для об'яснения неизбежного крушения капитализма вовсе не является необходимым какое-либо доказательство «чисто-экономической невозможности» его дальнейшего существования, ибо, ведь, пролетариат является исполнителем этого крушения, и формировка его воли к низвержению системы происходит на базисе растущих экономических противоречий; более того: такая точка зрения была бы даже опасна, так как она этим придала бы действительному крушению капитализма характер оторванного от классовой борьбы «абстрактного» крушения, которое явилось бы выражением фаталистического понимания классовой борьбы. Быть может, таким образом Гроссман удовлетворился бы лишь констатированием того, что его крушение преодолимо и может образовать основу какой-либо теории кризисов, что уже само по себе явилось бы интересным результатом. Но нет; он настоятельно подчеркивает, что для него главной проблемой является вопрос об экономическом конечном пункте капитализма. Так, он пишет на стр. VIII своего введения: «Здесь рассматривается вопрос, способен ли вполне развитый капитализм, в качестве исключительной и всеобщей, лишь от себя самой зависящей, хозяйственной системы, развивать воспроизводственный процесс на прогрессивно-расширяющемся базисе или же для этого расширения

существуют какие-либо непереходимые границы». На стр. 59 он одобрительно цитирует Тугана-Барановского: «Для того, чтобы доказать необходимость крушения капиталистической хозяйственной системы и неизбежность ее превращения в социалистическую—прежде всего необходимо дать точное доказательство невозможности существования социализма на известной ступени его развития». И Гроссман на стр. 531 своей книги вполне ясно показывает, что ему мерещится механический конец капитализма: «Мы показали, как совершается абсолютное перенакопление... в прогрессивно-усиливающейся степени и как оно, наконец, на высокой ступени накопления капитала, достигает состояния перенасыщения капитала... и поэтому капиталистический механизм приближается с неизбежностью явления природы к конечной катастрофе».

Так как Гроссман таким образом хочет доказать неизбежность этого конечного пункта капитализма, то он сам должен был почувствовать вышеуказанное противоречие; он сам поэтому ставит вопрос—вследствие чего же в сущности, несмотря на постоянные преодоления показанных им тенденций к кризису, происходит конечное крушение? И здесь он приходит к весьма странному результату. А именно, после того, как он констатировал (стр. 189), что «если отвлечься от таких переходящих фаз, то в чистом капитализме ставки заработной платы, несмотря на их первоначальное повышение, должны, начиная с известного пункта накопления капитала, все время снижаться, темп накопления и возможного технического прогресса должен с этого момента замедлиться, резервная армия увеличиться». После того, как он таким образом сам показал вскрытые нами тенденции преодоления крушения, а также прежде всего замедления темпа накопления,—хотя до того как раз постоянство этого темпа образовывало базис всей его теории,—он продолжает: «Но вполне ясно, что процесс не может продолжаться таким образом до бесконечности. Ибо лишь теоретически возможно, напр., значительное ухудшение ставок заработной платы... Всякое более значительное, не носящее лишь переходящий характер, ухудшение положения рабочих толкнуло бы рабочий класс неизбежно к возмущению».

Таким образом крушение неожиданно является следствием падения ставок заработной платы ниже их стоимости, которое является тенденцией капитализма, открытой не Гроссманом—она имеется в марксовой схеме; но она базирует на оплате всех товаров, в том числе также и рабочей силы, по их стоимости.

Здесь, однако, с Гроссманом случилось маленькое несчастье. Ибо повышение нормы прибавочной стоимости никоим образом не соответствует принятому Гроссманом падению зарплаты ниже ее стоимости. Это, по Марксу, является следствием обесценения рабочей силы, т.-е. необходимых для ее воспроизводства предметов потребления, процесс, который, по Марксу, постоянно сопровождает повышение производительности и поэтому имеет границы лишь вместе с последней. Гроссман опровергает здесь, прибегая к помощи снижения зарплаты ниже стоимости рабочей силы, не только, как мы сейчас показали, свою собственную схему, основу своего анализа, покоящуюся на оплате по стоимости,—он опровергает также и весь свой вывод о неизбежном, чисто-экономическом, конечном пункте. Ибо, если действительно повышение нормы прибавочной стоимости, которое является ведь лишь выражением повышения производительности, в состоянии постоянно преодолевать кризисы и если отпадает также момент уменьшения ставок заработной платы ниже стоимости рабочей силы, то вместе с тем отпадает для Гроссмана также возможность об'яснить нам, почему стало более невозможным также и преодоление его последнего кризиса.

Таким образом мы наблюдаем тот интересный результат, что Гроссман, отправившись в поход с целью доказать, что постоянное накопление невоз-

можно чисто-экономически, сам строит схему, которая в конце концов, несмотря на все препятствия, является гармонической. Так, конечное, неизбежное крушение капитализма на основе гроссмановской теории превращается лишь в крушение его собственной теории — судьба, которая должна постигнуть каждого, кто задастся целью доказать «абсолютную безвыходность положения», каковой, по Ленину, никогда не может быть.

Теперь мы исследуем вопрос, не может ли теория Гроссмана послужить по крайней мере основой для приемлемой теории кризисов,—как он нас в этом уверяет.

В этой теории несомненно на первый взгляд имеется что-то привлекательное, ибо если мы вместе с Гроссманом допустим (а на определенный период ничего нельзя возразить против этой гипотезы), что капиталисты постоянно накопляют,—все-таки должен, как уже выше показано, наступить момент, и именно по истечении времени, которое можно точно определить когда капиталистический доход исчезнет. И если мы этот момент обозначим хотя бы и не как крушение, но все же как кризис, то мы имели бы здесь картину периодических кризисов с периодичностью, которая может быть точно установлена.

Однако при более детальном ознакомлении с этим вопросом обнаруживается заковыка. Прежде всего, в виду того, что Гроссман, так же, как и Бауэр, оперирует одинаковыми нормами накопления в обоих подразделениях, — момент исчезновения капиталистического дохода должен одновременно наступить в обеих группах; это дало бы таким образом картину кризиса, наступающего всегда одновременно в обоих подразделениях. Но как же это можно соединить с действительностью, в которой в общем кризис охватывает лишь известные отрасли промышленности и лишь впоследствии переходит на другие; как можно соединить с законом Ленина о неравномерности капиталистического развития? И, более того, может ли вообще целое быть обозначено как кризис? Ибо мы не можем понять, что может воспрепятствовать капиталистам продолжать обменивать свои товары с помощью найденного Отто Бауэром ключа к полнейшей гармонии в распределении. Где здесь вообще проявляется тот факт, который главным образом характеризует капиталистический кризис, а именно невозможность продать часть товаров по их стоимости и вытекающее отсюда немедленное сильное падение нормы прибыли? (Мы уже выше указали, что здесь не существует также и доказанной Марксом возможности общего перенакопления).

Но обо всех приведенных моментах кризиса здесь ведь не может быть и речи! Капиталисты весело накопляли 10% и с изумительной аскетичностью продолжали эту свою деятельность, несмотря на исчезновение их доходов. А затем дальше дело уже не идет. Но, быть может, их товары не имеют больше сбыта? Ни в коем случае! Ибо если бы только капиталисты решились накоплять не в прежних размерах, а лишь столько, сколько они имеют возможности, то все пошло бы попрежнему самым прекрасным образом, и они могли бы взаимно реализовать свои товары по полной их стоимости. Почему же они этого не делают?

Очень просто. Потому, что они вбили себе в голову во что бы то ни стало накоплять в неизменном темпе, потому, что они предпочитают кризис беспрепятственному обмену при более медленном темпе накопления. Иными словами кризис наступает потому, что этого хотят капиталисты в союзе с Гроссманом! Но это выведение кризиса из воли капиталистов было бы даже тогда абсурдным, если бы его хотели защитить тем, что кризис является одним из средств для повышения норм при-

бавочной стоимости (напр., путем повышения интенсивности труда) — той прибавочной стоимости, относительно которой мы доказали, что ее повышение является основной предпосылкой процесса накопления.

Ибо капиталистический кризис прежде всего характеризуется — и этого пункта нужно твердо придерживаться, если не хотят, чтобы рухнули все марксистские построения — как раз своей независимостью от воли капиталистов, тем, что он является выражением предела, на который все снова и снова натыкается воля капиталистов к производству.

Ведь ясно, что если бы капиталисты, вместо того, чтобы, так сказать, провозгласить кризис, с той именно целью, чтобы потом по сравнению с прежним временем медленно накоплять, — как это устанавливает Гроссман в цитированном на стр. 187 предложении в качестве конечного результата кризиса, — если бы вместо этого они сразу замедлили накопление, тогда даже гроссмановский кризис отпал бы; если же их цель опять-таки состояла бы в том, чтобы повысить норму прибавочной стоимости, что происходит и без того вследствие обесценения рабочей силы, то откуда же тогда периодичность этих кризисов?

Таким образом гроссмановский кризис вовсе не является кризисом, а лишь актом произвола капиталистов. Но в действительности последние при достижении известного момента решатся меньше накоплять. И тогда периодичность троссмановских кризисов превращается лишь в колебание темпа накопления, т.-е. в колебание постоянного, хотя и ослабевающего процветания.

Таким образом, гроссмановское исследование не только непроизвольно приходит к выводу о возможности продолжительного накопления, в его схеме даже отпадает всякий действительный момент кризиса. Это однако является лишь следствием того факта, что он отказался пойти по пути, указанному Марксом для разрешения этой проблемы, а именно поставить проблему в связь с переплетением отдельных отраслей производства. Мы попутно сделаем это сами в дальнейшем.

IV. Препятствия для процесса накопления в результате изменения органического состава.

Мы сами исследуем теперь с помощью этой схемы или ее алгебраического выражения следующие главные вопросы: 1) обнаруживаются ли тенденции к кризису в схеме, если обнаруживаются, то какие? 2) какова тенденция развития капиталистической системы?

Раньше, чем перейти к исследованию, мы должны дать себе ясный отчет в основных гипотезах. Мы до сих пор показали, что постоянный темп накопления, постоянная норма прибавочной стоимости, постоянный рост рабочего населения ($V + M$), так же, как и одинаковые нормы накопления, заранее исключают накопление; дальше мы исследовали и отклонили также и бауэровское переселение из одной группы в другую. Мы отбрасываем поэтому все эти гипотезы и займемся исследованием проблемы в самом общем ее виде; мы принимаем лишь следующие основные гипотезы, соответствующие обоим основным законам капитализма: 1) рост органического состава, 2) падение нормы прибыли.

Поставим теперь проблемы таким образом, как она до сих пор ставилась всеми — за исключением Гроссмана, — а именно в качестве проблемы трудностей обмена, вытекающих из переплетения отдельных подразделений.

Но вопрос об обмене является здесь не только вопросом о стоимостной эквивалентности обменивают-

щихся товаров, но и вопросом об их вещественной форме. Это именно является основанием для того, почему Маркс в своем исследовании поставил проблему главных подразделений совокупного капитала и почему гроссмановский метод исследования совокупного капитала должен был пойти по исправленному пути. Главная проблема состоит именно в следующем—находят ли капиталисты каждого подразделения, когда они приступают к обмену, в действительности товары равной стоимости той вещественной формы, которая им нужна? И так как эта проблема как раз и состоит в том, могут ли капиталисты, производящие средства производства, купить необходимые для своих рабочих и для самих себя предметы потребления и могут ли, с другой стороны, капиталисты потребительских отраслей промышленности купить необходимые для их производства средства производства, то именно поэтому Маркс дал схему процесса накопления, схему этих двух главных подразделений. И это как раз и представляло самое важное в его постановке вопроса.

Но на сколько же еще более необходимой является эта постановка вопроса, если органический состав капитала постоянно изменяется, что, как указано, должно сопровождаться постоянной передвижкой рынка сбыта для средств производства по сравнению с рынком сбыта средств потребления.

Еще более сложным становится вопрос, если — как это имеет место в нашем исследовании—изменяется также и норма прибавочной стоимости. Это означает не только передвижку в стоимости прибавочной стоимости по сравнению со стоимостью переменного капитала, но и также —в виду того, что переменный капитал служит выражением величины рабочего потребления и не накопляемая прибавочная стоимость (в границах возможных изменений в нормах накопления) одновременно выражает величину потребления капиталистов—означает постоянное изменение рынка сбыта для предметов рабочего потребления по сравнению с рынками сбыта для товаров, которые потребляются капиталистами (именно в качестве дохода). Этот вопрос, который до сих пор еще не обсуждался, так как до сих проблема влияния увеличивающихся норм прибавочной стоимости на схематический ход процесса накопления еще не была исследована.

Как обстоит дело, прежде всего, с вещественной формой этих товаров?

Потребление рабочего населения касается необходимых для воспроизводства его рабочей силы товаров; произведены ли последние в форме пищевых продуктов, квартир, платья или минимума культурных удовольствий, они всегда представляют продукт ряда отраслей производства, рассчитанных на потребление широких масс и обладающих общим признаком, а именно способностью удовлетворять массовое потребление.

Совершенно иной характер носит индивидуальное потребление капиталистов. Правда, они также вынуждены отчасти употреблять предметы потребления для удовлетворения своих чисто-человеческих потребностей. Но это потребление сравнительно весьма ничтожно (именно по сравнению с общим доходом), и оно по большей части носит характер потребления предметов роскоши. Но в значительной части применения их дохода состоит в потреблении действительной роскоши, независимо от того, проявляется ли последняя в форме предметов роскоши культурных трат или путешествий и т. д.

Здесь, собственно, мог бы быть поставлен вопрос о том, насколько издержки на физические и идеологические меры угнетения против рабочего класса, необходимые для существования капиталистов, покрываются в схеме из прибавочной стоимости, из переменного капитала, или же за счет этих двух источников. Но этот вопрос, который не только осложняется многообразностью этих мер угнетения, но и зависит также от того, в какой степени мы под стоимостью переменного капитала понимаем исключительно

стоимость абсолютно необходимых рабочим предметов потребления, увел бы нас слишком далеко. Мы тем менее будем им заниматься, что он в достаточной степени безразличен для последующих выводов — стоит только соответственно изменить алгебраическое рассуждение.

Как бы ни отличалось капиталистическое потребление в отношении этих различных категорий, оно во всяком случае, что касается вещественной формы потребленных товаров, в корне отличается от потребления рабочих, и поэтому необходимо принимать во внимание это различие в нашем исследовании. Ибо, если, напр., при исследовании схемы оказывается, что промышленность предметов потребления, взятая в целом, может накоплять, потому что ее общий рынок сбыта, а именно сумма рабочего и капиталистического потребления, достаточно велика, то, несмотря на это, возможно, что, напр., промышленность, производящая массовые товары для рабочих, терпит чувствительное нарушение накопления, если рабочее потребление по отношению к потреблению капиталистов упало ниже известной границы. В этом случае кризис, который, начавшись в отраслях промышленности, производящей товары для рабочих, перешел на другие отделения, совершенно не проявился бы в схеме, если мы все отделения потребительских товаров будем рассматривать как целое, поскольку лишь потребление капиталистов и, следовательно, накопление производства, которое удовлетворяет последних, достаточно велико.

Здесь мы равным образом можем встретить следующее возражение: не является ли это подразделение промышленности на две части чем-то произвольным, если принять во внимание, что также и капиталисты должны, хотя и в очень незначительной части, получать товары той же вещественной формы, как и рабочие? И действительно мука, получаемая капиталистами, вырабатывается на той же мельнице, как и мука, потребляемая рабочими. Несмотря, однако, на это, такое возражение, было бы неправильным—не только лишь потому, что это весьма незначительная часть, но это возражение—если бы оно было правильным—касалось бы также и марксовой схемы подразделения совокупного капитала на две части, так как и уголь является отчасти средством производства, отчасти же предметом массового потребления; железная дорога также используется рабочими в качестве предмета потребления, а производителями—в качестве средства производства; и все же абсолютная необходимость марксова двойного подразделения в схемах и его правильность не может быть подвергнута никакому сомнению в качестве основы для исследования.

Вообще следует подчеркнуть, что трактовка вопросов на основе схем не дает никакого точного отражения действительных или также только количественных отношений. Как известно, схемы целиком отвлекаются даже от существования некапиталистических хозяйственных форм—известная абстракция, на ряду с источником ошибок которой здесь и в дальнейшем исчезают выше упомянутые неточности. Схема должна служить только в качестве основы, дающей направление исследованию.

Таким образом существенное сводится к следующему: вещественная форма товаров, индивидуально потребляемых капиталистами, в общем отлична от вещественной формы товаров, входящих в потребление рабочих, и они различаются друг от друга в основном тем, что оба вида товаров производятся собственными рабочими внутри собственной промышленности.

Насколько важно это различение, следует из того, что и Маркс («Капитал», т. II) считал нужным такое двойное подразделение промышленности средств существования при трактовке проблемы простого воспроизводства, хотя позже при трактовке более сложных вопросов он от этого и отвлекался.

Тем более необходимо сделать этот метод основой исследования и для стоящей перед нами проблемы, что, как окажется,—**рынок сбыта для одной промышленности**, а именно доход капиталистов (мы будем называть поэтому в нижеследующем эту промышленность промышленностью дохода), **подчинен другим законам, чем рынок сбыта для промышленности, поставляющий предметы потребления** (мы назовем ее промышленностью потребления)—другим законам просто потому, что та зависит от величины потребленной прибавочной стоимости, а эта от величины переменного капитала.

Итак, мы **примем подразделение совокупного капитала на три части**: 1) промышленность средств производства, которая производит продукты со стоимостью P, 2) промышленность предметов потребления, которая производит продукты для рабочих со стоимостью K, и 3) промышленность дохода, которая производит товары для потребления капиталистов со стоимостью R. Если мы обозначим постоянный капитал—C, переменный—V и прибавочную стоимость—M и снабдим эти буквы в каждом подразделении соответствующим указателем, то получается:

$$\text{I. } C_p + V_p + M_p = P$$
$$\text{II. } C_k + V_k + M_k = K$$
$$\text{III. } C_r + V_r + M_r = R$$

Если же мы обозначим пропорцию $\frac{V_p}{C_p}$, $\frac{V_k}{C_k}$ и $\frac{V_r}{C_r}$ через π_p, π_k, π_r, а пропорцию $\frac{M_p}{V_p}$, $\frac{M_r}{V_r}$ и $\frac{M_k}{V_k}$ через m_p, m_k и m_r, то мы получим:

$$\text{I. } C_p\ (1 + \pi_p + \pi_p\, m_p)$$
$$\text{II. } C_k\ (1 + \pi_k + \pi_k + \pi_k\, m_k)$$
$$\text{III. } C_r\ (1 + \pi_r + \pi_r\, m_r)$$

В подразделении I будет применяться норма накопления A, в подразделении II — a и в отделении III — α. В каждом отделении, таким образом,

будет потреблено	и остается
I. $C_p\ \pi_p\ m_p\ (1 - A)$	$C_p\ (1 + \pi_p + \pi_p\, m_p\, A)$
II. $C_k\ \pi_k\ m_k\ (1 - a)$	$C_k\ (1 + \pi_k + \pi_k\, m_k\, a)$
III. $C_r\ \pi_r\ m_r\ (1 - \alpha)$	$C_r\ (1 + \pi_r + \pi_r\, m_r\, \alpha)$

После накопления и выполнения обмена мы имеем теперь изменившиеся величины, которые мы обозначим черточкой. Итак:

I. $C'_p + V'_p$	или иначе	$C'_p\ (1 + \pi'_p)$
II. $C'_k + V'_k$		$C'_k\ (1 + \pi'_k)$
III. $C'_r + V'_r$		$C'_r\ (1 + \pi'_r)$

при чем $\pi'1_p$, $\pi'1_k$ и $\pi'1_r$ обозначают величины π_p, π_k и π_r во втором периоде накопления.

Теперь даны следующие уравнения:

$$1.\ C'_p\ (1 + \pi'_p) = C_p\ (1 + \pi_p + \pi_p\, m_p\, A)$$
$$2.\ C'_k\ (1 + \pi'_k) = C_k\ (1 + \pi_k + \pi_k\, m_k\, a)$$
$$3.\ C'_r\ (1 + \pi'_r) = C_r\ (1 + \pi_r + \pi_r\, m_r\, \alpha)$$

т.-е. каждое подразделение располагает после товарного обмена тем же количеством стоимостей, как до обмена.

$$4.\ C'_p + C'_k + C'_r = C_p\ (1 + \pi_p + \pi_p\, m_p)$$

т.-е. стоимость суммы увеличившегося постоянного капитала всех подразделений равна стоимости произведенных в предыдущем периоде средств производства.

$$5.\ C'_p\, \pi'_p + C'_k\ \pi'_k + C'_p\ \pi'_a = C_k\ (1 - \pi_k + \pi_k\, m_k)$$

т.-е. потребление рабочих всех подразделений = стоимости произведенных в предыдущем периоде товаров промышленности потребления.

Посредством этих 5 уравнений можно легко вычислить, если мы примем для C_p некоторую определенную величину, 5 неизвестных $C'_p, C'_k, C'_r, C_k, C_p$.

Таким образом получается, напр.:

$$6.\ \frac{C_k}{C_p} = \pi'_p \cdot \frac{1+\pi'_k}{1+\pi'_p} \cdot \frac{\pi'_p(1+\pi_p+\pi_p m_p)+1+\pi_p+\frac{\pi_p}{\pi'_p}\pi_r m_p + \frac{\pi_p}{\pi'_p} m_p A (\pi'_p - \pi'_r)}{\pi_r(1+\pi_k)+\pi'_k \pi_k m_k + 1+\pi_k+\pi_k m_k + \pi_k m_k a (\pi'_r - \pi'_k)}$$

$$\frac{C_r}{C_p} = \frac{\pi_p m_p (1-A) + \frac{C_k}{C_p} \cdot \pi_k m_k (1-a)}{1+\pi_r+\pi_r m_r a}$$

Эти обе формулы показывают, в каких количественных отношениях должны стоять друг к другу постоянные капиталы трех подразделений для того, чтобы при принятой высоте и принятом росте органического состава, как и принятых нормах прибавочной стоимости, могло совершаться накопление по определенным нормам накопления. Уже формула показывает, как сложны эти зависимости. Для иллюстрации мы вычислим пример, при чем мы сознательно изберем возможно более простые числа. Пусть будет, напр.:

$$\pi_p = \frac{1}{4}, \pi_k = \frac{1}{3}, \pi_r = \frac{1}{2}, m_p = m_k = m_r = 1; A = 0.7, a = 0.5, \alpha = 0.4, \pi'_p = \frac{1}{6}, \pi'_k = \frac{2}{9}$$

$$\pi'_r = \frac{1}{3}$$

при чем пусть органический капитал везде увеличится в отношении 2 : 3; отсюда вытекает $\frac{C_k}{C_p} = \frac{2739}{16660}$ и $\frac{C_r}{C_p} = \frac{853}{14161}$

Самые маленькие целые числа для C_p, C_k, C_r, которые получаются из таких отношений, следующие:

$C_p = 235.922.260$
$C_k = 38.786.979$
$C_r = 14.210.980$

На основе этих чисел мы получаем следующую схему:

I.	235.922.260 +	58.980.565 +	58.980.565 =	353.883.390
II.	38.786.979 +	12.928.993 +	12.928.993 =	64.644.965
III.	14.210.980 +	7.105.490 +	7.105.490 =	28.421.960

Капиталисты покупают товары группы III и именно со следующей стоимостью:

I	17.694.169,5
II	6.464.496,5
III . . .	4.253.294
Всего .	28.421.960

Далее капиталисты подразделяют средства производства и предметы потребления в качестве основы ближайшего производственного процесса следующим образом:

I . .	288.162.189	+ 48.027.031,5
II . . .	47.602.201	+ 10.578.267
III	18.118.999,5	+ 6.039.666,5
Всего . .	353.883.390	+ 64.644.965

Таким образом на этой основе при органическом составе $\frac{1}{6}$, $\frac{2}{9}$ и $\frac{1}{3}$ может совершиться следующий процесс производства.

Мы до сих пор принимали нормы накопления A, a и α в качестве известных величин и исчисляли в качестве их функции величины $\frac{C_k}{C_p}$ и $\frac{C_r}{C_p}$. Мы могли бы естественно поступить наоборот, и из принятых величин $\frac{C_k}{C_p}$ и $\frac{C_r}{C_p}$ а также и принятой величины A, или a, или α вычислить остальное две величины трех чисел A, a, α. Важно лишь то, что из всех имеющихся в обоих уравнениях 6) и 7) чисел два должны быть неизвестными.

Ибо если бы мы, например, заранее приняли лишь одно число неизвестным или даже предположили, что все числа известны, тогда уравнения были бы неопределенны, т.-е. вероятность решения, иными словами вероятность беспрепятственного накопления, была бы бесконечно малой.

С точки зрения чисто-математической, т.-е. с точки зрения построения схемы, гипотеза, что нормы накопления известны и отыскивания пропорции между постоянными капиталами, имеет большое преимущество: если бы мы действовали наоборот, т.-е. приняли бы пропорции $\frac{C_k}{C_p}$ и $\frac{C_r}{C_p}$ как известные, то вероятность достижения удовлетворительного результата была бы очень мала. Это показывает следующее рассуждение:

Для того, чтобы процесс накопления мог развиваться, требуется, чтобы нормы накопления выражались в положительных величинах, т.-е. чтобы они в лучшем случае вращались в пределах 0 и + 1. Значение $\frac{C_k}{C_p}$ может, напр., находиться лишь между двумя пределами, которые мы получаем следующим образом: верхний предел получается, если $\pi_k m_k \alpha(\pi^1_r - \pi'_k)$ получает возможно меньшее значение и $\frac{\pi_p}{\pi'_p} m_k A(\pi'_p - \pi'_k)$ возможно большее; низший предел, если $\pi_k m_k \alpha(\pi'_r - \pi'_k)$ получает возможно большее и $\frac{\pi_p}{\pi'_p} m_p A(\pi'_p - \pi'_r)$ возможно меньшее значение. Но ведь эти выражения очень малы, так как разницы чисел $\pi'_r - \pi'_k$ и $\pi'_p - \pi_r$ весьма ничтожны; колебания их величин играют поэтому для величины $\frac{C_k}{C_p}$ лишь очень ничтожную роль.

Так, в нашем примере выражение $\pi_k m\alpha\ (\pi'_r - \pi'_k)$ колеблется в пределах $^1/_{\pi}$ и 0; в то время как выражение $\frac{\pi_p}{\pi_p} m_p A(\pi^1_p - \pi^1_r)$ становится наибольшим, если A (в виду того, что оно отрицательно) равно 0, и становится наименьшим (а именно $= 1/4$), если $A = 1$. Мы получаем таким образом в качестве высшего предела для $\frac{C_k}{C_p}$ число $^{267}/_{1652}$, а в качестве низшей границы число $^{21}/_{70}$. Таким образом мы видим, что возможные колебания пропорции $\frac{C_k}{C_p}$ могут составить лишь весьма малый процент. *Это означает, однако, не что иное, как то, что вероятность возможности вообще накоплять, если уже дана пропорция $\frac{C_k}{p}$, очень мала.*

Между тем пределы в действительности еще ничтожнее. Ибо мы получили низший предел для $a = 1$ и $A = 1$; это, однако, означало бы, что группа III вообще не могла бы существовать, так как ее область сбыта, а именно потребление капиталистов I и II, отпала бы, что исторически представляет несостоятельную гипотезу.

Все это при математической трактовке вопроса говорит за то, чтобы сделать так, как мы поступили, т.-е. принять нормы накопления в качестве известных величин и вычислить отсюда другие пропорции.

Но если мы рассмотрим вопрос исторически, то окажется, что эта гипотеза не может считаться правильной; ибо если мы исследуем период накопления, то имеющиеся пропорции $\frac{C_k}{C_p}$ и $\frac{C_r}{C_p}$ даны уже в качестве результатов предыдущего процесса накопления и никоим образом не могут быть свободно избраны. Процесс накопления должен разыгрываться на своем базисе, как бы дело ни шло, а наше исследование уже показало, что вероятность беспрепятственного хода вещей лишь весьма ничтожна.

Так и Маркс в своих схемах избрал след. путь: принять определенное отношение постоянных капиталов друг к другу и вывести отсюда норму накопления промышленности предметов потребления.

Но теперь получается еще другая трудность: допустим, что исторически данная пропорция $\frac{C_k}{C_p}$ и $\frac{C_r}{C_p}$ действительно как раз настолько велика (внутри указанных пределов), что накопление становится возможным при положительных значениях A, a и α. Тогда еще вопрос—будут ли действительно все эти значения положительны—зависит от того, находятся ли они сами между собой в правильном отношении (так, напр., слишком крупные A и a поставили бы под знаком вопроса накопления группы III, т.-е. положительное r). Будут ли тогда действительно капиталисты накоплять в таком правильном соотношении к различным темпам накопления?

Затруднение, однако, состоит в том, что даже мы, конструирующие эти числа и основные формулы, не знаем заранее этих правильных пропорций. Ибо и мы должны были бы еще предположить одну из норм накопления в качестве известной величины для того, чтобы при ее помощи быть в состоянии вычислить обе другие; ясно, однако, что гипотеза определенной нормы накопления в одном подразделении и выведение из нее норм для второго и третьего подразделений была бы произвольной, так как в действительности нормы накопления каждого подразделения в среднем образуются из отдельных норм накопления, избираемых отдельными капиталистами, как они могут.

В исторической действительности уже в первом исследованном мною процессе накопления обнаруживается следующий факт.

В виду того, что отдельные капиталисты накопляют анархически, без плана, каждый как может, то образуются три средние нормы накопления в качестве исторических данных; но тогда, так как отношение постоянных капиталов друг к другу исторически дано, то вероятность беспрепятственного накопления, выражаясь математически, будет бесконечно мала, математическим выражением чего явится полнейшая неопределенность пяти основных уравнений.

Но что было бы, если бы капиталисты стали накоплять планомерно, зная нашу схему? Удалось ли бы им это?

Предположим, что одна группа избирает определенную норму накопления, напр., первая группа, как это было в нашем примере, избирает 0,7 и обе другие исчисляют из нее свои соответствующие нормы накопления 0,5 и 0,4. Тогда уравнения разрешились бы гладко, т.-е. первый процесс накопления протекал бы беспрепятственно.

Но здесь возникает новое затруднение. Могут ли вообще капиталисты применять нашу формулу, даже в том случае, если они могут производить по точному плану на основании точных сведений о своей промышленности? Когда бы это вообще могло им удаться, ставя вопрос теоретически?

Примем на один момент те пропорции, при помощи которых Маркс развил свои схемы: примем, следовательно, также и гипотезу постоянного органического состава и постоянной нормы прибавочной стоимости: формула 6) для $\frac{C_к}{C_р}$ показывает, что в этом случае, как и в случае с остающимися одинаковыми нормами накопления A и a, величина $\frac{C_к}{C_р}$ остается постоянной; точно также всегда остается постоянным, если и α остается постоянным, выражение для $\frac{C_г}{C_р}$. Это, однако, означает, что при этих гипотезах, поскольку величины A, a и α обладают величиной, дающей возможность беспрепятственного накопления, эта свобода от препятствий обеспечивается постольку, поскольку они не изменяются.

Примером этого служат схемы самого Маркса. В своем первом примере, в котором исследуется накопление:

4 000 c + 1 000 v + 1 000 m
1 500 c + 750 v + 750 m

Маркс принимает в подразделении I норму накопления в 0,5. Оказывается, что первый процесс накопления возможен лишь при норме накопления в подразделении II в 0,2 (из 750 накопляется 150); во втором периоде накопления в подразделении II оказывается необходимая норма накопления в 0,3 (из 800 накопляется 240). И эти нормы накопления 0,5 и 0,3 остаются, начиная с этого момента постоянными и дают возможность при этом, согласно нашему прежнему рассуждению, беспрепятственно накоплять.

Точно так же дело происходит и во втором примере Маркса:

5 417 + 1 083 + 1 083
1 583 + 316 + 316

В этом примере обе нормы накопления 0,5 и 0,5 остаются постоянными и дают возможность беспрепятственного накопления.

Это означает однако, что при принятой Марксом гипотезе постоянного органического состава накопление может происходить беспрепятственно, лишь поскольку нормы накопления остаются одинаковыми. Этот факт мог для апологетов капитализма, стремящихся показать, что его противоречия преодолимы, послужить в качестве основы их аргументации. Ибо если капиталистам «случайно» удалось бы однажды «правильно» накоплять, то почему же капиталисты не могли бы понять, что они—под страхом кризиса—должны заниматься лишь тем, чтобы поддерживать нормы накопления в постоянном виде?

Таким образом, марксовы схемы могли быть употреблены на то, чтобы доказать, что процесс накопления имеет тенденцию производить свою собственную свободу от препятствий.

Но каждая подобная попытка вывести из этих схем гармонию капитализма должна потерпеть крушение, если исследовать эту схему, исходя из предпосылки растущего органического состава.

Мы раньше поставили вопрос, в состоянии ли вообще капиталисты «правильно» накоплять даже при большей планомерности. *Мы покажем теперь, что факт изменения органического состава ведет за собой тенденции к нарушению, которые не могут быть устранены никакой «организованностью» или никакой планомерностью.*

А именно, если мы исследуем формулу 6) для $\frac{C_к}{C_р}$, то обнаруживается прежде всего важный факт, что в ней заключаются не только технические отношения исследуемого периода производственного процесса ($\pi_р, \pi_к, \pi_г$).

но также и отношения следующего за этим периода ($\kappa'_n \kappa'_\kappa \kappa'_r$). Это означает, что при известных исторически данных отношениях между постоянными капиталами величина норм накопления, приводящих к освобождению от препятствий, уже определена техническими отношениями следующего периода.

Но ведь капиталисты потребляют во время всего первого периода. Они в течение этого времени совсем еще не знают уровня технического прогресса следующего периода. Они знакомятся с ним лишь тогда, когда покупают свои новые машины C'_p, C'_κ, C'_r и применяют на основе новых производственных условий переменный капитал V'_p, V'_κ, V'_r. Как же может для них служить еще неизвестный уровень технического прогресса в следующем году уже заранее в качестве основы для исчисления их норм накопления в текущем году?

Здесь можно было бы во всяком случае возразить еще, что уже во время всего первого производственного периода происходит товарный обмен и что поэтому капиталисты, покупая новые средства производства, знакомятся с их техническим уровнем и что они поэтому при установлении темпа своего накопления могут уже учесть необходимый, обусловленный уровнем техники, органический состав своего капитала в ближайший производственный период.

Мы не хотим доставить нашим капиталистам никаких затруднений; и поэтому мы ради их удовольствия и ради удовольствия всех друзей «организованного» капитализма допустим, что мы можем отвлечься от только что доказанной причины возникновения препятствий, а именно, что образуемая норма накопления не будет соответствовать новому органическому составу капитала—допустим, что капиталисты в пророческом предвидении накопляли «правильно». Но—увы!— им предстоит новая неприятная неожиданность. А именно, следующий процесс накопления по всей вероятности покажет им все-таки, что их «правильная» норма накопления все же была ложной.

Но раньше, чем мы—с целью показать это—подвергнем ближайший процесс накопления более точному исследованию, мы еще раз рассмотрим наш цифровой пример. Мы уже раньше предположили, что наши капиталисты накопляли вполне по нашему примеру и что имелись также и исчисленные нами количественные отношения между постоянными капиталами. Тогда все идет, как по маслу. Но это лишь кажется. Ибо, если мы ближе познакомимся с картиной, она нам меньше всего представится гармонической.

Вследствие более высокого органического состава к моменту второго производственного года переменный капитал абсолютно уменьшился. В то время, как в первый производственный период он составлял 79.015.048, во втором производственном году он составлял лишь 64.644.965. Это может сопровождаться и уменьшением числа рабочих, но этого могло и не быть, так как ведь с увеличением производительности происходит и удешевление прожиточного бюджета, и стоимость рабочей силы должна уменьшиться. В обоих случаях это не является ни чем-то необычным, ни чем-то совершенно невыгодным для капиталистов.

Но в этом деле имеется заковыка; если рабочие в течение первого производственного года потребили товары, как это показывает схема, стоимостью около 79.000.000, то промышленность потребления в течение производственного периода, предшествовавшего рассматриваемому нами первому году, произвела товары, по крайней мере, равные по стоимости этой сумме. Но для того, чтобы исследуемый нами процесс накопления удался, эта промышленность должна была бы в исследуемом нами первом году, т.-е. в следующем за этим году, произвести товаров приблизительно на 64.000.000, т.-е. наша картина, исполненная якобы прекрасной

гармонии, превращается в картину вытекающего отсюда сильного кризиса промышленности потребления.

Или, быть может, этот наш результат вытекает лишь из случайного подбора чисел?

Для того, чтобы ответить на это возражение, мы исследуем проблему накопления в самой общей форме, исследуя процесс в его непрерывности, т.-е. *не только, как до сих пор, в переплетении его частичных процессов, протекающих в смысле времени рядом друг с другом, но также и в переплетении его следующих друг за другом во времени частичных периодов.*

Прежде всего, мы изобразим алгебраически следующий процесс накопления. Новое производство второго года, из которого мы до сих пор знаем $C'_pV'_pC'_кV'_кC'_гV'_г$, производит товары со следующей стоимостью:

$$\begin{array}{l} \text{I. } C'_p + V'_p + M'_p \\ \text{II. } C'_к + V'_к + M'_к \\ \text{III. } C'_г + V'_г + M'_г \end{array} \qquad \text{при чем } \frac{M'_p}{V'_p} = m'_p,\ \frac{M'_к}{V'_к} = m'_к \text{ и } \frac{M'_г}{V'_г} = m'_г$$

Для третьего года накопления мы получаем $C''_pV''_pC''_кV''_кC''_гV''_г$. Мы получаем таким образом аналогично прежнему (см. уравнение 6):

$$8)\ \frac{C'_к}{C'_p} = \pi''_p \frac{1+\pi''_к}{1+\pi''_p} \cdot \frac{\pi'_к(1+\pi'_p m'_p) + 1 + \pi'_p + \frac{\pi'_p}{\pi''_p} \cdot \pi''_к m'_p + \frac{\pi'_p}{\pi''_p} m'_p A'(\pi''_p - \pi''_г)}{\pi'_к(1+\pi'_к) + \pi''_к \pi'_к m'_к + 1 + \pi'_к + \pi'_к m'_к + \pi'_к m'_к a'(\pi_г - \pi'_к)}$$

при чем m'_p, $m'_к$ и $m'_г$ означают новые нормы накопления и A' и a'' означают новые нормы накопления второго года. С другой стороны, из основных формул 1 и 2 получается

$$9)\ \frac{C'_к}{C'_p} \cdot \frac{C_p}{C_к} = \frac{(1+\pi_к+\pi_к m_к a)(1+\pi'_p)}{(1+\pi_p+\pi_p m_p A)(1+\pi'_к)}.$$

Оба эти уравнения, соединенные вместе, дают, если мы правую сторону уравнения 6) обозначим через Z и правую сторону уравнения 8) через Z':

$$10)\ \frac{(1+\pi_к+\pi_к m_к a)(1+\pi'_p)}{(1+\pi_p+\pi_p m_p A)(1+\pi'_к)} = \frac{Z'}{Z}.$$

Что же имеется своеобразного в этой формуле? *Прежде всего, что отношение между капиталами отдельных подразделений в ней не играет больше никакой роли и что таким образом получает ясное выражение переплетение следующих друг за другом периодов.* И что же показывает эта формула?

Мы видим, что в этом уравнении нормы накопления a и A зависят не только от уровня технического прогресса в первом и втором году, но даже и от уровня технического прогресса третьего года, ибо в выражении Z' имеются величины π''_p, $\pi''_к$ и $\pi''_г$. Т.-е. лишь третий год накопления показывает, был ли действительно правилен выбор норм накопления первого года. Иными словами, он показывает, что выбор этот весьма вероятно должен был быть неправилен, так как ведь капиталисты после образования нормы накопления сами не могли ни в коем случае даже при самой большой планомерности иметь представление о технических отношениях следующих периодов накопления. Но эта формула показывает также, как велика должна быть вероятность появления нового большого препятствия, ибо подобно нашему прежнему рассуждению мы теперь снова видим, что колебание норм накопления A' и a' второго года в выражении Z' могли вызвать лишь весьма малое колеба-

ние в величине правого выражения. Подобно тому как раньше это означало, что вероятность того, что величина $\frac{C_к}{C_p}$ является как раз необходимой, была ничтожна, так теперь уравнение показывает, насколько ничтожна вероятность того, что при избранных нормах накопления первого года, даже в случае, если первое накопление удастся, второе пройдет еще без всяких препятствий.

Но допустим, что выбор А и а был случайно произведен так, что уравнение дает возможные, т.-е. лежащие между 0 и 1, значения A″ и a″. Тогда удалось бы еще и накопление во втором году. Рассмотрим, однако, наше последнее уравнение 10), как выражение переплетения между вторым и третьим периодом, т.-е. поставим при всех его величинах еще одну черточку, и те же рассуждения будут пригодны также и при A‴ и a‴ и т. д. Но это, однако, означает не что иное, как то, что вероятность беспрепятственного накопления в ходе развития накопления при росте органического состава все более уменьшается, что опять-таки исторически означает не что иное, как то, что даже наиболее предусмотрительный, ведущий свое производство наиболее планомерным образом, гильфердинговский генеральный картель не мог бы накоплять беспрепятственно в течение продолжительного времени.

Исследуем, однако, этот вопрос еще детальнее: в приведенных до сих пор уравнениях имелась еще некоторая, хотя и становившаяся все менее значительной эластичность, выражавшаяся в том, что колебание нормы накопления в течение одного периода было возможно в весьма ограниченных пределах и не должно было безусловно привести к кризису в следующем году.

Но предположим теперь, что органический состав и норма прибавочной стоимости были бы одинаковы во всех подразделениях, и исследуем таким образом возможности равномерного развития во всех подразделениях. Оно было бы $\pi_p = \pi_к \pi_r = \pi'_p = \pi'_к = \pi'_r = \pi'$ и $m_p = m_к = m_r$. Тогда наша формула 6) переходит в:

$$11)\ \frac{C_к}{C_p} = \pi'$$

Что это означает? В то время как до сих пор в формуле 6) имелись выражения А и а, т.-е. определенным исторически данным отношением между постоянными капиталами соответствовали определенные нормы накопления, так что выражение $\frac{C_к}{C_p}$ должно было бы колебаться в весьма ограниченных пределах, теперь этого больше нет. Существует лишь одна единственная пропорция $\frac{C_к}{C_p}$, при которой возможно накопление при отношениях развития, данных выражением π', т.-е. существовавшая до сих пор лишь в весьма ничтожной степени вероятность вообще возможности накоплять при исторически данной пропорции $\frac{C_к}{C_p}$ становится равной 0.

Мы видим таким образом, что схематическое исследование строго математически подтверждает показанную Лениным необходимость неравномерного развития капитализма. Формула показывает неопределенность уравнений при гипотезе одинакового развития в обоих подразделениях, т.-е., что при равномерном развитии практически вообще не может существовать никакой

возможности беспрепятственного накопления: неравномерность развития является таким образом для капитализма единственной возможностью — хотя и шатаясь — продолжать свой путь в все более сужающихся, как это было уже показано, в различных отраслях производства накоплять в различном темпе, при различном органическом составе своих частей и скачкообразно.

Присмотримся теперь несколько ближе к правой стороне уравнения 6). Она является произведением из выражения $\pi'_p \frac{1 + \pi'_к}{1 + \pi'_p}$ и третьего сложного выражения, в котором появляются все другие величины; оно представляет собою не что иное, как выражение связи между всеми подразделениями и приближается с падением π'_p, $\pi'_к$, π'_r, π'_p, $\pi'_к$, π и $\pi_p\, m_p$, $\pi_к m$ π m π' m (последние величины вследствие падения нормы прибыли должны все время уменьшаться, так же как и выражение $\frac{1+\pi'_к}{1+\pi'_p}$ к пределу 1, так что величина π'_p, выражение величины органического состава группы 1, продолжает оставаться интегральной частью всего выражения. Мы назовем только что указанное третье выражение в виду того, что оно дает картину сцепления всех подразделений, коэффициентом сцепления.

Если мы теперь обозначим всю правую сторону уравнения 6) Z, а для следующего периода Z′ (уравнение 8), тогда мы получим уравнение (ср. 10):

$$12) \quad \frac{1 + \pi_к + \pi_к\, m_к\, a}{1 + \pi_p + \pi_p\, m_p\, A} = \frac{1 + \pi'_к}{1 + \pi'_p} \frac{Z'}{Z'}$$

правая сторона которого все больше приближается к пределу $\frac{\pi''_p}{\pi'_p}$ и зависит от величины роста органических составов.

Итак, величины A и a могут колебаться максимум лишь между пределами 0 и 1; левая сторона уравнения может поэтому колебаться лишь между величинами $\frac{1 + \pi_к}{1 + \pi_p + \pi_p m_p}$ и $\frac{1 + \pi_к + \pi_к m_к}{1 + \pi_p}$; эти пределы, как мы видим, приблизительно одинаково удалены как вверх, так и вниз от 1, так что средняя между возможными величинами равна приблизительно 1; напротив того, выражение вправо в общем будет меньше единицы, если возрастает органический состав, т.-е. вероятность, что выражения A и a не превратятся в 0, была бы максимальной, если бы выражение приблизительно равнялось 1. Эта вероятность уменьшается, когда оно колеблется; чем оно становится меньше, тем больше растет в особенности вероятность, что a не может стать больше, чем 0. Все это в свою очередь приводит к следующему результату.

При остающемся одинаковым органическом составе процесс накопления обнаружил бы самые ничтожные нарушения; он в своем шатании держался бы посередине между пределами, ограничивающими его путь с обеих сторон; но чем больше становится его неравномерность, чем более велико колебание в росте органического состава, тем больше увеличивается вероятность того, что он наткнется на один из пределов, и тогда наступит кризис.

Мы видим, что если выражение $\frac{Z'}{Z}$ перерастает определенный предел, то возникает препятствие в группе I, т.-е. A должно уменьшиться до 0 или стать еще меньше: если оно падает ниже определенного предела, то возникает аналогичное препятствие в подразделении II. Но так как он в общем скорее будет уменьшаться (потому что хотя коэффициент сцепления будет колебаться, но величина π'_p в общем будет становиться все меньше), то таким образом внутри двухсторонних моментов кризиса растет все более тенденция к кризису в группе II.

Колебание же выражения $\frac{Z'}{Z}$ есть лишь следствие эмпирического факта, что капитализм не только в своих отдельных подразделениях, но также и в целом должен развиваться неравномерно: но рассмотрение формул показывает даже, что само колебание есть лишь неизбежное следствие неравномерности в отдельных подразделениях. Когда же именно выражение $\frac{Z'}{Z}$ может стать больше 1 и таким образом Z может увеличиться? Когда оно может стать ниже 1 и когда Z должно уменьшиться? Прежде всего Z уменьшается, когда органический капитал в группе I возрастает; Z увеличивается, когда $\pi'_к$ и $\pi'_к m'_к$ уменьшаются при постоянстве остальных величин, когда, следовательно, имеется рост органического состава и вытекающее отсюда падение нормы прибыли в группе II.

Мы видим таким образом, что неравномерность развития в отдельных подразделениях, неизбежность которой мы уже раньше показали, должна сама снова превратиться в неравномерность всего развития. Но последнее, неравномерность которого обозначена колебанием величины $\frac{Z'}{Z}$, заставляет — как показано раньше — всю систему периодически натыкаться на свои пределы.

Но это взаимодействие проявляется еще и в другом отношении. Когда, напр., группа I будет прежде всего стремиться к тому, чтобы увеличить свой органический состав? Несомненно, после наступившего нарушения она будет пытаться добиться преодоления кризиса на этом пути; но этим она лишь кладет основу для нового обостренного кризиса в группе II, ибо, как мы видели, уменьшение $\pi'_р$ означает почти неизбежное в одном из ближайших циклов колебание в другую сторону, т.-е. накопление группы II натыкается на свои пределы.

Таким образом схематическое исследование показывает нам проходящее через весь капиталистический процесс взаимодействие между его неравномерным развитием, кризисными нарушениями накопления: с одной стороны, он должен неравномерно развиваться в отдельных подразделениях (мы показали, что это для него представляет единственную возможность для того, чтобы вообще накоплять), и поэтому органический состав его частей изменяется, колеблясь и скачкообразно; с другой стороны, однако, и средний органический состав всего капитала именно вследствие неравномерности отдельных подразделений, может лишь колебаться и скачкообразно увеличиваться—при чем периодически возникающая замена постоянного капитала должна придавать периодичность этим колебаниям. Но вследствие этого, с другой стороны, неравномерность развития, бывшая недавно еще предпосылкой накопления, должна превратиться в величайшее препятствие для беспрепятственного хода процесса накопления. Возникающие в результате этого моменты кризиса со своей стороны еще более обостряют неравномерность этого развития и приводят таким образом ко все более обостряющемуся неправильному ходу общего процесса.

Мы таким образом видим ряд взаимно друг друга вызывающих и обусловливающих моментов кризиса. Однако общей чертой всех их является то, что они возникли на базисе роста органического состава.

Но до сих пор мы делали предположение, правильность которого мы должны еще проверить, а именно, что рост органического состава вытекает лишь из роста технического прогресса. Точно также до сих пор рост нормы прибавочной стоимости обусловливался лишь обесценением рабочей силы, процессом, который сам называется повышением производительности труда, важнейшим явлением, сопровождающим технический прогресс. Следствием

этих гипотез прежде всего было то, что мы до сих пор должны были рассматривать это развитие как нечто регулируемое не непосредственно капиталистами, что и должно было вызвать все перечисленные препятствия.

Но у капиталистов имеется средство, сознательно, планомерно и равномерно увеличивать органический состав, — иными словами, увеличивать норму прибавочной стоимости; этим средством является интенсификация труда.

К каким же результатам мы пришли бы, если бы мы приняли в качестве основы роста органического состава, а также и роста прибавочной стоимости, не технический прогресс, а интенсификацию труда? Тогда обнаружилось бы, что среди отношений капиталистической анархии, при которых совершается это развитие, проявились бы, как и раньше, все препятствующие моменты (все наши формулы сохраняют таким образом свое значение!). Но капиталисты имели бы большую возможность ослабить эти препятствия или же впоследствии их преодолеть, так как они именно посредством этих методов, по большей части подчиненных их сознательной воле, получили бы в свои руки регулирующую силу, средство, которое является для них тем более неизбежным, чем более с развитием капитализма уменьшается эластичность процесса накопления и тем самым увеличивается тенденция к кризисам. Этот факт является также об'яснением того, почему как раз теперь, в эпоху послевоенного капитализма, тенденция к интенсификации, постоянно сопровождавшая технический прогресс, уже превзошла его и стала характернейшим моментом современной рационализации: интенсификация труда означает попытку капиталистов достичь повышения органического состава посредством этого, кажущегося более легко регулируемым, метода вместо того, чтобы добиться этого увеличением производительных сил, лишь с трудом поддающихся регулированию, которые должны подвергнуть все здание постоянно все более и более возрастающим потрясениям.

Но здесь снова одно противоречие диалектически переходит в другое; как раз эта тенденция к интенсификации, которая связана с тенденцией тормозить технический прогресс, должна со своими неизбежными результатами для жизненного уровня рабочих наткнуться на увеличение сопротивления со стороны пролетариата; и таким образом каждая попытка капиталистов посредством этой формы рационализации к планомерному и сознательному преодолению растущих препятствий и все яснее становящихся пределов для процесса накопления должна найти свой предел в сознательной борьбе пролетариата против капиталистической рационализации.

Но, — мог бы сказать реформистский теоретик — быть может, капитализму все-таки удастся в ходе своего развития овладеть ростом производительных сил; быть может, ему удастся планомерно и сознательно регулировать рост технического прогресса и устранить его колебания? Не исчезнут ли тогда все указанные тенденции к нарушению накопления? Не может ли тогда начаться огромное возрастание производительности без того, чтобы найти свой предел.

Но наши философы заставили бы его сильно разочароваться. Ибо если мы даже предположим, что производительность возрастала бы равномерно и не делала бы никаких сумасшедших скачков; если мы даже предположим, что мы будем иметь равномерное развитие, т.-е. равный органический состав во всех подразделениях, и что этот последний также равномерно стал бы возрастать и что капиталисты были бы в состоянии постоянно и планомерно удерживать достигнутую на основании нашей схемы гармонию, — то куда привело бы это развитие?

При этих наиболее благоприятных для капиталистов предположениях формула 12) приняла бы следующий вид:

$$13)\ \frac{1+\pi+\pi\ m\ a}{1+\pi+\pi\ m\ A}=\frac{\pi''}{\pi'}$$

При гипотезе постоянного роста производительности выражение $\frac{\pi''}{\pi'}$ является для всех периодов накопления величиной постоянной и меньшей 1. Мы назовем его $\frac{1}{k}$, при чем k больше 1. Тогда действует, в виду того, что $\frac{\pi m}{1+\pi}=p$ (норма прибыли)[1]), уравнение: $k-1=p\ (A-ka)$.

Левая часть постоянно и всегда больше 0. Напротив того, p стремится к своему предельному значению 0; уравнение таким образом может существовать лишь в том случае, если (A — ka) постоянно растет; это может в течение некоторого времени вызываться ростом A; однако в конце концов a должно было бы все больше падать и именно стать ниже 0 и, наконец, в возрастающей степени превращаться в отрицательную величину.

Это, однако, означает не что иное, как то, что, поскольку k остается постоянным и не уменьшается, отмеченная уже тенденция к образованию кризиса во II должна, все более возрастая, превратиться в длительный кризис во II, *который в конце концов должен сделать невозможным всякое накопление.*

Это показывает не только, как мы указали в полемике против Гроссмана, что постоянный темп накопления или постоянно увеличивающееся рабочее население исключают длительное накопление и что поэтому оно не может существовать длительно, но что *даже постоянно увеличивающий технический прогресс и накопление не могут существовать в течение долгого времени рядом, так что для того, чтобы иметь возможность накоплять, капиталисты должны все в более растущей мере обнаружить тенденцию всеми силами затормозить развитие производительных сил.*

Таким образом наше исследование подтверждает также и то явление, которое Ленин подчеркнул в качестве особенно характерного для последнего этапа капитализма, а именно тенденции монополистического капитализма к искусственной задержке технического прогресса. Ленин пишет об этом в своем «Империализме»: «В той же мере, в какой хотя бы и временно лишь вводятся монопольные цены, исчезает до известной степени стимул к техническому и, следовательно, ко всякому другому прогрессу, к движению вперед; в этой же мере возникает также и экономическая возможность искусственно задержать технический прогресс».

Резюмируем теперь наши результаты:

1. Неизбежные и постоянно нарушающие моменты, препятствующие накоплению благодаря невероятности возможности сохранения необходимых пропорций.

2. Возрастающие, периодически наступающие, нарушающие моменты, которые в виду незнания технического уровня следующих периодов должны вести ко все возрастающей вероятности к кризисам.

3. Невозможность равномерного развития капитализма в отдельных отраслях производства.

4. Превращение этого неравномерного развития в скачкообразность общего развития.

---

[1]) Норма прибыли $=\frac{M}{C+V}=\frac{C\pi m}{C+C\pi}=\frac{\pi m}{1+\pi}$.

5. Превращение последнего в новые обостренные факторы кризиса.

6. Тенденции и методы преодоления кризиса в одном подразделении создают основу для проявляющихся в следующие периоды кризисов другого подразделения.

7. В рамках этих тенденций возрастет вероятность кризисов в производстве предметов массового потребления.

8. Схема делает наглядной необходимость для капиталистов: a) увеличивать эксплоатацию, b) замедлять рост рабочего населения, c) все более замедлять по мере своего более высокого развития темп накопления так же, как и рост технического прогресса (тенденция к застою).

9. В рамках капиталистической рационализации интенсификация труда должна все больше брать верх над техническим прогрессом.

В противоположность результатам прежних исследований от Люксембург до Гроссмана, которые мы критиковали и которые стремились показать либо гармонию, либо абсолютную невозможность накопления, мы пришли к результату совершенно иного рода; *не гармония, а возрастающий, неизбежно усиливающийся диалектический процесс нарушений, противоречий и кризисов — но также и не абсолютная, чисто-экономическая невозможность накопления, а постоянное взаимодействие между преодолением кризисов и их воспроизводством на более высоком уровне вплоть до взрыва схемы пролетариатом*,— таковы результаты, которые нам дает исследование схематической трактовки проблемы у Маркса.

Мы пытались показать, какую чрезвычайную ценность имеет этот марксов метод постановки проблемы, конечно, поскольку он понимается так, что он и представляет на деле, он есть, а именно, как научно-вспомогательное средство исследования. *И мы также пытались показать, что точное исследование схемы даже и при предположении о росте органического состава капитала не должно вести, как это имеет место в прежних дискуссиях, к ревизии марксизма, а, наоборот, к наглядному изложению основных законов и основных тенденций капитализма в том виде, как нас учили Маркс и Ленин.*

К проблеме мирового хозяйства.

(Методологические заметки).

Н. Цаголов.

Вопросы мирового хозяйства становятся за последние годы все чаще и чаще об'ектом теоретических изысканий. Вместе с тем, как расширяется об'ем конкретной литературы и исследований по отдельным сферам мировой экономики, все с большей остротой вырастает необходимость их научно-теоретического осознания и включения в теоретическую систему. В ответ на эту потребность мы имеем появление целого ряда работ в Западной Европе и у нас, посвященных как теоретическим вопросам отдельных проблем мирового хозяйства, так и методологическому рассмотрению вопроса о природе мирового хозяйства как об'екта экономической науки.

К анализу исследуемой проблемы мы имеем самые различные подходы. Самые различные признаки фиксируются как конституирующие моменты понятия мирового хозяйства. Мы встречаем и чисто-географическое определение мирового хозяйства, и определение его по правовому признаку, определения, которые непосредственно не базируются на данном типе производственных отношений, и, с другой стороны, определения, рассматривающие мировое хозяйство как определенный исторический этап капитализма.

Рассмотрение вопроса об исторических границах и наиболее существенных логических компонентах мирового хозяйства составляет задачу настоящей работы.

* * *

Проблема мирового хозяйства, как и всякая проблема социального порядка, не может быть ни под каким видом решаема абстрактно, вне анализа тех изменений производственных отношений, которые имеют место в ходе исторической динамики.

Буржуазная политическая экономия, как бы она ни апеллировала к абстрактному человеку с его природной психикой, к экономическому человеку вообще, является детищем капитализма и все абстрактные модели хозяйствующего суб'екта с его естественно-хозяйственным расчетом списаны с исторически данного типа хозяйствующего капиталиста. Попытка анализа абстрактного мирового, народного или единичного хозяйства и бесплодна и неосуществима так же, как и попытка выведения экономических законов из поведения и мотивизации абстрактного экономического человека.

Абстракция всегда конкретна. Она взята всегда от исторически-конкретного феномена, иначе она превращается в пустую фразеологию. Анализ мирового хозяйства возможен только, как анализ хозяйства с определенным типом производственных отношений; в противном случае дело сведется к констатации столь же общих, сколь и бессодержательных моментов.

В самом деле, закономерно, повидимому, во всяком случае, на первый взгляд дать определение мировому хозяйству как сумме хозяйств земного шара. Это было бы самым общим, но в то же время и самым бессодержательным определением, ибо оно ничего не говорило бы о том: 1) что представляют собой эти хозяйства, 2) в каком отношении они находятся друг к другу и 3) по какому признаку мы об'единяем их в такое единство, как мировое хозяйство.

Последний вопрос, вопрос о критерии синтезирования в некий монолит, повидимому, представляет наибольший интерес, ибо он, пожалуй, включает в своем ответе и первые два, во-вторых, определяет также и цель научного познания или, если последнее выражение звучит с оттенком телеологизма, тот аспект, под углом зрения которого данный об'ект исследуется. Ясное дело, что и признаки должны браться не произвольно, а должны определяться природой и логикой самого об'екта, ибо только в этом случае исследование будет не упражнением мыслящего суб'екта, а отражением реальной действительности.

* * *

Проблемы мирового хозяйства находятся в тесной связи с учением о международной торговле.

Больше—для целого ряда исследователей эти две проблемы представляются совпадающими, покрывающими одно другое.

Но нужно заметить, что в той мере, в какой само понятие мирового хозяйства, в той же мере и термин международная торговля не является определенным. Различные авторы придают ему не одно и то же значение. Круг вопросов, который охватывается отдельными авторами, под этим общим названием не является также строго очерченным. Для одних этот термин исчерпывается понятием внешней торговли страны, ввозом и вывозом товаров, для других термин международная торговля охватывает и явления, связанные и сопутствующие внешней торговле, и, наконец, для третьих международная торговля (International trade) включает совокупность всех вопросов, возникающих на почве хозяйственного общения между отдельными странами.

Первый вид понимания международной торговли свойственен по преимуществу русской, правда, небогатой по этому вопросу, литературе. Во втором смысле употребляется он, главным образом, в немецкой литературе. Для англо-американской (и части немецкой) литературы характерно широкое толкование этого термина (International trade, Aussenhandel), как понятия, включающего всю сумму экономических феноменов, возникающих у пограничных столбов отдельных народных хозяйств.

Правда, если англо-американская литература охватывает больший диапазон вопросов под термином международная торговля (International trade), то, с другой стороны, в литературе русской, а в особенности, и в первую очередь, в немецкой, делаются энергичные попытки создания особой науки о мировом хозяйстве (Weltwirtschaftslehre), науки, которая, вырываясь за тесные рамки учения о внешней международной торговле (Aussenhandel), дала бы систематизированное знание всего комплекса экономических явлений, обязанных своим генезисом факту хозяйственной связи самостоятельных национальных, народных хозяйств (Volkswirtschaft).

В этом отношении представляет наибольший интерес немецкая экономическая литература, которая уже значительное время бьется над разрешением вопроса о предмете мирового хозяйства (Weltwirtschaftslehre) и пытается дать методологическое обоснование новой науке. Немецкая литература о мировом хозяйстве в основном рассматривает это учение, как нечто

совершенно новое, как учение, призванное об'яснить экономические явления, которые суть продукт последних десятилетий.

Из этого положения делается вывод, что учение классиков о внешней торговле (foreign trade) не имеет никакого касательства к учению о мировом хозяйстве и иметь не может: ведь само мировое хозяйство продукт новейшего времени.

Предметом анализа классиков, по их мнению, была идеально сконструированная «Universalökonomie», которая ничего общего не имеет с современным мировым хозяйством.

В прямую противоположность этому вся основная группа англо-американских экономистов, занимающнхся данным кругом явлений, в общем беззаботна по части методологических вопросов и чрезвычайно кропотливо продолжает положительную разработку учения классиков по вопросам внешней международной торговли (foreign, Intern. trade), не интересуясь, повидимому, проблемой отношения «Universalökonomie» и мирового хозяйства [1]).

Вопрос о предмете мирового хозяйства одной стороной превратился в дискуссию о значении учения классиков о внешней, международной торговле, развернувшейся в немецкой литературе и нашедшей отклик также и у нас. Так как дискуссня эта представляет значнтельный методологнческий интерес как для вопроса о предмете мирового хозяйства, так и для места теории международной торговли в экономической науке, мы остановимся на ней.

Полемика началась с тезиса Гармса о том, что учение классиков о международной торговле не имеет почти ничего общего с реальным мировым хозяйством и с наукой о мировом хозяйстве [2]). Иначе говоря, построение классиков есть чисто-логически политическая конструкция, не имеющая познавательной ценности для учения о мировом хозяйстве.

Бэлер [3]), выступивший с критикой и опровержением этого тезиса Гармса, указывает на то, что, если у классиков и не было самого термина мирового хозяйства, то тем не менее они ясно видели различные закономерности, свойственные внутрннароднохозяйственным и внешнехозяйственным экономическим явлениям. Хотя понятие народного и мнрового хозяйства у классиков и не коррелятивны, продолжает Бэлер, тем не менее их учение о международных экономических явлениях основано на изучении действительно имеющих место явлений, а не на сконструированном хозяйственно-политическом идеале «Universalökonomie», который остался для классиков чисто-идеальным построением.

Он верно замечает, что система классиков выросла в борьбе с меркантилизмом, потому зачастую торгово-политические аргументы заслоняли собой теоретический анализ явлений международной экономикн как таковой.

Ложная переоценка меркантнлизмом внешней торговли привела Смита к необходимости доказать неверность выведения прибыли из обращения как во внешней, так и во внутренней торговле. Из отождествления этих двух сфер при рассмотрении вопроса о прибыли получается впечатленне, будто бы Смит не различал внешней и внутренней торговли, как явлений особого порядка.

Но Рикардо уже прямо и недвусмысленно говорит об изменении закона

---

[1]) См. работы Griffin'a, Principe of foreign trade и Taussig-International trade.

[2]) Harms, Volkswirtschaft u. Weltwirtschaft, Jena, 1920, S. 11, «Was heute wir Weltwirtshaft neunen steht mit «Universalökonomie» der klassischen Literatur nur in sehr losem Zusammenhang». Это мнение разделяет S. v. Waltershausen, см. его Einführung in das Stud. d. Weltwirtschaft, S. 89.

[3]) Böhler, Der klassische Begriff der Weltwirtschaft, «Weltwirschaftliches Archiv» 1925, Bd 22, H. I.

ценности на внешнем рынке, т.-е. в отношениях между отдельными народными хозяйствами закон ценности претерпевает модификацию. Осуществлению закона ценности в международной торговле противодействуют возмущающие обстоятельства.

Далее,— указывает Бэлер,—Милль ввел закон уравнения международной ценности («Gesetz des Ausgleichs der internationalen (weltwirtschaftlichen) Werte» [1]).

Наконец, Кэрнс, продолжает он, дал методологическое обоснование классическому учению о мировом хозяйстве [2]).

Бэлер пытается отметить отсутствие различий между классическим пониманием и пониманием Гармса в том смысле, что в первом и во втором случае мы имеем базу в исторических специфических особенностях народно- и мирохозяйственных отношений, в факте наличия особых закономерностей в этих различных областях и в ограничении этих двух самостоятельных об'ектов познания (Erkenntnisobjekt) [3]).

Но он видит существенную разницу в формулировке и обосновании (Begründung) понятия.

Тогда как Гармсово обоснование носит формально правовой характер, классики, по мнению Бэлера, дают материально-хозяйственное различие народно-хозяйственных и мирохозяйственных отношений [4]). Кроме того, Гармсов подход уступает классическому и потому, что, вместо того, чтобы показать, «как вследствие различий правового порядка отдельных стран свободный оборот между единичными хозяйствами этих стран затрудняется и какие хозяйственные последствия получаются вследствие этих правовых препятствий, он пытается исследовать, как вследствие интернациональных договоров становится возможным мирохозяйственный оборот. Это, конечно, имеет для об'яснения развития мирохозяйственных отношений решающее значение, но для обоснования гетерономности народного и мирового хозяйства должны были быть выдвинуты, как раз наоборот, моменты, которые препятствуют междугосударственному обороту, так что хозяйственный процесс протекает за границей иначе, чем хозяйственный процесс внутри границ» [5]).

Классики же дают экономическое обоснование и привлекают правовые моменты не так, как это делает Гармс, а постольку, поскольку они важны для экономических явлений [6]). Вместе с тем, классики не делают того чисто-политического деления, которое затруднит Гармсу понимание тех отношений, которые возникают между колонией и метрополией, тогда как их особенность была уже ясна классикам, в частности Кэрнсу, который специально останавливался на этом вопросе [7]).

«Классики—совершенно отвлекаясь от их хозяйственно-политического идеала (Universalökonomie)—не только признавали разнородность (Heteronomie) народного и мирового хозяйства, но также ясным образом, понятно, разграничили эти оба комплекса отношений и обосновали правомерность самостоятельной теории мирового хозяйства» [8]).

Против позиции Бэлера и в защиту Гармса выступил Кочниг. Он говорит, что рассмотрение того или иного положения, того или иного направле-

[1]) Böhler, цит. соч., стр. 6.
[2]) Там же, стр. 7.
[3]) Там же, стр. 10.
[4]) Там же, стр. 10.
[5]) Там же, стр. 11.
[6]) Там же, стр. 14.
[7]) Там же, стр. 15.
[8]) Там же, стр. 16.

ния в науке невозможно без выяснения метода и всего миросозерцания его, которое влияет и на ограничение об'екта исследования [1]).

Ко всякому исследованию, претендующему на роль исследования мирохозяйственного порядка, должны быть пред'явлены два основных требования: 1) чтобы было доказано, что мирохозяйственные законы действительно отличны, особенно, чтобы эти законы не были значимы для чисто-народнохозяйственных процессов, 2) чтобы эти законы были мыслимы, не настолько совпадающими с действительностью, чтобы из них можно было делать хозяйственно-политические выводы в смысле абсолютной свободы торговли.

Кэрнс, по мнению Кочнига, не выполняет этих требований, так как он, во-первых, считает, что абсолютная подвижность капитала и труда не существует даже в пределах народного хозяйства, что и здесь даже возможно нарушение закона конкуренции в силу того, что некоторые индустриальные группы могут оказаться в благоприятных или неблагоприятных условиях, которые не могут быть сняты. Следовательно, аналогичные условия возможны и для народного, и для мирового хозяйства. Следовательно, нет твердого водораздела между явлениями мирохозяйственного и народохозяйственного порядка. Поэтому и процесс ценообразования можно мыслить одним и тем же.

Наконец, указывает Кочниг, классическую теорию можно было бы скорее «назвать теорией международной торговли, так как аксиома о неподвижности капитала и труда ограничивает фактически исследование торговыми отношениями, в то время как современное понятие мирового хозяйства обращает наибольшее внимание на перемещения труда и капитала» [2]).

Кочниг устанавливает далее связь чисто-теоретического анализа классиков с хозяйственно-политическим идеалом и требованиями их [3]).

Связь эта не нуждается в особых доказательствах, однако, по нашему мнению, раскрытие этой греховной связи теории с политикой отнюдь не уничтожает самостоятельного теоретического значения их учения. Что их теоретическим учением можно было обосновать ту или иную политическую доктрину, это отнюдь не решает вопроса об ее теоретической ценности и не лишает самостоятельного теоретического значения.

«Глубокий клин лежит между классическим пониманием мирового хозяйства и современной его концепцией», — говорит Кочниг [4]). И он верно видит отличие современной науки о мировом хозяйстве от классической в отличие методов. Метод Гармса он передает его же словами. Гармс говорит, что «с простыми экономическими категориями—ни народное хозяйство, ни мировое хозяйство не могут быть схвачены ни в существе, ни в понятии» [5]). Необходимо рассмотрение вопроса с историко-правовой точки зрения, тогда как классическое учение было чисто-теоретически абстрактным.

«Различие методов так же, как специфичность методов обусловленного характера результатов, указывает с ясностью опять-таки на различие лежащих в основе об'ектов исследования (Untersuchungsobjekt). Что дает анализ классического и современного понятия мирового хозяйства,—это установлено через противопоставление методов и результатов обоих направлений — так это несоединяемость классического понимания с современным. В то время, как классики надеялись в своей теории интернациональной торговли схватить основы универсально-экономического порядка (Universalökonomischen

---

[1]) Kotschnig, Weltwirtschaft und Universalökonomie, «Weltwirtschaftliches Archiv» 1925, Bd 22, H. II, S. 204.

[2]) Там же, стр. 211.

[3]) Там же, стр. 213.

[4]) Там же.

[5]) Harms, Weltwirtschaft und Weltwirtschaftsrecht, 1924, S. 14, цит. по Kotschnig'y, цит. соч., стр. 213.

Ordnung) человеческого хозяйства, стремление современного исследования заключается в освещении исторически обусловленной конкретной картины, которую он назвал мировым хозяйством» [1]),— так заканчивает свою работу Кочниг.

В нашей литературе этот вопрос рассматривает А. Угаров, считающий неверной оценку позиции классиков как Гармсом, так и Бэлером. Однако из анализа этого вопроса Угаровым можно усмотреть лишь то, что Угаров в данном вопросе стоит по существу на позициях Гармса—Кочнига. В самом деле послушаем, как Угаров характеризует классиков: «Экономический человек, движимый лишь узко-эгоистическим интересом, не стесняемый в своей деятельности никакими конкретно-историческими рамками, персонифицированный носитель безличной силы капитала, властно требующий «свободы торговли» или «свободы своего собственного движения», выступает на сцену. Весь мир рассматривается как внешнее поле неустанной деятельности капитала. Перед нами космополиты-классики. Для них «мировое хозяйство»—система производственно-меновых связей в мировом масштабе, возникающая в результате *беспрепятственного действия законов ценности* и накопления и служащая необходимой предпосылкой их полной реализации» [2]) (Курсив наш. *Н. Ц.*).

Прежде всего, по поводу этого монолога нужно заметить, что содержание его есть своего рода конструкция А. Угарова, а не изложение классической доктрины.

В самом деле, не кажется ли странным утверждение, что классики видели на мировой арене «беспрепятственное действие законов ценности и накопления». Ведь весь теоретический смысл исследования классиков по вопросу о международной торговле заключался как раз в обратном—в том, чтобы показать модификацию [3]) закона ценности *при отсутствии* «беспрепятственного действия закона ценности», что именно и характерно для внешних меновых связей.

Во-вторых, Угаров стоит, по нашему мнению, на позиции Гармса и Кочнига еще и потому, что он полагает, что «абстрактно-теоретический аспект» классиков вносит элемент утопии в их учение. А так как абстрактно-теоретический аспект есть единственный аспект у классиков, то мы вынуждены продолжить рассуждение Угарова и сказать, что их учение (утопия) построено на идеально-сконструированном понятии, то-есть повторить сказанное Гармсом и Кочнигом.

При рассмотрении взглядов Кэрнса Угаров пишет: «Удалось ли К. (Кэрнсу. *Н. Ц.*) обосновать принципиально особую природу явлений международной торговли? Думается, что нет, и вот почему» (стр. 36, цит. соч.): ««Международная торговля», по сравнению с «внутренней торговлей», не содержит в себе принципиально новых элементов» (стр. 37).

А еще ниже:

«Всем сказанным мы не хотим ослабить серьезного значения для проблемы «мирового хозяйства» исследования К. о формах проявления закона ценности во взаимных отношениях «народных хозяйств» (стр. 37).

Однако сопоставление ряда суждений А. Угарова приводит к сомнению в серьезном их значении для проблемы мирового хозяйства. В самом деле: основной тезис А. Угарова заключается в том, что проблема мирового хозяй-

[1]) Kotschnig, цит. соч., стр. 221.

[2]) «Проблема мирового хозяйства», «Вестник Коммунистической Академии» за 1927 год, № 23, стр. 26.

[3]) «Закон, регулирующий относительную стоимость товаров в одной стране, не регулирует относительную стоимость товаров, обмениваемых между двумя или большим числом стран». Рикардо, Начала политической экономии, Гиз, М.—Л. 1929 г., стр. 86.

ства качественно, принципиально специфична, поэтому политическая экономия не может быть той наукой, которая изучает мировое хозяйство.

Теперь оказывается, что закон «внутренней торговли» принципиально таков же, как и закон «международной торговли» мирохозяйственного обмена.

Противоречие очевидно. Противоречия, однако, можно было бы избежать, хотя бы формально заявив, что теория «международной торговли» не имеет отношения к проблеме «мировое хозяйство».

Однако Угаров сам декларирует, что он не хочет «ослабить серьезного значения для проблемы «мирового хозяйства» исследования Кэрнса о формах проявления закона ценности во взаимных отношениях «народных хозяйств»» (стр. 37. Разрядка наша. *Н. Ц.*).

Следовательно, основной вопрос, закон международной ценности, оказывается об'ектом мирохозяйственного порядка. Правда, Угаров бросает упрек и Кэрнсу, а главным образом Рикардо, в том, что всей гаммы вопросов «международной торговли» в ее реально-исторических формах—образования мирового рынка, мировых цен, конкретной борьбы, ее пружин, эксплоатации «передовыми» капиталистическими странами стран колониальных и докапиталистических стран вообще, «сверхприбыли», извлекаемой передовыми технически государствами из мировой торговли, «поощрительных мероприятий», экспортных премий, таможенных рогаток—он по-просту не касается» (стр. 33—34) [1]).

Верно, что всей гаммы ни Рикардо, ни кто-либо другой из классиков не касается. Но не верно, что они не касаются всех вопросов.

Разве можно сказать, что Милль не пытался обосновать закон международной цены и определить влияние конкуренции? Нам представляется также, что классики видели и сверхприбыль, которую извлекают технически передовые государства, но они выражали ее в другой, более абстрактной форме [2]).

Правда, они не анализировали отношений капитализма к некапиталистической среде, поощрительных мероприятий и рогаток, но игнорирование последних не может быть поставлено в вину их абстрактно-теоретическому анализу, так как то сращение экономики и политики, которое имеет место в эпоху империализма, не характерно для той эпохи.

Что же касается игнорирования классиками отношений капиталистических стран и некапиталистических, то оно вполне об'яснило их внеисторической точкой зрения на экономические явления.

Ложный взгляд на метод классиков приводит Угарова к противоречивым утверждениям. С одной стороны, подобно Гармсу и Кочнигу он считает теорию классиков не имеющей никакого отношения к учению [3]) о «мировом хозяйстве», с другой—он говорит о важном значении их теории для мирового хозяйства.

В данном вопросе Угарова, повидимому, также смущает связь теоретической концепции классиков с их торгово-политическими взглядами. Мы уже выше указывали, что наличие этой связи не может быть инкриминируемо классикам как основание недостаточности их теории. Классическая школа—провозвестник развивающегося промышленного капитализма Англии — пред-

---

[1]) Как известно, у Маркса все эти проблемы также не фигурируют, тем не менее Угаров в другом месте считает, что у Маркса уже раскрыта природа мирового хозяйства.

См. Угаров, Постановка проблемы мирового хозяйства в марксистской литературе, «Мировое Хозяйство и Мировая Политика» 1927 г., № 12.

[2]) Конкретное рассмотрение анализа классиками этой и ряда других проблем международных экономических отношений выходит за рамки данной работы. К ним мы надеемся вернуться в специальной работе.

[3]) А. Угаров, цит. соч., стр. 27.

ставляла себе условия его развития. Их абстрактно-теоретический анализ был отражением реальных условий современности. Их абстракция не была надуманной, а соответствовала предмету исследования. Каковы основные предпосылки классиков для исследования международной торговли (foreign, International trade): 1) подвижность товаров, 2) неподвижность труда и капитала, производящих эти товары. Соответствует ли эта абстракция действительности их времени. Совершенно очевидно, что соответствует.

И если теперь Кочниг декларирует, что не доказан тезис классиков (Кэрнса) об абсолютной подвижности труда и капитала в пределах страны и абсолютной неподвижности их между странами, и на этом основании делает «убийственные» для классиков выводы, то это говорит лишь о том, что Кочниг не понял их метода. В самом деле, отрицали ли классики возможность неподвижности труда и капитала в пределах страны или возможность движения их между странами? Конечно, нет. Но что в их пору было характерно для этих сфер? Для первого—подвижность, для второго—наоборот, неподвижность. Этот характерный момент они брали за основу своих исследований. элиминируя в теоретическом анализе то, что не свойственно каждой из этих сфер. Здесь есть лишь последовательно проведенный абстрактно-теоретический метод, исследующий не фиктивное «Universalökonomie», а реальный экономический феномен.

Отрицание преемственности современного учения о мировом хозяйстве с учением классиков чрезвычайно оригинально обосновывается Кочнигом в вышецитированных положениях. В самом деле, что говорит Кочниг? 1) Метод классиков отличен от метода современного учения о мировом хозяйстве, 2) различие методов неизбежно приводит и к различию результатов исследования. Из этих двух посылок он делает вывод, что 3) следовательно, и об'ект исследования различен.

По поводу вывода нужно прежде всего заметить, что, ясное дело, классики не могли и не рассматривали всей суммы тех проблем, которые разрабатываются сейчас, уже потому, что этих проблем реально не существовало почти еще. Но это говорит лишь о количественной ограниченности учения классиков, но отнюдь не о том, что в поле их зрения не были проблемы мирового хозяйства.

Мы абсолютно согласны с обеими посылками, но полагаем, что из этих посылок отнюдь не вытекает тот вывод, который делается Кочнигом. Ибо наличие различных методов и различных результатов исследования не является доказательством различия об'екта. Такой вывод можно было бы сделать лишь в том случае, если полагать, что рассматриваемые методы одинаково правомерны, правильны. Как раз на этой молчаливой предпосылке построен силлогизм Кочнига. Поэтому он не затрудняется делать этот вывод. Если различны методы, если различны результаты, то, при предпосылке правильности метода, совершенно очевидно следует вывод, что различны об'екты. Но если подвергается сомнению основная молчаливая предпосылка, если падает эта предпосылка, тогда падает и следствие, которое декларирует Кочниг.

Совершенно очевидный отход школы Гармса, последователем которой является Кочниг, от экономического метода исследования экономических же явлений, на основе которого стояли классики и который остался непонятным для большинства представителей буржуазной политической экономии, и замена его формально-юридическим преподносится Кочнигом как различие об'ектов исследования. И он в известной мере прав—поскольку выбор метода не произволен, с одной стороны,—с другой стороны, обязывает к рассмотрению определенного круга проблем, во всяком случае к вовлечению их в круг

анализа. Формально-юридическая концепция Гармса пытается понять мировое хозяйство на основе тех норм, которыми регулируется мировой оборот. Тем самым отрицается внутренняя закономерность экономических процессов. Однако и народное хозяйство мыслится Гармсом тоже формально-юридически. В самом деле, что он понимает под народным хозяйством (Volkswirtschaft), что он считает конститутивным признаком его?—1) наличие единичных хозяйств и 2) об'единение их одним и тем же правопорядком [1]; народное хозяйство (Volkswirtschaft) не есть реальное целое, а только абстрактное понятие отношений между конкретными частями» [2].

Равным образом конструируется и определение мирового хозяйства. Последнее он определяет следующим образом: «Мировое хозяйство есть совокупное понятие (der gesamte Zielbegriff) отношений (Beziehungen) и взаимодействие между единичными хозяйствами мира, ставшее возможным вследствие высокоразвитого оборота (Verkehrswesen), регулируемого и поддерживаемого государственными международными договорами» [3].

Еще резче он подчеркивает далее то положение, что определение понятия как мирового, так и народного хозяйства базируется именно на правовом источнике, что только в силу наличия определенного правового порядка мы можем оперировать этими понятиями.

Совершенно очевидно, что о тождестве методов классиков и Гармса не может быть речи, но, однако, и там и здесь задача заключается в уяснении явлений одного и того же порядка. Правда, Гармс видит причину и источник их в праве, классики—в материальном процессе производства и его условиях. Вследствие этого у каждого из этих направлений свой центр тяжести исследования. Тогда как классики стремятся к выведению экономических закономерностей, Гармс занят больше международными договорами.

Мы не можем согласиться и с мнением Бэлера о том, что у классиков мы имели уже разработанную теорию мирового хозяйства уже по одному тому, что их время еще есть время большей национальной замкнутости капитализма, который имел еще девственную почву на родных, отечественных нивах. Тем не менее, совершенно очевидно, что их учение о международной торговле есть учение о феномене мирохозяйственного порядка, а не просто абстрактная конструкция на основе идеально-мыслимого «Universalökonomie».

Классики устанавливают, что каждое национальное хозяйство есть особый самостоятельный комплекс. Классики не рассматривают вопроса о том, чем об'ясняется эта обособленность, но берут этот факт с его экономического лица, и этот факт дает им феномен с особым рядом закономерностей. Можно было бы говорить о построении в смысле «Universalökonomie» лишь в том случае, если бы классики игнорировали эту национально-хозяйственную отграниченность и возникающие вследствие этого явления. Однако совершенно очевидно, что вся теория внешней торговли классиков основана именно на этом постулате наличия препятствий для осуществления «чистых» законов экономии. Правда, классики абстрагировались от таких явлений как таможенные пошлины, запретительные меры, договоры и т. п. Отрицали ли они их влияние? — Конечно, нет. Но они анализировали экономическое явление в его чистоте, абстрагируясь от внешних, возмущающих, искусственных обстоятельств, т.-е. пытались понять внутреннюю логику экономического процесса, а такое исследование совершенно очевидно требует именно абстрактного рассмотрения, ибо только тогда будет понят внутренний закон явления.

---

[1]) См. его определение в «Volkswirtschaft und Weltwirtschaft», 1920, S. 100.
[2]) Там же, стр. 101.
[3]) Там же, стр. 106.

Именно потому Гармсу и Кочнигу непонятна конструкция классиков, что для них современное хозяйство не есть реальная совокупность взаимодействующих производителей, а лишь абстрактное понятие, элементы которого насильственно связаны нормами права.

Реальность представляет для Гармса, так же, как и для Сарториуса фон-Вальтерсгаузена, только единичное хозяйство. Последний пишет, что «мировое хозяйство, как и народное хозяйство, есть абстрактное понятие» [1]) (разрядка моя. *Н. Ц.*). Оба хотят подчеркнуть, что единство возникает в силу права. Правда, Сарториус уделяет больше внимания процессу исторического развития, но и для него мировое хозяйство «без права немыслимо как исторический факт» [2]). «Социально-экономическое мировое хозяйство есть охватывающее земной шар правово-упорядоченное совокупное хозяйство» (rechtlich geordnete Gesamtwirtschaft) [3]).

Следовательно, для них реальное хозяйство — это только единичное хозяйство. Здесь налицо сознательная воля хозяйствующего суб'екта. Это предмет экономической науки.

Там, где нет единой сознательной руководящей воли, там понятие хозяйства конструируется правом. Правда, с этой точки зрения существует большая разница между народным и мировым хозяйством. Первое имеет единый правотворческий институт, у второго он отсутствует. Это одно послужило для целого ряда буржуазных экономистов основанием тому, чтобы отрицать самый факт мирового хозяйства, ибо для них конституитивным признаком для хозяйства является право и созидающий это право автономный суб'ект. В силу этого же Гармс категорически различает народное хозяйство от мирового. Первое имеет единую законотворящую волю, второе выступает лишь как результат взаимодействующих правотворящих воль — народных хозяйств.

Сарториус, чувствуя, что эти воли, творящие международные нормы, находятся обычно не только не в единстве, но преследуют, наоборот, совершенно особые интересы, противоречивые интересы, тем не менее пытается оправдать наличие этой интернациональной мировой нормы тем, что хотя внешне подчас они выступают как результат встречи противоречивых воль, тем не менее последние, по существу, исходят из понимания взаимного интереса и этот взаимный интерес осуществляют.

В этом смысле, заявляет Сарториус, можно говорить об единой мировой хозяйствующей воле.

В своих более ранних работах он не придавал столь решающего значения праву и международным договорам, заявляя, что «мировое хозяйство является не социальным образованием, а лишь суммой непостоянных, шатких отношений» («schwankenden Beziehungen») [4]).

Правда, это не мешает ему ниже утверждать, что движение капитала неограниченно и следует за движением нормы прибыли [5]).

Он сильно подчеркивает исторический характер образования мирового хозяйства, уделяя, правда, внимание и праву, но поскольку последнее делается конституитивным элементом мирового хозяйства, поскольку наличие целеполагающего суб'екта считается определяющим как для конструирования поня-

---

[1]) Sartorius von Waltershausen, Die Weltwirtschaft und die staatlich geordneten Verkehrswirtschaften, Leipzig 1926, S. 11.

[2]) Там же.

[3]) Там же, стр. 16.

[4]) Sartorius von Walterhausen, Begriff und Entwicklungsmöglichkeit der heutigen Weltwirtchaft, 1913, S. 14.

[5]) Там же, стр. 20.

тия народного хозяйства, так и мирового [1]), поскольку у Сарториуса и Гармса существует единство взглядов.

Было бы неблагодарным занятием опровергать эти рассуждения об единой мировой воле, о взаимных интересах наций и мировом хозяйстве, как продукте этих мировых и мирных соглашений.

Совершенно ясна апологетическая подоплека этих рассуждений. Капитализм расширял сферу своей экспансии, как известно, не путем мирных соглашений, воль. Мирные соглашения выступали как продукт побед и поражений как на фронте экономической, так и политической борьбы. Все это довольно ясно.

Но наиболее интересным представляется здесь попытка рассмотрения вопроса о мировом хозяйстве без ближайшей характеристики его социальной природы как мирового хозяйства капитализма и образования мирового хозяйства как условия развития его [2]). В самом деле, мировое хозяйство противопоставляется народному, последнее единичному. Такое рассмотрение вне характеристики специфической социальной природы хозяйства должно привести к тому, что будут стерты все исторические особенности данной общественной формы хозяйства. Единичное хозяйство, взятое изолированно, вне связи с другими единичными хозяйствами, есть конструкция в стиле робинзонад, — конструкция, над которой так едко издевался Маркс, — которая ничего не может дать для раскрытия закономерностей хозяйственной системы. В самом деле, что такое хозяйство единичное, взятое на миг изолированно? Это есть производительная деятельность, лишенная всякой определенности своей общественной формы и поэтому выходящая за пределы об'екта экономической теории.

Единичное хозяйство есть нечто качественно отличное от народного хозяйства. Последнее нельзя мыслить лишь как сумму единичных хозяйств. Здесь совершенно новый об'ект. Сумма, взятая в совокупности, представляет уже категорию совершенно нового порядка. Только здесь выступают те явления, которые суть предмет экономической теории.

* * *

В нашей литературе имеется уже ряд попыток исследования методологической стороны проблемы мирового хозяйства.

Первая наиболее широкая постановка методологических проблем и критика буржуазной методологии дана А. Угаровым.

Угаров делит теории мирового хозяйства на абстрактно-теоретические и конкретно-исторические направления, полагая, что синтетическую концепцию дает марксизм (цит. соч., стр. 25).

Мы согласны с Угаровым, что характерной для марксистской постановки вопроса о мировом хозяйстве должна быть именно такая постановка, которая не отрывает абстрактно-теоретических положений от конкретно-исторических. Но как раз этот синтез вносит то особенное, специфическое, что не может сближать марксизм ни с абстрактно-теоретической, односторонней постановкой вопроса, ни тем менее с голой конкретно-исторической концепцией. В самом деле, для нас сама абстрактно-теоретическая постановка исторична и потому конкретна. И, вместе с тем, конкретно-историческая постановка основана целиком на абстрактно-теоретических закономерностях, укладывается в общем в рамки абстрактно-теоретических положений.

Однако у Угарова, по нашему мнению, неверное противопоставление

[1]) Sartorius von Waltershausen, Einführung in das Studium der Weltwirtschaft, S. 98—99.

[2]) Гармс прямо заявляет, что учение о мировом хозяйстве не должно быть основано на учении о капитализме.

абстрактно-теоретического анализа конкретно-историческому. Это особенно проявляется в оценке Угаровым системы классиков, с одной стороны, и Листа, с другой.

В самом деле, Угаров упрекает Смита за то, что он не находит у него «логического и методологического обоснования существования особой сферы мирового хозяйства как об'екта учения о мировом хозяйстве» (стр. 29).

Он упрекает Смита за то, что у него нет конкретно-исторического подхода, и что, только поскольку он перебегает с абстрактно-теоретических рельс на конкретно-исторические (национальные границы), он дает чуточку исторических черточек мирового хозяйства. На этой «чуточке» построено все их учение о внешней торговле.

Однако довольно странное противопоставление абстрактно-теоретического — конкретно-историческому у Угарова.

Ведь в самом деле, когда говорят о мировом хозяйстве, то имеют в виду противопоставить его народному хозяйству. Если бы мы имели только мировое хозяйство, то тогда законы капитализма в его чистоте проявились бы на его арене. Никаких особых закономерностей мирохозяйственного порядка не было бы. Следовательно, рассуждение о капитализме по всему миру не есть постановка мирохозяйственной проблемы.

Постановка же вопроса с учетом национальных границ может быть оправдана с абстрактно-теоретической точки зрения, поскольку капитализм нам дан гнездами народных хозяйств.

Угаров высоко ценит Ф. Листа. Он считает, что Лист первый дал мотивированную точку зрения конкретно-исторического анализа мирового хозяйства (стр. 47), что «его теория хочет заполнить пропасть между теорией и практикой в экономической науке» (стр. 45).

Однако совершенно ясно, что здесь Угаров увлекся несколько в желании сокрушить классиков. Что представляет система Листа? Разве не был беспомощен Лист в борьбе против теоретических положений классиков. Разве он подверг критике теоретический фундамент классиков?

Его система была больше системой экономической политики, чем политической экономии.

В самом деле, что является теоретическим открытием Листа?

Что страны стоят не на одном уровне развития, это было известно и классикам. Ни один теоретический тезис классиков не опровергнут Листом. Заслуги Листа не в области теории международных экономических отношений, а в области торговой политики.

Вернемся к самому Угарову.

Угаров аргументирует необходимость особой науки о мировом хозяйстве наличием «ряда любопытных проблем», которых якобы «не существует для политической экономии и экономической географии» («Проблема мирового хозяйства», стр. 25).

Однако что за «любопытные проблемы»? — «Движение товаролюдских масс, капиталов в интернациональной сфере, образование международных картелей, трестов, мировая кон'юнктура, мировое денежное обращение, — вот решающие мирохозяйственные процессы. На их основе вырастают международные торговые соглашения, почтово-телеграфные, железнодорожные конвенции, монетные союзы и т. д. (Там же).

Мы охотно согласимся с Угаровым, что почтово-телеграфные соглашения и железнодорожные конвенции суть «любопытные проблемы» и если они мыслятся, как содержание «учения о мировом хозяйстве», то такое учение, конечно, не является частью экономической науки. Но мы не видим никакого методологического оправдания для вырывания первого круга вопросов из политической экономии. В самом деле, разве те явления, которые Угаров назы-

вает решающими мирохозяйственными процессами не являются и важнейшими народохозяйственными процессами, и не являются об'ектом политической экономии. Разве интернациональный характер их не об'ясняется противоречивой природой «национального» капитала? Разве стремление к экспансии не есть душа «народно-хозяйственного» капитализма? Разве можно оторвать интернациональное движение товаров от их «национального» движения? Разве интернациональное движение капитализма может быть понято и выведено иначе как из «народохозяйственного» закона накопления капитала? Разве закон капиталистического цикла потерял свою силу для мировой кон'юнктуры?

Вот вопросы, которые неизбежно возникают и которые нельзя отвести указанием на то, что здесь законы специфически преломляются, модифицируются. Совершенно ясно, что здесь есть новое, новый об'ект исследования. Но есть ли это об'ект, принципиально отличный от об'екта теоретической экономии, об'ект, требующий создания особой науки и особого метода!

Если представить себе систему теоретической политической экономии как голую схему абстрактных законов абстрактного капитализма, то совершенно ясно, что в нем погашаются все его исторические спецификации, и тогда теоретическая экономия выступает не как мысленное воспроизведение действительно конкретного капитализма, а лишь как произвольная мысленная конструкция.

Те проблемы, которые включены в круг проблем мирового хозяйства, суть проблемы, возникающие из имманентных законов капитализма и его динамики и представляя лишь моменты в процессе восхождения от абстрактного к конкретному, должны показать закономерность мирохозяйственных отношений, необходимость их развития и качество этих отношений должны быть выведены из общих законов капитала, а не из особенностей данной конкретной хозяйственной области, как это думает, напр., Бинншток [1]).

В противном случае дело сведется к описанию, а не к установлению теоретических закономерностей.

Та эпоха, когда мировое хозяйство как термин стало вводиться в науку, есть эпоха монополистического капитализма, империализма. В эту эпоху с наибольшей четкостью выступил интернациональный характер капитала.

Самая чистая теория не может отвлечься в эпоху империализма от противоречивого характера интернационализации капитала, происходящего на основе усиления национально-хозяйственных противоречий. Поскольку политическая экономия призвана вскрыть закон не только абстрактно-экономической структуры, но и закон возникновения и распада капитализма, постольку игнорирование такого факта, как национальная обособленность и конкуренция национально-государственных капитализмов, воздвигающаяся как надстройка над внутри-национальной конкуренцией и противоречиями было бы превращением политической экономии на известном этапе исследования лишь в схоластическую гимнастику категорий.

В самом деле, что получается у Угарова: «Если капитализм овладел общественным производством и распределением на всем земном шаре», то «в этом смысле мировое хозяйство совпадает с об'ектом анализа теоретической экономии» (разрядка автора. *Н. Ц.*) («Проблема мирового хозяйства», стр. 27).

---

[1]) См. Bienstock, Einführung in die Weltwirtschaft, Berlin 1927. Он пишет, что «наша наука (Weltwirtschaftslehre. *Н. Ц.*) исследует не какие-либо абстрактные закономерности, но, исходя из них, устанавливает конкретные связи (Zusammenhänge) между конкретными хозяйственными областями. Свойства (Beschaffenheit) этих связей зависят полностью от свойств этих отдельных хозяйственных областей». Поэтому «хозяйственная география» представляет основу учения о мировом хозяйстве», стр. 15.

«С другой стороны,—пишет он далее,—безусловно правильно и то, что только арена всего земного шара является адэкватной пространственной сферой для «неорганизованного социального хозяйства» и как раз поэтому Маркс и издевался так над названием «национальная экономия», которое «облюбовали патриотические немецкие профессора» (там же, стр. 27).

Но раз, следовательно, только на мировой арене проявляются все законы капиталистического хозяйства, то как может наука, исследующая законы капитализма, игнорировать те спецификации, которые на историческом пути капитализма к мировой экспансии накладывают особую печать. А что это за спецификации? Факт народохозяйственной раздробленности капитализма и неоднородности социально-экономических условий и технико-экономической базы.

Разве господство закона стоимости и цены производства выражается в том, что они не подвергаются модификации? Цена производства есть уже модифицированный закон стоимости. Процесс ценообразования, как известно, в земледелии специфичен. Абстрактные законы претерпевают модификацию. Тем не менее ни у кого не возникало мысли об особой науке о законе цен земледельческих продуктов. Земельная собственность с точки зрения «чистой теории» не обязательна в системе производственных отношений, тем не менее Маркс не мало места и времени уделил в своих работах земельной ренте.

(Продолжение следует).

О социальной природе крестьянства[1]).

Н. Туткин.

I.

Вопрос о крестьянстве как социально-экономической категории в условиях строительства социализма представляет несомненный интерес потому, что в крестьянстве за последний период произошли мощные социально-экономические сдвиги в сторону социализма, деформирующие самую природу крестьянства. «По-новому ставится теперь вопрос о нэпе, о классах, о темпах строительства, о смычке, о политике партии» (Сталин, Речь на конференции аграрников-марксистов), и задача анализа определения и теоретического формулирования этого нового — первоочередная обязанность наших теоретических кадров. Чрезвычайно важно сосредоточить внимание теоретической мысли на разработке этого актуального для политики партии вопроса потому, что теоретическая мысль под влиянием чуждых нашему строительству людей [2]) совсем недавно, и в течение значительного периода времени, витала в абстракциях, оторвалась от анализа конкретной действительности, от анализа боевых вопросов закономерностей переходного периода и современного капитализма. Этот отрыв теории от практики, отставание теоретической мысли от быстро продвигающейся вперед практической работы ставили теоретическую мысль в СССР под угрозу вырождения ее в схоластику, в превращение из орудия социалистического строительства в свою противоположность.

Почему произошло у нас такое явление, как отрыв теории от практики? На этот вопрос нельзя ответить без анализа классовой борьбы на этом фронте. Победоносная борьба пролетариата против враждебных ему классов, борьба за колеблющиеся и неустойчивые элементы с целью отрыва их от капитализма и привлечения на сторону социализма, это — не что иное, как основной закон развития переходного периода. Эта классовая борьба пронизывает все поры общественной жизни и на каждом участке имеет свои специфические особенности. Основная линия классовой борьбы на теоретическом фронте — это борьба пролетариата за органическое единство теории и практики против идеологии враждебных ей классовых сил, разрывающих и постоянно стремящихся оторвать теорию от практики. Буржуазные теоретики отворачиваются от живой действительности, от об'ективной диалектики и развития общества потому, что эта об'ективная диалектика своим острием направлена против господства того класса, чьи интересы они представляют и защищают. Выполняя определенный социальный заказ, они отрывают теорию от живой действительности, выхолащивают «душу» всякой теории — ее революционную диалектику. Марксистско-ленинская диалектика есть об'ективная диалектика действительных процессов в природе и в обществе. «Диалектика» буржуазии и ее идей есть схоластика и догматизм, поскольку она не отражает об'ективной диалектики природы и общества, поскольку она не понимает или делает вид, что не понимает этих об'ективно происходящих процессов.

---

[1]) Придавая разработке этой проблемы первостепенное значение, редакция приглашает товарищей высказываться по этому вопросу на страницах журнала. *Ред.*

[2]) Я имею в виду Рубина и его школу.

Совершенно не случайно В. И. Ленин указывал на разрыв теории от практики как на величайшее зло, оставшееся нам от капитализма. Он говорил:

«Одно из самых больших зол и бедствий, которые остались нам от старого капиталистического общества, это — полный разрыв книги с практикой жизни, ибо мы имели книги, где все было расписано в самом лучшем виде, и эти книги в большинстве случаев являлись самой отвратительной лицемерной ложью, которая лживо рисовала нам коммунистическое общество» (т. XVII, стр. 315). Задача буржуазной теории, буржуазной «книги» была ясно подсказана ее классовыми интересами: расписать в самом лучшем виде капитализм, лицемерно оболгать социализм и уйти подальше от анализа действительности в выси абстракции, так как эти действительные процессы не сулят буржуазии ничего хорошего.

В этой связи интересно вспомнить, что говорил Ленин о теоретической работе интеллигенции, как он ей советовал изучать теорию, с тем, чтобы быть полезной пролетариату.

«Социалистическая интеллигенция только тогда может расчитывать на плодотворную работу, когда покончит с иллюзиями и станет искать опоры в действительных, а не в возможных общественно-экономических отношениях. Теоретическая работа ее должна быть при этом направлена на конкретное изучение всех форм экономического и последовательного развития; она должна вскрыть этот антагонизм везде, где он прикрыт политической историей, особенностями правовых порядков, установившимися теоретическими предрассудками. Она должна дать цельную картину нашей действительности, как определенной системы производственных отношений, показать необходимость эксплоатации трудящихся при этой системе, показать тот выход из этих порядков, на который указывает экономическое развитие» (Ленин, «Что такое друзья народа»).

Мы видим, что основной мыслью Ленина и здесь — это указание на то, что теоретическая мысль интеллигенции, если она хочет рассчитывать на плодотворную работу, должна быть в первую очередь направлена на конкретное изучение всех форм экономического развития, на то, чтобы дать цельную картину нашей действительности.

Нужно сказать, что эти ленинские слова, эта его руководящая идея целиком относятся и к теперешней нашей «интеллигенции», к людям умственного труда. И если у нас теоретическая работа была отделена от изучения конкретных форм экономического развития СССР и капиталистического мира, если в работах наших теоретических кадров не давалась цельная картина нашей действительности, а все основные силы теоретической мысли направлены в область абстрактных теорий и бесконечных, буквально сводящих с ума нашу учащуюся молодежь, дискуссий, превращающихся в схоластику, то это есть не что иное, как уклон в сторону буржуазной теории. Неслучайно в центре теоретических дискуссий была фигура Рубина, который в своей теоретической и особенно учебной работе выполняет и не может не выполнять социальный заказ чуждых социализму элементов.

Вот почему отрыв теории от практики надо рассматривать как прорыв на фронте классовой борьбы пролетариата против враждебных ему классовых сил.

Потребовалось вмешательство ЦК ВКП(б) для того, чтобы на теоретическом фронте произошел перелом в сторону практики (в самом широком смысле этого слова), которая оплодотворяет теорию, дает ей новую благотворную пищу, толкает ее вперед, делая тем самым ее еще более мощным орудием борьбы в руках тех, кто ею владеет.

Разработка теории аграрно-крестьянского вопроса, если принять во внимание исключительное значение этого вопроса для нашей страны, яв-

ляется особенно отсталым участком нашего теоретического фронта. Недаром т. Сталин в своей речи на конференции аграрников-марксистов сказал:

«Если мы имеем основание гордиться практическими успехами социалистического строительства, то нельзя то же самое сказать об успехах нашей теоретической работы в области экономики вообще, в области сельского хозяйства в особенности. Более того: надо признать, что за нашими практическими успехами не поспевает теоретическая мысль, что мы имеем некоторый разрыв между практическими успехами и развитием теоретической мысли. Между тем необходимо, чтобы теоретическая работа не только поспевала за практической, но и опережала ее, вооружая наших практиков в их борьбе за победу социализма».

Однако наша теоретическая мысль в области аграрно-крестьянского вопроса живет преимущественно вчерашним днем, скупо фиксируя не столько происходящие социально-экономические процессы в деревне и их тенденции, сколько уже прошедшие и потерявшие свою актуальность.

Один маленький пример. Тов. Гайстер в 1927 г. написал прекрасный капитальный труд о расслоении советской деревни. В 1930 г. вышли еще два достаточно внушительных труда под многообещающими заголовками: М. Сулковский «Классовые группы и производственные типы крестьянских хозяйств» и И. Никишина «Динамика сельскохозяйственного производства и социально-экономические процессы в деревне». Достаточно указать, что автор первой книги писал ее «на основании материалов бюджетного и массового обследования, собранных в 1927 г.» [1]), и что автор второй книги в основу своей работы положил данные динамических переписей ЦСУ за период 1920—1926 гг. [2]), чтобы стало ясно, в какой степени эти книги, изданные в 1930 г., опережают нашу практику, вооружают наших практиков в их борьбе за социализм.

Если не считать известную заслугу авторов в деле разоблачения неонароднической школы о крестьянском хозяйстве, то ничего нового и сколько-нибудь отличительного от того, что имеется в книге Гайстера по вопросу «о классовых группах» и «социально-экономических процессах», авторы сказать не могли. Это только один пример, но он достаточно ярко показывает разрыв теории и практики, отставание теоретической работы от практической.

Мы не говорим здесь о неонароднической школе, которая, представляя идеологию реакционных элементов и прежде всего кулачества, в настоящее время разоблачена и опрокинута нашими успехами в деле строительства крупного социалистического хозяйства в земледелии.

Здесь нужно отдать должное и нашим аграрникам-марксистам, которые в своих работах о дифференциации крестьянства и внутренних противоречиях крестьянского хозяйства вскрыли ненаучность и реакционность их теории. Под ударами самой жизни, практики создания крупных социалистических хозяйств, подкрепляемых успешным наступлением на теоретическом фронте, мы имеем разложение мелкобуржуазного реакционного фронта неонародничества. Этот распад происходит, с одной стороны, путем перехода одной части представителей неонародничества на позиции махровой буржуазной установки свободного развития кулацких капиталистических хозяйств, с другой стороны, путем отказа части представителей неонародников от основ своих реакционных теорий, что может быть расценено как положительное явление» (Из резолюции конференции аграрников-марксистов).

Разумеется, задача дальнейшего разоблачения неонароднических теорий попрежнему остается актуальной и важнейшей обязанностью аграрни-

---

[1]) Из предисловия автора.
[2]) Из предисловия автора.

ков-марксистов. Об этой задаче говорит и решение конференции аграрников-марксистов и т. Сталин в своем выступлении на этой конференции. Разоблачение неонародничества важно особенно потому, что эта реакционная идеология проникает и в ряды марксистов, находит свое своеобразное выражение в лице правого уклона, мелкобуржуазного либерализма внутри нашей партии. Однако, несмотря на всю важность этой работы, по своему существу она является лишь условием для теоретической разработки вопросов, непосредственно связанных с коренными задачами нашего социалистического строительства, расчисткой пути для марксистской теории.

II.

Тов. Кирпотин свой доклад в Ленинградском отделении Коммунистической Академии, читанный в апреле с. г., поместил в журнале «Под Знаменем Марксизма» под названием «Крестьянство как социально-экономическая категория в условиях строительства социализма». В начале своей статьи автор сразу берет быка за рога. Он пишет: «Теоретический ответ на вопрос — почему мы крестьянство именуем классом в наших условиях, в каком смысле мы теперь называем крестьянство классом? — принесет нам свою пользу в политической практике». Автор вообще говоря прав. Однако «ответов» на этот вопрос существует достаточно, и не всякий из них приносит нам свою пользу в политической практике. Есть такие «ответы», которые приносят не пользу, а вред. К таким ответам мы относим и статью т. Кирпотина, которая состоит из мешанины грубейших методологических ошибок в вопросе об определении класса и классовообразующих признаков, явно правооппортунистических установок по ряду коренных вопросов политической практики и по выводам об определении крестьянства как класса огромного количества несуразностей. Вместе с тем она имеет на себе печать того отрыва от условий действительности, о котором мы говорили выше. Статья т. Кирпотина, как по теоретической ценности, так и по постановке вопроса, принижает стоящие перед аграрниками-марксистами задачи.

Тов. Кирпотин поставил своей задачей теоретически развенчать деревенскую бедноту как особую классовую категорию, называемую полупролетариатом, переходным от среднего крестьянства слоем, и представляющую из себя политическую опору партии в деревне. По Кирпотину это не полупролетариат, а деревенская мелкая буржуазия, ничем не отличающаяся от среднего крестьянства, а потому подлежащая включению в общий класс крестьянства. Короче говоря, спор идет о том, как понимать крестьянство как класс — одно ли среднее крестьянство или среднее крестьянство вместе с беднотой. Теоретическая ценность спора на эту тему нам кажется очень не велика. Однако, поскольку вопрос поставлен, нужно говорить и о нем, тем более что попутно автор высказал ряд откровенно правооппортунистических положений по другим коренным вопросам.

Какие доводы приводит Кирпотин в доказательство того, что беднота — это не полупролетариат, как особая отличная от среднего крестьянства и от пролетариата категория, а деревенская мелкая буржуазия? У автора мы имеем два довода, которые в искусных руках т. Кирпотина «чудесно» превращаются в классовообразующие признаки бедноты.

Первое — это то, что и беднота и середняк имеют один путь к социализму — через кооперацию.

Второе — это «консолидация крестьянства», превращение бедняка в середняка.

Остановимся первоначально на первом доводе автора.

«У бедняка и у середняка, — пишет автор, — один лимит в развитии, они идут одним путем развития к социализму (ленинский кооперативный

план), приспособленным (?) к собственнической стороне (?!) природы не только середняка, но и бедняка к социализму. Следовательно, в наших советских условиях второй основной крестьянский класс нашего строя образует совокупность и середняков и бедняков» (стр. 229). Это «доказательство» от пути развития к социализму фигурирует в статье Кирпотина несколько раз. При этом автор зачисляет в класс крестьянства всякого, кто только вступает в колхоз. Так сельскохозяйственный рабочий, вступивший в колхоз, перестает по Кирпотину быть пролетарием, а превращается в крестьянина. Не угодно ли: «Тот батрак, который вошел в колхоз и получил взнос хотя бы от государства за счет экспроприированного кулака в добавление к своим малым крохам, не есть, конечно, уже пролетарий. Вошедший в колхоз батрак есть член класса колхозного крестьянства (?!), т.-е. бедняцко-середняцкого крестьянства» (стр. 228—229). Таким образом, с точки зрения определения класса по путям развития к социализму в крестьянство как класс Кирпотин включает не только бедноту, но и весь тот с.-х. пролетариат, который вступает в колхоз. Все это звучит в устах марксиста, по меньшей мере, странно. До того странно, что трудно становится спорить с автором и доказывать ему на страницах столь серьезного и авторитетного журнала несуразность его точки зрения и его понятия о классообразующих признаках крестьянства.

Общеизвестно классическое определение класса, данное Лениным. «Классами называются, — писал Ленин, — большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению к средствам производства, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которою они располагают».

Другими словами, классом называется группа людей, которые занимают одинаковое положение в исторически определенной системе общественного производства, одинаково относятся к средствам производства, одинаково получают свою долю общественного богатства, которой они располагают, и, наконец, находятся в одинаковых отношениях с сосуществующими с ними классами. До сих пор это марксистско-ленинское определение классов не представляло из себя в марксистской среде предмета дискуссии. Оно имеется во всех учебниках истмата. Но вот приходит т. Кирпотин и об'являет о своем несогласии с этим определением и делает достойную похвалы и самого лучшего применения попытку внести в понятие класса свое, оригинальное, новое. Но усердие, которое проявил автор,—явно не по разуму. Ничего кроме путаницы и эклектизма у автора не получилось.

По Ленину под крестьянством как класс нужно понимать только среднее крестьянство, а не среднее крестьянство и бедноту вместе. Ленин так определяет середняка:

«Средний крестьянин тот, который не эксплоатирует и сам не подвергается эксплоатации, который живет мелким хозяйством, своим трудом».

Бедняк же — это тот, который как правило эксплоатируется и живет преимущественно не за счет своего собственного хозяйства, а за счет продажи своей рабочей силы. Он отчасти крестьянин, а в еще большей степени рабочий; он поэтому не рабочий и не крестьянин, он полупролетарий. И, имея в виду вышеприведенное классическое определение Лениным класса, никак нельзя среднее крестьянство и бедноту включить в рамки одного класса.

Среднее крестьянство и беднота существенным образом различаются по их месту в системе мелкособственнического производства. Существенным образом отличаются по их отношению к средствам производства и по способам получения своей доли общественного богатства. Принципиальное отличие состоит в том, что бедняк непосредственно продает свою рабочую

силу, эксплоатируется, что он живет не своим мелким хозяйством, а именно преимущественно за счет продажи своей рабочей силы, за счет найма. А в этом суть, которой не понимает т. Кирпотин. Другими словами, беднота и среднее крестьянство не занимают одинакового положения в системе мелкособственнического производства, не одинаково получают свою долю общественного богатства, не в одинаковых отношениях находятся с существующими классами, и поэтому их нельзя включить в один класс. Это две совершенно различные классовые категории. Но особенность этого различия состоит в том, что оно зашло не настолько, чтобы образовать два различных класса. Эти совершенно различные классовые величины имеют и некоторые общие черты. Бедняк — тоже собственник средств производства, но эта собственность настолько мизерна, что она не дает ему и половины той доли общественного богатства, которой он располагает. Однако эти общие черты налагают свой отпечаток на классовую природу бедноты и делают ее не чистым пролетариатом, а полупролетариатом. Этим полупролетариатом беднота была и после революции, в период военного коммунизма, остается она полупролетариатом и в период нэпа до тех пор, пока сохраняет за собой свои специфические классовообразующие признаки.

Тот факт, что беднота подвергается эксплоатации, что значительную долю общественного богатства она получает теми же путями и средствами, что и пролетариат, сближает ее больше с пролетариатом, а не с крестьянством. Поэтому беднота опора пролетариата, а не союзник, поэтому партия формулирует свой лозунг — союз рабочего класса и бедноты с средним крестьянством, — поэтому-то партия борется за самостоятельную организацию бедноты. Встать на точку зрения Кирпотина и быть последовательным значит отрицать и дать повод к отрицанию за беднотой ее роли как опоры, а до самого последнего времени единственной вместе с батрачеством опоры пролетариата в деревне, значит выступать против самостоятельной организации бедноты. Политический эквивалент этих выводов очевиден.

Обосновывая принадлежность бедноты к классу крестьянства тем обстоятельством, что они имеют один путь к социализму — коллективизацию, т. Кирпотин совершенно не улавливает того скачка, того нового, что мы имеем в классовой природе и бедноты и среднего крестьянства после того, как они вступают в колхоз. А это и есть та тема, о которой должен бы говорить т. Кирпотин в своем докладе. Если же он что-нибудь замечает в изменении положения бедняка в колхозе, так это изменение как раз, якобы, говорит в пользу той точки зрения, что беднота есть класс крестьянства. При этом наш автор делает такие изумительные фокусы и проявляет такую ловкость рук, которым в праве позавидовать любой эквилибрист. Не угодно ли послушать:

«Для того бедняка, который вошел в колхоз, не продажа рабочей силы, не пролетарский источник дохода является главным источником существования... А между тем колхозное крестьянство еще класс» (стр. 234).

Так вот оно что! Оказывается, усердие автора направлено на то, чтобы развенчать наши колхозы, их социалистический характер, и тот факт, что в колхозе беднота освобождается от эксплоатации кулаков, начинает жить за счет своего труда в социалистическом хозяйстве, превратить в доказательство, что коллективизация делает крестьянство еще более мелкобуржуазным. На самом деле батрак до вступления в колхоз был пролетарием, бедняк—полупролетарием, а как только они вступили в колхоз, они превратились в класс крестьянства, так как «колхозное крестьянство еще класс». Эти рассуждения Кирпотина напоминают известные изречения мистера Троцкого о том, что коллективизация не имеет ничего социалистического, а, наоборот, усилит капиталистические тенденции в сельском хозяйстве. Действительно — правая, левая где сторона?

Процесс коллективизации крестьянства автором отождествляется с процессом консолидации крестьянства, а между тем это совершенно различные явления.

Перейдем к более подробной критике «консолидации крестьянства» по Кирпотину.

III.

Второй довод, который в устах т. Кирпотина превращается в классообразующий признак бедноты как класса крестьянства, это — «консолидация крестьянства», процесс превращения известной части бедноты в среднее крестьянство. Трудно сказать, сколько в этом доводе от «консолидации» правого оппортунизма и сколько обыкновенной несуразности. Однако автор отличается похвальной настойчивостью и упорно проповедует свое «оригинальное» воззрение на крестьянство как класс.

Автор развертывает процесс консолидации крестьянства в историческом разрезе, прослеживая его от начала ликвидации помещиков — до самого последнего времени. При этом автор грубейшим образом искажает эту консолидацию на всех ее наиболее отличительных исторических моментах, извращая высказывания по этому вопросу В. И. Ленина в пользу мелкобуржуазного либерализма. Характер этих искажений явно правооппортунистический и состоит он в совершенно откровенном замазывании классовых противоречий и экономического неравенства внутри крестьянства. Но послушаем самого автора:

«Социалистическая революция в наших условиях привела не к социалистическому земледелию, а к осереднячиванию крестьянства. Земля, и помещичья, и кулацкая, и всякая иная, делилась по едокам... поровну. При этом земля делилась и между всеми кулаками, которые не выступали в качестве открытых контрреволюционеров... В результате у нас после Октябрьской революции в сельском хозяйстве образовался класс крестьян, в котором почти исчезли крайности» (стр. 223).

«В деревне после победы социалистической революции почти не было крайностей» (стр. 224).

В доказательство того, что класс крестьянства образовался лишь после Октябрьской революции, в доказательство того, что после революции в крестьянстве почти исчезли крайности, что «почти не было крайностей», — Кирпотин пытается опереться на Ленина. Но из этой попытки ничего, кроме конфуза для т. Кирпотина, не получается. В своих формулировках Ленин и давал более близкие к действительности определения осереднячивания, ясно видя его относительность.

Ленин на с'езде транспортных рабочих говорил, что «русская деревня за это время выравнялась, но он тут же добавил, как это нужно понимать, а понимать это нужно весьма относительно. Ленин сказал: «Убавилась доля крупных посевщиков и беспосевщиков, увеличилось хозяйство середняцкое». Читатель видит, что между кирпотинскими утверждениями о том, что в крестьянстве «почти исчезли крайности», что «почти нет крайностей», что «все крестьянское население, за немногим, сравнительно, исключением, — класс середняков», и между ленинским заявлением, что «убавилась доля крупных посевщиков и беспосевных, увеличилось хозяйство середняцкое», есть существеннейшее отличие.

Кирпотин явно пытается навязать Ленину то, чего он не говорил и не мог сказать, а именно, что в начале нэпа у нас-де не было уже кулаков и не было бедноты. Кирпотин пытается по-своему раз'яснять заявление Ленина на III конгрессе Коминтерна (июль 1921 г.) о двух основных классах нашего общества.

По мнению Кирпотина, Ленин не говорил о кулаке и о бедноте

потому, что этих последних тогда не было, и что будто бы такого мнения был и Ленин. Послушайте, что пишет наш автор:

«Потому-то Ленин и говорил о крестьянстве на III конгрессе, что имел в виду, что почти все крестьянство в основном и целом было тогда середняцким (дальше идет полное отрицание кулака и бедноты в тот период. *Н. Т.*). Но раз не было кулаков (!), значит не было и дифференциации, а раз не было дифференциации, значит не было бедноты» (!). Кирпотин окончательно раскрыл свои карты. По Кирпотину, кулачество как класс было ликвидировано во время военного коммунизма! Это по крайней мере ново и действительно оригинально.

На самом деле все эти утверждения автора противоречат действительности и преследуют только одну цель — замазать классовые противоречия и экономическое неравенство внутри крестьянства к началу нэпа.

Мы не должны забывать той несомненной истины, что революция убавила количество крупных посевщиков и беспосевных и по признаку надела землей увеличила середняцкую группу. Но эту ленинскую истину нельзя доводить до абсурда, до утверждения, что к 1921 г. у нас уже не было кулаков и бедноты, а были лишь одни середняки и сплошное равенство. К началу введения нэпа был и кулак, была и беднота, разумеется, только в измененной коренным образом пропорции. Что же касается экономического неравенства, то оно было очень велико. Когда Ленин говорил об увеличении середняцкой группы, то он ставил это в связь только с переделами земли. Но известно, что экономическое неравенство и капиталистические отношения в крестьянстве создавались к этому времени не столько наличием того или иного количества земли и посева, сколько распределением других средств производства (рабочий скот, с.-х. инвентарь, машины и т. п.). А факты показывают, что здесь-то мы и не имели после раскулачивания такого резкого поравнения, какое мы имели в переделе земли. Вот что пишет т. Гайстер и о чем видимо не читал т. Кирпотин:

«Значительное сокращение землепользования высших групп, увеличение землепользований низших групп еще не могли дать и не давали равенства производственной мощи хозяйств...».

Перераспределение скота и инвентаря, обещавшее создать базу для под'ема образовавшихся мелких хозяйств, шло в условиях гражданской войны, отвлекавшей в армию огромные массы лошадей, значительно сократившегося коневодства и тем сокращавшейся абсолютной массы перераспределяемых лошадей. Сокращение числа лошадей у многолошадных лишь в малой мере компенсировалось соответствующим под'емом обеспеченности лошадьми у низших групп. При значительном падении доли многолошадных хозяйств в общем числе хозяйств процент безлошадных хозяйств либо немного сократился, либо даже возрос. В то же время вырос удельный вес группы однолошадников, т.-е. части хозяйств, все же недостаточно обеспеченных тяговой силой («Расслоение советской деревни», стр. 11).

Для подтверждения приведенной цитаты приведем пару таблиц из той же книги автора:

Группы хозяйств по раб. скоту	Распределение хозяйств по рабочему скоту							
	Тульская		Пензенская		Курская		Тамбовская	
	1910	1920	1910	1920	1910	1920	1910	1920
Без раб. скота	28,9	24,4	33,0	23,9	31,1	24,0	36,8	43,7
С одной головой	36,0	61,7	35,8	67,6	36,1	67,4	41,6	53,2
С двумя	23,6	13,1	22,2	8,1	25,2	8,3	16,4	3,0
С тремя и выше	11,5	0,8	9,0	0,4	7,6	0,3	5,2	0,1
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

О том же говорят и данные «комиссии по истории аграрной революции».

Суммировав волостные данные по губерниям, получаем следующие данные:

Группы по обеспеченности рабочими лошадьми	Распределение хозяйств по рабочему скоту					
	Центр. зем. район			Центр. пром. район		
	1912	1920	1924	1912	1920	1924
Безлошадные	34,8	32 0	44,8	34,6	32,2	32,8
С одной лошадью	45,2	61,0	51,8	53,9	63,6	65.3
С двумя	16,1	6,6	8,0	10,1	3,3	1,8
С тремя	2,9	0,3	0,1	1,1	0.1	0 05

Таковы данные о поравнении крестьянства по рабочему скоту. Мы видим, насколько это поравнение относительно, насколько велики остались экономическое неравенство и классовые противоречия.

И в результате: «В то время, как низшие группы, получив в свое распоряжение землю, могли освоить ее, лишь привлекая в свое хозяйство чужой скот и инвентарь, у высших групп при урезанной земельной площади сохранилась известная доля средств производства. При нелегальности всяких сделок с землей, при наличии огромного числа хозяйств, вовлеченных в земледелие, без живого и мертвого инвентаря, необходимо развилась форма эксплоатации через обработку земли малоимущего хозяйства скотом и инвентарем имущего хозяйства» (стр. 14).

Таким образом, мы убеждаемся, что ничего похожего на то, что пишет т. Кирпотин о почти исчезнувших крайностях, об отсутствии кулаков и бедноты к началу нэпа, не было. Известное уравнение — факт, но это уравнение больше всего касалось земли и меньше всего других средств производства. Кулак к этому времени не был добит и экономически. Капиталистические отношения эксплоатации, а стало быть и дифференциации, правда, чаще всего в придушенной и нелегальной форме, существовали довольно широко и к началу нэпа. С введением нэпа они развернулись более быстрым темпом.

Нужно сказать, что указания на то, что кулачество развивалось и до введения нэпа, в период военного коммунизма, мы находим и у т. Ленина. Так, на X с'езде партии, в марте 1921 г., т.-е. за четыре месяца до речи на III конгрессе Коминтерна, Ленин говорил:

«Не надо закрывать глаза на то, что замена разверстки налогом означает то, что кулачество из данного строя будет вырастать еще больше, чем до сих пор. Оно будет вырастать там, где оно раньше вырастать не могло» (Т. XIX, стр. 145). Итак, по совершенно ясным указаниям Ленина, кулачество не только существовало, но оно, несмотря на всю нашу самую беспощадную борьбу с ним, все-таки развивалось, росло. Это и понятно, так как мелкособственническое производство есть глубочайшая основа капитализма, оно рождает капитализм ежечасно, ежеминутно и в массовом масштабе.

В период военного коммунизма мы экспроприировали капиталистическую верхушку, но экспроприировали далеко не полностью, так как у нас не было на это необходимых сил.

Еще меньше мы коснулись в тот период корней капитализма. По Кирпотину же, к началу нэпа, к лету 1921 г., у нас кулаков не было, бедноты не было, дифференциации не было. Рассматривать и представлять сложнейший социальный переплет и сплетение различных социально-экономических процессов, имевших место в период нэпа, так извращенно и плоско может только мелкобуржуазный либерал из народнического лагеря, вечно

мечтающий о равенстве и братстве и ставивший перед революцией не построение социалистического земледелия — совхозов и колхозов, а именно поравнения, осереднячивания.

Тов. Кирпотин совершенно смазывает классовые противоречия внутри крестьянства к началу нэпа, не понимает двойственной природы середняка, замазывая его капиталистические тенденции, недооценивает капиталистической дифференциации и опасности со стороны кулака. Равным образом, выдвигая на первое место консолидацию крестьянства, с одной стороны, и отождествляя этот процесс с процессом коллективизации, с другой, он смазывает значение коллективизации, смазывает классовую природу бедноты и развенчивает работу партии по ее самостоятельной организации. Иными словами, перед нами развернута программа правого оппортунизма, с достаточной полнотой копирующая теоретические положения т. Бухарина.

Тов. Бухарин, как известно, в своем докладе «Политическое завещание Ленина» говорил о сочетании «пролетарской революции» с «крестьянской войной» в новой строительной форме.

Этим тезисом т. Бухарин ленинский лозунг партии опираться на бедноту, крепить союз с середняком и решительно бороться против кулачества попытался подменить оппортунистическим либеральным лозунгом о союзе пролетариата со всем крестьянством, в том числе и с кулачеством. При этом т. Бухарин понятие о крестьянстве отождествлял с понятием о крестьянстве как классе; по Бухарину крестьянство как класс — это бедняки, середняки и кулаки. Правда, т. Бухарин ссылкой на Ленина, который, по его мнению, в своем политическом наследстве партии «о кулаке вообще не упоминает», намеревался замазать кулака, отвлекаясь от него, но это как раз и показывало, что т. Бухарин ревизует политическое наследство Ленина. Вместе с тем т. Бухарин говорил: «Крестьянство, даже если говорить о крестьянине середняке и бедняке, есть деревенская мелкая буржуазия». А что говорит т. Кирпотин? Он буквально шагает по пятам т. Бухарина. По его мнению, «о кулаке Ленин не говорил на III конгрессе» и при этом от себя добавляет, что тогда «не было кулаков... не было дифференциации, не было бедноты».

Далее т. Кирпотин повторяет высказывание т. Бухарина о том, что середняки и беднота—единый класс деревенской мелкой буржуазии. Сомнения невозможны, Кирпотин шагает за т. Бухариным, переиздавая на свой лад оппортунистический доклад т. Бухарина. Не говоря уже о Кирпотине, надо только поражаться Ленинградскому отделению Коммунистической Академии, которое не нашло ничего другого, кроме как выслушивать к XVI с'езду партии оппортунистические измышления мелкобуржуазных либералов, не давая им, повидимому, необходимого отпора.

Замазывая и отрицая классовые противоречия к началу нэпа, Кирпотин следует своему правилу до конца. Выдвинув совершенно противоречащее действительности утверждение, что к началу нэпа в деревне уже не было ни кулаков, ни бедноты, заявив, что в этот период класс середняков был таким классом, «социальная природа которого определялась в общем однозначно»,—к 1926—27 гг., наш автор замазывает классовые противоречия путем непомерного превознесения процесса консолидации крестьянства в противовес его дифференциации, вплоть до того, что к 1930 г. отождествляет консолидацию с коллективизацией, понимая и растолковывая коллективизацию по-оппортунистически, по-либеральному.

Проследим, как понимает т. Кирпотин консолидацию крестьянства. Диалектика консолидации у т. Кирпотина такова: сначала он об'являет консолидировавшимся, осереднячившимся все крестьянство, утверждая при этом, что социалистическая революция в наших условиях привела именно не к

социалистическому земледелию, а к осереднячиванию. Далее, с введением нэпа, он резко противопоставляет консолидацию дифференциации, рассматривая эти два процесса, как основные, противостоящие друг другу, процессы. Наконец, он отождествляет консолидацию с коллективизацией, при которой все вступившие в колхоз превращаются в класс крестьянства, и дело, как говорят, в шляпе. Теорийка готова. Последуем за т. Кирпотиным.

«Мы никогда, — пишет автор, — в советской деревне не допускали свободной игры капиталистических сил. Совершенно естественно поэтому, что навстречу процессу дифференциации, перекрывая его, пошел в советской деревне процесс консолидации крестьянства. Об этом говорил Молотов на XV с'езде» (стр. 208).

Рассматривая этот процесс, как решающий основной процесс, автор однако рекомендует не забывать о дифференциации и предупреждает, что «мы имеем не только процесс консолидации (еще бы! *Н. Т.*), но и процесс дифференциации» (стр. 228). И, наконец, вывод автора: «Поскольку в деревне идет процесс консолидации крестьянства, постольку бедняки и середняки — один класс» (стр. 230). Этот свой последний довод от консолидации крестьянства, от тенденции превращения бедняка в середняка Кирпотин выставляет как нечто чрезвычайно убедительное, долженствующее, по его замыслу, окончательно обезоружить его противников. Он пишет:

«Для того бедняка, который превращался в середняка, работа по найму становилась все время уменьшающейся величиной как источник существования, а увеличивающейся величиной становился тот источник, из которого (?) существует и середняк» (стр. 234). И поэтому-де вся беднота должна быть зачислена в один класс с середняцким крестьянством.

Как это видит и читатель, ошибка и фокус Кирпотина состоят здесь, во-первых, в том, что он «того бедняка, который превращается в середняка», сначала называет и считает бедняком, в то время как он уже не бедняк, а середняк, а потом заявляет, что этот бедняк должен быть зачислен в один класс с середняком. Тов. Кирпотин! Этот бедняк уже не бедняк и зачислять его в класс середняков не нужно по той простой причине, что он стал середняком, что его классовая природа, в отличие от остальной массы бедноты, коренным образом изменилась. И у нас спор идет не об этом. Спор идет о том, можно ли на основании того факта, что известная часть бедноты перерастает в середняков, отнести к классу крестьянства ту бедноту, которая остается полупролетариями. Вы совершенно бездоказательно утверждаете, что можно и нужно. Но эти утверждения остаются недоказанными и ссылки на Ленина вам не помогут.

Коренная ошибка т. Кирпотина в вопросе о консолидации крестьянства состоит не только в том, что он переоценивает и всемерно превозносит этот процесс, но еще главным образом в том, что он не понимает социального классового характера этого процесса.

По Кирпотину: «В советской деревне имеется два разных социальных процесса: процесс капиталистической дифференциации и процесс консолидации крестьянства» (стр. 228). Об этих двух процессах Кирпотин говорит, как о наиболее существенных процессах в нашей деревне, и притом процесс консолидации он противопоставляет процессу дифференциации, как одно другое исключающее.

«Навстречу процессу дифференциации, перекрывая его, пошел процесс консолидации крестьянства. Об этом говорил Молотов на XV с'езде». Кирпотин не понимает исторического значения процесса «консолидации» крестьянства к периоду XV с'езда. Дело в том, что «консолидация» крестьянства — это вовсе не процесс, противоположный процессу капиталистической дифференциации.

Известная консолидация крестьянства, выражающаяся в том, что, с одной стороны, середняк у нас менее быстро разоряется, с другой, — в том, что известная часть бедноты перерастает в разряд середняков, происходила у нас к XV с'езду на ряду с усилившимся процессом капиталистической дифференциации; на ряду с более резким выделением крайних полюсов и обострением классовой борьбы. Известная консолидация представляет у нас не отрицание дифференциации, как это выходит по Кирпотину, а ту отличительную черту дифференциации, ее своеобразие по сравнению с дифференциацией крестьянства в условиях капитализма.

В резолюции XV с'езда так и записано: «Таким образом своеобразие процессов дифференциации у нас приводит к дальнейшему росту середняцкого слоя, что лишний раз подтверждает известное положение т. Ленина о том, что середняк является «центральной фигурой земледелия».

Историческое и социальное значение известной консолидации крестьянства к периоду XV с'езда и после него состоит в том, что она показывает ограничение роста капиталистических элементов, хозяйственное укрепление и улучшение материального положения бедноты и среднего крестьянства. Это показывало укрепление позиций пролетариата, укрепление его союза со средним крестьянством и руководящей роли в этом союзе для дальнейшего наступления на капиталистические элементы. Вместе с тем росло доверие широких масс крестьянства к тому пути, по которому ведет его рабочий класс.

Историческое и социальное значение факта известной консолидации крестьянства показывало, что «в условиях пролетарской диктатуры процесс образования внутреннего рынка в корне отличается от того, что мы имеем при капитализме. Рынок растет здесь не благодаря обеднению и пролетаризации основной массы крестьянства, а благодаря росту благосостояния среднего крестьянства и бедноты» (из резолюции XV с'езда).

Нетрудно понять, что этот процесс, как об этом говорится в решении того же с'езда, давал «иной характер классовых сдвигов и классовых перегруппировок внутри крестьянства».

Иначе говоря, тем самым подготовлялся коренной переход среднего крестьянства на пути коллективизации.

Вместе с тем факт относительной консолидации среднего крестьянства опрокидывал троцкистско-зиновьевскую оппозицию, которая в определении процессов дифференциации крестьянства плелась в хвосте у буржуазной профессуры, не видящей отличия дифференциации у нас от дифференциации в капиталистических странах.

Что же касается процесса относительной консолидации крестьянства как класса мелкой буржуазии, то этот процесс не является социалистическим. Мелкое хозяйство не может консолидироваться абсолютно. Оно социально неустойчиво и неизбежно должно пойти по капиталистическому пути развития, если пролетариат своей экономической политикой не направит его развитие по пути социалистическому.

«Развитие мелкого хозяйства, — говорит Ленин, — есть развитие мелкобуржуазное, есть развитие капиталистическое» (Т. XVIII, ч. 1, стр. 215).

Итак, Кирпотин напрасно «скачет и пляшет» по поводу консолидации крестьянства и напрасно противопоставляет ее капиталистическому пути развития. Для этого нет ровно никаких оснований. Эти процессы не противопоставимы. Капиталистической дифференциации с ее специфическими

особенностями для нашего Советского Союза, представляющей капиталистический путь развития, у нас противостоит социалистический путь развития крестьянства, — его коллективизация.

Борьба этих процессов, борьба за путь развития сельского хозяйства и есть основное содержание всей классовой борьбы в деревне.

У партии не было и нет курса на увековечение мелкобуржуазного производства. Это должно быть ясно младенцу, потому что увековечение мелкой собственности есть утопическая мечта мелкобуржуазных социалистов. Наоборот, партия за ликвидацию всех и всяческих классов. И если т. Кирпотин в 1930 г., да еще в статье, написанной к XVI с'езду партии, так говорит о консолидации крестьянства, то это свидетельствует о том, что наш автор находится в крепком идеологическом плену мелкобуржуазного либерализма.

IV.

Вопрос о консолидации крестьянства является центральным во всей статье т. Кирпотина.

Консолидация, по его мнению, противостоит дифференциации и представляет из себя продукт социалистической революции как ее основное завоевание. Недаром т. Кирпотин не один раз повторяет в своей статье о том, что «социалистическая революция привела в наших условиях не к социалистическому земледелию, а к осереднячению крестьянства», что «социалистическая революция не дала социалистического земледелия». Иными словами, Кирпотин является защитником осередняченья, или, как он называет, консолидации крестьянства, защищающим мелкую собственность и класс деревенской мелкой буржуазии как от капиталистической дифференциации крестьянства, так и от социалистической переделки и ликвидации частной собственности посредством коллективизации. Правда, последняя защита делается им чрезвычайно трусливо, неопределенно и противоречиво, но ведь это свойство присуще, как известно, всякому оппортунисту. Кирпотин дает не пролетарскую, а мелкобуржуазную меньшевистскую оценку нашей революции, сводя ее роль к консолидации крестьянства. Он рассматривает социалистическую революцию с точки зрения деревенской мелкой буржуазии, стремящейся в определенных условиях «консолидироваться» как класс, отстоять свое положение мелких собственников как от разоряющего его капитализма, так и от социализма, ставящего своей задачей ликвидировать мелкую собственность посредством коллективизации. Сомнения невозможны, иначе понять т. Кирпотина нельзя.

Застигнутый со своей теорией консолидации крестьянства врасплох бурным темпом коллективизации, Кирпотин под мощным напором социалистического преобразования мелко-собственнического хозяйства, делает усилия приспособить свою теорийку консолидации к процессам коллективизации, принижая при этом и выхолащивая из коллективизации ее социалистическое содержание. Делает он это такими способами. Во-первых, он отождествляет процессы консолидации и коллективизации, как явление, делающее, по его мнению, бедноту и середняков одним классом. На ряду с таким отождествлением он не улавливает и не отличает коренной разницы в этих процессах и таким образом смазывает **основной в настоящее время процесс коллективизации**. На протяжении всей своей статьи он несколько раз упоминает о происходящих в нашей деревне «двух разных социальных процессах — капиталистической дифференциации и консолидации». Он **не выдвигает коллективизации, как основного процесса, противостоящего капиталистической дифференциации**. Когда Кирпотин говорит о происходящих в деревне процессах, то у него, с одной стороны, расположен процесс дифференциации, а с другой, рядом,

процесс консолидации коллективизации, при чем у Кирпотина эти последние процессы не имеют принципиальных отличий. И это не случайно: по Кирпотину коллективизация не есть социалистический путь развития крестьянства, на который его толкает и по которому его ведет пролетариат. По Кирпотину «крестьянство идет к социализму путем не пролетарским, а своим особым путем, приноровленным к его мелко-собственнической природе» (стр. 236). Он неоднократно повторяет, что бедняки и середняки «через собственность развиваются к социализму», что они «идут одним путем развития к социализму, приспособленным к собственнической стороне природы не только бедняка, но и середняка» (стр. 229).

Читатель догадывается, что в лице Кирпотина мы имеем человека, который выхолащивает социалистический характер коллективизации, подвергает ревизии кооперативный план Ленина и с достаточной полнотой реставрирует право-оппортунистичеспую теорию Бухарина-Айхенвальда, уже достаточно известную нашим читателям и достаточно разоблаченную. Вряд ли стоит снова открывать по этому вопросу принципиальную дискуссию по существу. Достаточно указать, что по Ленину коллективизация, проводимая нами на основе индустриализации страны, подводящей технический фундамент под сельское хозяйство, не есть особый третий непролетарский, а стало быть и несоциалистический путь развития крестьянства, по которому оно идет якобы само, а коллективизация есть путь социалистической переделки мелкого хозяйства, на основе обобществления частной собственности крестьянства, на основе крупной машинной техники, и идет по этому пути крестьянство не само, а под ведущим началом, под руководством пролетариата. Крестьянство не само избрало себе этот путь, а он указан ему рабочим классом и его коммунистической партией. Вместе с тем коллективизация — это не путь, «приноровленный к собственнической стороне природы крестьянства», а, наоборот, коллективизация направлена против собственнической стороны его природы. Она переделывает его в социалистическом духе. Факт сплошной коллективизации крестьянства свидетельствует о том, что мы в значительной степени уже преодолели, побороли собственническую природу, собственнические предрассудки крестьянства и находимся на путях полного преодоления мелкособственнической природы крестьянина, на основе обобществления его мелкой собственности и внедрения в сельское хозяйство крупной машинной техники. В связи с этим партия выдвинула новый лозунг о ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации, и вместе с тем лозунг об опоре на колхозников. Но все это для Кирпотина — книга за семью печатями.

Не подлежит сомнению, что пролетариат ведет крестьянство к социализму путями, отличными от тех, по которым он идет к социализму сам. Путь пролетариата к социализму — это путь организации авангарда коммунистической партии, путь насильственного свержения буржуазии для установления диктатуры пролетариата, для национализации промышленности и установления на ней социалистических отношений производства; одновременно пролетариат переделывает свою природу, очищая ее от мелкобуржуазных и буржуазных пережитков. Но для того, чтобы пролетариат построил бесклассовое социалистическое общество, — для этого нужно, чтобы была уничтожена разница между рабочими и крестьянством. С этой целью пролетариат вырабатывает свою тактику, свою линию, свой метод, свой путь переделки крестьянства. Этот пролетарский метод переделки крестьянства по своему образу и подобию — в отличие от буржуазного пути — есть коллективизация и механизация сельского хозяйства. С этой точки зрения разговоры о непролетарском, своем, особом, приноравливании к собственнической стороне природы пути развития крестьянства к социализму есть не что иное, как воскрешение народнического утопизма в новой форме. Рассужде-

ния о том, что крестьянство идет к социализму не через преодоление своей мелкой собственности и мелко-собственнической природы, а через собственность путями, приноровленными к мелко-собственнической природе крестьянина, целиком воскрешают этот мелкобуржуазный социализм народничества. Мы видим, что т. Кирпотин, говоря об ином пути развития крестьянства к социализму, «ненароком» скатился к народническому либеральному толкованию этого пути.

На протяжении всей своей достаточно пространной статьи автор, говоря о социальной природе крестьянства, о развитии его к социализму, о построении бесклассового общества и так далее, ни одного слова, буквально ни одного слова, не сказал об индустриализации страны и механизации сельского хозяйства как факторах социалистической переделки сельского хозяйства. Но зато мы находим у автора достаточно ясные указания о способности крестьянина переделать свою собственническую природу. Приведем несколько выписок из Кирпотина:

«Мы вместе с Лениным (?) считаем, что **с е р е д н я к м о ж е т** под руководством рабочего класса **п е р е д е л а т ь с в о ю п р и р о д у в с т о р о н у с о ц и а л и з м а**» (курсив наш. Стр. 223).

«В колхозах (пролетариат) дает середняку возможность безболезненно (то-есть тихо, мирно, без забот. *Н. Т.)* для него переделать свою собственническую природу».

Наконец, автор начинает запугивать того, кто думает по этому вопросу иначе, формулируя достаточно четко с точки зрения мелкой буржуазии лозунг, он заявляет: «Лишь не веря в способность середняка переделать на социалистический лад свою природу, можно пытаться насильно, наперекор его собственным желаниям, гнать его в колхоз». Здесь автор уже совсем снял маску и не упоминает даже о том, что крестьянство само переделывает свою природу под руководством пролетариата. Правда, это упоминание, имеющееся в первых цитатах, ни в какой степени не спасает автора, но забвение даже об этом его последнем заявлении очень характерно для умонастроения автора и перехода его от марксизма к народничеству. Нужно сказать, что **л у ч ш е й т е о р и и с а м о т е к а и о т р и ц а н и я р у к о в о д я щ е й р о л и с о ц и а л и с т и ч е с к о й п р о м ы ш л е н н о с т и и п р о л е т а р и а т а в к о л л е к т и в и з а ц и и с е л ь с к о г о х о з я й с т в а т р у д н о в ы д у м а т ь.** Необходимо согласиться, что Кирпотину в праве позавидовать любой из бывших теоретиков правого оппортунизма. У него в теории имеется все: и мирное врастание крестьянства в социализм, и вера в способности середняка самому переделать свою собственническую природу, и отрицание решающего значения в коллективизации индустриализации и внедрения машинной техники в сельское хозяйство, и отрицание руководящей роли пролетариата в коллективизации. Последнее подтверждается еще и усиливается автором, во-первых, развенчанием бедноты как особой классовой группы, непосредственно примыкающей к пролетариату, во-вторых, утверждением, что сельскохозяйственный пролетариат, вступивший в колхоз, превращается в класс бедняцко-середняцкого крестьянства, растворяется в нем.

Нужно сказать, что в рассуждениях Кирпотина очень много от крицмановской оппортунистической концепции о двойственном характере нашей революции. Необходимо отметить, что эта оппортунистическая теория не разоблачалась нашими аграрниками-марксистами, и только в самое последнее время центральный орган партии — «Правда» (от 18/VII с. г.) в статье т. Сомса подвергла критике эту оппортунистическую теорию.

Кадры аграрников-марксистов, группирующиеся вокруг Аграрного института Комакадемии, на конференции аграрников-марксистов не только не подвергли критике эти ошибки т. Крицмана, а, наоборот, замазывали эти ошибки и оказывали сопротивление критике этих ошибок.

По мнению Крицмана, «наша революция представляет собою сочетание двух различных и в то же время слившихся революций противо-капиталистической и противо-крепостнической».

Это свое механическое сложение двух революций, исключающее процесс перерастания одной в другую (по терминологии Крицмана, не совпадающей, однако, по существу с ленинской терминологией) — противо-крепостнической в противо-капиталистическую, Крицман также механически распространяет на весь период социалистического строительства.

Тов. Крицман пишет:

«То, что на ряду с под'емом государственного хозяйства пролетариата (дальше у него идет изложение милой сердцу Кирпотина консолидации. *Н. Т.*) шел, хотя и значительно более скромный, но сам по себе весьма значительный под'ем мелкобуржуазного хозяйства, что после революции шел в течение ряда лет одновременный под'ем двух основных у нас хозяйственных форм (государственное хозяйство пролетариата и мелкобуржуазное хозяйство), в этом проявилось влияние специфической двойственности нашей революции» (Там же, стр. 17).

Достаточно вспомнить утверждение т. Кирпотина о том, что наша революция привела не к социалистическому земледелию, а к осередняччиванию, к консолидации крестьянства, чтобы понять, что оба наши теоретика рассматривают революцию в деревне с точки зрения мелкой буржуазии,— иными словами, всю нашу революцию считают не социалистической, а буржуазно-демократической. По Крицману, социалистическая революция в деревню не проникла, в деревне произошла лишь противо-крепостническая революция, которую автор китайской стеной отгораживает от социалистической революции в городе и не понимает того, как социалистическая революция, произошедшая сначала в городе и завершившая буржуазно-демократическую (по Крицману — противокрепостническую) революцию в деревне, перебросилась и в деревню и выразилась там в выделении пролетарских и полупролетарских элементов, в сплочении их с городскими рабочими и организации их для борьбы против кулачества, в создании комитетов бедноты как организаций социалистической революции в деревне, а впоследствии растворении этих организаций в сельсоветах с тем, чтобы последние стали органами п р о л е т а р с к о й власти в деревне. Поэтому он и выпячивает в деревне на первое место «значительный под'ем мелкобуржуазного хозяйства», игнорируя рост колхозов, как это делает вслед за Крицманом и т. Кирпотин, выдвигая на первый план консолидацию крестьянства. Рассматривая революцию в деревне как только противокрепостническую, им обоим непонятен рост социалистического сектора в деревне. И поэтому неудивительно, что Крицман вслед за Бухариным-Айхенвальдом и Кирпотиным по-оппортунистически характеризует происходящую в деревне социалистическую переделку хозяйственных форм середняка, являющуюся результатом и диалектическим развитием не противокрепостнической, как думает Крицман, а именно социалистической революции в деревне. Вот что пишет Крицман о коллективизации: «Коллективизация—э т о п р о ц е с с с а м о п е р е д е л к и м е л к о й б у р ж у а з и и п о д р у к о в о д с т в о м п р о л е т а р и а т а («Соц. Земледелие» № 132). Бухарин-Айхенвальд, Кирпотин и Крицман — все они сошлись на одном, что коллективизация это не то, что п р о л е т а р и а т, о р г а н и з у я пролетарские и полупролетарские слои в деревне и в н е д р я я в сельское хозяйство крупную машинную технику, насаждает колхозы и совхозы, п е р е д е л ы в а е т м е л к о - с о б с т в е н н и ч е с к у ю п р и р о д у к р е с т ь я н и н а, привлекая его к активному участию в строительстве социализма, а крестьянство само, своими собственными средствами и силами переделывает свою природу, развиваясь к социа-

лизму не пролетарским, а своим особым путем, через развитие мелкой собственности и, стало быть, через рынок. Перед нами развернутая платформа мелкобуржуазного либерализма, отражающего идеологию кулачества и плетущихся пока за ним наиболее реакционных слоев мелкой буржуазии.

В заключение остановимся только на одном вопросе: на своеобразии правооппортунистических теорий, после того, как идеология правого уклона в основном уже разоблачена, и принадлежность к правому уклону об'явлена несовместимой с пребыванием в рядах партии. Нужно сказать, что этим своеобразием является то, что авторы подобных теорий делают теперь свое правооппортунистическое дело с особо тщательной маскировкой, с еще большими, чем всегда, попытками казаться ортодоксами, с низкими поклонами в сторону генеральной линии партии и с осуждениями правого оппортунизма. Это вполне понятно, так как открыто выступать с реставрацией и защитой теории правого уклона довольно трудно.

Этому правилу следует и т. Кирпотин, который клянется в своей статье верностью Ленину вплоть до того, что хвастает на поставленный вопрос «отвечать таким же образом, как отвечал Ленин», ссылается на т. Сталина, критикует Бухарина и его теорию, говорит о сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса, но все это не спасает нашего автора, находящегося в плену мелкобуржуазного либерализма.

V.

Предмет нашей дальнейшей критики — «Экономика переходного периода» Лапидуса и Островитянова, представляющая составную часть их учебного пособия для вузов под названием «Политическая экономия в связи с теорией советского хозяйства». Это учебное пособие вышло недавно пятым изданием, имеет сейчас весьма распространенное хождение в марксистско-ленинских кружках повышенного типа, среди слушателей совпартшкол, II ступени, студентов специальных вузов, среди партийного актива, занимающегося самообразованием, и т. д. Тот факт, что книга вышла тиражом в 200.000 экземпляров и продается сравнительно по недорогой цене, достаточно убедительно говорит о ее популярности. Тем более это обязывает к критике воззрений авторов на вопросы «Экономики переходного периода». В данной работе мы не будем критиковать общеметодологического подхода авторов к изучению экономики и закономерностей переходного периода и сосредоточим свою критику на той части воззрений Лапидуса и Островитянова, где они излагают вопросы о взаимоотношениях социалистической промышленности и рабочего класса с крестьянством. Ошибки авторов «однотипны» с ошибками Бухарина и Кирпотина и имеют прямое отношение к вопросу о классовой природе крестьянства.

Основной ошибкой авторов является то, что они, излагая в бухаринском право-оппортунистическом духе экономику переходного периода в первом издании своей книги, выпущенном в 1928 г., не освободились от право-оппортунистических ошибок и в пятом издании, вышедшем в 1930 году.

Правильная в общем критика антипартийных, троцкистских ошибок Преображенского уживается в их работе с грубейшими право-оппортунистическими ошибками. В первом издании книги авторы с последовательностью, достойной несомненно лучшего, менее печального применения, плетутся в хвосте за т. Бухариным, полностью списывая у него оппортунистические теоретические и политические ошибки.

В первом издании авторы популяризируют для масс, жаждущих теоретических знаний, и теорию равновесия, и теорию самотека, и теорию разви-

тия крестьянства к социализму не капиталистическим путем, через рыночные отношения, и теорию потухания классовой борьбы. А в заключение для еще большей наглядности и ясности своей точки зрения они старательно выписывают как раз те самые цитаты из работ Бухарина, где последний распространяется о врастании кулацких гнезд в социализм.

Одним словом, концентрация и расширенное воспроизводство всех правооппортунистических ошибок Бухарина. Если к тому добавить еще то, что авторы, для придания авторитетности ряду своих незамысловатых рассуждений приводят цитаты из такого «авторитета», как... Троцкий, то вся неприглядность и антипартийность этой теории представляется перед нами во всей своей первобытной красоте. Возможно, что авторы и открещивались от своих политических ошибок, допущенных ими в первом издании книги, но отсутствие этих признаний в пятом издании и обилие тех же правооппортунистических ошибок авторитетно свидетельствуют о политическом лице молодых и талантливых профессоров политической экономии и знатоков экономики переходного периода.

Мы считаем лишним приводить из первого издания цитаты, подтверждающие наши обвинения авторов в кровном родстве с известными правооппортунистическими ошибками лидера правой оппозиции. Излишним это занятие является: 1) потому, что их читатель при желании и без особого труда может их найти сам; 2) потому, что вряд ли наличие их будут отрицать сами авторы учебного пособия, и 3) из-за экономии места.

Перейдем к пятому изданию этой книги, претендующей на роль непогрешимой ортодоксии и занявшей среди учебников по теории советской экономики такое видное и совершенно незаслуженное место.

В предисловии авторы специально указывают, что они, «воздерживаясь от специальной полемики по вопросам политической экономии..., не могли, однако, отказаться от полемики в вопросах советского хозяйства». Пошли они на этот шаг, главным образом, потому, что здесь теоретические разногласия тесно и непосредственно связаны со жгучими политическими проблемами наших дней, с конкретными задачами социалистического строительства.

Авторы, конечно, правы. Но нужно сказать, что их «не-отказ» от такого разбора теории советского хозяйства хуже воздержания. Приходится согласиться, что воздержание «спасает» не только преподобных старцев и святых дев, посвятивших себя только богу, но и некоторых молодых марксистских профессоров, отдавших свою жизнь на алтарь науки.

Итак, теория Лапидуса и Островитянова, полностью копирующая все оппортунистические ошибки Бухарина, вплоть до рассуждения о врастании кулака в социализм в первом своем издании, в пятом издании носит явные следы этих оппортунистических ошибок. Правда, авторы делали попытки разгрузить свою «теорию» от этих ошибок, они, напр., выбросили оппортунистические цитаты Бухарина, не ссылаются больше на Троцкого, но подошли они к этим исправлениям чисто механически, и дух правого оппортунизма веет над «Экономикой переходного периода» Лапидуса и Островитянова.

Правый уклон внутри партии превратился в кулацкий уклон внутри партии, а потому принадлежность к правому уклону несовместима с пребыванием в партии. Правые выступают в роли защитников кулачества в период, когда партия борется за ликвидацию этого класса на основе сплошной коллективизации.

Будучи агентурой кулачества, правые вместе с тем не видят капиталистических тенденций в развитии середняка и смазывают необходимость ведущей роли рабочего класса в союзе с середняком. Это смазывание активной роли пролетариата в социалистическом переустройстве сельского хозяй-

ства ярче всего выражается в теории самотека, в рассуждениях об особом некапиталистическом, в противовес социалистическому, развитии сельского хозяйства, в фаталистическом снятии вопроса «кто кого», в замазывании производственной смычки и продуктообмена и превозношения торговых отношений, в отрицании самостоятельной организации бедноты и, наконец, в отрицании коллективизации. Нужно сказать, что вышеперечисленные правооппортунистические ошибки, правда, чаще всего в покрытой туманом форме имеют место в работе Лапидуса и Островитянова. Разумеется, от этих «специфических» ошибок многочисленному читателю, изучающему книгу как учебник, нисколько не легче и оппортунистический яд отравляет сознание сотен тысяч учащихся.

Нужно сказать, что авторы, подобно Бухарину и Кирпотину, говоря об основных классах нашего общества и крестьянства как классе, не улавливают различия между крестьянством как классом, и крестьянством вообще. На всем протяжении их теории читатель не найдет и намека на ленинскую постановку вопроса о крестьянстве как классе в переходном периоде. Наоборот, в книге есть недвусмысленные указания, что в крестьянстве как классе простые товаропроизводители-середняки составляют подавляющее большинство, а меньшинство этого класса составляют, повидимому, кулаки. Иначе понимать авторов невозможно. Так, напр., на стр. 459 они пишут: «Главную и решающую роль в развитии советского хозяйства играют взаимоотношения двух основных классов—пролетариата и крестьянства». А немного выше идет определение экономики, носителем которой является крестьянство как класс: «В крестьянском земледелии мы имеем в подавляющем большинстве мелких простых товаропроизводителей». Справедливость требует отметить, что авторы в этом вопросе сделали один шаг вперед от Бухарина. Они говорят о дифференциации крестьянства, выделяют капиталистические элементы крестьянства и критикуют Бухарина за то, что последний абстрагируется от этих капиталистических элементов. Авторы в этой части правы, но их шаг от Бухарина еще не сделал их постановки вопроса о крестьянстве как классе правильной. Капиталистические элементы крестьянства, кулачество они рассматривают не как совершенно особую, самостоятельную классовую категорию, а как составную часть крестьянства как класса. Этот факт очень наглядно показывает, что авторы не освободились еще от методологических ошибок Бухарина. Далее авторы повторяют, опять-таки в несколько прикрашенном ортодоксальной фразеологией виде, ошибки Бухарина, связанные с его теорией самотека.

Вот как определил эту оппортунистическую теорию в своей известной речи на конференции аграрников-марксистов т. Сталин:

«Авторы этой теории утверждают приблизительно следующее. Был у нас капитализм, развивалась индустрия на капиталистической базе, а деревня шла за капиталистическим городом стихийно, самотеком, преобразуясь по образу и подобию капиталистического города. Если так происходило при капитализме, то почему же не может произойти то же самое и при советском хозяйстве... Авторы этой теории утверждают на этом основании, что деревня может пойти за социалистическим городом в порядке самотека. Отсюда вопрос: стоит ли нам горячиться насчет образования совхозов и колхозов, если деревня может и так пойти за социалистическим городом». Нужно сказать, что наши авторы, выступая в роли теоретиков-аграрников, не только что не дали отпора этой антимарксистской, антиленинской теории, но, наоборот, очень много позаимствовали от нее.

Вся их «теория» о ведущей роли промышленности по отношению к сельскому хозяйству состоит в следующем: они берут социалистический

сектор города и мелкособственнический сектор деревни. Устанавливают факт взаимодействия этих секторов. Далее они устанавливают факт «неравноценного воздействия» промышленности на сельское хозяйство простых товаропроизводителей и делают общий вывод:

«Государственно-социалистический сектор играет ведущую роль в нашем советском хозяйстве, он определяет тенденцию развития всего нашего хозяйства в целом (?) к социализму, а то влияние, которое оказывает стихия производственных отношений других укладов на него, является подчиненным. Она (эта стихия) не может подняться на такую ступень, чтобы начать преобразовывать по своему образу и подобию государственно-социалистический сектор советского хозяйства, она не может стать ведущей силой советского хозяйства» (стр. 455). Итак, согласно теории Лапидуса и Островитянова, поскольку дан факт ведущей роли социалистического города в отношении мелко-крестьянской деревни, то этого уже достаточно для того, чтобы деревня стала сама развиваться к социализму. Лапидус и Островитянов, правда, в завуалированном виде, но все же повторяют в общеметодологической части своей книги теорию самотека.

Но авторы обещают рассматривать вопрос о путях развития сельского хозяйства к социализму специально в конце книги. Последуем за ними. Вот эта обещанная глава «Проблемы социалистического переустройства сельского хозяйства в СССР». Может быть, здесь авторы в конкретном анализе проблем говорят нечто обратное теории самотека? Оказывается, что когда мы начнем знакомиться с воззрением Энгельса и Ленина о путях развития мелкого земледелия к социализму в изображении Лапидуса и Островитянова, то нас ждет горьчайшее разочарование. Послушаем самих авторов: «В условиях капитализма подавляющее большинство мелких земледельцев-крестьян рано или поздно превращается в лишенных средств производства и средств существования пролетариев». Это капиталистический путь (стр. 547), определяемый, согласно слов авторов, не природой мелкособственнического хозяйства и его развития, а влиянием капиталистической промышленности. «По какому же пути пойдет развитие нашего мелкого крестьянского земледелия? — спрашивают авторы и дают такой классический ответ: — Особенностью земледелия в СССР является то, что оно существует не в капиталистическом окружении, а в хозяйстве, где власть и командные экономические высоты принадлежат рабочему классу». Про авторов нельзя сказать, что они в своей «теории» дали правильное ленинское толкование путей развития сельского хозяйства в СССР. Наоборот, в своих рассуждениях они очень далеки от этого ленинского толкования проблемы.

Они, сравнивая развитие сельского хозяйства в условиях капитализма с развитием его в СССР, об'ясняют капиталистический путь развития сельского хозяйства только лишь тем, что на этот путь «его толкает вся та капиталистическая среда, в которой оно живет и развивается» (стр. 550). Все дело, как видим, сводится к среде, к окружению, в котором развивается сельское хозяйство. Слов нет, что факт наличия пролетарской диктатуры первое и основное условие для того, чтобы сельское хозяйство получило возможность развиваться по социалистическому пути. Не об этом идет у нас спор с правыми оппортунистами. Речь идет о том, что этого одного условия еще не достаточно, чтобы сельское хозяйство стало развиваться по социалистическому пути, что для этого нужно еще **активно** воздействовать на сельское хозяйство и проводить политику насаждения колхозов и совхозов, укрепляя при этом и производственную смычку с средним крестьянством, и что именно это обстоятельство нужно выдвигать сейчас на первое место. А в приведенных рассуждениях авторов об этом даже нет никакого намека, и эта сторона вопроса затушевывается. **Они даже не ставят вопроса о двух путях развития сельского хозяйства в СССР.**

Фактически они снимают вопрс «кто кого». Вряд ли стоит доказывать, что это и есть самый худший вид теории самотека в социалистическом строительстве, против которой выступал т. Сталин. Один только факт пролетарской диктатуры сам по себе не изменяет природы мелкособственнического хозяйства.

Правда, авторы пытаются говорить о том, что «должны быть какие-то условия, которые толкали бы его (т.-е. сельское хозяйство) по пути некапиталистического развития, но это отнюдь не делает их постановку вопроса правильной и не устраняет их теории самотека.

Характерная особенность Лапидуса и Островитянова та, что в вопросе о путях развития сельского хозяйства они не только правые оппортунисты, но и неподражаемые эклектики. Не переработав достаточно своего первого, насквозь правооппортунистического издания, в пятое издание они вносят новые дополнения, трактуют о новых проблемах, и в результате получается невообразимая путаница. Например, в общетеоретической части о коллективизации сельского хозяйства они говорят как о «конечном идеале», что показывает, что авторы рассматривают коллективизацию как идеал будущего. Но, касаясь решений XV с'езда, они вынуждены говорить о коллективизации как об основной задаче. Одним словом, авторы не осознали до конца своих правооппортунистических ошибок, допущенных ими в первом издании, и в 1930 г. наводняют рынок пятым изданием своей книги без достаточного исправления и переработки главы об «экономике переходного периода». Учащиеся и учащие должны быть предостережены об ошибках в книге Лапидуса и Островитянова, а авторы ее—обязаны до конца исправить свои оппортунистические ошибки и заново написать свою «Экономику переходного периода».

В своей статье мы ограничились лишь критикой правооппортунистических взглядов. Вопрос же о социальной природе крестьянства как класса мелких собственников с точки зрения его деформации, в связи со сплошной коллективизацией и ее подготовкой, политикой опоры на колхозников и ликвидации кулачества как класса, а также методология «левых» загибов— остались нами не рассмотренными. Но это уже предмет особой работы.

Проблема общественных формаций [1].

(Ответ т. С. М. Дубровскому).

А. Пригожин.

Проблема общественных формаций бесспорно является центральным пунктом марксистской методологии истории. Правильная периодизация истории, выяснение точных границ для действия различного рода экономических, политических и классовых категорий, раскрытие, как говорил Маркс, «самой глубокой тайны, сокровенной основы всего общественного строя» («Капитал», т. III, ч. 2, стр. 327) возможны лишь при анализе всего исторического процесса с точки зрения марксова учения о формациях.

В самом деле, проблема азиатского способа производства—проблема существования особого способа производства, характерного для азиатских стран, не дошедших в своем развитии до феодализма, проблема торгового капитала, сводящаяся к вопросу о том, существовала ли особая торгово-капиталистическая формация, проблема феодализма и крепостничества и, наконец, проблема, связанная с самим пониманием общественных формаций у Маркса, являются в настоящий момент дискуссионными проблемами среди историков-марксистов.

Эти проблемы отнюдь не являются сугубо абстрактными, а имеющими глубокий практический интерес. Программа Коминтерна толкует о странах с остатками «азиатского способа производства». Дискуссия в партии с оппозиционными течениями по вопросу о характере движущих сил китайской революции уперлась в проблему феодализма и торгового капитала в Китае. VI с'езд китайской компартии, происходивший в 1928 г., посвятил свое внимание вопросу о применимости к экономическому строю Китая «азиатского способа производства». Проблема аграрной революции не только в Китае, но и в таких странах, как Япония, как Балканы в Европе, может быть разрешена лишь в результате глубокого теоретического анализа общественных формаций этих стран в рассматриваемую эпоху.

Эта практическая потребность нашла свое отражение и в литературе, посвященной этим вопросам, а также в широких дискуссиях, которые велись в последнее время не только в стенах научных и учебных учреждений (Общество историков-марксистов в Москве и Ленинграде, Институт красной профессуры в Москве), но и на таком важном с'езде, каким была Всесоюзная конференция аграрников-марксистов.

Этим проблемам посвящены также работы т. Мадьяра, главным образом, его «Сельское хозяйство Китая», а также книга т. Дубровского «К вопросу о сущности «азиатского способа производства», феодализма, крепостничества и торгового капитала», изданная Научной ассоциацией востоковедения.

[1]) Не разделяя по этому вопросу позиции т. Дубровского, в то же время редакция печатает в порядке обсуждения ряд положений автора статьи. Редакция приглашает товарищей, занимающихся этой проблемой, принять участие в ее обсуждении на страницах журнала.

Цитированная выше книжка С. М. Дубровского, об'явленная «первым результатом работ Комиссии по феодализму на Востоке при Научной ассоциации востоковедения», имеет, с другой стороны, и политический характер. В предисловии к своей книжке т. Дубровский говорит: «На первый взгляд трактуемые вопросы кажутся сугубо академическими, но это только на первый взгляд. С признанием особого «азиатского» способа производства и отрицанием феодализма на Востоке в значительной мере связано ошибочное понимание революции в восточных странах, в частности в Китае. Последнее нашло свое выражение в выступлении троцкистов по вопросу о китайской революции. С непониманием крепостничества, как хозяйственной системы, и соответственно с непониманием ленинского учения о самодержавии, как диктатуре крепостников, были связаны ошибки правых и левых ликвидаторов (в период межреволюционный), а также ошибки Плеханова и Троцкого, предопределившие их непонимание первого демократического этапа революции, роли в нем крестьянства и задач пролетариата, как гегемона революции».

Политическое значение этой книги, наконец, заключается в том, что автор ее основывает свои положения на учении классиков научного коммунизма Маркса, Энгельса и Ленина. Вот почему разобраться в проблеме общественных формаций, проверить концепцию, излагаемую т. Дубровским, а также взгляды сторонников «азиатского способа производства», является насущнейшей необходимостью каждого сознательного марксиста.

Проблема общественных формаций у Маркса, Энгельса и Ленина и изложение ее у т. Дубровского.

Тов. Дубровский обвиняет всех его критиков в том, что они не понимают проблемы общественных формаций и укладов. Тов. Дубровский в своей книге, говоря о «главных способах производства», пишет: «Каждый способ производства и соответствующие ему производственные отношения образуют особый, определяемый ими общественный уклад, т.-е. совокупность производственных отношений» (стр. 19). Мы знаем, что Маркс неоднократно указывал на то, что совокупность производственных отношений определяет собой способ производства и экономическую структуру общества. Получается по Дубровскому, что уклад — это способ производства или экономическая структура общества. Исходя из такой постановки вопроса, мы придем, следуя за т. Дубровским, к тому, что общественная формация определяется укладом и производственными отношениями, ибо в книжке т. Дубровского на стр. 59, даже принимая во внимание его поправки, представляющие по существу говоря своеобразное «2-е издание» [1]) его книги, сказано: «Всякая общественная формация определяется способом производства и отношениями людей в процессе производства, т.-е. производственными отношениями». Если к этой формулировке добавить раз'яснения, получаемые у него насчет укладов, то мы ни на иоту не разрешим интересующий нас вопрос, а еще больше запутаемся в нем. Собственно говоря, разницы между формацией и укладом сам Дубровский не понимает.

---

[1]) К книге т. Дубровского приложен напечатанный отдельно список исправлений, где, между прочим, читатель приглашается сделать такие исправления, которые означают по существу новое, второе издание книги. Так, например, на стр. 19 первоначально напечатано: «Способ производства определяется порядком производства материальной жизни и расстановкой людей в процессе производства, т.-е. производственными отношениями», а надо читать вместо «расстановкой людей» «отношениями людей»; на стр. 59 мы снова встречаемся с этой же поправкой; на стр. 21 — напечатано о том, что в Коммунистическом манифесте рассматриваются классовые отношения «феодально-крепостного» общества, а надо читать: «феодального и крепостного» и т. д. Таких примеров можно было бы привести с десяток.

Цитированное выше определение формаций, напечатанное на стр. 59 его книги, неправильно, так как т. Дубровский не понимает сущности производственных отношений. При определении сущности производственных отношений т. Дубровский упускает самое существенное в характере производственных отношений: Маркс во II томе «Капитала» указывает, что характерным для системы производственных отношений является способ соединения рабочей силы и средств производства.

«Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение (рабочих и средств производства. *А. П.*), различает отдельные экономические эпохи социальной структуры» [1]). Не понимая этого, т. Дубровский и мог скатиться на Бухаринскую постановку вопроса о «расстановке» людей в процессе производства.

Итак, какие основные признаки кладет Маркс в основу формаций? В наиболее законченном виде характеристика формаций дана во 2-й части III тома «Капитала», где говорится, что проблема формаций раскрывает «самую глубокую тайну, сокровенную основу всего общественного строя» [2]).

В качестве основного элемента общественных формаций Маркс считает, во-первых, специфическую форму эксплоатации — «специфическую экономическую форму, в которой неоплаченный прибавочный труд высасывается из непосредственного производителя»; с формой эксплоатации связана проблема господства и подчинения, каким оно «вырастает из непосредственного производства»; во-вторых, вырастающая на основе формы эксплоатации экономическая структура общества, т.-е. «непосредственное отношение собственников в условиях производства к непосредственному производителю», различие, которое в каждую данную эпоху зависит, между прочим, «от развития способов труда». Сюда надо прибавить еще замечание Маркса из I тома «Капитала», где он говорит о том, что при анализе производства надо обращать внимание не столько на то, что производится, сколько на то, как производится. «Экономические эпохи,—пишет Маркс,—различаются не тем, что производится, а как производится, какими средствами труда» [3]). Сюда надо еще присоединить вопрос о соединении рабочей силы и средств производства в процессе производства и вытекающий из способов труда характер прибавочного продукта: несомненно, что для каждой общественной формации, для каждой эпохи мы имеем своеобразную, специфическую форму прибавочного продукта. В-третьих, формацию определяет политическая форма суверенитета «отношения и зависимости, короче: всякая данная специфическая форма государства». Эта постановка Маркса не оставляет никаких сомнений насчет сущности формаций. Прежде всего, совершенно ясно, что понятие «формация» значительно шире понятия «способа производства»: формация включает в себя такой признак, как «специфическую форму государства», т.-е. предполагает классовое общество, а о способе производства можно говорить и в отношении доклассового общества; способ производства, кроме того, является лишь выражением единства производительных сил и производственных отношений, которое может быть взято вне зависимости от его конкретной общественной формы, вне зависимости от формации. Это классическое выражение основных признаков, которыми характеризуется общественная формация, является первым основным методологическим положением, которое здесь надо установить.

---

[1]) Капитал, т. II, гл. I, стр. 12.

[2]) Капитал, т. II, ч. 2, стр. 327.

[3]) Капитал, т. I, стр. 155.—Этот момент упускают обычно сторонники «азиатского способа производства», а между тем, уже с точки зрения проблем развития способа труда», «азиатский способ производства» терпит фиаско, так как «средства труда», господствующие в «азиатском обществе», феодальные.

Второе положение заключается в следующем: когда т. Дубровский выступает со своей теорией об укладах и формациях, то он упускает такой важнейший принцип марксистской методологии, как принцип непрерывности исторического развития, принцип связи отдельных периодов человеческой истории.

В знаменитом письме к Анненкову Маркс совершенно ясно и определенно указывает эти основные принципы исторического развития: люди не свободны в выборе производительных сил, так как они наследуют производительные силы предшествующих поколений. «Благодаря тому простому факту,—пишет Маркс,—что каждое последующее поколение находит производительные силы, добытые предыдущими поколениями, и эти производительные силы служат ему сырым материалом для нового производства, благодаря этому факту возникает связь в человеческой истории, образуется история человечества» [1]).

Эту же мысль Маркс отмечает в своем Введении к «К критике политической экономии»: «Так называемое историческое развитие общества покоится на том, что последующая форма рассматривает предыдущую как ступень к самой себе» [2]).

Таким образом люди, поскольку они наследуют производительные силы, созданные предыдущими поколениями, постольку они берут из этого наследства материал для нового производства, и благодаря этому развивается человеческая история. Проблема «историзма» в этих условиях является вторым основным признаком марксистской методологии истории и решающим моментом в учении о формациях. Несомненно, что формация наследует остатки предыдущих способов производства и формаций, принявших, благодаря потере способом производства своего господствующего положения, характер уклада; формация выделяет затем новый способ производства, который в дальнейшем развитии станет господствующим способом производства, и таким образом формация превращается в своем развитии сама в уклад для будущей формации. «Всякий... определенный способ производства,—пишет Маркс,—предполагает данную ступень общественных производительных сил и данные формы их развития, как свое историческое условие, условие, которое само является историческим результатом и продуктом предшествующего процесса, и из которой, как своей данной основы, исходит новый способ производства» [3]). Так выглядит зависимость между формацией и укладом при историческом развитии.

Третьим чрезвычайно важным методологическим моментом при анализе исторического процесса, с точки зрения общественных формаций, является вопрос о взаимоотношениях между производительными силами и производственными отношениями, взятыми с точки зрения общей диалектики общественно-исторического процесса. Эту диалектику изобразил Плеханов в своей критике Струве: «Производительное воздействие общественного человека на природу и совершающийся в процессе этого воздействия рост производительных сил, это — содержание; экономическая структура общества, его имущественные отношения, это — форма, порожденная данным содержанием (данной ступенью «развития» материального производства) и отвергаемой вследствие дальнейшего развития того же содержания» [4]).

---

[1]) Письмо от 28 декабря 1846 г. Маркс и Энгельс, Письма, изд. «Московский Рабочий».

[2]) К критике политической экономии, изд. «Московский Рабочий», 1922 г., стр. 28.

[3]) Капитал, т. III, ч. 2, стр. 339.

[4]) Г. Плеханов, Г-н Струве в роли критика марксовой теории общественного развития, Соч., т. XI.

Итак, если экономическая структура общества является формой по отношению к содержанию, заключающему в себе проблему производительных сил, а экономическая структура общества зависит от способа производства, который, в свою очередь, представляет собою единство производительных сил и производственных отношений, то движущая сила общественного развития лежит в противоречии между производительными силами и экономической их формой. Так, согласно Плеханову, идет «дальнейшее развитие того же содержания», идет дальнейшее воспроизводство производительных сил и производственных отношений. Но это воспроизводство в конкретном историческом процессе облекается в специфическую для данной исторической ступени форму или, скажем, формацию.

Таковы те положения, которые нужно взять в основу при рассмотрении учения Маркса об общественных формациях, и с точки зрения которых концепция т. Дубровского теоретически не выдерживает никакой критики. Отсюда и чудовищное утверждение т. Дубровского об одинаковости «экономической сущности ренты». В своем выступлении на конференции аграрников-марксистов т. Дубровский заявил буквально следующее: «Будет ли рента крепостническая, будет ли рента продуктовая, будет ли рента отработочная, будет ли рента денежная,— экономическая сущность ренты одна и та же. Это именно часть прибавочного продукта, поступающего земельным собственникам» [1]). В своих главах о ренте Маркс предупреждает против «смешения различных форм ренты, соответствующих различным ступеням общественного процесса». Поэтому рассуждения т. Дубровского о ренте должны быть отброшены как немарксистские. В своем Введении к «К критике политической экономии» Маркс, рассматривая противоречивую форму развития буржуазного общества, кроме того отмечает, что: «Отношения предшествующих форм появляются в ней часто в искаженном виде, или даже в новой оболочке, напр., общинная собственность... Если правда поэтому, что категории буржуазной экономики заключают в себе истину и для всех других общественных форм, то это надо понимать cum grano salis». Они могут содержаться в ней в развитом, искаженном, карикатурном и т. д. виде, но всегда в виде существенно измененном» [2]). То, что относится к буржуазному обществу, несомненно соответствует и другим формациям.

Если такая основная категория, как собственность, капиталистическая рента и т. д., имеет, как говорит Маркс, «специфически историческую определенность», т.-е. различное содержание в зависимости от ступени общественного способа производства, в зависимости от принадлежности к той или иной общественной формации, то смешение этих категорий приводит не к разрешению вопроса, а лишь к дальнейшей путанице.

Когда мы говорим о какой-либо определенной форме ренты, то хотя мы по существу имеем отчуждение продуктов в форме ли прибавочного продукта или заработной платы, мы всегда имеем форму ренты, связанной с определенной системой производственных отношений, а эта система производственных отношений связана с определенной формацией. Тов. Дубровский на словах провозглашает всеопределяющее значение совокупности производственных отношений при определении формаций, а по существу этой связи между производственными отношениями и формациями не понимает. Тов. Дубровский в своих писаниях опирается на авторитет Маркса, Энгельса и Ленина—авторитет основоположников научного коммунизма. По существу же говоря, т. Дубровский призывает своих читателей пересмотреть основные положения марксистской методологии истории в сторону принятия его кон-

[1]) С разрешения т. Дубровского, пользуюсь его неправленной стенограммой выступления на восточной секции конференции аграрников-марксистов.

[2]) К критике политической экономии, стр. 28.

ценции, ибо, по его мнению, ему должен принадлежать приоритет в понимании учения основоположников марксизма.

К сожалению, для обоснования своих положений т. Дубровский пользуется методами, далекими от научной добросовестности. Выступая в борьбе за ортодоксальный марксизм, т. Дубровский извращает точку зрения Маркса, Энгельса и Ленина. За недостатком места ограничимся лишь несколькими примерами. На стр. 7 своей книжки т. Дубровский заявляет, что термин «азиатское общество» не в меньшем количестве, чем по отношению к восточным народам, в частности к Индии и Китаю, применялся Марксом и Энгельсом и в о т н о ш е н и и Р о с с и и. Напр., Маркс в «единстве мелкого земледелия и домашней промышленности» видел экономическую основу «азиатского производства» в России и пограничных с нею азиатских государствах».

Утверждая таким образом, что Маркс и Энгельс трактовали современную им Россию как страну «азиатского способа производства», т. Дубровский ссылается на замечание из т. III, ч. 1 «Капитала». Маркс, рассматривая влияние англичан на экономическое развитие Индии и Китая, указывает:

«Препятствия, которые ставят разлагающему влиянию и торговле внутренняя устойчивость и строй докапиталистических национальных способов производства, поразительно обнаруживаются в сношениях англичан с Индией и Китаем. Широкий базис способа производства составляет здесь единство мелкого земледелия с домашней промышленностью, при чем в Индии к этому присоединяется еще форма деревенских общин, покоящих на общинном земледелии, которая, впрочем, была первоначальной формой и в Китае. В Индии англичане, как властители и присвоители земельной ренты, немедленно применили свою непосредственную политическую и экономическую власть для того, чтобы разрушить эти мелкие экономические общины. Их торговля оказывает здесь революционизирующее влияние на способ производства лишь постольку, поскольку они дешевизной своих товаров уничтожают прядение и ткачество, исконную интегральную часть этого единства промышленно-земледельческого производства и таким образом разрывают общину. Но даже здесь это дело разложения удается им лишь очень медленно. Еще менее оно удается им в Китае, где непосредственная политическая власть не приходит на помощь» [1]).

О чем говорит здесь Маркс? Маркс говорит здесь о разлагающем влиянии английской торговли на экономический строй Индии и Китая. С другой стороны, он отмечает, что это разложение удается англичанам «лишь очень медленно». Маркс указывает: «В противоположность английской р у с с к а я т о р г о в л я, напротив, оставляет не затронутой экономическую основу азиатского производства».

Итак, Маркс говорит, что русская торговля в противоположность английской торговле не разрушает основы восточных стран, с которыми она ведет торговлю. К этому замечанию Маркса Энгельс делает следующее замечание к 4-му изданию «Капитала», т.-е. к изданию 1890 г.: «Это также начинает изменяться с тех пор, как Россия делает судорожные усилия, чтобы развить собственное капиталистическое производство, рассчитанное исключительно на внутренний и на пограничный азиатский рынок».

Это замечание Энгельса указывает, что к 90-м гг. прошлого столетия, после того, как в России стали наблюдаться успехи капиталистического производства, русская торговля начинает, подобно английской торговле со странами Востока, оказывать разлагающее влияние. Последнее замечание позволяет будто бы т. Дубровскому делать вывод о том, что Энгельс считал возможным рассматривать Россию 90-х гг. прошлого столетия, как страну

[1]) Капитал, т. III, ч. 1, стр. 318.

«азиатского» способа производства. Нечего говорить, что такое утверждение является абсолютно абсурдным и ни в какой степени не обосновывается высказываниями ни Маркса, ни Энгельса. Ведь подобное утверждение т. Дубровского насчет взглядов Энгельса на экономическое развитие России 90-х гг. должно привести к определенным политическим выводам. Ведь на IV Об'единительном с'езде в Стокгольме Ленин как раз и возражал Плеханову, пытавшемуся из анализа «азиатского характера русского деспотизма» и русской общины построить меньшевистскую концепцию русской революции. Если действительно Маркс и Энгельс стояли на точке зрения признания за Россией «азиатского» способа производства, то прав был не Ленин, как мы до сего времени думали и считали, а Плеханова: прав был меньшевизм, а не большевизм!

Это оригинальное обращение с источниками марксизма отнюдь не ограничивается у Дубровского только неправильным толкованием. В своей книге он не раз уточняет Маркса. Приведя знаменитое высказывание Маркса из Введения к «К критике политической экономии», где говорится об общественных формациях, т. Дубровский довольно оригинально интерпретирует источник: «В общих чертах,—пишет Маркс,—можно наметить как прогрессивные эпохи экономического формирования общества: азиатский, античный, феодальный и современный буржуазный способы производства. По поводу этой цитаты т. Дубровский, прежде всего, замечает, что Маркс говорит здесь лишь только «в общих чертах». «Конкретизируя» и «уточняя» Маркса, т. Дубровский продолжает: «Он вовсе не исчерпывает всех способов производства и всех хозяйственных укладов» [1]). Каждый прекрасно знает, что ни в одном из произведений Маркса, Энгельса и Ленина нет ни намека на то, чтобы основоположники социализма где-нибудь говорили о других способах производства, характерных для классового общества. Эти «уточнения» Маркса чрезвычайно характерны в следующих рассуждениях т. Дубровского: «Мы имели,—пишет там же т. Дубровский,—древне-азиатское общество: Ассирию, Вавилон, Египет и пр., античное—Греция, Рим, феодальное или, точнее, феодально-крепостническое, которое свойственно было средневековью, а отчасти и новому времени, и, наконец, буржуазно-капиталистическое».

Здесь т. Дубровский уточняет марксистское понимание феодального общества, говоря, что Маркс имел в виду феодально-крепостническое. Наконец, это же уточнение т. Дубровский продолжает и по отношению к «Коммунистическому манифесту». «Весьма показательно также,—пишет т. Дубровский,—что и в «Коммунистическом манифесте», в котором рассматриваются классовые отношения и рабского общества, и феодального, и крепостнического, и капиталистического, совершенно не отмечаются какие-либо особые классовые отношения, свойственные азиатскому обществу» [2]). Здесь, уточняя Маркса, т. Дубровский приписывает Марксу мысль о том, что в «Коммунистическом манифесте» он различает отдельно феодальное и крепостническое общество. Уточнений Маркса, причесывания Маркса, а в особенности Ленина, можно было бы привести довольно много. За недостатком места остановимся на последнем моменте—утверждении т. Дубровского об «азиатском» способе производства. Тов. Дубровский утверждает, что Маркс и Энгельс, помимо выше цитированного места из Введения к «К критике политической экономии», «нигде не пишут о специфическом «азиатском способе производства», как особом способе производства, отличном от рабского, феодального, крепостнического и т. д. со свойственными ему особыми производственными отношениями. Они употребляют этот термин, так же как термин азиатское общество, азиатское государство, азиатский порядок, в таком же смысле, как

[1]) С. Дубровский, стр. 16.
[2]) Там же, стр. 21.

европейский порядок, европейское общество, европейское государство и т. д. [1]). Как ни рассматривать проблему «азиатского способа производства», во всяком случае нельзя отрицать того, что Маркс и Энгельс неоднократно замечали об «азиатском способе производства» не только как о географическом понятии. Такие приёмы «марксистского исследования» и помогают обосновывать т. Дубровскому свою концепцию.

Десять способов производства и определяемых ими формаций т. Дубровского.

Тов. Дубровский утверждает, что Маркс и Ленин не ограничиваются четырьмя формациями, а имеют дело с десятью формациями. «Все общественное развитие Маркс далеко не сводит к указанным выше четырем способам производства. Исходя из соответствующих мест в работах Маркса, Энгельса и Ленина, можно наметить следующие основные способы производства и соответственные хозяйственные уклады» [2]).

Далее т. Дубровский различает эти 10 способов производства: 1) хозяйство первобытного общества, 2) патриархальное общество, 3) рабовладельческое хозяйство, 4) феодальное хозяйство, 5) крепостное хозяйство, 6) хозяйство мелких производителей, 7) капиталистическое хозяйство, 8) хозяйство переходной эпохи от капитализма к социализму — эпохи диктатуры пролетариата, 9) социалистическое хозяйство, 10) хозяйство эпохи мирового коммунизма» [3]).

Эти перечисления позволяют т. Дубровскому делать далее следующие утверждения: «На основании точного смысла всего написанного Марксом, Энгельсом и Лениным, на основе выработанного ими метода, можно говорить, по крайней мере, о десяти способах производства, о десяти особых укладах». Только на основании учения Маркса, Энгельса и Ленина, в целом, на основании всего их метода можно получить правильный ответ, в частности и по вопросу о способах производства и об определяемых ими общественных укладах и формациях» [4]). В сноске, посвященной об'яснению способа производства, т. Дубровский эту мысль еще более уточняет, подчеркивая, что «господствующий уклад определяет собою всю данную общественную формацию в целом».

Посмотрим теперь, действительно ли на основании точного смысла всего написанного Марксом, Энгельсом и Лениным можно говорить о 10 способах производства, о 10 общественных формациях. Как увидим, такая периодизация всего общественного развития находится в теснейшей связи с непониманием учения Маркса и Энгельса об общественных формациях.

У кого же взял эти 10 формаций т. Дубровский? Действительно ли у Маркса, Энгельса и Ленина или же у кого-либо другого? Оказывается, что т. Дубровский взял эти 10 формаций ни более, ни менее, как у Богданова, против которого он сам обрушивается за неправильное понимание феодализма. Достаточно сравнить схему Богданова со схемой т. Дубровского, чтобы в этом вопросе не осталось никакого сомнения.

---

1) Там же, стр. 23.
2) Там же, стр. 17.
3) Там же, стр. 17—19.
4) Там же, стр. 19.

СХЕМА А. А. БОГДАНОВА.

1) Первобытно-родовой коммунизм. «Мелкие родовые группы почти с полным отсутствием разделения труда» [1]). «Общность крови послужила первоначальной основой общественных отношений».

2) Авторитарная родовая община. «Каждый из таких коллективов—трудовых общин удовлетворяет свои потребности продуктами собственного труда, не прибегая к обмену продуктами с другой общиной или пользуясь обменом в сравнительно ничтожном размере» [2]). «Первоначальное земледелие не требовало оседлости.. впоследствии, когда земледелие приобрело более важное значение в жизни рода, последний начинает сообразоваться с ним в своих передвижениях. Он остается на месте до тех пор, пока урожай не будет собран» [3]).

3) «Феодализм — дальнейший рост организации, при которой кровные связи отступают на второй план перед связями собственно экономическими...» [4]). «В общем экономическое строение феодальной системы приходится представлять в следующем виде: на почве мелкого, технически слабого земледельческого производства, из которого еще не выделилась обрабатывающая промышленность, создалась большая, но довольно сплоченная натурально хозяйственная организация—земледельческая община» [5]). «В процессе своего распадения патриархальный род дал начало патриархальной семейной общине, которая и является основной экономической ячейкой феодальной эпохи. Связанная с другими членами деревенского мира, преимущественно соседскими отношениями, каждая крестьянская семья представляет самодовлеющее хозяйство. Основное ее стремление—удовлетворять все потребности непосредственно собственным производством. Те многочисленные «ремесленники», которые появляются в феодальной деревне, не расшатывают, а скорее укрепляют общий натурально-хозяйственный уклад крестьянской семьи и сами очень мало выделяются из крестьянской массы» [6]).

4) «Рабовладельческая система. Преобразование феодального строя в различных исторических условиях идет

СХЕМА ТОВ. ДУБРОВСКОГО.

1) Хозяйство первобытного общества, в основе которого лежал род, «имеющий основанием кровное родство и являющийся первоначально и стихийно возникшей формой человеческого общежития» (стр. 17).

2) Патриархальное, т.-е. в значительной степени натуральное, хозяйство, когда крестьянское хозяйство работает только на себя (при чем оно может находиться в состоянии кочевом или полукочевом) (стр. 17).

3) Феодальное хозяйство, при котором в сельском хозяйстве преобладает хозяйство непосредственного производителя, у которого натуральное земледелие соединено с домашней промышленностью, при чем в рамках этого хозяйства создается необходимый прибавочный труд... города эпохи феодализма характеризуются ремесленно-цеховым строем, основанным на мелком производстве» (стр. 17).

«Общины с замкнутым натуральным хозяйством, основанным на соединении земледелия с домашней промышленностью, и составляли основную экономическую базу докапиталистических общественных формаций во многих восточных, да и не только восточных, странах» (стр. 35).

4) Рабовладельческое хозяйство. «Рабское или плантаторское хозяйство основано на том, что

---

[1]) Там же, стр. 18.
[2]) Богданов, Курс полит. экономии, т. I, ч. 1, 1920 г., стр. 29.
[3]) Там же, стр. 40.
[4]) Богданов, Критический курс экономической науки, стр. 18.
[5]) Там же, стр. 49.
[6]) Богданов, Курс полит. экономии, т. I, стр. 120.

по различным линиям, приводя в одних условиях к еще гораздо более глубокому закрепощению большинства производителей, других, напротив, к насильному их освобождению, к превращению в самостоятельных мелких хозяев... Из рабовладельческой системы выступила всего раньше и по существу простейший тип представляет организация восточных деспотий» [1]). «Первые деспотические системы отнюдь не случайно возникли в плодородных долинах великих исторических рек: Нила, Тигра и Евфрата, Хоан-Хе, Ганга и др.» [2]). «Иной тип культуры — подобно рабству восточному, завершающийся деградацией, но гораздо более высокий в своем развитии—представляла система рабства в классическом мире» [3]). «Крепостнические отношения точно также развиваются из феодальных отношений средних веков, как из феодальных отношений древнего мира развивались рабовладельческие отношения» [4]). «Ее (крепостнической системы. *А. П.*) сходство с рабством — несвобода земледельческого населения — ее возникновение из средневекового феодализма».

5) Система крепостного хозяйства. «В расцвет феодальной эпохи в центре господствующей экономической организации стоял сеньор, который суверенно подчинял себе все хозяйственные отношения. Для него существовала усадьба, для его усадьбы существовала деревня, и он же налагал господствующий отпечаток на всю жизнь тогдашнего города. Ремесло и торговля были просто одним из элементов его потребительного хозяйства. Ремесленники или торговцы были просто принадлежность все той же усадьбы или деревни; последняя в свою очередь все больше развивалась в совершенно пассивный придаток усадьбы». Таким образом... экономическая жизнь исчерпывается жизнью усадьбы» [5]). «..Рядом промежуточных звеньев крепостное хозяйство соединялось в истории экономического развития и с капиталистическим, и с самостоятельным крестьянским хозяйством, а в некоторых случаях и с рабовладельческими отношениями. Со стороны же происхождения, всего теснее связи крепостного хозяйства с феодальной системой» [6]).

«Хронологическая последовательность типичных общественных форм в средневековое время была такова: феодализм, ремесло, торговый капитал, крепостное раб работает при помощи чужих условий производства и не самостоятельно рабское хозяйство было свойственно самым различным эпохам. Оно было в эпоху Ассирии, Вавилона и Египта, оно было в эпоху Греции и Рима, оно было и в эпоху феодализма. Даже в век капитализма в южных штатах Америки. Наконец, даже теперь, в век империализма, еще встречается в некоторых колониальных и полуколониальных странах» (стр. 47—48).

5) Крепостное хозяйство, при котором основой производства является барщинное хозяйство, ведущееся трудом закрепощенных крестьян, хозяйство, которое является лишь только придатком к барщинному производству» (стр. 17).

«Тесная связь крепостничества с феодализмом в конкретной истории... и является об'яснением того, почему феодализм и крепостничество сплошь и рядом смешивались. Однако в каком бы переплете феодально-крепостнические отношения ни находились в той или иной стране, всегда все же можно выделить феодализм и крепостничество, как особые уклады». «Развившийся в недрах феодального хозяйства прежний вассал-помещик, непосредственно эксплоатирующий крестьянина, свергает власть аристократов-феодалов... и завершает закрепощение крестьянства» (стр. 88).

---

1) Богданов, стр. 203.
2) Богданов, Курс полит. экономии, стр. 203.
3) Там же, стр. 210.
4) Там же, стр. 256.
5) Там же, стр. 257.
6) Богданов, стр. 261.

право» [1]). «Крепостническая система обнаружила такую высокую эластичность и приспособляемость, что, зародившись на пороге торгово-капиталистической эпохи, она пережила мануфактурный период и рухнула в Австрии, в Германии и в особенности в России в эпоху, когда совершался переход от мануфактурного к машинному периоду капитализма» [2]).

«Крепостнические отношения даже в своей развитой форме по внешности очень близко напоминают феодальные отношения: те же внешние соотношения крестьянского и господского производства и хозяйства, те же повинности, обычно те же наименования этих повинностей и номинальная связь их с определенными функциями сеньора. Но глубокое отличие крепостнических отношений от феодальных заключается в том, что эти функции частью отошли от сеньора, напр., функции военной защиты... Сеньор-организатор сменился помещиком-потребителем, который, ничего не давая для производства, развивает свою деятельность... в исключительно эксплоататорском направлении, или же, напротив, помещиком-предпринимателем, который отличается от капиталистического предпринимателя только открытым применением прямого принуждения к эксплоатируемым» [3]).

6) Мелкобуржуазный строй — ремесленный, свободно-крестьянский. «Самостоятельные мелкие производители связываются при посредстве рынка. Эксплоатация прямая почти отсутствует, косвенная (в форме покупки рабочей силы) находится в зародыше» [4]).

7) Машинный капитализм. Концентрация производства в крупных капиталистических предприятиях. Замещение специализированной ручной техники—машиной... Эта экономическая система в свою очередь проходит две фазы: 1) господство широкой конкуренции в промышленном мире, кризис в виду общего перепроизводства; 2) развитие монополий—синдикаты, тресты, финансовые группировки с ожесточенной борьбой этих организаций, порождающих, кроме прежних, новую форму всеобщего кризиса—мировую войну. Наконец, последний период, о каком может говорить современная экономическая наука,—строй, намечающийся в тенденциях нынешнего общества, но он еще не реализованный [5]).

6) Хозяйство мелких производителей, которое в области сельского хозяйства во всех странах за исключением современного СССР, где земля национализирована, основано на «свободной парцелярной собственности крестьян в собственном хозяйстве»... На этом способе производства в основном базировался и ремесленный городской строй» (стр. 18).

7) Капиталистическое хозяйство, которое включает все основные виды капитализма: торговый, ростовщический, производственный, кредитно-банковский. Далее последняя стадия капитализма — империализм и, наконец, его специфическая форма, государственный капитализм, в условиях империализма, а также в условиях переходного периода, в условиях диктатуры пролетариата» (стр. 18).

---

[1]) Там же, стр. 256.
[2]) Там же, стр. 257.
[3]) Там же, стр. 200—201.
[4]) Там же, стр. 19.
[5]) Богданов, стр. 19.

Не останавливаясь далее на трех, указываемых т. Дубровским, «формациях» — хозяйстве переходной эпохи от капитализма к социализму, социалистическом хозяйстве и хозяйстве эпохи мирового коммунизма, о которых придется в дальнейшем все же сказать несколько слов, произведенное сопоставление схем развития т. Дубровского и Богданова показывает, что они почти совпадают. Это совпадение понятно имеет свои «вариации и градации».

Так, напр., у т. Дубровского рабовладельческое хозяйство предшествует феодализму, а за ним идет хозяйство мелких производителей; у Богданова мы встречаем сначала феодализм, а затем рабовладельческий строй, после чего идет мелкобуржуазный строй. Это различие определяется еще и тем, что у Богданова рабовладельческий строй является переходной формой, которая «собственно относится настолько же к этому периоду (феодализма. *А. П.*), как и к предыдущему — рабству, крепостной организации» [1]).

Зато эти вариации богдановской схемы компенсируются почти полным повторением принципиального определения формаций, какое мы встречаем у т. Дубровского, следующего, как мы видим, весьма серьезно по стопам Богданова. Богдановщина в концепции т. Дубровского проглядывает не только в его схеме, хотя она и прикрывается учениями Маркса, Энгельса и Ленина, но и в конкретной постановке т. Дубровским каждой общественной формации.

„Азиатский способ производства".

Тов. Дубровский утверждает в главе об «азиатском способе производства» о том, что «нигде Маркс не выделяет какого-либо особого «азиатского способа производства» [2]).

Уже отмечалось выше, что такая постановка вопроса неверна. Огонь критики по сторонникам азиатского способа производства должен быть направлен совершенно в иную сторону. Как должна строиться критика сторонников «азиатского способа производства», об этом речь будет дальше. Сейчас только нельзя не отметить важного места в произведениях Маркса и Энгельса, где основоположники научного социализма выделяют «азиатский способ производства». Помимо уже цитированного знаменитого места из Введения к «К критике политической экономии», где говорится о 4 способах производства, в числе которых упоминается про азиатский... мы встречаем у Маркса и Энгельса ряд замечаний, характеризующих особенности так наз. «азиатского общества»: в III томе, 2 части «Капитала» отмечается, что в Азии государство выступает «в качестве земельного собственника» [3]); в «Теориях прибавочной стоимости», т. III, в главе, посвященной Р. Джонсу [4]), подчеркивается та же особенность землевладения; в письме Энгельса Марксу от 6/IV 1853 г., говорится, что «отсутствие земельной собственности является на самом деле ключом ко всему Востоку» [5]) и т. д. Как видим, Маркс и Энгельс выделяли особенности «азиатского общества», но не в этом суть спора. Суть спора заключается в ином. Является ли «азиатский способ производства» особой общественной формацией, предшествующей феодальному способу производства, или же он является р а з н о в и д н о с т ь ю ф е о д а л и з м а н а В о с т о к е.

Сторонники азиатского способа производства в роде т. Мадьяра, определяющие современный социально-экономический строй Китая, как переходный строй от «азиатского способа производства» к капитализму, указывают

---

[1]) Б о г д а н о в, там же, стр. 19.
[2]) Д у б р о в с к и й, стр. 12.
[3]) Капитал, т. III, ч. 2, стр. 327.
[4]) Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 327 и 340.
[5]) М а р к с и Э н г е л ь с, Письма, изд. «Московский Рабочий», 1922 г., стр. 52—54.

на следующие характерные признаки для «азиатского способа производства». Этими признаками являются:

1) искусственное орошение;

2) национализация земли и отсутствие частной собственности на землю;

3) характерная для азиатского общества форма землевладения вызывает определенную форму отчуждения прибавочных продуктов крестьян: рента и налог совпадают.

К этим моментам т. Мадьяр добавлял особенности, связанные с техникой земледелия в Китае:

1) поливное земледелие;
2) система удобрения;
3) господство ручного труда;
4) отсутствие скота.

В своем докладе «Общественные формации и аграрный вопрос» на Всесоюзной конференции аграрников-марксистов т. Мадьяр пересмотрел свое старое определение «азиатского способа производства» и дал нам новое (Не имея под рукой печатного доклада т. Мадьяра, пользуемся его тезисами). Если сопоставить высказывания Маркса и Энгельса (насчет сущности «азиатского способа производства». *А. П.)*, то характерными чертами этого способа производства являются следующие: а) он возникает и развивается там, где искусственное орошение является первой предпосылкой земледелия; б) возникновение классового общества связано с необходимостью организации искусственного орошения, слуги общины—родовой ли, сельской или религиозной,—выполнявшие функции организации орошения в ходе развития, конструируются в господствующий класс, который угнетает и эксплоатирует общину или род, присваивает прибавочный труд непосредственного производителя; в) отсутствие частной собственности на землю является важнейшей характерной чертой «азиатского способа производства». «Государство здесь—верховный собственник земли, суверенитет здесь — земельная собственность, концентрированная в национальном масштабе». Не существует частной земельной собственности, хотя и существует как частное, так и общинное владение и пользование землей. Разумеется, «национализация» земли в восточном обществе и национализация земли в буржуазном обществе две принципиально различные вещи, и их смешивать равносильно смешению раба в античном обществе с наемным рабочим при капитализме. Прибавочный труд присваивается в форме ренты — налога, рента и налог совпадают; г) при «азиатском способе производства» государственной формой является восточная деспотия.

Наличие общины и об'единение земледелия с крестьянской домашней промышленностью входит в характеристику «азиатского способа производства», но община и соединение земледелия с домашней промышленностью входит в характеристику всех других докапиталистических обществ.

Именно поэтому эти моменты не определяют экономической структуры и сущности азиатского способа производства, если не достают другие характерные черты» [1]).

Эта постановка т. Мадьяром, понятно, неправильна и должна быть с точки зрения марксистской методологии истории отвергнута.

В самом деле, из учения Маркса об общественных формациях проблема общественных формаций сводится к проблемам: 1) способа производства; 2) способам эксплоатации, выражением чего является проблема классов; 3) специфической форме продукта, характерная для каждой формации;

1) «Общественные формации и аграрный вопрос». Тезисы к Всес. конф. аграрников-марксистов.

4) специфическому «способу труда»—«средствам труда» и 5) специфической форме государства. Способ производства, господствующий в азиатском обществе, есть способ производства феодальный; способ эксплоатации, при помощи которого господствующие классы эксплоатируют истинных производителей, является феодальным. Наличие общины и соединение земледелия с крестьянской домашней промышленностью входит в характеристику феодальной формации. Государственная форма в виде восточной деспотии является господством феодальных классов. Наконец, форма прибавочного продукта, получаемая в восточном обществе, является также феодальной. Что из того, что рента и налог совпадают? Разве это совпадение изменяет характер способа производства?

Возьмем теперь проблему государственной и частной собственности на землю. Сам т. Мадьяр в своей книге «Экономика сельского хозяйства в Китае» приводит не мало примеров, отмеченных, кстати сказать, в предисловии к его книге, которые говорят о том, что частная собственность на землю существует,—именно частная собственность, а не «частное и общинное владение и пользование землей», о которой т. Мадьяр говорит в своих тезисах: «Цинская династия окончательно оформила переход общинной земли к отдельным хозяевам и тем самым положила начало частному земледелию» [1]. «При первой империи Ханьской крестьянский надел, дарованный государством, считался еще «семейной собственностью», но мы видим, что скоро крестьяне начинают закладывать и продавать свою землю помещику, купцу и чиновникам. Попытка Ван-Мана в 6—8 гг. нашей эры «национализации» земли сверху, конфисковать помещичью собственность в известной норме и предотвратить реформой крестьянское восстание, окончилась полной неудачей. Завоевание Китая татарами, выдвижение Вейской династии восстанавливает систему наделения крестьян государственной землей. При Суйской династии эта система распространяется по всему Китаю, но решающий поворот был произведен Танской династией (618—905 гг. нашей эры). Во время Танской династии создается справедливое сочетание родового землевладения с индивидуальным, а впоследствии индивидуальное землевладение на место крестьянского надела, разрешается закладом и продажей земли, «дарованной» государством.

Под напором торгово-ростовщического капитала, создается частное землевладение» [2].

Рассказывая дальше про последствия политики Танской династии, т. Мадьяр указывает: «При крушении рынка, при дезорганизации государства, помещик, богач, чиновник захватывает силой крестьянскую землю. Под тяжестью налогов и реквизиций заставляет крестьян приписываться к помещику, становиться у них арендаторами, искать у них опору и защиту. Голод, стихийные бедствия, ростовщичество ускоряют эти процессы.

Создание крестьянской собственности создало предпосылки для превращения крестьянина в полукрепостного, в полураба, в арендатора-издольщика. В разные периоды китайской истории, при разных династиях, в совершенно различных формах происходили эти процессы (процессы превращения из крестьян-собственников в полукрепостных, полурабов и арендаторов. *А. П.*), прерываемые огромными восстаниями, опустошениями, разорением всей страны» (стр. 142—143).

---

[1] Статья была уже написана, как появилась весьма ценная статья Е. Иолка «К вопросу об основах общественного строя древнего Китая», в которой автор на основе тщательного анализа китайских первоисточников дает марксистский анализ периода классического феодализма в Китае. См. «Проблемы Китая» № 2, 1930 г., стр. 87—135.

[2] «Общественные формации и аграрный вопрос». Тезисы, стр. 141—142.

Касаясь более позднего периода манчжурского завоевания, т. Мадьяр справедливо указывает: «Завоевание Китая Манчжурией вызвало к жизни в некоторых частях Китая (в Столичном округе и в провинции Чжили) подобные феодальным организации землевладения в виде коронных и знаменных земель. Подобное явление имело место в Китае и при завоевании страны Вейской династией, и во время монголов. С другой стороны, мы видим, что торгово-ростовщический капитал оказал в данном случае революционизирующее влияние в политическом отношении, разрушив старые формы собственности и подорвав одну из основ могущества манчжурской знати... Торгово-ростовщический капитал, разлагая манчжурские роды, подрывает основы родовой собственности и фактически превращает князей в земельных собственников для того, чтобы впоследствии лишить их земельной собственности» (стр. 125).

Наконец, в главе о роли ростовщического и торгового капитала в Китае, т. Мадьяр пишет: «Если проследить внутреннюю историю Китая вплоть до нашей эпохи, то оказывается, что она сводится к борьбе мелкого землевладения и землепользования с крупным землевладением, при чем борьба эта сопровождается и обостряется дальнейшей борьбой мелких производителей, а часто и крупных землевладельцев против ростовщического и торгового капитала» (стр. 222).

Уже все эти данные, приводимые самим т. Мадьяром, не оставляют никакого сомнения, что мы в Китае имеем частную собственность на землю еще со времени Цинь-Ши—Хуанди, т.-е. примерно с III в. до нашей эры. С другой стороны, мы имели крепостное помещичье землевладение. Почти во всех династиях мы видели процесс превращения свободных крестьян в крепостных. Отсюда утверждение об отсутствии частной собственности на землю в Китае является далеко не обоснованным. Но если бы даже и была эта частная собственность на землю, можем ли мы говорить об «азиатском способе производства». Ведь, как мы видели из знаменитого места из Введения к «К критике политической экономии», «азиатский способ производства» господствует в тех странах, которые не доросли до феодализма. Маркс говорил о Японии как о стране классического феодализма. В Китае феодализм существовал в период Чжоуской династии, а затем рефеодализацию мы имеем при Сунской, Танской и Минской династиях. В Египте также был период феодализма, в Индии мы тоже имели в период, предшествующий эпохе Великих Моголов, феодальный строй. В каких же странах тогда существовал «азиатский способ производства». В этом вопросе т. Мадьяр для доказательства существования «азиатского способа производства» попадает в об'ятия т. Дубровского, против которого он так энергично выступает. Тов. Мадьяр подобно т. Дубровскому не различает своеобразия развития отдельных стран и в то время, как из особенностей России, как мы видим, плохо понятых, пытается создать универсальные законы для развития других стран, так и т. Мадьяр из особенностей восточных стран пытается создать своеобразный отдельный способ производства. Тов. Мадьяра смущают некоторые особенности феодального развития отдельных восточных стран. Но разве существует где-либо формация в чистом виде? Ведь, каждая страна имеет свои своеобразия и свои особенности и эти отличия сказываются и в период их феодального развития. Феодализм в более или менее чистом законченном виде за исключением Японии и на короткое время в Палестине нигде не существовал. Характерно в этом отношении письмо Энгельса к Конраду Шмидту от 12/II-95 г.: «Разве феодализм отвечал когда-нибудь своей идее?—спрашивает Энгельс.—Основанный в Западной Франции, развитый дальше в Нормандии норвежским завоевателем, еще дальше усовершенствованный французскими норманнами в Англии и Южной Италии, он приблизился больше всего к своей идее в эфемерном Иерусалимском королевстве, которое оставило

после себя в иерусалимских ассизах классическое выражение феодального порядка. Неужели же феодальный строй был фикцией оттого, что полного совершенства он достиг только в Палестине на короткое время и то по большей части лишь на бумаге».

Далее, при об'яснении «азиатского способа производства», т. Мадьяр оперировал такими моментами, как искусственное орошение, ручной труд, отсутствие скота, система удобрения, которые, несомненно, имеют влияние на способы производства, но не определяют самого способа производства и тем самым не определяют особой общественной формации. «Азиатский способ производства» является лишь одним из специфических проявлений феодализма на Востоке. Можно говорить об «азиатском способе производства» лишь как об одной из разновидностей феодализма—не больше. Этой точки зрения и держался Ленин, который не только возражал Плеханову по поводу «азиатского способа производства» в Московской Руси, но и вообще в России, и который в своей работе «Развитие капитализма в России» рассматривал различные формы докапиталистических отношений и нигде ни одним словом не говорил об «азиатском способе производства».

Феодализм как общественная формация.

Тов. Дубровский отличает феодальный способ производства от крепостнического способа производства. Феодальный способ производства определяется т. Дубровским следующим образом: «Для феодализма характерны способы производства, основанные на соединении мелкого натурального земледелия с домашней промышленностью и те производственные отношения, которые выявлены Марксом в его учении о ренте продуктами» (стр. 59).

«... Поэтому старое производство, при ренте продуктами, подчинено непосредственному производителю, собственнику земли, владельцу не в такой суровой форме как при крепостничестве, когда крестьянин являлся крепостным, которого земельный собственник мог продавать и покупать как любую вещь» (стр. 61).

«...На этой основе вырастает власть феодалов над крестьянами, как власть, непосредственно соединенная с земельной собственностью или земельным пользованием. В виду преобладания натурального хозяйства феодализм отличается децентрализацией власти и специфическими отношениями между землевладельцами и землепользователями в виде так называемой иерархической системы» (стр. 63—64).

«Феодализм в виду натуральности хозяйства характеризуется децентрализацией власти, однако и в эти признаки конкретная эмпирическая действительность может вносить очень существенные вариации вплоть до уничтожения этих особенностей...» (стр. 64).

Наконец, «те, которые определяют феодализм только на основе вторичных признаков, именно земельной собственности, связи власти с землей и пр. [1]), разумеется, сплошь и рядом не могут «заметить» феодализма там, где при ярко выраженных именно феодальных способах производства и феодальных производственных отношениях, нет крупной земельной собственности или соответствующей иерархии. Не понимая сущности феодализма, они его отрицают» (стр. 65).

Такова концепция т. Дубровского, концепция, позволяющая ему различать крепостническую формацию от феодальной.

---

1) С каких это пор характер собственности, т.-е. имущественные отношения, для марксистов не выражают способа производства и об'являются «вторичными признаками», т.-е. второстепенными моментами в определении системы производственных отношений?!

Прежде чем перейти к рассмотрению существа аргументации т. Дубровского, следует, в первую очередь, остановиться на учении Маркса о феодализме, как общественной формации.

Феодализм представляет собой определенную общественную формацию, с характерными для нее «специфической экономической структурой», «политической формой суверенитета» и зависимости — специфической формой государства и системой целого ряда надстроек.

Переходя к анализу экономической структуры феодального общества, необходимо в первую очередь отметить ее отличительные признаки. Основой феодального способа производства, по Марксу, является, главным образом, сельскохозяйственное производство. «В феодальном обществе, — говорит Маркс, — сама промышленность, ее организация и соответствующие ей формы собственности носят в большей или меньшей степени земледельческий характер» [1]).

Но феодальные отношения, имея своей основной базой сельскохозяйственное производство, не исключают также ремесленного и мануфактурного труда.

«Домашний, ремесленный и мануфактурный труд, как подсобное производство при земледелии, образующем базис, — как говорит Маркс, — является условием такого способа производства, на котором покоится это натуральное хозяйство... в древней и средневековой Европе» [2]).

Эту мысль Маркс еще более уточнил в отношении феодальной Европы:

«Как мелкое крестьянское хозяйство, так и производство самостоятельных мелких ремесленников частью составляет базис феодального способа производства, частью же после его разложения продолжает существовать на ряду с капиталистическим производством» [3]).

Сущность феодализма как общественной формации, с другой стороны, заключается в «отношении господства и подчинения, каковым оно вырастает непосредственно из самого производства». Феодальное производство имеет своим источником феодальную эксплоатацию — присвоение крупными земельными собственниками, монополизирующими право на землю, труда непосредственных производителей. В эпоху феодализма, — раз'ясняет Маркс, — «земледельческое население составляет еще решительную, подавляющую часть нации... во-вторых, земельный собственник еще является тем лицом, которое, пользуясь монополией земельной собственности, в первую очередь, присваивает избыточный труд непосредственных производителей, когда, следовательно, земельная собственность все еще является главным условием производства» [4]).

Но присвоение труда непосредственных производителей со стороны крупных землевладельцев-феодалов значительно затруднено, так как мелкий землевладелец владеет сам, как говорит Маркс, «средствами производства и условиями труда, необходимыми для производства средств его собственного существования». В силу этих обстоятельств, класс феодалов—земельных монополистов—прибегает не только к экономическому, но и внеэкономическому принуждению, т. е. к открытому насилию. Последнее же легче всего достигается, когда «непосредственный производитель» выступает как несвободный.

«При таких условиях (когда производители владеют своими собственными средствами производства. *А. П.*), прибавочный труд для номинального

---

[1]) К. Маркс, Введение к «К критике политической экономии», изд. 4-е, стр. 29—30.

[2]) Капитал, т. III, ч. 2, стр. 263.

[3]) Там же, т. I, гл. XI, 1929 г., стр. 251.

[4]) Там же, т. III, ч. 2, стр. 261.

земельного собственника можно выжать из них только внеэкономическим принуждением, какую бы форму ни принимало последнее... необходимы отношения личной зависимости, личная несвобода, в какой бы то ни было степени и прикрепление к земле в качестве придатка к последней; принадлежность, в настоящем смысле этого слова»[1]).

Таким образом, внеэкономическое принуждение и личная зависимость, «принадлежность к земле» феодала и являются той специфической экономической формой, которой в эпоху феодализма «неоплаченный прибавочный труд высасывается из непосредственных производителей». А на этой форме эксплоатации основана, по словам Маркса, «вся структура экономического общества, вырастающего из самых отношений производства», то, что Маркс называет экономической структурой общества.

Феодальной формой производственных отношений является рента в своей первоначальной и простой форме: «отработочная рента», «рента продуктами» и, отчасти, уже в эпоху разложения феодализма, «денежная рента».

Отработочная рента соответствует ранней форме феодальных отношений. Они характеризуются, по словам Маркса, тем, что «непосредственный производитель часть недели обрабатывает фактически принадлежащую ему землю при помощи орудий труда (плуг, скот и т. д.), фактически и юридически принадлежащих ему же, а остальные дни недели работает в имении землевладельца, на земле владельца даром»[2]).

Именно, при отработочной ренте господствует внеэкономическое принуждение, так как «в состав природы, приносящей ренту, — продолжает Маркс там же,—входит и прикрепленная к земле человеческая рабочая сила». Одним из видов такого внеэкономического принуждения является барщина, связанная с «неразвитостью всех общественных принудительных сил труда... примитивностью самого способа труда».

Более высокие формы производственных отношений выступают при «ренте продуктами». Рента продуктами предполагает «более высокую ступень развития труда (непосредственного производителя. *А. П.*) и общества вообще». Непосредственный производитель работает уже, как указывает Маркс, «не под прямым надзором и принуждением земельного собственника или его представителя», а «под своей собственной ответственностью, подгоняемый силой отношений, вместо непосредственного принуждения и постановлениями закона вместо плети»[3]). Признаки, которыми характеризует Маркс эпоху господства ренты продуктами, несомненно относятся к периоду развитых феодальных отношений, когда неорганизованно возникающие отношения частной зависимости, характерные для раннего периода феодализма, заменяются довольно стройной системой установившихся отношений, освященных законодательной санкцией. Прибавочный продукт выступает тогда уже не в виде барщины, а, главным образом, в виде оброка. «Прибавочный продукт,—говорит Маркс о ренте продуктами,—образующий ренту, есть продукт соединенного земледельческо-промышленного семейного труда, при чем, как это было часто в средние века, в ренту продуктами могут входить в большей или меньшей мере промышленные продукты, или же она доставляется лишь в форме собственно-земледельческого продукта. При этой форме ренты рента продуктами, в которых воплощается прибавочный труд, может и не исчерпывать всего избыточного труда деревенской семьи. Напротив, производителю

---

[1]) Капитал, т. III, ч. 2, стр. 266.
[2]) Там же, стр. 265—266.
[3]) Там же, стр. 270.

дается здесь, по сравнению с формой отработочной ренты, больший простор для того, чтобы приобрести время для избыточного труда, продукт которого принадлежит ему самому» [1]). Если мы рассмотрим теперь «денежную ренту», то мы увидим, что она появляется в результате простой метаморфозы продукта в товар и соответствует, как увидим, периоду разложения феодализма. Анализируя классовую сторону производственных отношений при феодализме, мы увидим, что они в точности соответствуют экономическому содержанию феодальной эпохи. Уже отмечалось выше, что организация промышленного производства в феодальную эпоху и соответствующие ей формы собственности носят земледельческий характер. Классовые производственные отношения в феодальную эпоху характеризуются властью, соединенною с землевладением, лишь номинально об'единенною в лице монарха. «Во всех странах Европы,—говорит Маркс,—феодальное производство характеризуется разделением земли между возможно большим количеством ленно-зависимых крестьян. Могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось не размером их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство» [2]).

Таким образом, на одном полюсе феодального общества мы видим «господ» и «сюзеренов», а на другом — «ленно-зависимых крестьян». Существование этих двух классов, являющихся основными классами феодального общества, ни в какой степени не исключает наличия целой иерархии — лестницы феодальной зависимости, основанной на величине земельного владения и количестве вассалов. «Что касается действительной иерархии средних веков,— пишет Маркс,— то мы замечаем лишь то, что она не существовала для народа, для массы. Для массы существовал лишь феодализм а иерархия, лишь постольку, поскольку она сама являлась феодализмом» [3]). Присвоение паразитическим классом феодалов в свое монопольное пользование не только прав на землю, но и военных, административных и судебных функций, приводит к тому, что в развитом феодальном обществе порабощение зависимых крестьян классом землевладельцев закрепляется системой привилетированных сословий, политическим выражением которых была иерархия.

Наконец, феодализм, как экономическая система, имел свою специфическую надстройку в виде феодального государства и феодальной идеологии. «В средневековом феодальном государстве,—говорит Энгельс,—политическая власть соответствовала величине поземельного имущества... Феодальное государство было органом дворян ради господства над крепостными крестьянами» [4]).

В заключение, необходимо отметить, что феодализму, как особой формации, соответствует переход от натурального хозяйства к хозяйству товарному. Внутри феодального общества как бы происходит борьба двух начал — натурального и товарного. Вначале преобладают натуральные отношения, хотя обмен, весьма ограниченный, не перестает существовать, а затем побеждают товарные отношения. Последний период характерен уже для эпохи разложения феодализма.

Таковы основные признаки феодализма, как особой формации, особого способа производства. Существование особого феодального способа производства означает, что всякая страна, всякий народ, нация и т. п. образо-

[1]) Капитал, т. III, ч. 2, стр. 270—271.

[2]) Капитал, т. I, стр. 740, 1920 г.

[3]) К. Маркс, Святой Макс, цит. по «Литературному наследству», т. II, стр. 150.

[4]) Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства. 1927 г., стр. 112—113.

вания, исторический путь которых лежал через феодализм, характеризовались в области своего социально-экономического строя, в основном, разобранными выше признаками. «Но это не препятствует тому, — как указывает Маркс,— что один и тот же экономический базис, один и тот же со стороны главных условий, благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне, историческим влияниям и т. д., может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств» [1]).

Развитие европейских стран в эпоху феодализма обнаруживает, с одной стороны, проявление основных признаков, характерных для феодального способа производства, о которых шла речь выше, но, с другой стороны, мы видим в этом развитии и «бесконечные вариации и градации», о которых говорил Маркс.

Так выглядит феодализм как общественная формация с точки зрения учения Маркса. Далее наиболее спорным, с точки зрения т. Дубровского, является вопрос о диалектическом развитии ренты. Поскольку феодализму как общественной формации свойственен переход от натуральных отношений к товарным—мы наблюдаем в эпоху феодализма изменения форм ренты, соответствующие той эволюции производственных отношений, какая характерна для изменений, связанных с переходом от натуральных отношений к меновым.

В самом деле, «отработочная рента», по Марксу, уже с самого начала своего появления характеризуется способностью смягчения крепостничества с барщинным трудом до «просто отработочного обязательства». Эта способность в дальнейшем приводит к последующим ступеням в развитии докапиталистической ренты, к замене отработочной ренты «рентой продуктовой». Рента продуктами уже имеет дело в первую очередь с оброчными обязательствами, а затем и с барщиной. Маркс в то же время указывает, что превращение отработочной ренты в ренту продуктами не изменяет сущности ренты и способа производства. Этот момент чрезвычайно важен, ибо на основании его мы совершенно ясно устанавливаем, что отработочная рента и рента продуктами принадлежит к одной и той же формации. В дальнейшем рента продуктами в результате метаморфозы продуктов сельскохозяйственного труда в товар, превращается в «денежную ренту», и, таким образом, денежная рента является завершением развития докапиталистической ренты. Отсюда мы делаем вывод, что денежная рента принадлежит к той же самой формации, что и отработочная.

Правда, необходимо подчеркнуть, что отработочная рента и рента продуктами характерны для эпохи развития феодализма и установления его, а денежная рента соответствует уже периоду разложения феодализма. Эти три формы ренты, излагаемые Марксом в последовательном порядке, действительно проявляются в процессе исторического развития в том порядке диалектического развития, в каком протекает сам исторический процесс. Подобно тому, как Маркс начинает изложение своего «Капитала» с анализа товара и проблемы стоимости и на основании этого анализа приходит к пониманию цены производства, прибыли, капитала и всех остальных категорий, так, начиная свой анализ с докапиталистических форм ренты, в указанном нами последовательном порядке, он приходит к понятию капиталистической ренты. Для того, чтобы не было каких-либо сомнений в этом, достаточно вспомнить постановку вопроса, данную Марксом в связи

[1]) Капитал, т. III, ч. 2, стр. 267.

с учением о так называемой «триединой формуле»: «Капитал — проценты, земля — земельная рента, труд — заработная плата; при чем благополучно устраняется прибыль,—пишет Маркс,—эта форма прибавочной стоимости, специфически характеризующая капиталистический способ производства» [1]).

Тов. Дубровский для доказательства своей концепции не излагает в последовательном порядке развитие докапиталистических форм ренты, а выдергивает из каждой главы отдельные цитаты, вырывает их из контекста и получает в результате этого два способа производства: феодальный и крепостнический. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно проследить за теми страницами, которые он цитирует.

Посмотрим теперь, правилен ли теоретический анализ Маркса, данный феодализму, как общественной формации, оправдывается ли он на конкретном историческом материале эпохи феодализма. Хотя Маркс и не оставил нам истории Запада в эпоху развития феодализма, тем не менее отдельные его замечания по поводу феодализма показывают нам, что Маркс серьезным образом работал над конкретным историческим материалом и на основании изучения этого материала дал нам глубочайшее понимание движущих сил развития европейского общества и общества других стран в эпоху феодализма.

Самая природа феодализма ставит перед нами прежде всего вопрос о генезисе феодального общества и о процессе его развития. Маркс занимался вопросом о происхождении европейского феодализма. В знаменитом Введении к «К критике политической экономии» Маркс указывает, что европейский феодализм сложился в результате «взаимодействия, которое дает начало новому синтезу». Этим взаимодействием было взаимодействие общественно-экономического строя Римской империи в эпоху упадка и основных тенденций развития древне-германского общества. Это взаимодействие римского и германского «миров» и дало в своем синтезе европейский феодализм. Как шел этот процесс взаимодействия? Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо вспомнить основные тенденции общественного развития Западной Римской империи в эпоху упадка.

Античный способ производства, господствовавший на территории Римской империи, ко времени нашествия варваров разложился, и вместо него мы имели общественно-экономические отношения, развивавшиеся в сторону феодализма. В IV и V веках, накануне окончательной варваризации Римской империи, типом земельной собственности, господствовавшим в пределах Западной Римской империи, были поместья, преобладающим типом землепользования — колонатное держание.

На территории крупных землевладельческих хозяйств — латифундий, не только экономическая, но и политическая власть над сидевшим на земле этих поместий крестьянством, перешла в руки крупных земельных собственников — магнатов. Рядом с поместьем огромного размера уживалось и римское свободное село, обитателями которого были средние и мелкие собственники-крестьяне, уцелевшие от разорения. Хотя роль римского свободного села в хозяйственной жизни страны была небольшой, тем не менее с населением этих сел как раз и были связаны отношения патроциния — частного покровительства: мелкий крестьянин собственник, чувствуя свою беззащитность, стремился вступить в так называемые прекарные отношения с сеньором, поставить свой участок под покровительство крупного земельного собственника. Так на территории Западной Римской империи возникли отношения условного владения землей и частной зависимости.

---

[1]) Капитал, т. III, ч. 2, стр. 354, 1923 г.

Процесс феодализации общественных отношений, кроме того, в значительной степени усиливался политикой императорского правительства. Если государственная власть действительно боролась с прекарными отношениями, как подрывавшими основы центрального правительства, то, начиная еще с III века, она вступила на путь государственной регламентации поместных отношений. Прикрепление колонов к земле, передача полицейских, фискальных и судебных функций в руки крупных землевладельцев в действительности были не чем иным, как признанием за поместьями роли одного из верных проводников экономической политики центрального правительства. Но превращение земельных магнатов в чиновников государственной власти не было случайным мероприятием в экономической политике императорского правительства; оно шло параллельно с принудительным привлечением на помощь бюрократической власти других классов римского общества — куриалов и ремесленников.

Таким образом, на территории Западной Римской империи еще до ее варваризации, до ее «падения» сложились начала поместных отношений,— зародыши сеньоральных прав, поместной юстиции и отношений частной зависимости—типичные признаки феодального строя. «Феодализм» Римской империи эпохи упадка характеризовался, понятно, своими специфическими чертами, своими «вариациями» и «градациями», о которых говорил Маркс. Хозяйственный строй Римской империи III — V веков, регрессировавший от господства торгово-капиталистических отношений, достигших в конце республики и в первый период империи высшего расцвета, к преобладанию натуральных отношений сохранил многочисленные остатки торгово-капиталистических отношений: товарно-денежные отношения, частную собственность, развитую государственную власть и довольно развитую идеологию.

Именно этот строй явился одним из элементов взаимодействия, в результате которого создался феодализм.

Другим элементом был социально-экономический строй древне-германского общества. Общественно-экономические отношения германцев до утверждения на территории Римской империи характеризовались, в первую очередь, существованием общинных порядков, начавших уже, правда, разлагаться. Хотя частная собственность на землю не существовала, однако распределение земель при каждом новом передвижении соответственно социальному положению отдельных лиц привело, несомненно, к неравенству в землепользовании: отдельные семьи, входившие в родовой союз, пользовались пахотной землей в количестве, соответствовавшем их хозяйственной способности, в зависимости от количества орудий и средств производства — скота и рабов. А так как распределение этих средств производства стало уже неравномерным, то общинная собственность ограничивалась исключительно «альмендой», т. е. общими угодьями: лесами, лугами, водами и т. п. Среди же семейных хозяйств несомненно имелись и крупные участки, которые обрабатывались отчасти членами семьи, отчасти трудом рабов, занятых на поле своего хозяина (наподобие римских колонов). Имущественное неравенство приводило к социальному неравенству. Социальная дифференциация древне-германского общества нашла свое выражение в существовании, с одной стороны, свободных общинников и германской знати, из числа которых выходил король, и, с другой, крепостных. Вспомним указание Маркса на то, что у германцев «земледелие с помощью крепостных было обычным способом производства» [1]. Наконец, развитие обмена у германцев, как бы незначителен этот обмен ни был по сравнению с римским, постепенно приводило к развитию товарных отношений. В области политической, в результате разложения родового строя, у германцев создались племенные образования,

[1] Введение к «К критике политической экономии», 1922 г., стр. 21.

носившие характер примитивных государственных об'единений и возглавлявшихся королями, стремившимися к завладению новыми, пригодными для земледелия, территориями.

Итак, мы видим, что общественно-экономический строй древних германцев характеризовался разложением старых родовых отношений, наличием элементов крепостничества и господством натурально-хозяйственных отношений, на ряду с которыми существовали зародыши меновых отношений. В области политической общественный строй германцев характеризовался примитивной формой государственных образований, носивших в себе элементы социальной дифференциации. Таким образом, экономическое развитие римлян к моменту завоевания Римской империи и экономическое развитие германцев-завоевателей — в основном соответствовали друг другу. «Экономическое развитие победителей, — говорит Энгельс, — мало разнилось от такого же развития побежденных» [1]). Единственным моментом, наиболее оттенявшим уровень экономического развития германцев, — это преобладание, по сравнению с римлянами, родовых племенных отношений. В результате этого, германское воздействие на римлян могло проходить, главным образом, по линии родовых, племенных и натурально-хозяйственных влияний.

Варваризация Римской империи привела, в первую очередь, к смешению римских и германских земельных распорядков. И хотя результаты этого смешения были далеко не повсюду одинаковыми—в Италии и Галлии римские порядки остались почти не изменившимися, — тем не менее влияние римских сношений на германцев и германских на римские — бесспорно.

Варвары столкнулись с упадком латифундий, кризисом денежного хозяйства и отсутствием рабочих рук. В Италии и Галлии завоеватели, получив от туземного населения известную долю земли и жилищ, почти целиком восприняли сложившиеся там до них отношения (в Италии — германцы потребовали себе одну треть земли, а в Галлии — две трети). Многие римские поместья, можно предполагать, прямо перешли в руки королей, князей, герцогов и т. д. Оставив, в основном, в целости старые формы землевладения и землепользования, германцы в то же время способствовали раздроблению земельной собственности, увеличению числа средних и мелких земельных общественников. Римское свободное село, влачившее жалкое существование при империи, с переселением германцев обрело новую силу.

Иначе этот процесс приобщения германцев к порядкам, сложившимся в Римской империи, проходил на территории Франкского государства — первого романо-германского об'единения. «Здесь к победителям галийцам,— говорит Энгельс,— перешли как общенародная собственность не только обширные фискальные (принадлежавшие государству) земли, но и не менее обширные лесные пространства, которые не были поделены между различными волостями и округами. Это народное достояние франкские короли, из простых военачальников обратившиеся в настоящих владетельных князей, отняли, украли у народа и раздарили и роздали в пользование своей дружине» [2]). Изменение форм производственных отношений во Франкской монархии чрезвычайно типично для развития феодальных производственных отношений, сложившихся в Европе в эпоху так называемых Средних веков. Центром хозяйственной и государственной жизни франков осталось попрежнему поместье. Тенденция к образованию поместного строя, появившаяся в Римской империи, не была остановлена процессом варваризации. Поместный строй с характерными для него элементами частно-правовых отношений

---

[1]) Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1927 г., стр. 110.

[2]) Там же, изд. 1927 г., стр. 93.

и частной зависимости в франкскую эпоху еще более усиливается. Процесс этот сказался раньше всего в усилении прекарных отношений.

В франкскую эпоху «прекарий» стал обозначать земельное пожалование, даваемое на основании возобновляющегося каждые пять лет письменного прошения. Сроки же прекарного договора были весьма разнообразны — известны как пожизненные, так и вечно-наследственные прекарии. Развитие условного владения—прекария—было настолько распространено, что в числе держателей встречались не только крестьяне и мелкие земельные собственники, но и люди состоятельные, в роде светских и духовных лиц, награждаемых королями за службу участками земли. Первоначально прекарий не был связан с личной зависимостью получившего его, хотя иной раз прекарные отношения и вели к обязательствам, связанным с реальными повинностями (барщина). Прекарная зависимость была по преимуществу экономической зависимостью, основанной на владении землей, переданной под покровительство крупного собственника.

В дальнейшем прекарий переходит в «бенефиций». Бенефиций, что значит «благодеяние», «милость», выражал уже такого рода держание, которое было связано с уплатой аренды, службой или, по крайней мере, готовностью к службе. Подобно «прекариям», «бенефиции», не были держаниями однородными как в смысле срока владения, так и в смысле размера. Развитие «бенефиций» при Каролингах в IX веке приводит к почти окончательному вытеснению полной частной собственности и к упрочению, таким образом, принципа: «нет земли без господина». С другой стороны, бенефициями становятся не только земля, но и государственные должности. Рост бенефициев теснейшим образом связан с тем, что при господстве натуральных отношений королевские чиновники—графы и их помощники—получали за свою службу землю, которая рассматривалась как источник личного обогащения, получаемый в знак особой милости «бенефиция» короля. Впоследствии, к X веку, бенефиций превратился из пожизненного в наследственный. Бенефициальная система являлась одним из основных звеньев феодальных отношений. Другими элементами этих отношений были: вассалитет и иммунитет.

При господстве натуральных отношений варварские государства не имели постоянной и регулярной армии. В случае войны единственной вооруженной силой могло быть народное ополчение всех способных носить оружие. Так как военная служба отрывала мирных жителей от регулярного труда, то королям и другим крупным земельным собственникам приходилось создавать постоянные отряды вооруженных людей. Естественно, что в первую очередь такие дружины могли создаваться из подневольных людей, которые назывались вассалами короля. В обязанность вассалов входило являться по первому требованию своего господина для несения военной службы. За это они освобождались от несения других тягот в виде барщины или оброка.

Первоначально вассалитет существовал исключительно как частноправовой институт: подневольные зависимые люди заключали со своим господином частную сделку. Основатель династии Каролингов — Карл Великий (774—814) в своих распоряжениях говорит об обязанностях вассалов по отношению к своим господам — сеньорам. Император Карл Лысый (875—877), из того же дома Каролингов, требует, чтобы каждый свободный человек выбрал себе сеньора в лице короля или его вассалов, так как каждый сеньор обязан лично отвечать за созыв подвластных ему отрядов. Укрепление вассальных отношений приводит к слиянию их с бенефициальной зависимостью: бенефициал становится вассалом, а вассал бенефициалом. Другими словами, зависимость чисто-экономическая на почве держания земли превращается в зависимость личную (вспомним, что бенефиций не вел к личной зависимости), а личная зависимость вассала сливалась с зависимостью тер-

риториальной — зависимостью на земле. Таким образом, установились отношения, при которых земля, которой пользовался держатель, или на основании бенефиций или на основании вассалитета, прикреплялась к земле крупного собственника или сеньора и уже через подчинение земель устанавливалось личное подчинение. Так бенефиций, сделавшись из временного наследственным, слившись с вассалитетом, превращался в новый институт — ф е о д. Феод — это уже, как увидим дальше, держание, приближающееся к собственности, так как в противоположность бенефицию, право на который обеспечивалось теоретически лишь личностью дарителя, он есть результат строго формулированного обоюдного договора между дающим феод и принимающим его.

Последним основным элементом, на котором строились феодальные отношения, был иммунитет. Эпоха феодализма характерна усилением власти крупных земельных собственников за счет общегосударственной власти. Росту политической силы владельцев поместий, помимо уже отмечавшихся экономических причин, в значительной степени содействовали иммунитеты. Первоначально иммунитет означал право не подчиняться королевским чиновникам. Лица, на которых распространялся иммунитет, получали возможность сами распоряжаться в пределах своего владения: собирать налоги, созывать военное ополчение, вершить суд, отправлять полицейские обязанности. Однако право иммунитета в первое время не избавляло от подчинения лица, владеющего иммунитетом, власти короля. Впоследствии же иммунитет давал полнейшую независимость и по отношению к королевской власти. Таким образом, иммунитет приводил к автономии поместья по отношению к государственной власти. Начиная с IX века, иммунитет делал поместье, на которое он распространялся, государством в государстве.

П р е в р а щ е н и е б е н е ф и ц и я в ф е о д б ы л о у ж е с е р ь е з н ы м ш а г о м п о п у т и р а з в и т и я ф е о д а л ь н ы х о т н о ш е н и й; р а з в и т и е и м м у н и т е т а и р а с п р о с т р а н е н и е е г о н а д е р ж а т е л я ф е о д а д а е т н а м у ж е ф е о д а л ь н у ю с и с т е м у в ц е л о м.

Таким образом, мы имели соединение феодализирующихся процессов в Римской империи с процессами феодализации древне-германского общества. Синтез этих феодализирующихся процессов и дал европейский феодализм. Но появление европейского феодализма связано в самом раннем его периоде с существованием не только экономического, но и в н е э к о н о м и ч е с к о г о п р и н у ж д е н и я. Уже в «Варварских правдах», которые отражают ранний период развития феодализма, мы встречаем совершенно недвусмысленное указание насчет значения внеэкономического принуждения, точнее: крепостничества. Вот, напр., описание Новигента, селения в департаменте Шато-Тьерри, относящееся к началу IX века:

«1. Имеется в Новигенте господский манс с домом и прочими постройками в довольно большом количестве...

2. Имеется там церковь 1. Тянет к оной церкви свободный манс 1; содержит пахотной земли 6 бонуариев, виноградника один арипенн, лугу 2½ арипенна.

3. Вульфард — колон и жена его, свободная, именем Эрмоара, при них детей трое (перечислены поименно), держит один свободный манс, содержащий пахотной земли 11 бонуариев, виноградника 2 арипенна, лугу 3½ арипенна. Платит военного сбора 10 модиев вина, за выпас 3 модия, поросенка 1, стоимостью в один солид. Пашет под озимое 6 пертик, под яровое 3 пертики. С п р а в л я е т п о л е в у ю б а р щ и н у — рубку леса, подводную повинность, ручные работы, сколько ему прикажут. Кур 3, яиц 15. Возит вино, когда ему прикажут. Драней 100. Убирает на лугу 1 арипенн.

4. Бертульф — лит и жена его, колона, именем Гизоберга, люди св. Германа; при них детей трое (перечислены). Держат 1½ свободных манса, содержащих пахотной земли 3½ бонуария, виноградника 2 арипенна, лугу 3 арипенна. Платит также».

5. Хильдебальд — колон и жена его, свободная, именем Трудлинда; при них детей трое (перечислены). Держит 1½ свободных манса, содержащих пахотной земли 5 бонуариев, виноградника 1½ арипенна, лугу 5 арипеннов. Платит также» [1]) и т. д.

Эти документы не оставляют сомнений о существовании крепостничества уже в начале феодализма.

Затем известна точка зрения Энгельса на счет того, что так называемые «держатели свободных мансов» не были свободными в полном смысле этого слова, а были на положении зависимых. Точку зрения Энгельса подтверждает и Кунов в своей книге «Всеобщая история хозяйства»: «Конечно, свободные в общине IX столетия,—пишет Кунов,—большей частью не были свободными, неограниченно распоряжающимися в своих усадьбах крестьянами VI—VII вв. Многие не сидели на собственной земле, но на свободных чиншевых участках на «Mansi ingenuibes». Они были свободными членами общины, но за переданный им от господина участок должны были платить натуральный или денежный чинш, а также отбывать повинности... Крестьянская свобода была позади» [2]). Полемизируя в дальнейшем с А. Допшем, Кунов прямо указывает: «Взятое в целом развитие эпохи Каролингов фактически показывает уменьшение сословия свободных крестьян и его значения в политической и хозяйственной жизни» [3]).

Понятно, закрепощение свободного раньше крестьянства шло неравномерно по всей стране и в отношении Франции можно указать, что процесс закрепощения развивался раньше в Бургундии и Лотарингии. Во всяком случае нет никакого сомнения на счет того, что именно процесс закрепощения, а не освобождения характерен для крестьянского хозяйства эпохи развития феодализма. Такую же картину приблизительно мы имели в отношении других стран.

Если же мы возьмем более поздний период, относящийся к эпохе Карла Великого, я имею в виду поместные отношения, отраженные в «Капитулярии о поместьях», то вопрос о крепостничестве становится совсем бесспорным. Пусть среди ученых до сего времени идет спор, относится ли этот документ ко времени Карла Великого или ко времени его сына Людовика Благочестивого, когда он был королем Аквитании, пусть спорят насчет того, где район действия «Капитулярия», монархия ли Карла Великого в ее целом или только королевство Людовика Благочестивого — Аквитания. «Капитулярий» о поместьях не оставляет никакого сомнения, что в эпоху Каролингов мы имели уже крепостничество, как господствующую форму. Достаточно привести хотя бы 52 пункт этого документа; в нем говорится: «Желаем, чтобы разным людям из крепостных и рабов наших, или из свободных, в наших фисках и поместьях проживающих, (управляющие) творили полный и правый суд, как каждому полагается» [4]).

Таких примеров можно привести бесконечное количество. Какой вывод мы должны сделать из всего этого?

Вывод совершенно ясный. Конкретная история говорит нам, что феодализм, в самую раннюю эпоху своего развития, представляет собой систему,

---

[1]) «Социальная история средневековья», под редакцией Е. А. Косминского и А. Д. Удальцова, т. I.

[2]) G. Kunow, Allgemeine Wirtschaftsgeschichte, Bd. 12, Berlin 1927, стр. 414.

[3]) Там же.

[4]) «Капитулярий о поместьях», цит. по «Социальной истории средневековья», т. I, стр. 159.

базирующуюся на внеэкономическом принуждении, систему, для которой характерна, как указывал Маркс, отработочная рента или крепостничество. Поэтому говорить, что крепостничество представляет собой какую-то особую формацию, как это делает т. Дубровский, является абсолютно необоснованным утверждением, которое он не будет в состоянии проверить ни на одной из историй европейских стран. В России, несмотря на своеобразие ее исторического развития, мы также не имеем никаких данных говорить о крепостничестве, как об особой специфической формации.

Однако т. Дубровский указывает на крепостничество позднейших веков, которое будто бы дает нам основания утверждать о существовании крепостнической формации. Ответ на этот вопрос лежит в плоскости дальнейшего рассмотрения процесса развития феодализма.

Тот факт, что феодализм соответствует переходу от натуральных отношений к меновым, что феодальный способ производства характеризуется соединением сельскохозяйственного производства и домашней промышленности, приводит к тому, что вместе с ростом феодализма усиливается и обмен, в результате чего возникает городской строй, возникают города. Вначале города являются как бы придатком к поместью, а затем они начинают самостоятельно развиваться; высшей точкой этого развития являются «города-коммуны». Развитие обмена, с другой стороны, приводит к тому, что крепостнические отношения, возникшие в ранний период феодализма и укрепившиеся в дальнейшем, начинают в связи с усилением обмена разлагаться. Мы имели, таким образом, разложение сеньериального строя во Франции, которое к XIV в. приводит к разрушению «серважа» — крепостных повинностей крестьян, «формарьяжа» — брачной повинности, «менморты» — права наследования и произвольной «талии». Начавшееся в XIII в. раскрепощение французских крестьян проделало значительные успехи хотя не во всех районах одинаково: в Нормандии, Провансе и Русильоне серваж исчез почти окончательно; зато в центре страны и на востоке остатки его сохранились вплоть до Великой революции 1789 г. Далее мы имели разложение поместного строя в Германии, где процесс распада поместных отношений имел, несомненно, свои особенности. Прежде всего эти особенности сказались в том, что землевладелец-сеньор превратился в рентодержателя. На севере Германии развились крупные кулацкие хозяйства, так называемые «меерские» участки — участки земли, получаемые от помещика на основе договора, не делившиеся после смерти их владельца, а переходившие по наследству к старшим сыновьям мееров. На юге Германии этот процесс почти не имел места. С другой стороны, начавшееся в XIII в. раскрепощение немецких крестьян в XIV в. приостанавливается. Тем не менее процесс разложения крепостничества затронул и Германию.

Еще большее значение имело разложение манориального строя в Англии. К XIII в. в Англии мы имели появление обширного класса свободных держателей — «фригольдеров». Эти свободные держатели образовались из вилланов, державших надел, в виргату или полувиргату и откупившихся денежными или натуральными платежами от необходимости отбывать барщину в пользу своего лорда. Далее, начиная с того же XIII в., мы наблюдаем широкую замену барщины или, как она называлась в Англии, «еженедельной работы» и всех других повинностей денежной платой без перехода к свободному держанию. Уничтожение крепостничества в Англии в этот период привело к изменению характера обязанностей и другого слоя английской деревни — коттэров. Коттэры, принадлежавшие к беднейшим элементам деревни, лишь в исключительном случае могли переходить на денежные повинности. Тем не менее «коммутация»—замена натуральных повинностей денежными— привела к уничтожению не только постоянной барщины, но и работы, во время страды и других специальных служб.

Таким образом, крепостничество, возникшее и развившееся в эпоху феодализма, начало разлагаться в связи с разложением под влиянием обмена самого феодального способа производства. Развитие обмена привело к тому, что сеньоры, помещики и лэндлорды под влиянием проникновения меновых отношений должны были выступать в качестве свободных товаропроизводителей. Перспектива не стать товаропроизводителем упиралась в проблему, что денежные отношения открывают возможность и для крестьян — истинных производителей, также стать свободными товаропроизводителями. Но старый класс феодалов не во всех странах оказался в состоянии снять с крестьянства внеэкономическое принуждение и дать им возможность превратиться в свободных товаропроизводителей. Сюда еще прибавился кризис, связанный с «Черной Смертью» (1348—1349 гг.). В результате этого, начиная с XIV в. во Франции и Англии и начиная с XVI в. в Германии мы имели феодальную реакцию, которая приводит к восстановлению крепостничества уже не на основе старых натуральных отношений, а на основе денежных отношений. Так, мы имели восстановление крепостничества во Франции, в Англии, в Германии. В одних странах, вроде Англии, где лэндлорды были особенно сильны не только как владельцы крупных земельных поместий, но и как участники развивавшегося процесса обмена—там им нечего было бояться конкуренции крестьян и поэтому они лишь на короткий сравнительно срок возродили внеэкономическое принуждение. Вот почему крепостничество в Англии вскоре исчезло. В других странах, как во Франции, а в особенности в Германии, где помещики не были достаточно сильны, чтобы быть в состоянии экономическим путем эксплоатировать попрежнему крестьян, там они прибегли к новому внеэкономическому принуждению; новое внеэкономическое принуждение было уже построено на базе новых меновых отношений, на базе торгового капитала (говоря о торговом капитале, мы, понятно, не имеем в виду торгового капитализма как формации). Получилось таким образом как бы два «издания» крепостничества. Эти два издания связаны с появлением денежной ренты, значит и с феодальной формацией. Об этих двух «изданиях» крепостничества говорит и Энгельс в своем письме к Марксу от 16 декабря 1882 г. Энгельс интересуется «фактическим исчезновением крепостничества» в XIII и XIV вв. Протестуя против мнения Киндлингера, будто крепостное состояние в XVI в. только возникло, Энгельс писал: «Я не сомневаюсь в том, что оно появилось только подновленное вторым изданием, Мейтцен приводит годы, когда впервые снова заговорили о крепостных в Восточной Пруссии, Бранденбурге и Силезии» середины шестнадцатого века [1]).

Несомненно, что возрождение крепостничества на меновой основе было значительно тяжелее для крестьянства, чем прежнее крепостничество, покоившееся преимущественно на натуральных отношениях. Поэтому мы и можем говорить, что крепостничество, относящееся к началу феодализма, его созреванию, связано с известного рода патриархальными отношениями, существовавшими между сеньорами и их крепостными, а крепостничество эпохи разложения феодализма, основанное на денежных отношениях, проявило себя подобно скорпиону, высасывающему из крестьянства все его жизненные соки.

Все вышеизложенное с совершенной ясностью показывает, насколько справедлив т. Дубровский в следующем своем утверждении: «Феодализм в основном характеризуется производством и прибавочного и необходимого продукта в хозяйстве непосредственных производителей, с извлечением фео-

[1]) К. Маркс и Ф. Энгельс, Переписка, изд. «Московский Рабочий», 1922 г., стр. 255.

далами ренты продуктами. При крепостничестве же необходимый продукт создается в хозяйстве непосредственных производителей,— прибавочный продукт на барщине. При феодализме крестьяне являются относительно самостоятельными производителями, при крепостничестве крестьянин не является не только продуктопроизводителем, не говоря уже товаропроизводителем, он не только не производит товар, а он сам является в известной мере товаром... При феодализме крестьянину противостоит целая иерархия феодалов от вассалов до сюзеренов, делящих между собой прибавочный продукт в виде ренты, продукты, которые поступают к ним от крестьян. При крепостничестве крестьянству противостоит класс крепостников, который, свергнув власть аристократов-феодалов, утвердил собственную диктатуру. Некоторые товарищи не понимают, что землевладельцы феодального и крепостного общества — классы разных общественных формаций»[1]).

Если даже не говорить о том, что среди «товарищей», не понимающих различия феодалов и крепостников, мы имеем никого иного, как Маркса и Ленина, то все эти «теоретические» изыскания т. Дубровского поистине отличаются большой оригинальностью, но ни в коем случае не опираются на авторитет основоположников научного социализма.

Впрочем, в данном случае т. Дубровский оказался более снисходительным к Марксу, Энгельсу и Ленину. Оказывается, что творцы научного коммунизма «очень часто в отношении конкретной истории крепостничество и феодализм употребляют как тождественные термины»[2]). Чем же об'ясняется эта «недостаточная теоретическая точность» со стороны Маркса, Энгельса и Ленина, раз они, по мнению т. Дубровского, различали крепостничество как особую по сравнению с феодализмом формацию? На этот вопрос отвечает сам т. Дубровский: «Последнее об'ясняется тем,—пишет он,—что в особенности на Западе Европы мы не имели, пожалуй (?), чистых форм феодализма и чистых форм крепостничества. Феодально-крепостнические отношения между собой переплетались так же, как, напр., при переходе от крепостничества к капитализму, допустим, в России, переплетались формы капиталистические с крепостническими. В Западной Европе, напр., в эпоху средневековья... наряду с чисто-феодальным хозяйством, имелось и барщинное хозяйство, основанное на труде крепостных крестьян»[3]).

Не ясно ли читателю, что Маркс, Энгельс и Ленин, пожалуй, потому и употребляли как синоним термины феодальный и крепостнический, поскольку в конкретной истории найти отдельные феодальную и крепостническую формацию они не могли!

Проблема крестьянских движений.

Противопоставляя крепостничеству феодализм как особую формацию, т. Дубровский пытается свои утверждения подкрепить не только «ссылками» на вырванные из контекста цитаты из Маркса и Ленина, но и своеобразной новой теорией. Несомненно, что переход из одной общественной формации в другую совершался при помощи «скачка». Этим скачком была революция. Либо революция политическая, ознаменовавшая переход власти из рук одного класса к другому, либо революция техническая, знаменующая собой переход от одного способа производства к другому и связанная опять-таки классовой перегруппировкой сил, несомненно, эти «скачки» являются повивальной бабкой истории.

1) Дубровский, стр. 93.
2) Дубровский, стр. 95.
3) Там же, стр. 95—96.

В самом деле, переход от античного способа производства к феодальному, ознаменовался крахом старого античного общества — Zusammenbruch'ом — взрывом, как указывал Маркс, давая свою теорию революций. Переход от феодального способа производства к капиталистическому имел своим скачком промышленную революцию в Англии в экономической области и Великую Французскую революцию во Франции — в политической области. Понятно, что промышленный переворот в Англии дополнил Великую революцию конца XVIII века.

Тов. Дубровский нашел такую революцию, отделяющую феодальную формацию от крепостнической, в виде крестьянских войн: «В Западной Европе... можно четко провести грань между феодализмом и крепостничеством. Эта грань проведена волной крестьянских войн. Именно крестьянские войны и были ответом крестьянства на закрепощение их, на переход от феодальной эксплоатации к крепостнической»[1].

Поставленная т. Дубровским проблема о крестьянских движениях как о своеобразном «скачке», определяющем переход от феодальной формации к крепостнической, уже потому неправильна, что крестьянские движения в средние века не могут быть рассматриваемы как революции. Если Энгельс, рассматривая крестьянскую войну в Германии, отмечал в ней отдельные черты буржуазной революции, то мы знаем, что он это делал вынужденный полемикой с «истинными социалистами». Вообще же под революцией, как известно, принято подразумевать такое движение классов, в результате которого мы имеем переход от системы одних производственных отношений к другим, переход власти из рук одного класса в другие. Крестьянство же не является носителем самостоятельного, присущего ему способа производства, и поэтому великая крестьянская война в Германии, так же, как и Жакерия и восстание Уота Тайлера, не были крестьянскими революциями.

Посмотрим теперь, каков был характер крестьянских восстаний в их конкретной действительности.

Мы имеем, по сути говоря, три типа крестьянских движений. Первый тип — это бунт, классическим выражением которого являются жакерии во Франции. Второй тип — это восстание более организованного характера, проходящее под известным руководством городских низов, в виде восстания Уота Тайлера в Англии, и третьим типом является крестьянская война в виде великой крестьянской войны в Германии.

Восстание крестьян во Франции, известное под названием Жакерии, вспыхнувшее в 1358 г., было направлено против французских феодалов. Не случайно, что ареной восстаний стала область Иль-де-Франс, цитадель французских королей. Крестьяне собирались толпами и нападали на помещичьи земли и поместья, поджигали строения, а хлеб и продукты вывозили и распределяли между собой. Если не считать восстания в провинции Бовэн, где во главе восставших крестьян стоял ремесленник Каль, старавшийся придать некоторую стройность и порядок движению, то в остальных местах жакерии представляли собой неорганизованный бунт отчаявшихся крестьян.

Но может быть жаки восставали не против крепостничества, а против «феодальных тягот», придерживаясь терминологии т. Дубровского? Посмотрим, что на этот счет говорят источники. Французский историк Бомануар (1250—1296) в своей знаменитой работе «Обычаи графства Клермон в Бовези» в следующих словах рассказывает о развитии крепостничества в его время: «Есть много состояний личной крепостной зависимости (servitudes de corps... Ибо одни из крепостных так подчинены своим сеньорам, что эти сеньоры могут распоряжаться всем их имуществом, имеют над ними право

[1]) Дубровский, стр. 93.

жизни и смерти, могут держать их в заключении по своей воле — за вину или без вины, и никому за них не ответственны, кроме как одному богу. С другими обращаются более человечно, ибо при их жизни сеньоры не могут ничего от них требовать, если только они не провинятся, кроме их чиншей, рент и повинностей, обычно платимых за их крепостное состояние (servitude). И лишь когда они умирают или женятся на свободных женщинах, все их имущество — движимое и недвижимое — переходит к сеньорам. Ибо тот, кто женится на свободной, должен платить выкуп по усмотрению сеньора. И если крепостной умирает, нет у него наследника кроме сеньора, и дети крепостного ничего не получат, если не заплатят выкупа сеньору, как это сделали бы люди посторонние. Эти последние повинности носят у крепостных Бовезии название мертвой руки брачного (формарьяж). О других крепостных состояниях в чужих землях мы умолчим, ибо наша книга гласит об обычаях в Бовезии»[1].

Таково свидетельство специалиста феодального права и современника, которое недвусмысленно свидетельствует о том, что крепостничество и было причиной восстаний французских крестьян. Это свидетельство не оставляет никаких сомнений в отношении того, что пример Жакерии — типичного для Франции крестьянского восстания своей эпохи, ни в коей степени не говорит в пользу концепции т. Дубровского.

Восстание Уота Тайлера в Англии, происходившее в 1381 г., было вызвано сильным кризисом, разразившимся в результате черной смерти. Огромный недостаток рабочих рук, образовавшийся вследствие гибели около половины крестьянского населения, побудил государство издать ряд уставов и статутов, восстанавливавших на деле отмененные раньше крепостнические отношения и заменявших наемный труд принудительным крестьянским трудом. Восстание Уота Тайлера отличается от Жакерии в первую очередь тем, что организаторами крестьянского восстания были в Англии городские низы — городские ремесленники, «бедные священники» и т. д. Когда в 1381 г. в графство Кэнт и Эссексе была послана карательная экспедиция, чтобы выколотить из крестьян накопившиеся за ними недоимки, то в результате действий этой экспедиции вспыхнуло восстание. Восстание вскоре охватило ряд районов, об'единив в своих рядах около 50 тысяч человек. Восставшие нападали на поместья светских и духовных феодалов, уносили имущество, уводили скот, уничтожали и жгли все документы, касавшиеся крепостной зависимости и крестьянских повинностей. Протоколы судебных комиссий, назначенных королем Ричардом II для следствия и суда над участниками восстания 1381 г., недвусмысленно указывают ту цель, куда направлялось острие крестьянских возмущений. Вот что говорится в протоколах судебных комиссий: «Томас Равен из Рочестера и другие совместно и отдельно в среду, в неделю Пятидесятницы, в год царствования короля Ричарда Второго у Дартфорда сами и с помощью других разных неизвестных учинили разные восстания и сборища против сеньора короля и народа... все документы сеньора короля, к судебным делам его короны и к делам о поступающих в его руки владениях относящиеся... изменнически сожгли на площадях»[2].

Вот другое свидетельство: «Присяжные говорят также, что Ричард Фрер из Мильтонской сотни изменнически восстал против сеньора короля и его народа и изменнически вошел в манор в Тенгаме и здесь найденные в нем протоколы курии, рентали и другие документы сжег»[3]. И, наконец,

---

[1] «Социальная история средневековья», под редакцией Е. А. Косминского и А. Д. Удальцова, т. II, стр. 15—16.

[2] Там же, стр. 215.

[3] Там же, стр. 216.

последнее свидетельство, не оставляющее никакого сомнения насчет характера восстаний, королевский патент, отправленный королем Ричардом II нескольким лицам с целью восстановления истребленных восставшими документов, гласит: «... Просил нас достопочтенный отец У. (Уильям Кортнэй), кентерберийский архиепископ, чтобы мы, так как все рентали, феодарии и другие документы маноров и домов вышеназванного архиепископа, с помощью которых фирмы, платежи, службы и другие доходы, принадлежащие этому архиепископу, по праву должны быть уплачиваемы, известными злоумышленниками во время восстания некоторых наших бунтовщиков, против нас и нашего мира учиненных, были сожжены и совершенно уничтожены к немалому ущербу и явному вреду самого архиепископа и его вышеназванной церкви, приняли во внимание эти вред и ущерб и придумали вышеназванному архиепископу и его вышеназванной церкви какое-нибудь средство против этого...» [1]).

За что боролись английские крестьяне, восставшие под руководством Уота Тайлера и священника Джона Болла, лучше всего говорит петиция, поданная королю восставшими после занятия Лондона. Крестьяне требовали: уничтожения всякой крепостной зависимости и рабства, отмены привилегий дворянству на охоту и рыбную ловлю, установления предельной арендной платы не выше 4 пенсов в год, амнистии для всех участников восстания и обеспечения прочного мира.

Чрезвычайно характерно описание момента пред'явления королю петиции, данное «Анонимной Хроникой», принадлежащей аббатству св. Марии в Йорке. «В тот же четверг, в названный праздник Тела Христова, король находился в Тоуэре, задумчивый и грустный. Взойдя на малую башню против св. Екатерины, где расположилось большое число общин, он приказал громко об'явить им, чтобы все тотчас же мирно расходились по домам, и что он простит им все их проступки. И все закричали в один голос, что они не уйдут прежде, чем не получат находящихся в Тоуэре изменников и хартий, которые освободят их от всякого рода рабства и дадут им и другое, чего они потребуют» [2]).

Во время второго свидания с королем на Майль-Энде, согласно свидетельству этого анонимного историка, произошла следующая сцена: «Названный Уот и общины держали двое знамен и флаги и флажки, когда они обращались с своей петицией к королю. И они просили, чтобы ни один человек не был больше крепостным, не приносил феодальной присяги и никакой повинности не нес никакому сеньору, но давал бы по 4 пенса за акр земли, и чтобы никто никому не должен был служить иначе, как по своей доброй воле и по договору» [3]).

Не удовлетворившись сделанными им уступками, вожди движения в дальнейшем выставили ряд дополнительных более радикальных требований. Тем не менее уже эти свидетельства недвусмысленно говорят, что восстание английских крестьян под руководством Тайлера было направлено против крепостничества, имевшего место в Англии до крестьянского восстания. Как видим, и в этом случае попытка отделить феодализм от крепостничества терпит фиаско и на примере английской истории. Правда, восстание Уота Тайлера не прошло безрезультатно. Хотя повстанцы и были усмирены, но король и пр. феодалы прекрасно себе отдавали отчет в том, что эта победа досталась им не в открытом бою, а лишь при помощи коварства и предательства. В силу этого восстание Уота Тайлера не было совсем безрезультатным. Поэтому господствующие классы после подавления восстания пошли на уступки в отношении освобождения крестьянства, которое к концу XIV в.

[1]) Там же, стр. 217.
[2]) Там же, стр. 208.
[3]) Там же, стр. 209.

закончилось. Но это уничтожение крепостничества было связано отнюдь не с теми причинами, какие приводит т. Дубровский. «В некоторых странах, напр., в Англии, — пишет т. Дубровский, — крепостничество не испытало развития до своих законченных форм (хотя уже основные его черты были налицо), как бы смытое волной развивающегося затем торгового капитализма» [1]). Не говоря уже о том, что довольно странно слышать из уст противника особого торгового капитализма подчеркивания этого не существовавшего на самом деле торгового капитализма в Англии, все утверждение т. Дубровского неправильно. Уничтожение крепостничества в Англии было вызвано отнюдь не тем, что крепостничество не успело развиться до своих законченных форм. О степени развития английского крепостничества говорят нам источники. Так, напр., инструкция об управлении манорами, взятая из картулярия Глостерского монастыря св. Петра, относящаяся к концу XIII в., не оставляет на этот счет никаких сомнений. Мы имеем в Англии довольно полную систему крепостничества. Параграф первый этой же инструкции гласит: «... За месяц до праздника св. Михаила следует созвать всех крепостных из маноров в те маноры, где они родились, и там, в присутствии местного приказчика и с его утверждения, следует точно определить, кто пригоден для господской службы и в каком месте, и в какой форме, и на каком содержании, и на каком жаловании». Параграф 18 далее отмечает: «Барщинники, обладающие достаточной трудоспособностью, должны утром приходить на дворовую работу с исправными рабочими орудиями, работать во дворе сколько следует и добросовестно и уходить в установленный и обычный срок». Параграф 36 далее раз'ясняет: «Никому из мужчин не разрешается уходить с господской земли без разрешения манориальных властей, да и то лишь после того, как от него будут полностью приняты все обычные работы, полагающиеся от крепостного господину» [2]).

Несомненно, что английский феодализм отличался от французского, точно так же как французский от германского и т. д.; вспомним знаменитое письмо Маркса Конраду Шмидту, из которого определенно явствует, что мы не можем говорить о каком-либо типе феодализма; тем не менее, феодализм, с характерной для него отработочной рентой, выражением чего является крепостничество, имел место в Англии еще до крестьянского восстания Уота Тайлера и отнюдь не в зародыше. Законченной формы крепостничества вообще не существовало. Для каждой страны феодализм, а вместе с ним и крепостничество имели свои особенности, свои «вариации и градации», как говорил Маркс.

Великая крестьянская война в Германии 1524—1525 гг., представляющая собой наивысший этап в развитии крестьянского движения, проявила некоторые новые черты, которые, по отмеченным выше мотивам, заставили Энгельса сравнивать ее с буржуазной революцией. В Германии крестьянская война началась в XVI в., будучи связана с так называемой реформацией. В XV в. Германия была богатой торгово-промышленной страной, но богатством страны господствовавшие князья феодалы не могли пользоваться в полной мере, поскольку Германия подвергалась сильной эксплоатации со стороны римской церкви. Князья-феодалы сумели использовать ненависть низов против католических феодалов. Хотя народные массы страдали от эксплоатации своего дворянства, князей и торгового капитала не меньше, чем от церкви, но они все же примкнули к движению, надеясь, что лютеровская реформация принесет им освобождение от всякого гнета. Когда же их надежды на Лютера не оправдались, то крестьяне стали организовываться в тайные

[1]) Дубровский, стр. 96.

[2]) «Социальная история средневековья», т. II, стр. 112—114.

союзы в роде «союза башмака», «бедного Конрада» и т. д. Так возникло общенациональное движение крестьянства, получившее название Великой крестьянской войны». Цель восстания лучше всего выступает в связи с программой, выставленной восставшими крестьянами Юго-Западной Германии, известной под названием «12 статей». Основные требования 12 статей были: уничтожение личной крепостной зависимости; возвращение крестьянам всех отнятых у них помещиками и монастырями общинных земель, лесов, лугов и пр. угодий; свобода охоты и рыбной ловли для всех; сокращение барщины до нормальных размеров; отмена так называемой малой десятины (оброк овощами и фруктами и посмертный налог, взыскиваемый с крестьянского хозяйства после смерти его владельца и при переходе имущества к наследнику). Несомненно, программа 12 статей была чрезвычайно умеренной. Крестьяне Эльзаса идут дальше и требуют отмены всякой десятины, а также всех барщин и повинностей в пользу господ. Не вдаваясь в оценку этой программы, можно все же видеть, что острие крестьянской войны было направлено в первую очередь против тяжестей крепостничества, даже не затрагивая основ феодализма. Программа 12 статей требовала не отмены всех повинностей и оброка, а только части их, и стремилась, главным образом, устранить насилие и произвол при их взимании. Больше того, она допускала даже выкуп захваченных помещиками общинных угодий. Таким образом и Великая крестьянская война в Германии была направлена, главным образом, против крепостничества, которое являлось неот'емлемым элементом феодализма, господствовавшего в Германии до событий 1524—1525 гг. Характерно, что лишь крестьяне Тироля, находившиеся в наиболее благоприятном положении и бывшие свободными от крепостной зависимости, выдвинули уже ряд радикальных демократических требований в роде конфискации всех церковных имуществ, уничтожения светской власти духовенства, отмены всех повинностей и создания даже своеобразной демократической аграрной республики в духе аграрного социализма. Но Тироль был нехарактерной для остальной Германии провинцией. крестьянство там не боролось против крепостничества, поскольку крепостничество в общем и целом было уже позади. В результате поражения крестьянской войны гнет крепостничества еще больше усилился, барщина и оброк увеличились, положение крестьян еще более ухудшилось, и начиная с XVI в. мы имеем в Германии, как отмечал это Маркс, «второе издание крепостничества». Именно тот факт, что мы имели дело со вторым изданием, а не с первым, недвусмысленно говорит за то, что попытка т. Дубровского изобразить крестьянские восстания, как рубеж, отделяющий две различные формации — феодализм и крепостничество, терпит крах и на примере конкретного исторического материала Германии.

Рамки данной статьи не позволяют остановиться на вопросе о крепостничестве восточных народов. Действительно, как указывает т. Дубровский, «Крепостничество имелось и в Персии, а также в Индии и Китае» [1]), но абсолютно неверным являются дальнейшие утверждения т. Дубровского насчет того, что «несомненно изучение восточного крепостничества покажет нам, что оно являлось гораздо более разносторонней формацией, чем это сейчас себе представляют наши востоковеды» [2]). В Китае, напр., в эпоху расцвета феодализма при Чжоуской династии мы имели систему хозяйственных отношений, характерную для феодализма, как общественной формации, при чем имели также крепостничество. Основой феодализма являлось крупное поместье, которое держалось на эксплоатации зависимых от феодала крестьян. Большинство пустующих и общинных земель было экспроприировано феодалами, так же, как и на Западе. Окончательная экспроприация

[1]) Дубровский, стр. 102.
[2]) Там же.

крестьянских земель закончилась, как полагают, в IV в. до нашей эры. Но все же остатки общинного землевладения («колодезная система») сохранились и в феодальную эпоху, что в известной мере предохраняло крестьянство от разорения.

Эксплоатация крестьян была очень велика. Крестьяне должны были исполнять барщину и разные натуральные повинности, которые отнимали у них большую часть времени (в IV в.). Кроме того, они несли разные оброки, особенно в местах, близких к городам, где было более развито меновое хозяйство. Известны следующие виды натурального обложения: холст и непряденный шелк, хлеб и личная трудовая повинность. Крестьяне были подчинены административно-полицейской и судебной власти своих помещиков. Существовала система штрафов—также немаловажный источник обогащения феодалов, и круговая порука крестьянской общины (деревни) за всех своих членов. Особенно усилилась эксплоатация крестьян в IV в., в связи с начавшимся разложением феодализма: «У народа,—говорит Мэн-Цзы,—недостает средств как для пропитания родителей, так и для прокормления жены и детей; в урожайный год он терпит лишения и в неурожайный не избегает гибели. При таких условиях народу приходится заботиться только о спасении от смерти под опасением, что и этого он не успеет сделать». Еще ярче характеризуют эксплоатацию крестьян в IV в. краткие, но выразительные слова из того же Мэн-Цзы: «Ван-Чжан сказал: современные князья берут с народа как придорожные разбойники».

Как и в Западной Европе, феодальные связи были очень слабые и часто нарушались: сепаратизм князьков-феодалов был силен: нередки были восстания вассалов против своих сеньоров. Феодалы имели право перехода от одного сюзерена к другому. Существовала и коммендация; владельцы небольших земельных участков закладывали свои земли и становились добровольно, по своему выбору, в зависимость от того или иного крупного феодала. С'езды князей, крупных феодалов, устанавливали феодальные привилегии, права и вольности. Наконец, и феодальная иерархия («лестница»), установившаяся в Китае, поразительно напоминает западно-европейскую. Существовало всего 5 титулов: император, гун, хоу, бо, цзи и нань (последние два вместе один титул), что в общем соответствует западной феодальной лестнице (король, герцог и т. д.). Имелись особые названия для владения сюзерена (вань-чэнь, чжуй-го), вассала (цянь-чэн-чжуй-го) и подвассала (бочень-чжи-цзя); каждый имел свои особые знаки отличия и права в зависимости от места, занимаемого на феодальной лестнице.

Таким образом, уже на основе первоначальных признаков, какие называет т. Дубровский, т.-е. признаков способов производства, а не только «вторичных признаков»—признаков наличия крупного землевладения, иерархии, связи землевладения с государственной властью и т. д., мы можем видеть, что и в Китае нельзя говорить о двух формациях—феодализме и крепостничестве. Теория же т. Дубровского о существовании крепостнической общественно-экономической формации, исторически приходящей на смену феодализму, ни в коей степени не подтверждается конкретным историческим материалом. Попытка его прикрыться авторитетом Маркса, Энгельса и Ленина также терпит неудачу, ибо т. Дубровский пользуется методом чересчур вольного обращения с источниками. Правильно поставленная задача борьбы со сторонниками «азиатского способа производства» и историками, признающими за торговым капиталом особую общественную формацию, не искупается обилием методологических ошибок, которые допустил т. Дубровский в своей работе. Но разбор ошибок т. Дубровского показывает, насколько важно для исторического исследования изучение проблем общественных формаций.

союзы в роде «союза башмака», «бедного Конрада» и т. д. Так возникло общенациональное движение крестьянства, получившее название Великой крестьянской войны». Цель восстания лучше всего выступает в связи с программой, выставленной восставшими крестьянами Юго-Западной Германии, известной под названием «12 статей». Основные требования 12 статей были: уничтожение личной крепостной зависимости; возвращение крестьянам всех отнятых у них помещиками и монастырями общинных земель, лесов, лугов и пр. угодий; свобода охоты и рыбной ловли для всех; сокращение барщины до нормальных размеров; отмена так называемой малой десятины (оброк овощами и фруктами и посмертный налог, взыскиваемый с крестьянского хозяйства после смерти его владельца и при переходе имущества к наследнику). Несомненно, программа 12 статей была чрезвычайно умеренной. Крестьяне Эльзаса идут дальше и требуют отмены всякой десятины, а также всех барщин и повинностей в пользу господ. Не вдаваясь в оценку этой программы, можно все же видеть, что острие крестьянской войны было направлено в первую очередь против тяжестей крепостничества, даже не затрагивая основ феодализма. Программа 12 статей требовала не отмены всех повинностей и оброка, а только части их, и стремилась, главным образом, устранить насилие и произвол при их взимании. Больше того, она допускала даже выкуп захваченных помещиками общинных угодий. Таким образом и Великая крестьянская война в Германии была направлена, главным образом, против крепостничества, которое являлось неот'емлемым элементом феодализма, господствовавшего в Германии до событий 1524—1525 гг. Характерно, что лишь крестьяне Тироля, находившиеся в наиболее благоприятном положении и бывшие свободными от крепостной зависимости, выдвинули уже ряд радикальных демократических требований в роде конфискации всех церковных имуществ, уничтожения светской власти духовенства, отмены всех повинностей и создания даже своеобразной демократической аграрной республики в духе аграрного социализма. Но Тироль был нехарактерной для остальной Германии провинцией. крестьянство там не боролось против крепостничества, поскольку крепостничество в общем и целом было уже позади. В результате поражения крестьянской войны гнет крепостничества еще больше усилился, барщина и оброк увеличились, положение крестьян еще более ухудшилось, и начиная с XVI в. мы имеем в Германии, как отмечал это Маркс, «второе издание крепостничества». Именно тот факт, что мы имели дело со вторым изданием, а не с первым, недвусмысленно говорит за то, что попытка т. Дубровского изобразить крестьянские восстания, как рубеж, отделяющий две различные формации — феодализм и крепостничество, терпит крах и на примере конкретного исторического материала Германии.

Рамки данной статьи не позволяют остановиться на вопросе о крепостничестве восточных народов. Действительно, как указывает т. Дубровский, «Крепостничество имелось и в Персии, а также в Индии и Китае» [1]), но абсолютно неверным являются дальнейшие утверждения т. Дубровского насчет того, что «несомненно изучение восточного крепостничества покажет нам, что оно являлось гораздо более разносторонней формацией, чем это сейчас себе представляют наши востоковеды» [2]). В Китае, напр., в эпоху расцвета феодализма при Чжоуской династии мы имели систему хозяйственных отношений, характерную для феодализма, как общественной формации, при чем имели также крепостничество. Основой феодализма являлось крупное поместье, которое держалось на эксплоатации зависимых от феодала крестьян. Большинство пустующих и общинных земель было экспроприировано феодалами, так же, как и на Западе. Окончательная экспроприация

[1]) Дубровский, стр. 102.

[2]) Там же.

крестьянских земель закончилась, как полагают, в IV в. до нашей эры. Но все же остатки общинного землевладения («колодезная система») сохранились и в феодальную эпоху, что в известной мере предохраняло крестьянство от разорения.

Эксплоатация крестьян была очень велика. Крестьяне должны были исполнять барщину и разные натуральные повинности, которые отнимали у них большую часть времени (в IV в.). Кроме того, они несли разные оброки, особенно в местах, близких к городам, где было более развито меновое хозяйство. Известны следующие виды натурального обложения: холст и непряденный шелк, хлеб и личная трудовая повинность. Крестьяне были подчинены административно-полицейской и судебной власти своих помещиков. Существовала система штрафов—также немаловажный источник обогащения феодалов, и круговая порука крестьянской общины (деревни) за всех своих членов. Особенно усилилась эксплоатация крестьян в IV в., в связи с начавшимся разложением феодализма: «У народа,—говорит Мэн-Цзы,—недостает средств как для пропитания родителей, так и для прокормления жены и детей; в урожайный год он терпит лишения и в неурожайный не избегает гибели. При таких условиях народу приходится заботиться только о спасении от смерти под опасением, что и этого он не успеет сделать». Еще ярче характеризуют эксплоатацию крестьян в IV в. краткие, но выразительные слова из того же Мэн-Цзы: «Ван-Чжан сказал: современные князья берут с народа как придорожные разбойники».

Как и в Западной Европе, феодальные связи были очень слабые и часто нарушались: сепаратизм князьков-феодалов был силен: нередки были восстания вассалов против своих сеньоров. Феодалы имели право перехода от одного сюзерена к другому. Существовала и комендация; владельцы небольших земельных участков закладывали свои земли и становились добровольно, по своему выбору, в зависимость от того или иного крупного феодала. С'езды князей, крупных феодалов, устанавливали феодальные привилегии, права и вольности. Наконец, и феодальная иерархия («лестница»), установившаяся в Китае, поразительно напоминает западно-европейскую. Существовало всего 5 титулов: император, гун, хоу, бо, цзи и нань (последние два вместе один титул), что в общем соответствует западной феодальной лестнице (король, герцог и т. д.). Имелись особые названия для владения сюзерена (вань-чэнь, чжуй-го), вассала (цянь-чэн-чжуй-го) и подвассала (бочень-чжи-цзя); каждый имел свои особые знаки отличия и права в зависимости от места, занимаемого на феодальной лестнице.

Таким образом, уже на основе первоначальных признаков, какие называет т. Дубровский, т.-е. признаков способов производства, а не только «вторичных признаков»—признаков наличия крупного землевладения, иерархии, связи землевладения с государственной властью и т. д., мы можем видеть, что и в Китае нельзя говорить о двух формациях—феодализме и крепостничестве. Теория же т. Дубровского о существовании крепостнической общественно - экономической формации, исторически приходящей на смену феодализму, ни в коей степени не подтверждается конкретным историческим материалом. Попытка его прикрыться авторитетом Маркса, Энгельса и Ленина также терпит неудачу, ибо т. Дубровский пользуется методом чересчур вольного обращения с источниками. Правильно поставленная задача борьбы со сторонниками «азиатского способа производства» и историками, признающими за торговым капиталом особую общественную формацию, не искупается обилием методологических ошибок, которые допустил т. Дубровский в своей работе. Но разбор ошибок т. Дубровского показывает, насколько важно для исторического исследования изучение проблем общественных формаций.

Социология знания и социология интеллигенции[1]).

(Новая попытка «опровержения» марксизма).

А. Фогараши.

Вступление.

Одна из важнейших задач воинствующего материализма — внимательно следить за новыми течениями в буржуазной философии и социологии и вести беспощадную борьбу с лежащей в их основе идеологией. Особенное значение приобретает эта задача тогда, когда дело идет о таких работах и направлениях, которые ставят себе целью опровержение марксизма. Повторяющиеся с отчаянным упорством попытки буржуазии снова и снова «уничтожить» марксизм, который уже сотни раз хоронили, в сущности только доказывают, что марксизм сейчас живее, чем когда-либо. Но в то же время они обязывают революционного марксистского диалектика к величайшей бдительности, к энергичному и сокрушительному контрнаступлению на идеологическом фронте классовой борьбы.

Вот почему мы должны подвергнуть тщательному анализу и критике новейшее философски-социологическое течение—социологию знания. Это особенно необходимо потому, что здесь перед нами не абстрактно-методологическая школа, а течение, имеющее глубокие социальные и политические корни. Перед нами попытка дать классовую характеристику так называемой свободной интеллигенции, а заодно решить и гораздо более широкую задачу: спасти буржуазную идеологию, побороть марксизм, опровергнуть его «окончательно». В конечном счете, это — весьма утонченная, с большой ученостью и четкостью выполненная попытка подвести под социал-фашизм недостающий ему идеологически-миросозерцательный фундамент.

Всего этого достаточно, чтобы ближе присмотреться к «социологии знания» в свете марксистского мировоззрения. Но подобное исследование не может ограничиться одной лишь критикой. Согласно традициям марксистской литературы, уже успевшим сделаться так сказать классическими, полемика должна иметь и положительное содержание, в связи с критикой должно быть дано и марксистское освещение вопроса. Для целей популяризации такое соединение полемики с положительным исследованием не очень удобно, но оно заложено в самом существе диалектической позиции марксизма. Поэтому и в настоящей статье, посвященной опровержению буржуазной «социологии знания», на нас ложится также обязанность наметить марксистскую постановку и марксистское разрешение обсуждаемого вопроса. Утонченная попытка создать новую политическую социологию интеллигенции и новую социологическую политику для интеллигенции возлагает на нас задачу самостоятельно исследовать роль интеллигенции в классовом обществе с точки зрения неискаженного марксизма и указать честным интелли-

[1]) Редакция считает необходимым отметить, что критика Мангейма т. Фогараши должна быть дополнена критикой неправильного толкования со стороны Мангейма самого понятия «идеологии» в учении Маркса.

гентам, ищущим выхода из кризиса буржуазной идеологии, на путь революционной марксистской мысли. И это тем более необходимо, что в отношении этих крайне актуальных научных и политических проблем и задач историко-материалистическая наука до сих пор, насколько нам известно, не заняла вообще никакой позиции.

Вышеизложенным определяются рамки и общий план настоящей статьи. Ее первая часть рассматривает «социологию знания», основываясь главным образом на вышедшей в 1930 г. книге Карла Мангейма «Идеология и утопия», — книге, которая резюмирует и продолжает дальше предшествующие попытки подобного рода и которая встретила чрезвычайно сочувственный прием в кругах буржуазных социологов и социал-демократии. Во второй части дается в общих чертах марксистское освещение вопроса, поскольку это не могло быть сделано в полемической части.

Теория идеологии в «социологии знания».

Исходя из убеждения, что мышление переживает кризис, «социология знания» рассматривает этот духовный кризис как проблему, находящую в проблеме идеологии свое наиболее яркое выражение. Но понятие идеологии употребляется в самых разнообразных значениях. Чтобы «упорядочить» эту многозначность, Карл Мангейм устанавливает различие между «частным» и «целостным» понятием идеологии. Частным понятием идеологии он называет взгляд, в силу которого отвергаются некоторые определенные «идеи» или «представления»: они отвергаются потому, что «их считают более или менее сознательной маскировкой такого положения вещей, раскрытие которого не в интересах противника» (стр. 8). О радикальном же или целостном понятии идеологии в данную эпоху, у данной группы или данного класса можно говорить постольку, поскольку «имеешь в виду своеобразие и свойство целостной структуры сознания этой эпохи или этих групп» (стр. 8). Таким образом частное понятие идеологии относится автором к психологическому, а целостное — к коллективному суб'екту (стр. 10). В связи с этим различением автор пытается набросать историю целостного понятия идеологии. Классическая немецкая философия установила понятие «сознания вообще», Гегель придал этому понятию значение исторической, а Маркс—значение «социальной функции». Но целостное понятие идеологии приводит нас к проблеме ложного сознания, ибо оно «дискредитирует», «разрушает» (стр. 23), «обесценивает» (стр. 26) всю структуру атакуемой идеологии. Мышление противника характеризуется как «ирреальное» — «по сравнению с практической работой политика» (стр. 26). Марксизм развил эту точку зрения в стройную систему, и поэтому вполне понятно, что теория идеологии «была связана и даже прямо отождествлена с марксистско-пролетарской системой» (стр. 29). Но такой взгляд уже приходится считать устаревшим. «Теперь уже не одни только социалистические мыслители исследуют «буржуазное» со стороны его идеологичности: этот метод применяется во всех лагерях, и мы переходим таким образом в новую стадию» (стр. 29).

Эта новая стадия характеризуется теорией идеологии, которую дает Мангейм. Одна из основных мыслей или, вернее, основная мысль его книги заключается в том, что марксизм, марксистская теория идеологии может быть преодолена посредством ее применения к ней же самой. С явственным оттенком самозащиты и раздражения, столь характерным для бывших сторонников марксизма, к которым принадлежит Мангейм, он заявляет: «Проблема идеологии слишком обща и принципиальна, чтобы она могла надолго остаться привилегией одной какой-

нибудь партии, и никто не может воспретить противнику проанализировать и марксизм с точки зрения его идеологичности» (стр. 30). Эта мысль не нова. Мангейм сам ссылается на своих предшественников в буржуазной социологии, на Макса Вебера, Зомбарта и Трельча, и цитирует слова Макса Вебера о том, что материалистическое понимание истории не останавливается и перед носителями революции. Но наш автор решил разработать свое мнимое открытие систематически. Марксизм, говорит он, полагает, что лишь все немарксистские теории идеологически связаны, — следовательно, марксизм еще не сделал «решающего шага на пути критического анализа». Лишь тогда, когда мы «имеем мужество» считать идеологическими не только точки зрения наших противников, но все точки зрения вообще, в том числе и свою собственную, достигаем мы «целостного понятия идеологии в его общей формулировке» (стр. 32). И тогда впервые совершается переход от «простой теории идеологии» к социологии знания. Социология знания является, по мнению автора, истинным методом, позволяющим дать действительно надпартийное и надклассовое, критическое, научное обоснование политики.

Излагаемые Мангеймом соображения дают повод к постановке трех вопросов. Во-первых, что означает применение какого-либо тезиса к самому себе в логике и в диалектике? Во-вторых, оставалась ли эта проблема неизвестной самому Марксу и марксизму до «открытия» Мангейма? И, в-третьих, является ли марксизм «идеологией»?

1) Применение какого-либо тезиса, какого-либо положения к самому себе есть старая, давно известная проблема формальной логики. Логика разбивает скептицизм тем аргументом, что скептицизм противоречит самому себе. В самом деле, скептицизм утверждает, что все истины сомнительны; но это положение есть, согласно самому скептицизму, такая истина, которая не подлежит сомнению. Мы опровергли таким образом данное положение, применив его к нему же самому. Эта проблема привела в новейшей математике к больцановским парадоксам бесконечного и к проблеме множеств, содержащих самих себя, в канторовском учении о множествах. В идеалистической буржуазной философии мысль о применении положений, категорий и понятий к самим себе тоже сыграла характерную роль. Так возникла «философия философии» у Кроче, Бергсона и т. д. Сюда же относится особенно характерная и интересная логика философии, своего рода логика логики, неокантианца Эмиля Ласка. И, наконец, сам Мангейм набросал под влиянием покойного венгерского философа Zalai, а также под влиянием Георга Лукача, своего рода гносеологию гносеологии. Для философов известного типа применение какого-либо тезиса, какой-либо теории к самой себе является как бы волшебным универсальным средством для разрешения всех нерешенных проблем. Пустой формализм идеализма предается настоящим оргиям во всех этих попытках. Ласк перешел от логики логики к логике «логики логики», не заметив, что таким способом не продвинешься ни на шаг в области самой логики, а будешь только вращаться в безвоздушном пространстве формально-логических категорий. Бег на месте в чистейшем виде! Своеобразное саморазложение буржуазной философии, которой больше нечего сказать! Мангейм, быстро исчерпавший своей «гносеологией гносеологии» всю свою философскую премудрость, решил испробовать излюбленную философскую панацею в области социологии. Он открыл «социологию социологии». Это формально-логическое понятие должно явиться средством для построения критики Маркса; ибо марксизм есть, по толкованию Мангейма, не что иное, как проведение социологической точки зрения. Но как ошибка старой гносеологии заключалась в том, что она не относилась гносеологически к самой себе, так и марксизм не подвергает самого себя «социологическому» анализу. В гносеологии

Мангейм полагал (следуя учениям вышеупомянутого Zalai и Георга Лукача), что применение гносеологии к самой себе релятивирует все отдельные направления, что оно, другими словами, упраздняет их притязание на общеобязательность. Идеализм и реализм оказываются с этой точки зрения одинаково относительными, обладающими одинаковой относительной истинностью и неистинностью (эти мысли давно известны в другом контексте: они приводят к теориям Богданова). Резюмируя, мы можем сказать: применение гносеологии (гносеологической точки зрения) к самой себе обнаруживает ее односторонность, ограниченность ее значения, некритичность ее позиции; и точно так же обстоит дело, по мнению Мангейма, с марксизмом. Марксизм применяет социологическую точку зрения к другим теориям. Если мы применим его к нему же самому, мы убедимся, что и марксизм есть идеология, мы убедимся в его ограниченности, односторонности, некритичности.

Выводы из этой критики гносеологии были совершенно ясны у учителей Мангейма, у Zalai и Лукача, а равно и у Ласка. Zalai, Лукач и Ласк стремились от гносеологии к метафизике. Они хотели преодолеть гносеологию, чтобы прийти к метафизике. Мангейм не высказывает этого так явно, но его тенденция совершенно та же. Это необходимо иметь в виду, чтобы как следует понять характер его критики марксизма.

Сказанного достаточно, чтобы дать представление об идейных истоках Мангейма. А теперь перейдем к самому предмету. Применение какого-либо тезиса, какой-либо теории к самой себе есть типичная проблема формальной логики. Применимость какого-либо положения к самому себе, как критерий истинности этого положения, основано на формуле А есть А и теряет всякий смысл с отрицанием безусловного значения логических принципов тождества и противоречия. Но именно такое отрицание мы находим в диалектике, мы находим его в области исторической действительности. Для формальных логиков в роде Больцано скептицизм опровергнут уже тем, что, будучи применен к самому себе, он сам себе противоречит. Для нас же ясно, что скептицизм, равно как и идеализм, разновидностью которого он является, вообще никак не может быть опровергнут формально-логическими соображениями, а единственно только практикой [1]). Совершенно так же обстоит дело и с гносеологией, и с «социологией». Искать критерий гносеологии в ее применении к самой себе—это верх выхолощенного, пустого идеалистического формализма. В самом деле, для приведения этой теории к абсурду ее же собственным орудием достаточно указать, что критерий найденной гносеологии второго порядка пришлось бы далее искать в гносеологии гносеологии гносеологии. В результате может получиться только пустая, бессодержательная игра формами. Этот-то пустой формально-логический квази-аргумент Мангейм выдвигает против марксовой теории идеологии и воображает, что ему удалось «опровергнуть» ее. Ему и в голову не приходит, что в исторической действительности мы имеем дело не с формально-логическими категориями! Самая постановка вопроса о применении исследуемой теории к самой себе теряет здесь всякий смысл. Рассуждая чисто-теоретически, марксово учение об идеологии могло бы, конечно, быть и ложным. Но его истинность или ложность зависит не от того, было ли оно применено к самому себе или нет. Ибо социологическая «связанность» марксизма представляет собою нечто принципиально иное, чем социологическая «связанность» буржуазной идеологии. Несомненно, как буржуазная идеология, так и исторический материализм и его составная часть, марксова теория идеологии, имеют различные социальные корни. Следовательно, заключает отсюда Мангейм в качестве

[1]) Связь между схоластикой «философии философии» и идеологией финансового капитала подробно вскрыта мною в статье «Эмиль Ласк и саморазложение неокантианского идеализма» («Вестник Коммунистической Академии» кн. 19).

идеалистического формального логика, и марксизм тоже является «идеологией». Ибо А есть А, и если «социологическая связанность» означает в одном случае идеологичность всякой теории, то так же должно обстоять дело и в другом случае, т.-е. в марксизме. Наш формальный логик не понимает, что в одной исторической ситуации социальная укорененность теории может совсем иначе сказываться на ее истинности, чем в другой исторической ситуации. «Связанность» с буржуазией приводит к мнимой науке, к ложному сознанию, к маскировке и ослеплению, а «связанность» с пролетариатом приводит к проникновению в динамические законы общественной действительности.

Великое открытие Мангейма, что марксизм постиг идеологическую природу мышления, но что это постижение должно быть применено и к самому марксизму, сводится таким образом к банальной логической формалистике, которая не может пролить никакого света на сущность марксизма, а может только извратить и исказить ее. И с помощью такой-то жалкой, банальной формулы Мангейм пытается «ликвидировать» марксизм! (В сущности он при этом даже и не оригинален, а опять-таки идет по стопам Лукача. В своей книге «Geschichte und Klassenbewusstsein» Лукач поставил вопрос о применимости исторического материализма «к самому себе», постаравшись с помощью этого приема отнять у исторического материализма немалую долю его истинного значения).

2) Рассмотрим теперь фактическое отношение марксизма к классовым идеологиям. В самом ли деле исторический материализм—наивная, некритическая теория, не подвергнувшая анализу своего собственного отношения к истории? Ни в коем случае! Но верно то, что свои ответы на возникающие здесь вопросы марксизм дает не в виде формально-логических абстракций, а в виде конкретных, насыщенных историческим содержанием высказываний.

Прежде всего необходимо напомнить о марксовых замечаниях относительно идеологических форм, чтобы вполне уяснить себе сущность подтасовок Мангейма. Маркс вообще не говорит о социологической или классовой «связанности» самой по себе. Связанность—это расплывчатая, неясная, нечеткая категория, не имеющая ничего общего с логической сущностью марксистских законов. Марксистский закон, имеющий решающее значение в вопросе об идеологии, гласит: «Не сознанием определяется бытие, а общественным бытием определяется сознание». Речь идет, следовательно, об о п р е д е л я е м о с т и, а не о связанности. Этот тезис выставляется, далее, не как простое утверждение, а устанавливается как факт, и проявляющаяся в нем закономерность опознается как н е о б х о д и м о с т ь, коренящаяся в структуре общества, в отношении между производительными силами и производственными отношениями. В капиталистическом обществе дальнейшим специфическим моментом, ближе определяющим природу его идеологии, является форма капиталистического продукта, фетишистский характер товара. По этому вопросу мы отсылаем читателя к гениальным рассуждениям Маркса в «Капитале», вскрывающим содержание и форму идеологии в их о п р е д е л я е м о с т и закономерными отношениями капиталистического производственного процесса.

Словом, не в многозначной и в то же время ничего не говорящей «связанности», а в определяемости состоит отношение между общественным бытием и сознанием. Но неистинность и лживость буржуазной идеологии проистекает не из того, что сознание вообще определяется общественным бытием. Неверно, будто факт определяемости сознания бытием сам по себе означает «относительность познания», как это толкует Мангейм, проявляя полнейшее незнакомство с предметом. Когда сознание отражает общественное

[1]) Поэтому Мангейм грубейшим образом искажает марксистское учение, когда он пишет: «Главным в понятии идеологии является на наш взгляд открытие

бытие «адэкватно», т.-е. в согласии с действительностью, тогда оно перестает быть идеологией [1]).

При капиталистическом строе мышление становится идеологией не потому, что оно вообще определяется, а потому, что оно определяется антагонистическими производственными отношениями капиталистического общества, потому что фетишистский характер товара затемняет познание его сущности, потому что производственные отношения в классовом обществе скрываются от взора благодаря особенной форме капиталистического производства, все время порождающей видимость, которая отражает бытие в переставленном и превратном виде.

3) Теперь «социологическая социология» Мангейма разоблачается перед нами во всей своей несостоятельности. Это поистине нечто в роде той «критической критики» à la Бауэр, с которой так основательно покончили Маркс и Энгельс. Что получится, если марксистский тезис об отношении между бытием и сознанием—но, разумеется, подлинный, а не искаженный марксистский тезис—будет применен к самому марксизму? Выйдет ли, что марксизм есть идеология, что, как полагает Мангейм, он так же относителен, как буржуазная идеология? Нисколько! Выходит только то, что мы должны исследовать вопрос: какое сознание представляет собою марксизм, какое сознание выражается в марксистском постижении законов, определяющих отношение между бытием и сознанием, почему марксизм может дать «адэкватное», т.-е. согласное с действительностью, изображение общественного бытия и сознания? Так вместо жалких логических уловок, с помощью которых социологи пытаются отождествить буржуазную идеологию с марксизмом, мы приходим к множеству конкретных проблем, правильное решение которых позволит глубже уразуметь значение марксистской теории идеологии. Ночью все кошки серы, и во мраке социологии все оказывается «идеологией». Но буржуазная социология совершенно не поняла смысла марксова понятия идеологии. Это видно особенно ярко как раз на примере Мангейма.

Ответы на поставленные выше вопросы вытекают сами собой из основной противоположности между буржуазной и пролетарской классовой точкой зрения. Сущность марксизма вообще останется непонятой до тех пор, пока мы не поймем, что марксизм выражает пролетарскую классовую точку зрения; однако и этого еще мало—необходимо далее понять, в чем сущность, диалектическая природа этой классовой точки зрения пролетариата. Решительно ни на чем не основано утверждение, будто марксизм не признает за самим собой никакой классовой «связанности». Марксизм есть об'ективное познание общественной действительности и марксизм же есть точка зрения революционного пролетариата. Стало быть, он представляет собою классовую точку зрения,—восклицают хором буржуазные идеологи. И Мангейм формулирует это возражение на языке своей социо-социологии. Но ведь буржуазная идеология есть ложное сознание не потому, что она представляет собою классовую точку зрения вообще, а потому, что

социально-бытийной связанности политического мышления. В этом существеннейший смысл (Разрядка моя. *А. Ф.*) знаменитого положения, что не сознанием людей определяется их бытие, а наоборот».

«Социально-бытийная связанность» не только не составляет существеннейшего смысла марксова тезиса, но эта формулировка является даже прямым искажением марксовой мысли, подменяя понятие определяемости ни к чему не обязывающей и ничего не об'ясняющей «связанностью». Впрочем, это недоразумение не случайно, а имеет, конечно, свои классовые корни, как оно имело их и у Зиммеля, у Макса Вебера и т. д. Все они своими «поправками», своими попытками освободить марксистскую теорию от «политико-партийных шор», превращают мысль Маркса в простую банальность. И этот жалкий суррогат марксизма приветствуется немецкой «интеллигенцией» как новое открытие!

она выражает определенную классовую точку зрения, точку зрения капиталистического класса, и потому, что с этой точки зрения действительность неизбежно представляется в превратном виде. Маркс доказал, что капиталистическое общество вовсе не заинтересовано в познании экономических законов, им управляющих, что такое познание явилось бы только угрозой для господства капиталистов. Иначе обстоит дело с пролетариатом. Классовая точка зрения пролетариата (мы должны здесь ограничиться только самым существенным содержанием этой мысли) есть нечто бо́льшее, чем «точка зрения» в обычном смысле слова, в каковом она означает идеалистическое ограничение познания [1]), и нечто большее, чем классовая точка зрения, поскольку односторонняя классовая позиция заменяется в ней всесторонним диалектическим мышлением. Только пролетариат, у которого нет односторонних классовых интересов, ибо его классовый интерес совпадает с уничтожением классов, заинтересован в преодолении классовой определяемости сознания. И поэтому только пролетариат, как класс, может возвести в принцип и осуществить диалектическую всесторонность. На практике это, разумеется, не значит, что отдельные пролетарии мыслят диалектически. Наоборот, их мышление большей частью весьма недиалектично. Но только представители интересов пролетариата, только коммунисты способны до конца проводить диалектический метод. И это верно до такой степени, что их способность к последовательному диалектическому мышлению и их верность революционной классовой борьбе находятся в строжайшем соответствии друг от друга.

Мы видим таким образом, что лишь для формальных логиков, не признающих ничего, кроме принципа А = А, классовая «связанность» сводится к релятивированию всякого познания, к его идеологичности вообще. Стоит только перейти на почву живой исторической действительности, и тотчас же становится ясно, что классовая обусловленность имеет в разных случаях совершенно различное значение.

Итак, классовый путь пролетариата ведет к преодолению идеологии. Но куда ведет «бесклассовая» точка зрения социологии? К идеологии в чистейшем виде. «Социология знания» служит этому нагляднейшей иллюстрацией.

Социология знания.

Расширив «частное понятие идеологии» до ее «целостного понятия», мы переходим от теории идеологии к социологии знания. Социология знания отличается от марксизма (т.-е. от мангеймовской подделки марксизма) тем, что она признает «социально-бытийную связанность» всякого мышления. Так совершается переход к «безоценочному» («wertfrei») понятию идеологии, которое не оценивает идеологию, т.-е. не исследует ее с точки зрения ее правильности или неправильности, а стремится лишь к уврению и постижению потока жизни. Социология знания—это своего рода социологическия история духа. Долой «политико-партийные шоры»! Долой оценку! Мы, однако, со своей стороны должны сказать, что чистейшей иллюзией является мысль, будто возможна совершенно нейтральная, чисто-созерцательная точка зрения. «Остаток партийности» неизбежно имеется во всякой мысли. Как же его преодолеть? Посредством самопознания, посредством осознания этой неизбежности. Все точки зрения суть лишь частные аспекты, всякая «местная установка» («Standort») всегда партикулярна, частична (перенесение понятия местной установки, введенного Альфредом Вебером в экономику, в область гносеологии, не заключает в себе ничего нового). Но у Мангейма оно играет роль какой-то панацеи.

[1]) См. критические замечания Ленина по поводу бухаринского «учения о точке зрения» в «Экономике переходного периода».

«Только учитывая и все время выявляя частность всех местных установок, можно хотя бы приближаться к целостности» (стр. 62). Социология знания заранее горячо протестует против обвинения, что она таким образом сводится к релятивизму. Она констатирует «кризис мысли» только для того, чтобы его преодолеть. Как же он преодолевается? Мангейм пускает в ход весь аппарат понятий идеалистических гносеологий Гуссерля, Ласка, Шелера, Хейдеггера и социологии Макса Вебера, чтобы наисложнейшим способом выразить бесконечно примитивную, банальную мысль—чтобы прийти к утверждению эклектицизма. Во всех точках зрения есть некоторая правда, со всех позиций открывается некоторый частичный аспект. Все политические аспекты суть частичные аспекты. Взятые в совокупности, они дают целостное понимание. На высокоученом языке социологии знания это называется «целокупным узрением» («Zusammenschau»). Синтез! Но, разумеется, не абсолютный синтез! Совокупное узрение всегда остается попыткой, оно динамично, должно все время возобновляться и т. д.

Рассмотрим сначала характерные черты этой теории с чисто-научной точки зрения, отложив исследование ее классового значения до следующей главы.

Социология знания является с самого начала—не только у Мангейма, но уже и у Шелера и его учеников—не чем иным, как искажением основной мысли исторического материализма.

Мы видели, что попытка опровергнуть марксизм требованием его применения к нему же самому, после чего якобы окажется, что и марксизм тоже есть идеология, окончилась полной неудачей. Ибо, во-первых, формально-логические аргументы бессильны уловить сущность марксизма; во-вторых, момент самопознания в полной мере учтен историческим материализмом, и, в-третьих, марксизм вообще не есть какая-либо идеология.

Тем самым отпадает и вопрос о «целостном» или «частичном» характере марксистской «идеологии». Только при совершенно превратном, релятивистском толковании марксизма можно думать, что идеологичность присуща всякому мышлению, всякой науке. Идеология есть определенная историческая форма сознания—именно форма, принимаемая сознанием в обществе, в котором отношения между людьми затемняются, маскируются. Идеологичность мышления может быть преодолена теорией и практикой марксизма, ибо марксизм упраздняет самые причины идеологичности. Он упраздняет их теоретически, освобождая отношения между людьми от той вещественной оболочки, в которой они являются в товаропроизводящем обществе и показывая их в их подлинном виде, — и он упраздняет их практически, поскольку сами эти капиталистические производственные отношения уничтожаются марксизмом в действии, марксизмом, как революцией. С того момента, как люди, по слову Фридриха Энгельса, сознательно берут устроение своей судьбы в собственные руки, они освобождаются и от идеологии, как основной формы сознания.

Мангейм пишет в одном месте: «Это явление заинтересованного, социально-жизненно связанного мышления Маркс называет идеологией» (стр. 85).

Разумеется, Мангейм не имеет ни малейшего права вкладывать в уста Марксу свою собственную галиматью. Нигде мы не найдем у Маркса таких или хотя бы только похожих выражений. Выдавать за изречение Маркса вышеприведенную плоскую биологико-социологическую банальность значит просто заниматься фальсификацией.

Мы приведем здесь из Маркса и Энгельса два важных для нашего вопроса места, проливающих яркий свет на специфический смысл марксистского понятия идеологии.

В рукописи о «Немецкой идеологии» мы читаем:

«Если во всякой идеологии люди и их отношения оказываются перевернутыми вверх ногами, как в камер-обскуре, то это явление точно так же происходит на основе исторического процесса их жизни, как перевертывание предметов происходит на сетчатке» («Marx-Engels Archiv» кн. I, стр. 239).

А несколько выше мы читаем:

«Если выражение действительных отношений в сознании этих индивидов иллюзорно, если они в своих представлениях ставят действительность вверх ногами, то и это есть следствие их убогой материальной деятельности и их вытекающих отсюда убогих общественных отношений».

Это принципиальное воззрение на идеологию Маркс и Энгельс сохранили навсегда. Так, одно из последних высказываний Энгельса по вопросу об идеологии гласит: «Идеология есть процесс, совершаемый так называемым мыслителем, правда, сознательно, но с ложным сознанием. Подлинные движущие силы, действующие на него, остаются неведомыми ему, а то это не было бы идеологическим процессом» (Письмо Фр. Энгельса Мерингу от 14 июня 1893 г., «Dokumente des Sozialismus», т. II, стр. 75).

Таково материалистическое упразднение идеологии. А как поступает социология знания? Она хочет преодолеть идеологию чисто-идеологически. Она рассматривает кризис буржуазной идеологии как чисто-мысленный кризис и не видит, что в этом релятивистическом кризисе мышления лишь находит свое отражение более глубокий кризис самой капиталистической системы. Не беря вопрос, по легко понятным причинам, во всей его глубине, она и в своем решении не идет дальше поверхности. По ее мнению, достаточно не упускать из виду идеологичность всякого мышления, чтобы тем самым преодолеть идеологию. И тогда сам собою откроется путь к «целокупному узрению».

Первое основное заблуждение и самообольщение заключается здесь в мысли, будто идеология может быть преодолена абстрактными соображениями об относительности всякой идеологии (как видим, последнее средство спасения всегда сводится у Мангейма к применению известных отношений к самим себе—прием, в котором бегство идеалиста от материальной действительности приобретает необычайно характерную форму).

Вторая основная ошибка заключается в эклектическом взгляде, что с каждой точки зрения может быть усмотрена определенная часть действительности.

Согласно этому взгляду, недостаток различных точек зрения заключается только в их односторонности. Поистине жалкая похлебка—после стольких ухищрений изысканной гносеологической кулинарии! Что буржуазная идеология не «одностороння», а представляет собою превратное понимание действительности, что она бессознательно и сознательно искажает действительность, не может не искажать ее,—этого Мангейм не желает знать. Здесь уже с теоретической стороны выясняется буржуазная «бытийная связанность» социологии знания.

В-третьих, остановимся на «целокупном узрении». Эклектицизм сочетается с обычным иррациональным антиинтеллектуализмом современной буржуазной философии. «Узрение» составляет, как известно, лазейку гуссерлианской школы, которая тоже оказала влияние на Мангейма. Целостность достигается «целокупным узрением». Правда, Мангейм протестует против понимания этого целокупного узрения как механистической суммы частей. Но какая польза от протестов, когда само-то понятие все-таки не может иметь другого смысла?

Здесь не место заниматься подробным опровержением философской теории узрения [1]). Ограничимся здесь указанием, что у Мангейма эта теория лишена хотя бы искры оригинальности, являясь просто неуклюжим перенесением гносеологического понятия «узрения» на общественную действительность. В результате этой операции «узрение» не освободилось от своих внутренних противоречий. Бегство от формально-логического интеллектуализма к мистическому узрению есть не что иное, как отказ от научного познания. С помощью мистики можно «переживать бога», но не заниматься наукой. Мангейм, который в некоторых местах своей книги кокетничает с мистикой, пытается и здесь дать «синтез», который, однако, практически оказывается лишь банкротством социологии знания как науки.

Целостность есть одна из категорий диалектики. Только диалектическое мышление может познать целостность действительности в обществе. Не «узрением», а мышлением, и не «целокупным узрением», а всесторонним диалектическим мышлением, способным обнять единство и борьбу противоположностей, постигается всесторонняя действительность в ее бесконечном многообразии, в ее богатстве, в ее конкретном облике. Но социология знания не имеет ни малейшего понятия о сущности диалектики [2]), хотя стремление найти выход из кризиса буржуазной философии и социологии несколько раз подводит ее к диалектике (напр., в рассуждениях о «динамическом реляционизме», о «скольжении понятий»). До этой ступени робких и неуверенных приближений к диалектике поднялись уже и другие буржуазные мыслители и естествоиспытатели; более глубокого проникновения в диалектику не находим мы и здесь. Путь к нему отрезан, с теоретической стороны, логическим формализмом современной гносеологии, а с практической—буржуазной классовой позицией социологов знания.

Это приводит нас к политическим и социальным выводам социологии знания. Впрочем, это выражение неправильно: в действительности исходным пунктом является самоопределение в классовой борьбе, а социология знания—это только идеологическая надстройка.

Социология интеллигенции и „социологическая интеллигенция".

Лейтмотивом всей книги «Идеология и утопия» служит то-и-дело повторяющееся утверждение, что мышление переживает кризис. И эта мысль не нова: она уже была формулирована чутким релятивистом Зиммелем, писавшим о «кризисе современной культуры» в то время, когда в университетах признание «вечных, безвременно значимых, абсолютных ценностей» еще считалось признаком хорошего тона, необходимого в приличном обществе. Скучный эклектик Артур Либерт написал книгу о «духовном кризисе современности», и та же тема развивалась и другими в бесчисленных вариациях, сводящихся, однако, к лишь пустой, монотонной болтовне.

Нет надобности подчеркивать, что всей этой литературной дребеденью кризис отнюдь не был разрешен. Несомненно, и в Германии, и в остальных странах мы наблюдаем глубоко проникающий и все более обостряющийся кризис буржуазной идеологии—в науке, в философии, в искусстве. Философы считают этот кризис—одни более, другие менее поверхностно—духовным

[1]) Это уже сделано с достаточной полнотой в новейшей марксистской литературе.

[2]) Для примитивного понимания диалектики характерно, напр., следующее место: «Диалектическое мышление и есть рационалистическое мышление, приходящее к иррационализму» (стр. 96). Диалектическое мышление снимает противоположность рационального и иррационального, преодолевает ее на высшей ступени мысли, но не приходит к иррационализму. Формальный идеалист смешивает диалектическое мышление со своим собственным.

кризисом. Ни один из этих мыслителей не понял, что мы имеем здесь дело с кризисом самого капитализма. Они заметили, конечно, что речь идет о проблеме релятивизма, что эта проблема сделалась центральной как в физике, так и в социологии или в искусстве. Но они не сумели понять, почему именно в наше время проблема относительности ставится так необычайно остро во всех областях, а потому и не сумели вывести из тупика буржуазную интеллигенцию, на которую обрушился этот идеологический кризис. Традиционный, оторванный от действительности подход ко всем этим проблемам, свойственный академической философии, суживает все больше круг ее влияния.

При таких условиях с попыткой взять на себя руководство интеллигенцией выступила социология. Не всякое направление буржуазной социологии способно найти общий язык с интеллигенцией: к этому способна только «социологическая интеллигенция», уразумевшая, что без показных уступок марксизму не найдешь отклика среди мыслящей части интеллигенции. Ее речь современнее, чем язык заплесневелых реакционных профессоров старой немецкой школы, она глубже проработала элементы современного образования. Социологическая интеллигенция, от имени которой выступает Мангейм, и не пытается разрешить кризис с помощью патетических фраз о нравственном обновлении нации и т. п., а обещает дать научное решение—в форме «социологии интеллигенции».

Посмотрим же, что представляет собою эта социология интеллигенции.

Социология знания, как сверхпартийная, надклассовая наука, считается установленной. Далее нужно найти и политического «носителя» этого синтеза, этого «целокупного узрения». Социология знания лишена социальной основы,—и вот она пускается в поиски какого-либо бесклассового слоя. Но так как социологическая интеллигенция отлично знает, что с одним голословным утверждением бесклассовости далеко не уедешь, то она ищет «относительно бесклассового слоя (!), не слишком прочно закрепленного в социальном пространстве (!!)». А в то же время и у интеллигенции нет научной основы для выхода из кризиса. Тут-то и оказывается, что можно помочь обеим сторонам. В самом деле:

«Таким не твердо закрепленным, относительно бесклассовым слоем является (по терминологии Альфреда Вебера) социально свободнопарящая интеллигенция» (стр. 123).

Мы не станем здесь останавливаться на тех бесчисленных оговорках, которыми со всех сторон подпирается эта теория свободнопарящей интеллигенции, ибо они нисколько не изменяют дела по существу. Нас интересует только то, каким образом это решение вопроса используется нашим автором в политических видах. Он использует его двояко. Во-первых, он причисляет к свободной интеллигенции и так называемые свободные профессии (врачей, писателей, художников), и чиновничьи слои. Этот последний пункт особенно важен с точки зрения связи теории Вебера-Мангейма с с о ц и а л - ф а ш и з м о м, к чему мы сейчас вернемся. Во-вторых, политическая квинтэссенция «свободной» социологии сводится к определению интеллигенции как «середины, но не классовой середины» (стр. 126). Такое положение позволяет ей быть поборницей духовных интересов всего (!) человечества. Не будучи классом, этот внеклассовый слой и не может иметь классового сознания, но он обладает сознанием своих задач (стр. 130).

Из социологии интеллигенции вытекает определенная п о л и т и к а. Это, разумеется, «беспартийная» политика! Как таковая, она должна изучаться в университетах или в особых политических высших школах. Только бы без партийных школ! Неужели Мангейм действительно не знает, что университеты и школы тоже являются своего рода партийными школами буржуазии? Неужели «социологическая интеллигенция» не знает, почему буржуазное государство тратит деньги на эти учреждения? Конечно, в т а к о м

невежестве Мангейма никто не заподозрит! И, наконец, после длинных разглагольствований (на целых тридцати страницах) о разных понятиях «политики, как науки», автор сам сводит на-нет все свои усилия: если уж во что бы то ни стало необходимо политическое решение, то оно должно быть «решением в пользу динамической середины» (стр. 165).

Вся эта теория не очень-то нова; ее основные мысли уже были высказаны гейдельбергской социологической школой, Максом Вебером и Альфредом Вебером. Но эти буржуазные профессора слишком грубо связали свою теорию с интересами немецкой демократической партии, которая в качестве так называемой партии середины является настолько явно классовой «серединой», что ее уже никак нельзя выдать за внеклассовое образование. С тех пор банкротство буржуазных партий, в особенности партий середины, приняло такие катастрофические размеры, что попытки Вебера стали определенно нуждаться в модернизации. Кроме того Мангейм систематизировал разбираемую теорию и облек ее в такую форму, которая соответствует духовным потребностям совершенно сбившегося с пути и переживающего глубочайший кризис слоя интеллигенции.

«Социология интеллигенции» есть попытка—и, несмотря на изысканную утонченность отдельных логических хитросплетений, в сущности весьма прозрачная попытка—замаскировать буржуазную идеологию. Это нам показывает, между прочим, до какой степени буржуазная идеология уже вынуждена ограничиваться обороной против атак марксистской критики. Только такая оборонительная попытка еще имеет в наши дни хоть какие-нибудь шансы увлечь за собой колеблющиеся слои интеллигенции.

Обманные речи о беспартийной и бесклассовой социологии знания находят свое продолжение в столь же обманных речах о бесклассовой, свободной интеллигенции. Если в первом случае еще можно было говорить о самообмане, т.-е. допускать суб'ективную честность «социологов знания», то сознательно-надувательский, буржуазно апологетический характер «социологии интеллигенции» уже совершенно очевиден. Поэтому и в нашем критическом разборе этого вида научного шарлатанства мы можем быть гораздо более кратки.

Центральным нервом всей этой теории является софистическая игра с понятием интеллигенции. В действительности интеллигенция вовсе не представляет собою классово единого, однородного слоя. Интеллигенция есть собирательное имя для целого ряда представителей разных профессий, занимающих различное положение и имеющих различный удельный вес в производственном процессе и в процессе общественной жизни в целом. Но, и помимо невыясненности об'ема понятия «интеллигенция», разбираемая теория целиком замалчивает тот основной факт, что интеллигенция сама расколота на классы. Одна ее часть принадлежит к буржуазии, другая—трудовая интеллигенция—относится по классовому признаку, как эксплоатируемый слой, к пролетариату, хотя суб'ективно этот слой еще остается по большей части в плену у буржуазной идеологии. Отрицать эти основные факты значит служить интересам буржуазии. «Социологическая интеллигенция», идеологом которой является Мангейм, представляет собою слой, который либо прямо принадлежит к буржуазии, как обеспеченная академическая интеллигенция, либо куплен буржуазией, как интеллигенция социал-демократическая. Эта последняя играет в Германии с 1918 г. крупную роль, она поставляет теоретические кадры социал-фашизма. Коррупция этого слоя, продавшегося буржуазии, есть явление, параллельное коррупции верхушки рабочего класса; отчасти же два эти явления даже прямо совпадают, поскольку социал-демократия специально воспитывает в своих школах вышедшую из рабочей аристократии и оторванную от производства государственническую интеллигенцию.

Из сказанного выясняется связь «социологической интеллигенции» с социал-фашизмом. Социал-фашизм заинтересован еще гораздо больше, чем крупная буржуазия в успехе теории, которая маскирует классовый характер буржуазной науки, «использует» и заодно опровергает марксизм и провозглашает преодоление классов с помощью свободнопарящей интеллигенции. Эта «надклассовость» и составляет ведь общую сущность социал-фашистской и фашистской идеологии. И применение этой теории к интеллигенции имеет для социал-фашизма совсем особое значение, поскольку интеллигенция, к которой согласно Мангейму принадлежит и чиновничий аппарат, есть тот орган, с помощью которого осуществляется сращивание социал-демократии с государственным аппаратом. Поэтому ничто не может так радовать социал-фашистов, как теория в роде «социологии интеллигенции».

Не удивительно после этого, что социал-фашисты оказали работе Мангейма восторженный прием. Гильфердинговская «Gesellschaft» посвящает социологии знания статью за статьей, а прусский социал-демократический министр просвещения поспешил назначить Мангейма профессором Франкфуртского университета.

Один из авторов статей, появившихся в «Gesellschaft», выболтал, почему социология интеллигенции так необычайно важна для социал-демократии: оказывается, что подобные работы «оплодотворяют» марксизм (т.-е. «марксизм» социал-фашистского толка). «Ими не в последнюю очередь марксизм будет впервые поднят до того идейного уровня, с которого может быть с успехом проведена идейная борьба против коммунистической ортодоксии, ибо лишь после преодоления ортодоксии в собственном лагере можно будет разоблачить до конца ортодоксию противника» (Ганс Шпейер, Soziologie oder Ideologie, «Gesellschaft» 1930 г., № 4, стр. 370).

Другими словами: «ортодоксального марксизма» недостаточно для опровержения коммунизма (не удивительно, ибо ортодоксальный марксизм и есть коммунизм). Особую ценность социологии интеллигенции социал-демократический идеолог усматривает в том, что с ее помощью можно будет успешнее бороться против «коммунистической ортодоксии». В заключение он приходит к выводу, что свободная интеллигенция может найти точку опоры в социал-демократии и что социал-демократия должна, в свою очередь, ориентироваться по рецепту Мангейма на «целостное воззрение». Связь между социологией знания и социал-фашизмом закрепляется таким образом и организационно.

Что же останется от «свободнопарящей» интеллигенции, если мы будем рассматривать классовое положение интеллигенции серьезно, а не в свете дилетантски-схоластической типологии Мангейма? «Свободное парение», конечно, вздор. Но некоторая видимость возможности такого парения вызывается колеблющимся положением трудовой интеллигенции, колеблющейся позицией интеллигентов, что опять-таки имеет свои причины в противоречии между их классовым положением и их суб'ективной идеологией. Экономический, политический и миросозерцательный кризис интеллигенции есть факт очень крупного значения, и революционный марксизм не может пройти мимо него. Одна из задач революционного марксизма состоит в том, чтобы поставить проблему так называемой интеллигенции как классовую проблему, подвергнуть ее тщательному анализу и перетянуть лучшие элементы из интеллигентских слоев на классовый фронт борющегося пролетариата.

Обсуждению этого вопроса мы намерены посвятить отдельную статью.

К вопросу о марксистской эстетике.

К. Виттфогель.

1. Предварительные замечания.

Экономический кризис, миллионы безработных, голодные походы, волна фашизации, Цергибель и партизанская война на предприятиях не приостановили культурную работу революционного пролетариата в капиталистических странах. Классовая борьба, все ожесточеннее разгорающаяся на остальных фронтах, не может стихнуть и на культурном фронте. Но и здесь, как повсюду, повседневные боевые выступления должны черпать энергию и уверенность из принципиальных размышлений. Чем шире развертывается работа ударных культурных бригад, чем сложнее становятся в ответ на все усиливающиеся атаки буржуазии их собственные движения, тем настоятельнее нуждаются они в цельном теоретическом охвате и обосновании относящихся сюда вопросов.

Не случайно поэтому идут сейчас на страницах издающегося в Германии журнала «Linkskurve» и среди группирующихся вокруг него пролетарски-революционных писателей горячие споры о характере, будущности и носителях пролетарской литературы. Дело идет о выяснении основ уже совершенной работы, о выяснении того, в каком направлении она должна вестись впредь. Эта дискуссия, имеющая преимущественно актуально практическое значение, получила толчок к конкретному расширению и принципиальному углублению, благодаря выходу в новом издании работ Франца Меринга по истории литературы (2 тома, Берлин 1929 г., Soziologische Verlagsanstalt u. Universumbücherei). В своих многочисленных критических статьях Меринг чрезвычайно веско поставил вопрос о принципах научного подхода к искусству. Предисловие, написанное к обоим томам редактором А. Тальгеймером, не только доказывает необходимость продолжения начатой Мерингом работы, но и ясно показывает, что такое продолжение сможет способствовать дальнейшему развитию достигнутых Мерингом результатов лишь в том случае, если мы будем при этом, в противоположность Тальгеймеру, твердо держаться выясненных Лениным подлинных основ марксовой философии.

2. Исходный пункт Меринга: Кант.

Научные убеждения возникают не сразу и не из ничего. Это относится и к научной эстетике. Идеалистический псевдо-радикализм может задаться целью создать пролетарскую эстетику из ничего, игнорируя все предшествующие попытки. Но Меринг поступил иначе. Чтобы очистить «место стройки» от мусора и этим подготовить построение марксистской эстетики, он исследовал сначала имевшуюся перед ним почву, он отправлялся от нее. Своим историческим отправным пунктом он избрал при этом Канта. «Кант явился

основателем научной эстетики». Кантовская теория прекрасного имеет, правда, по Мерингу, «лишь исторически-условное» значение, но она сохраняет это значение, поскольку она, как и теория ценностей, держится «лишь постоянным нарушением самой себя» (т. II, стр. 260 сл.).

Чтобы понять отношение Меринга к эстетике Канта, необходимо припомнить состояние немецкого марксизма до войны. Меринг, политические и публицистические заслуги которого перед революционным рабочим движением Германии огромны (здесь нет надобности подробно распространяться об этом), не мог все-таки единолично перескочить через те границы, внутри которых развивалась историческая и публицистическая деятельность и левого крыла старой партии до 1914 г. Нам, людям сегодняшнего дня, пришлось бы поэтому либо подделывать историю, либо совсем отказаться от богатого революционного наследия, оставленного этим старым левым крылом, если бы мы не захотели отнестись к нему критически, т.-е. так, как этого требует от нас грандиозный опыт последних пятнадцати лет и основанное на этом опыте классовой борьбы ленинское понимание марксизма, получающее с каждым днем все большее распространение также и вне России.

Далеко не сразу решились немецкие левые во время войны на радикальный политический разрыв с «марксистским центром» [1]). Неудивительно, что и в области теории отношение к взглядам центра, при всем расхождении в отдельных частных вопросах, очень долго оставалось колеблющимся. К этому переходному времени относятся эстетические (и большая часть философских) исследования Меринга. Между тем как Ленин, упоминающий, впрочем, о марксистских заслугах Меринга с величайшим уважением, беспощадно разоблачает в своём главном философском труде (1909 г.) философию Канта как компромиссную половинчатость [2]), Меринг еще в 1910 г. заявлял, несмотря на свое собственное критическое отношение к Канту, что Энгельс в своей отрицательной оценке кантовской гносеологии был все-таки «несправедлив» [3]), и еще в 1911 г. Меринг хвалит «умные и тонкие работы Макса Адлера и Отто Бауэра, заслуживающие живейшего признания и со стороны тех, кто далеко не во всем с ними согласен» [4]). И это говорилось о том самом М. Адлере, который в течение целого ряда лет уже работал над пересмотром философских основ марксизма в кантовском духе. Мы подчеркиваем, что Меринг еще до войны, и с каждым годом все энергичнее, критически отмежевывался от философии Канта. Однако порвать всякую связь с неокантианским австромарксистским центром он, в противоположность Ленину, все-таки не решался, как показывают его только что приведенные слова от 1911 г. Дело в том, что условия классовой борьбы в Германии до 1914 г. не вынуждали к такому резкому уточнению теоретико-практической установки. Что при надлежащем обострении ситуации Меринг и его друзья были способны пойти и на решительный разрыв, это с непререкаемой ясностью доказала эволюция немецких левых со времени войны. Стало быть, революционная установка имелась в сущности и прежде, она не была только достаточно последовательно развита во всех подробностях.

Эти обстоятельства имеют большое значение для правильной оценки эволюции германской революционной левицы. Они помогут нам вместе с тем установить правильное отношение к попытке Меринга подготовить почву для построения марксистской эстетики. Как раз наиболее важные статьи Меринга по этому вопросу были написаны в такое время, когда немецкие левые, хотя

[1]) См. ленинскую критику брошюры Юниуса.
[2]) Ленин, Материализм и эмпириокритицизм
[3]) «Neue Zeit» 1910, I, стр. 176.
[4]) F. Mehring. Und nochmals Kant, «Neue Zeit» 1911, II, стр. 378.

и «не во всем соглашавшиеся» с работами австро-марксистских неокантианцев, были, однако, еще очень далеки от ленинского взгляда, что кантианству, как теории насквозь враждебной революционной классовой борьбе, должна быть об'явлена беспощадная война. Меринг не колебался порвать и с австромарксистскими центристами, как только он понял, куда ведет их путь. И мы поступим в духе революционера Меринга, если со всей откровенностью подвергнем критическому разбору остатки кантианских воззрений в его собственных эстетических работах.

3. Кант или Гегель—исходный пункт марксистской эстетики.

Был ли Кант в самом деле «основателем» научной эстетики, как утверждает Меринг и как с большим рвением, чем пониманием дела, повторяет за ним Тальгеймер, это было бы само по себе не так уж важно, если бы подобное представление не разрывало историческую связь, без которой невозможно действительно понять общественный смысл эстетики Канта (и классической немецкой поэзии). Можно считать неинтересным то обстоятельство, что кантовской «Критике способности суждения» предшествовал, начиная с Платона и Аристотеля, длинный ряд исследований о красоте в природе и в искусстве. Можно не придавать значения даже тому, что Кант знал работы Аддисона, Попа, Гетчисона, Юма, Берка, Гома, Батте, Баумгартена, Мейера, Лессинга, Винкельмана, Зульцера, Менгса и что к некоторым из них Кант примкнул очень тесно [1]). Можно обсуждать вопрос, не были ли предшественники Канта еще далеки от «научной» эстетики и не явился ли он поэтому действительно первым... Но все это второстепенные подробности по сравнению с тем фактом, что Кант отличается от ряда своих предшественников одной чертой, чрезвычайно важной в социальном отношении. В эстетических писаниях Дидро, Зульцеров, Веббов, Лессингов, в программных заявлениях многочисленных (Гаузенштейн говорит даже «всех») известных эстетиков второй половины XVIII века [2]) искусству приписывается, на ряду с признанием его формальных задач, некий социальный, моральный, политический смысл. Что иное означает, например, утверждение, что предметом искусства должны быть «республиканские добродетели» (Шиллер) или что его цель — «повергать в ужас тиранов» (Дидро) [3])?

Это была политическая эстетика, буржуазно-революционная эстетика. Ее духу соответствуют поэтические произведения эпохи бури и натиска, от которых Кант отмежевался в самых резких выражениях. Он сурово порицает «оригинальничание кривляющихся квазигениев и людей бури и натиска» [4]). Его эстетика отклоняет от себя, вместе с проблемой содержания вообще, в частности и вопрос о нравственно или политически значительном содержании. Прекрасное «нравится, не вызывая никакого интереса» [5]). Эстетическая реакция касается исключительно «отношения сил представления друг к другу» — именно отношения между воображением, которое об'единяет многообразие воззрения, и

[1]) K. Vorländer, Einleitung in J. Kants Kritik der Urteilskraft, 4-е изд., 1913 г. стр. XVI.

[2]) W. Hausenstein, Der nackte Mensch in der Kunst aller Zeiten und Völker. Мюнхен 1913 г., стр. 152.

[3]) Там же, стр. 156 и 152.

[4]) Vorländer, Einleitung, стр. XV.—Вопреки предложению Меринга, всецело разделяемому и Тальгеймером, Кант почти совершенно не знал в 1787 г., когда он писал свою «Критику способности суждения», произведений Гёте и Шиллера. О Гёте он может быть отозвался один раз, и вполне отрицательно.

[5]) «Kritik der Urteilskraft», стр. 214, а также 48.

рассудком, который об'единяет представления в единстве понятия [1]). В этом «взаимном суб'ективном согласовании познавательных сил между собою» и заключается эстетическое переживание, которое остается чисто-суб'ективным, «свободной игрой сил представления» [2]). Так пытался Кант научно обосновать если не эстетику вообще, то во всяком случае чисто формалистическую (идеалистическую) эстетику. «Во всяком изящном искусстве существенное заключается в форме». Опустошенные таким образом от всяких серьезных, «моральных» содержаний, искусства «служат только для развлечения...» [3]). Так, высшее из искусств, поэзия, оказывается всего лишь «занимательной игрой воображения» [4]).

Энгельс отвергнул суб'ективистическую гносеологию Канта, как «философский выверт» [5]). Нам сдается, что кантовская суб'ективистическая теория искусства едва ли заслуживает более положительной оценки. Именно эта теория «чистой» иллюзии и игры, «чистой формы», и явилась для бежавших от проблем буржуазной революции «классиков», Гете и Шиллера, теоретической опорой при их повороте в сторону отнюдь не «чистого», а весьма содержательного искусства, в сторону преображенного феодально-абсолютистского мира (образцы: Гомер, Шекспир!).

Здесь не место подробно выяснять те прогрессивные черты, которыми кантовская философия отличалась для своего времени. Маркс, Энгельс и Ленин неоднократно подчеркивали, что в идеализме той эпохи, на ряду со всеми реакционными моментами, заключались и такие, которые выводили за пределы механического материализма XVII и XVIII веков. Этими прогрессивными моментами были принципы активности и метод диалектики; то и другое марксизм воспринял из классической философии и в критически переработанном виде перенес в свой диалектический материализм.

Ф. Меринг не принимал, разумеется, кантовскую эстетику во всем ее об'еме. Ее существенной заслугой он считал то, что Кант вскрыл в художественном творчестве «самостоятельную и изначальную способность человечества» [6]). Это бесспорно заслуга, хотя Кант и установил эту способность вовсе не первый, а только своим особым путем. Но гораздо хуже то, что, отняв у эстетического процесса в целом всякое содержание, Кант не сумел действительно понять эту специфическую эстетическую «способность» По Канту эстетическое переживание формально, оно представляет собою как бы духовное самоуслаждение человечества. Для материалистической же эстетики оно есть нечто совсем другое, нечто существенно связанное с содержанием художественного произведения. Отсюда исходит критика Меринга. Кант старался обосновать всеобщность эстетических суждений на том, что ведь каждый должен судить согласно одному и тому же суб'ективному принципу, «посредством рассудка и чувств в их соединении» [7]). В противоположность этому Меринг подчеркивает об'ективный источник общеобязательности эстетических суждений. Здесь, по его словам, «историко-материалистический метод является единственным ключом к разрешению загадки [8]).

Как ни превосходны, однако, в большинстве случаев те конкретные анализы, в которых Меринг вскрывает средствами исторического мате-

[1]) Там же, стр. 56.
[2]) Стр. 57 и 55.
[3]) Стр. 182.
[4]) Стр. 183—184.
[5]) F. Engels, Ludwig Feuerbach, 1927, стр. 29.
[6]) Mehring, Zur Literaturgeschichte, II, стр. 260.
[7]) Kritik der Urteilskraft, стр. 58.
[8]) Zur Literaturgeschichte, II, стр. 251.

риализма связь между эпохой, классовой принадлежностью, содержанием и формой данного художественного произведения, все же этот пионер марксистской литературной критики не преодолел окончательно в своих теоретических взглядах. формалистический подход Канта. В научно-исследовательской практике им руководил большей частью его верный материалистический инстинкт. Но в своих принципиальных высказываниях и в некоторых отдельных (правда, частью очень важных) анализах он, несмотря на все оговорки, то-и-дело подпадал под власть канто-шиллеровской формулы искусства. Так, например, по поводу крайнего тезиса Шиллера, что «предметом эстетического воззрения является не содержание, а форма, что подлинная тайна художника заключается в уничтожении материала формой», Меринг говорит: «Неуязвимый (!) в своей абсолютно-абстрактной формулировке, этот тезис приобретал в историческом развитии художественного вкуса всегда лишь условное значение» [1]). Это мнение Меринга дополняется его взглядом, что и кантовское понятие красоты (прекрасное нравится «не вызывая никакого интереса») тоже имеет «условное» значение. В обоих случаях перед нами промежуточная позиция между формализмом и идеализмом Канта, с одной стороны, и последовательно материалистическим воззрением — с другой.

Об'ективному догматизму своих предшественников Кант противопоставил свой, как выражается Гегель, суб'ективный догматизм [2]). В философии Гегеля обе односторонние крайности — механический примат бытия и столь же механический примат сознания — были сняты в высшем единстве, хотя, правда, еще облеченном в метафизически идеалистические одежды. Если у Канта мышление и бытие «связываются лишь внешним, поверхностным способом, как деревяшка и кость, связанные веревкой» [3]), то целостная философия Гегеля изображает мир, как — исполненное, разумеется, противоречий — единство (опирающееся в конечном счете на понятие). Формы мышления—а стало быть и художественного творчества— связаны таким образом со своим материалом уже не случайным и внешним, а необходимым способом. Форма художественного произведения должна не уничтожать содержание, не приводить его к исчезновению, а выражать его соответствующим предмету способом [4]). Само же это содержание находится опять-таки не вне великих и существенных интересов эпохи, а выражает именно эти интересы на свойственном искусству языке непосредственной, наглядной чувственности. Оно выражает их и изменяется вместе с ними. Свободное, не связанное практическими целями художественное творчество (к прикладным искусствам Гегель относит художественное ремесло, архитектуру и т. д.) есть «особый способ... давать выражение глубочайшим интересам человека, всеоб'емлющим истинам духа». И поэтому неверно, что художественное творчество было для «народов» только прекрасной игрой, как говорит Кант. Нет: «В произведениях искусства народы воплотили свои самые содержательные внутренние взгляды и представления, и для понимания мудрости и религии

---

[1]) Там же, стр. 264.

[2]) Hegel, Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie, 2-е изд., Берлин 1840 г., III, стр. 503.

[3]) Там же, стр. 516.

[4]) Видимость искусства не противостоит содержанию, как что-то пустое и внешнее. «Сама видимость существенна для сущности, истины не было бы, если бы она не являлась» (Hegel, Aesthetik, I, стр. 12). Или: «Средоточие искусства составляет замкнутое в свободную целостность об'единение содержания и безусловно соразмерной с ним формы» (Там же, II, стр. 3). Или, наконец, еще резче: «Ибо, как во всяком человеческом творчестве, так и в искусстве, решающим является содержание» (Там же, II, стр. 240).

наций изящное искусство часто является ключом, а у многих народов даже единственным ключом» [1]).

4. Организуем материалистическое изучение гегелевской эстетики.

Эти программные заявления Гегеля показывают, что его диалектическая философия представляет собою, несмотря на все еще содержащиеся в ней идеалистические элементы, и в области эстетики огромный шаг вперед по сравнению с механическим суб'ективизмом Канта. Не случайно Маркс называл себя учеником Гегеля, а не Канта. Гегелевская философия была последним, самым глубоким и всеоб'емлющим словом буржуазной философии. Ее надо было «вывернуть наизнанку», чтобы притти к философии марксизма, к диалектическому материализму [2]). В виду этого Ленин и призывал — не к изучению Канта, а к организации «систематического изучения диалектики Гегеля с материалистической точки зрения». «Мы... должны разрабатывать эту диалектику со всех сторон», печатать в наших журналах «отрывки из главных сочинений Гегеля, истолковывать их материалистически» [3]). Заветы Маркса и Ленина должны быть выполнены нами и в области эстетики: слабые стороны полукантианских попыток Меринга расчистить почву для марксистской эстетики мы должны понять из тех исторических условий, в которых эти попытки возникли. Но мы не должны, конечно, держаться за них в явной или скрытой форме, как это делает Тальгеймер в своем предисловии к рецензируемым работам Меринга [4]). В дальнейшем, рассматривая проблемы эстетики с точки зрения переведенной на материалистический язык гегелевской диалектики и всякий раз выясняя позицию Меринга в обсуждаемом вопросе, мы убедимся, что там, где Меринг заблуждался, он находился под влиянием Канта, всеми же своими положительными, материалистическими результатами он был обязан последовательному материалистическому развитию мыслей, уже высказанных Гегелем в его «Эстетике».

---

1) «Aesthetik», I, стр. 11. Разрядка наша.

2) Маркс, Предисловие ко 2-му изд. т. I «Капитала».

3) Ленин, О значении воинствующего материализма.

4) Хотя Тальгеймер считает «некоторым недостатком» (!) эстетических исследований Меринга то, что в них отсутствует разбор взглядов Гегеля, однако приводимые самим Тальгеймером гегелевские идеи явно показывают, что Тальгеймер вовсе не видел материалистического ядра проблемы (т. I, стр. 25 сл.). Ссылка на исторический образ мысли Гегеля так же мало способствует выяснению неразрешенных Мерингом вопросов, как и ссылка на об'ективизм Гегеля. В такой общей форме эти моменты уже были учтены и Мерингом. Эти общие соображения требовалось уплотнить в теоретическую формулу, с одной стороны, и проверить эту формулу на конкретном материале — с другой. Но Тальгеймер не понял смысла гегелевской эстетики содержания (это видно из приводимых им гегелевских цитат) и фактически не освободился от идеалистического подхода Канта. Характерно, что Тальгеймер принимает без всяких оговорок формулу Канта, согласно которой прекрасно то, что созерцается без всякой заинтересованности, — хотя уже Меринг ослабил ее значение (II, стр. 14 сл.). То что у Меринга было незрелостью революционно-марксистской точки зрения, то становится у Тальгеймера, в условиях более полной выявленности этой точки зрения, сознательной атакой против нее. Тальгеймер, который, как мы увидим ниже, хотел бы в вопросе о пролетарской культуре примирить немарксистские взгляды Троцкого с воззрением Ленина, хочет, очевидно, примирить и идеалистическую эстетику Канта с марксизмом. На нашу критику в этом пункте Тальгеймер или его защитник ничего не мог возразить по существу. Но кто выдвигает на первый план второстепенные вопросы, пуская в ход весьма, впрочем, жалкие передержки, кто занимается больше «тылом» своего противника, чем его аргументами, тот лишь доказывает этим (не говоря уже о безвкусице подобного поведения, являющейся в конце концов только личным несчастьем), что по существу он вынужден признать себя побитым.

5. Красота в природе.

О красоте в природе мы скажем здесь лишь несколько слов. Если Кант думал найти в наглядной целесообразности этой красоты «хотя бы след... или намек» на конечную цель мира и на ее божественного виновника [1]), если Гегель, преодолев кантовское произвольное истолкование природы [2]), усматривает уже в природной красоте (хотя и удерживая религиозную основу) «свободную силу материи», которая своей специфической «деятельностью сама оформляет себя, а не пассивно получает свое определение извне» [3]), — то марксист должен пойти еще дальше и сказать, что гегелевское «осмысленное созерцание естественных образований» [4]) может быть понято только как процесс, подверженный историческим изменениям. Ибо из данной определенной формы материального производства вытекает, по Марксу, кроме вполне определенного расчленения общества, также и «определенное отношение человека к природе» [5]), — а следовательно, и определенное отношение к прекрасному в природе, и способ трактовки природы в искусстве.

Кант утверждал из метафизических соображений «превосходство природной красоты над красотой в искусстве» [6]). Гегель же, стоя на почве диалектического развития (правда, еще остававшегося под метафизической маской), считал, что «понятие» присутствует в обществе в более развернутом виде, чем в природе [7]). Но помимо этого он высказал еще тот взгляд, что не только красота в природе, но и явления человеческого общества эстетически менее совершенны, чем красота в искусстве. Лишь изредка и случайно, полагает он, сущность явлений обнаруживается с наглядной ясностью в житейской прозе. Обыкновенно же целое является «лишь как множество отдельных подробностей, занятия и деятельности разрозниваются и раздробляются на бесконечное множество частей» [8]). Эта формулировка принципиально вполне справедлива для всех бывших доселе исторических стадий, несмотря на все отдельные черты плановости в первобытном обществе, в государстве инков, в азиатских деспотиях, в позднем монополистическом капитализме. В отношении планомерно организованного социалистического общества она хоть и не лишается всякого значения, но претерпевает очень существенное ограничение, о котором Гегель не имел ни малейшего понятия и о котором здесь не место распространяться. Марксистская эстетика, учитывая выясненное Гегелем «несовершенство» художественно неоформленных явлений и опираясь на свой основной принцип, о котором сейчас будет речь, тоже должна поставить в центр своих размышлений красоту в искусстве.

6. Сущность искусства.

Но в чем состоит сущность искусства? Суб'ективистическую точку зрения Канта мы уже отклонили. Для исторического материалиста сознательное художественное творчество человека должно корениться в общественном бытии. Явления жизни, которые научный работник стремится отобразить

[1]) Kant, Kritik der Urteilskraft, 1913 г., стр. 152 сл., 243 сл., 305—314 сл.

[2]) «Так белый цвет лилии настраивает душу на мысли о невинности, а по порядку семи цветов, от красного до фиолетового, на мысль: 1) о возвышенности, 2) о смелости, 3) о чистосердечии, 4) о любезности, 5) о скромности, 6) о выносливости и 7) о нежности. Пение птиц возвещает о весельи и довольстве своим существованием. Так, по крайней мере, толкуем мы природу, все равно — есть ли у нее подобные намерения или нет» (Кант, там же, стр. 154).

[3]) Hegel, Aesthetik, I, стр. 184.

[4]) Там же, стр. 182.

[5]) Marx, Theorien über den Mehrwert, 4-е изд., 1921 г., стр. 381 сл.

[6]) Kritik der Urteilskraft, стр. 151.

[7]) Hegel, Aesthetik, I, стр. 202 сл.

[8]) Там же, стр. 208.

в понятиях, согласно данным условиям эпохи и ее классовой ситуации, находят в эстетической сфере, тоже исторически вполне точно определенным способом, художественно наглядное отображение. Если наука ставит себе целью вскрыть посредством мысленной абстракции законы движения естественных и социальных явлений, то художник показывает нам эти же закономерности с помощью своих особых средств чувственной наглядности. Так, например, из прикладных искусств архитектура выявляет механическую конструкцию зданий, подчеркивая, «стилизуя» их характерные черты [1]). Так, ваяние показывает в непосредственно чувственном виде (человеческое) тело, живопись, графика, кинематограф — красочно-линейную сторону жизни, музыка — закономерности мира звуков, а поэзия — мир наглядных представлений, вызываемых произнесенным или написанным словом. В каждой из этих областей прекрасная «видимость», создаваемая искусством, не простая игра суб'ективных функций сознания. Нет, художественная видимость, как всякая истинная видимость, «существенна для сущности», есть обнаружение для других внутреннего закона самой вещи [2]). «Стало быть явления искусства не только не суть простая видимость, но по сравнению с обыденной действительностью им следует приписать более высокую реальность и более истинное бытие» [3]).

Это насквозь диалектическая мысль. То, что с огромным глубокомыслием высказано Марксом по отношению к области науки, то устанавливается здесь Гегелем, несмотря на идеалистический способ выражения, столь же глубокомысленно для сферы искусства. Правда, данное пока описание сущности искусства еще остается абстрактным, пустым. Но оно тотчас же приобретает полнокровную конкретность, как только мы спросим себя, какую же именно существенность должно выражать искусство своими специфическими средствами.

Идеалистический ответ Гегеля гласил: великая задача искусства в том, чтобы «способствовать познанию высших интересов духа. Отсюда тотчас же следует со стороны содержания, что изящное искусство не может руководиться одной лишь разнузданной прихотью фантазии, ибо эти духовные интересы полагают для его содержания определенные опорные пункты... То же относится и к самим формам. И они не отданы во власть случайности. Не всякое оформление способно быть выражением и изображением названных интересов, вмещать и отражать их: определенным содержанием определяется и соответствующая ему форма» [4]).

Гегель видит, таким образом, цепь из трех звеньев:

1) интересы эпохи (мистификаторски называемые им «духовными интересами», «интересами духа»);

---

[1]) В этом месте Гегель нарушил основной принцип своей диалектики. Тогда как во всех других случаях он выводит форму из предмета, об архитектуре он говорит, что ее формы суть «формы неорганической природы, упорядоченные согласно абстрактным рассудочным отношениям симметрии» (Aesthetik, I, стр. 124). В действительности, однако, архитектурные формы, когда они соответствуют структурным законам здания, определяются отнюдь не «абстрактными рассудочными отношениями симметрии». Симметрическое разрешение архитектурной проблемы не есть, как известно, единственно возможное. Выбор симметрической или живописной трактовки зависит от конкретных проблем строительного искусства, выдвигаемых эпохой или данным конкретным случаем.

[2]) Aesthetik, I, стр. 28 и 127.

[3]) Там же, стр. 29.

[4]) Там же, стр. 35. Разрядка наша.

2) закономерно, а не беспорядочно вырастающие из этих интересов содержания искусства; и

3) закономерно же определяемые этими содержаниями формы, в которых содержания только и могут выявиться надлежащим образом.

Пункт 1 с материалистической точки зрения, разумеется, несостоятелен. Этот момент должен быть разложен марксистским анализом. Гегель сам уже сделал это (хотя и непоследовательно) в другом месте. «Великими интересами эпохи» он называет, между прочим, «бои Французской революции, защиту отечества» [1]). Интересы голландцев, как они выражаются в их живописи, составляет их «бюргерская жизнь и предприимчивость», выросшая из их борьбы с природой и из революционной освободительной борьбы [2]). Стало быть, и с идеалистической точки зрения Гегеля в борьбе «духовных интересов» выступает не «само абсолютно божественное», а «чада единой абсолютной идеи», которые воплощаются в «вечных религиозных и нравственных отношениях: в семье, отечестве, государстве, церкви, дружбе, сословии, сане, в романтическом же мире особенно в чести и любви» [3]). Из социальных и политических проблем и битв эпохи—«только современность свежа, все остальное быстро тускнеет» (!) [4]) — проистекают великие темы искусства. Если мы из этой формулы Гегеля вынем ее мистическое ядро («понятие», «абсолютный дух») и вложим вместо него как определяющий фактор социальной и политической борьбы структуру и развитие материального производства, — то мы получим исходную историко-материалистическую формулу для характеристики тех основных точек зрения, с которых должно рассматриваться всякое художественное творчество. Эта формула гласит:

1) Социально-политическая борьба, в свою очередь определяемая данным состоянием производительных сил и соответствующим ему способом материального производства.

2) Художественная тематика, «содержание», «материал» произведений искусства.

3) Способ выполнения темы, «форма», «оформление».

Нет надобности об'яснять, что классовая борьба возможна только до тех пор, пока существует расколотое на классы общество (практически это, конечно, означает, что за исключением первобытного искусства все известное нам искусство было классовым). Господствующим искусством является, далее, искусство господствующего класса; этим искусством обслуживаются его интересы. Восстание против авторитета господствовавшего дотоле искусства и борьба за торжество художественных содержаний и форм другого класса, это—типичное (хотя и не единственное) выражение классовой борьбы в сфере искусства. Что интересы господствующего класса далеко не всегда находят прямое и осязательное выражение в господствующем искусстве (напомним об эксплоататорских интересах современной буржуазии), это факт общеизвестный.

Все эти вопросы не могли быть поставлены в эстетике Гегеля, ибо она не видела проблемы классового искусства (во всяком случае не видела ее принципиально). Уже позднее Гаузенштейн [5]) в области пластических искусств и Меринг в области литературы показали на конкретных анализах, что только установленные Марксом точки зрения открывают путь к более глубокому пониманию художественного творчества.

---

[1]) Aesthetik, I, стр. 353. Также стр. 262.

[2]) Там же, стр. 233.

[3]) Там же, стр. 298.

[4]) Там же, II, стр. 236.

[5]) Ср. его книгу: «Der nackte Mensch aller Zeiten und Völker». Первый большой опыт создания марксистской истории искусства.

7. Тупик буржуазного искусства.

Суть вопроса о перспективах искусства данной эпохи лежит, таким образом, не в области формы. Она лежит в тематике, а эта последняя, в свою очередь, зависит от структуры материального производства и вытекающего из нее классового расчленения общества. «Для рассмотрения связи между духовным производством и материальным прежде всего необходимо взять это последнее не как всеобщую категорию, а в определенной исторической форме. Так, например, капиталистическому способу производства соответствует иной вид духовного производства, чем средневековому» [1]).

Тальгеймер пытается установить три ступени в отношении капитализма к искусству. Ранний капитализм не желает тратить средства на «непроизводительных» членов общества, значит в том числе и на художников. «По мере абсолютного роста капиталистической прибавочной стоимости» возрастает потом некоторое время и доля, расходуемая на непроизводительные занятия и в том числе на искусство. Наконец, в период империализма забредающий в тупик капитализм снова приходит к убеждению, что правильнее всего экономить на науке и искусстве. Опасность угрожает теперь искусству и с качественной стороны. «Капиталистическая жажда наживы все больше отравляет все каналы общественной жизни... Эстетическое все больше оттесняется на задний план» [2]). Это варварское умозаключение от количества капиталистически создаваемой прибавочной стоимости к положению искусства для эпохи раннего капитализма в корне неправильно. На этой стадии, на которой буржуазия, за редкими исключениями, еще не в состоянии завоевать себе господствующее положение, господствующее искусство является вовсе не буржуазным, а абсолютистски-придворным. И поэтому как размеры средств, имеющихся в распоряжении этого искусства, так и культивируемая ею тематика определяются совсем другими общественными законами, чем это предполагает Тальгеймер. Закон эволюции искусства внутри развитого буржуазного общества тоже должен быть формулирован конкретнее, а главное совсем иначе, чем это сделано у Тальгеймера.

Ссылка на появление роскоши и расточительства среди обогащающейся буржуазии говорит еще очень мало о характере искусства той эпохи. Маркс пишет, что капиталистический способ производства «враждебен некоторым отраслям духовного производства, каковы искусство и поэзия» [3]). По вопросу о том, как возрастающий антагонизм между огромным большинством общества и капиталом [4]) конкретно сказывается на буржуазном искусстве, Тальгеймер ограничивается замечанием об отравляющей жажде наживы и о катастрофах империализма, Маркс уже совершенно ясно видел враждебность капитализма искусству на гораздо более ранней стадии. Пользуясь его методом и привлекая гегелевские концепции, мы постараемся теперь формулировать самый принцип, над отысканием которого беспомощно бьется Тальгеймер.

Утверждение, что буржуазный строй не благоприятствует искусству, мы встречаем уже у Гегеля. «Чудные дни греческого искусства, как и золотая пора позднего средневековья, миновали» [5]). В об'яснение этого факта, констатируемого им для двадцатых годов XIX столетия, Гегель указывает, прежде всего, на утвердившееся преобладание научной мысли. Но в другом месте он высказывает по этому поводу взгляд, принадлежащий к числу самых ценных достижений его «Эстетики». Не периоды сытости и зрелости доставляют

---

[1]) Marx, Theorien über den Mehrwert, I, стр. 381.
[2]) Введение к работам Меринга по истории литературы, II, стр. 14 сл.
[3]) Theorien, I, стр. 382.
[4]) Тальгеймер, там же, стр. 14.
[5]) Hegel, Aesthetik, I, стр. 31.

искусству его великие темы, а «героические эпохи». В эти эпохи всюду проглядывает «первое увлечение новыми открытиями, свежесть обладания, успешная борьба за наслаждение, все ощущается человеком как родное, во всем он сознает силу своих мышц, ловкость своей руки, проницательность своей собственной мысли или результат своей смелости и отваги» [1]). Отсюда почерпал свое величие Гомер. Но это же должно бы было иметь место и для строящегося буржуазного общества. А между тем ясно, что для него это не имело места или если имело, то лишь очень недолго и в самых ограниченных размерах. Гегель этот факт заметил; объяснить же его он не мог. Для этого потребовался бы классовый анализ, который ему с его буржуазной точки зрения был недоступен.

Строительство капитализма осуществляется не только в антагонизме с «огромным большинством общества», как по своему обыкновению абстрактно выражается Тальгеймер. Ведь то же самое следовало бы сказать об основанном на рабстве античном хозяйстве и о средневековом феодализме. Конкретная форма отношений господства и подчинения стала при капитализме иной. Современный «наемный рабочий» противостоит классу своих эксплоататоров — по причинам, вытекающим из самого характера «свободного» наемного труда, — далеко не так пассивно, как противостояли своим эксплоататорам крестьяне и рабы античного мира и средневековья. Если бы капитализм запечатлел свое строительство в подлинных произведениях искусства, то ему пришлось бы изобразить это строительство вместе со всеми его внутренними противоречиями, т.-е. с неизбежно присущим ему угнетением и эксплоатацией пролетариата (а также, разумеется, и мелкобуржуазных промежуточных слоев). Но это фактически свелось бы к страшному самообвинению, к самообличению буржуазии перед классом наемных рабочих, которые благодаря своему положению в производственном процессе обладают, в отличие от рабов и крепостных крестьян, некоторой свободой движения и которые все больше используют эту свободу для организованной борьбы против класса капиталистов. Поэтому только в незрелом буржуазном обществе, в котором буржуазия еще не боится своего пролетарского классового врага, может процветать буржуазное искусство, с бесстыдной честностью изображающее интересы буржуазии и ее злодейские триумфы [2]). Таковы большие романы Бальзака [3]), Диккенса и произведения современных американцев (хотя у американских романистов, как и у Золя, в их творчестве и в реакции буржуазии на определенные элементы этого творчества уже сказывается страх перед великим могильщиком буржуазного мира в чрезвычайно интересных явлениях внутренней связанности.

Как в буржуазной науке, в результате усиления классовой борьбы и лежащих в ее основе материальных противоречий, теперь уже нельзя в решающих с классовой точки зрения пунктах говорить правду, ибо она оказа-

[1]) Там же, стр. 351 сл.

[2]) Разумеется, и эти крупнейшие произведения буржуазного искусства могут быть «правдивы» только в рамках классовой позиции буржуазии. Как даже величайший из буржуазных экономистов Рикардо роковым образом не сумел проникнуть в тайну постоянного и переменного капитала, и тем самым в последнюю сущность закона стоимости, так и величайший буржуазный романист не в силах наглядно показать противоречия буржуазного строя в их внутренней связи, с каким бы блеском он ни изображал их отдельные проявления. Даже наиболее чуткие писатели господствующего класса описывают только такие противоречия, которые: 1) интересны для их класса и 2) доступны их пониманию по условиям их общественного положения.

[3]) Маркс о Бальзаке, ср. Kapital, Hamburg 1919, стр. 552, и письма Энгельсу от 25 февраля 1867 г. и от 15 декабря 1868 г.

лась бы вопиющим **обличением**, точно так же обстоит дело и в буржуазном искусстве. Это не имеет никакого отношения к вопросу о количестве прибавочной стоимости; формула «капиталистическая жажда наживы» является в данном случае столь же вульгарным, сколь и неверным об'яснением. Ведь при тенденции **нормы** прибыли к падению **масса прибавочной стоимости** продолжает расти и при империализме: она распределяется только среди все меньшего числа лиц. По мере обострения кризиса все большая ее доля достается другой группе «непроизводительных» элементов общества — фашистским отрядам, военным. А то, что остается на «культурные» цели, тратится теперь на такое «искусство», которое именно **в угоду эксплоататорским интересам буржуазии распространяется об этих интересах все меньше и меньше** [1].

Так материалистический анализ мыслей Гегеля о значении «героической» тематики позволил нам выяснить весьма существенные моменты для понимания установленной Марксом враждебности буржуазного строя искусству. Мы увидим, что таким же способом удается получить и принципиальный ответ на вопрос о возможности пролетарского искусства — диалектический ответ, т.-е. совсем непохожий на то, что было высказано по этому вопросу Троцким и затем в ухудшенном виде Тальгеймером.

8. Искусство борющегося за власть пролетариата.

а) Проблема тенденции.

Если по мере вызревания капиталистических противоречий **буржуазное** художественное творчество все больше лишается всякой внутренней правды, то пролетарское искусство становится единственной силой, которая может художественно раскрыть тайну эпохи, высказать то, что есть. Нужна ли при этом пролетарско-революционному искусству какая-нибудь «**тенденция**»? Тенденция означает намерение вызвать определенное действие. Основным замыслом, который живет в пролетарском классе и должен быть исторически осуществлен, является классовая борьба с буржуазией, низвержение буржуазного государства, завоевание диктатуры и построение социализма. **Как относится подлинное, глубокое, характерное пролетарское искусство к этому замыслу?**

Если бы художественное творчество сводилось лишь к прекрасной, суб'ективистически окрашенной игре, как хотел бы нас уверить **Кант**, тогда конечно, серьезность означенных пролетарских замыслов могла бы быть лишь извне привнесена в искусство. Такой вывод и сделал Кант, и со своей идеалистической точки зрения вполне правильно [2]. Но при диалектическом подходе к вопросу положение меняется самым радикальным образом. С диалектической точки зрения подлинное художественное произведение выражает свойственным ему наглядно чувственным способом глубочайшие истины, доступные данной эпохе. Оно поучает, не прибегая к школьному языку. «С этой стороны можно утверждать, что чем выше поднимается искусство, тем больше оно должно воспринимать в себя такое (поучительное) содержание... Искусство и в самом деле сделалось первым учителем народов» [3]. Высокое искусство буржуазного общества должно, следовательно,

[1] Что положение, занимаемое господствующим классом по отношению к производственному процессу, далеко не всегда отражается непосредственно в художественном творчестве этого класса, что часто оно даже не отражается в ней вовсе,— на это обратил внимание уже Плеханов (Grundprobleme des Marxismus, Wien—Berlin 1929, стр. 70).

[2] **Kant**, Kritik der Urteilskraft, стр. 182 сл.

[3] **Hegel**, Aesthetik, I, стр. 83.

воспринять в себя все бесконечные противоречия, жестокости, гонения и низости, которые неотделимы от этого общества. Но это возможно только для пролетарского искусства. И поэтому только оно может стать подлинным искусством. Поэтому же оно и тенденциозно. Ибо, высказывая истину, оно тем самым обличает.

Но этого мало. Из внутреннего закона капиталистического развития вытекает не только связанное с накоплением капитала накопление нищеты, из него вытекает также героизм классовой борьбы, которую ведет все смелее наступающий пролетариат. Первое без второго было бы только изображением безотрадного настоящего и, следовательно, половинчатостью, полу-ложью (в этом тайна успеха, выпавшего на долю «Stempeibrüder» Душинского). Лишь сочетание обоих моментов обеспечивает полную правду великому художественному произведению наших дней. Если же борьба рабочего класса действительно изображена художником во всем разнообразии ее малых и великих дел и характеров, то вместе с обличением мы имеем и пламенный призыв.

Так стоящее на высоте своих задач пролетарское искусство становится боевым оружием, обличительным словом, призывным кличем. Оно становится всем этим, выполняя свою функцию правдивого изображения, стремясь стать тем высоким искусством, о котором говорил уже Гегель. Что загнивающая буржуазия выражает (или скрывает) в своем пустом и лживом искусстве свои намерения, свои тенденции, это ясно само собой. Задача пролетарской критики — всячески разоблачать эти тенденции. Но мы должны разоблачать тенденцию буржуазного искусства не как тенденцию, а как реакционную, противорабочую, лживую тенденцию обреченного на гибель класса.

Пролетарскому искусству, в отличие от буржуазного, нечего стыдиться своей тенденции. Наоборот, только давая выражение (разумеется, чувственно наглядное) глубоким и значительным классовым переживаниям и классовым целям, только смело решаясь быть выразителем пролетарской тенденции, становится оно подлинным искусством, великим и правдивым[1]). И если бездарности и новички не могут подняться выше протокольных отчетов или абстрактных передовиц, то это ровно ничего не доказывает: трудно взять именно большую гору, а не маленький холмик.

б) Препятствия.

Над художественными трудностями долгое время задумывались меньше, чем над трудностями другого рода. Да это и понятно: эти последние трудности воздвигались таким огромным препятствием на пути развития пролетарского искусства, что часто нельзя было даже подойти к основным художественным вопросам. В чем заключались и заключаются эти препятствия, ясно само собой. Класс, экономически обездоленный режимом эксплоатации, сознательно удерживаемый правящим классом на возможно более низкой ступени умственного развития, вынужден тратить почти всю свою классовую энергию на экономическую и политическую борьбу. До войны об этом особенно настойчиво писал Ф. Меринг. В частности он

[1]) Не поняв диалектического ядра гегелевской эстетики, Тальгеймер и не мог диалектически осмыслить вопрос о тенденции. Так, он приводит предостерегающие слова Гегеля против избытка поучительного элемента в искусстве (Mehring, Zur Literaturgeschichte, I, стр. 26), не упоминая даже об утверждении Гегеля, что всякое великое художественное произведение поучительно. Лишь диалектико-материалистическое воззрение дает возможность пролетарскому художнику вполне осознать свои задачи, как задачи «тенденциозного» искусства. Но, конечно, держаться, подобно Тальгеймеру, за кантовскую формулу «незаинтересованного» эстетического созерцания, значит отрезать себе всякий доступ к более глубокому пониманию предмета.

указал на трудность создания собственного пролетарского театра [1]). Тальгеймер находит, что эти его соображения, высказанные в 1900 г., «и сейчас сохраняют всю свою силу» [2]).

в) Противодействующие силы.

Такие силы действительно существуют. Но они не носят того застывшего характера, какой им приписывает Тальгеймер. С тех пор, как об этом вопросе писал Меринг, выявились новые моменты, значительно изменившие (в еще буржуазно-капиталистических странах) облик пролетарского искусства. Прежде всего, «осторожная» тактика руководящих рабочих партий, господствовавшая во многих странах до войны, сменилась отчетливо революционным курсом коммунистических партий. Почти во всех крупных капиталистических странах мы имеем теперь массовое революционное движение пролетариата. С точки зрения тупоумного экономизма Тальгеймера это не имеет для пролетарского искусства никакого значения. Но для его фактического развития это чрезвычайно важно. Теперь мы видим, что пролетарское искусство не могло развернуться до войны не только вследствие тяжелого экономического и политического положения, в каком, например, находился германский пролетариат. Причиной этому была также та, еще очень сильная, мелкобуржуазная социал-пацифистская атмосфера, которая окружала и художника и, как признак еще не полной революционной зрелости самого класса, не могла сообщить пролетарскому художественному творчеству ту великую силу, о которой мы говорили выше. На почве тогдашнего легалистски осторожного направления невозможно было создавать революционные произведения искусства; если они и появлялись, то только в виде исключения. (В занимавших исключительное положение странах мы имели и исключительные явления в области художественного творчества: в России — «Мать» Горького; в Америке — романы Синклера.) Лишь с наступлением новых условий повеяло воздухом, в котором пролетарский художник, будь он лириком, рисовальщиком, сатирическим поэтом, романистом, актером красной труппы, может высказывать боевые истины пролетариата, составляющие силу его искусства. Требуется не малая доза ограниченности, чтобы думать, что соображения Меринга, вполне правильные для 1900 г., сохранили все свое значение и для радикально изменившихся условий сегодняшнего дня.

И еще в одном отношении произошла глубокая перемена. Культурные завоевания русской революции пошли на благо не только трудящимся массам Советского Союза, но и рабочим капиталистических стран. А именно: во-первых, боевое строительство русского рабочего государства чрезвычайно повысило (и в культурном отношении) классовое самосознание пролетариата буржуазных государств; во-вторых, множество конкретных импульсов проникло из СССР в культурное движение зарубежных рабочих (синие блузы, рабкоры, новые темы, новые теории); в-третьих, целый поток художественных произведений, главным образом, романов и кинофильм, которых экономически и культурно угнетенный рабочий класс зарубежных стран вовсе не мог бы создать, устремляется из Советского Союза и входит в культурную жизнь, в классовое сознание рабочих масс Западной Европы и Америки; в-четвертых, те пролетарские художники капиталистических стран, отдельные произведения которых пускаются в культурный оборот победоносным рабочим государством, находят в этом со своей стороны моральную — и до известной степени материальную поддержку.

[1]) Zur Literaturgeschichte, II, стр. 299.

[2]) Введение к Mehring, Zur Literaturgeschichte, I, стр. 31.

Таким образом возникновение первого большого рабочего государства требует внесения существенных поправок в тезисы Меринга. Меринг, не переживший великих событий нашего времени, не мог учесть их. Но если Тальгеймер, несмотря на все перемены, все еще повторяет как попугай старые положения, то этим самым он сам выносит себе одинаково уничтожающий приговор и как практическому политику и как теоретику.

9. Искусство в период пролетарской диктатуры.

Вопрос о возможности и сущности своего особого искусства в период диктатуры пролетариата составляет часть общего вопроса о перспективах пролетарской культуры в этот период. Троцкий занял, как известно, в этом вопросе резко отрицательную позицию, Ленин — утвердительную. Ленин, представлявший себе переход к коммунистическому обществу в виде целой «эпохи диктатуры пролетариата», естественно думал, что господствующий в эту эпоху рабочий класс разовьет и свою собственную пролетарскую культуру. Вопрос заключался для Ленина исключительно в том, как должна развиваться эта пролетарская культура: он выступил чрезвычайно резко против попыток «выдумать» пролетарскую культуру, вместо того, чтобы диалектически развивать ее посредством критического усвоения культурного наследия прошлого [1]), — но что такая культура необходимо должна будет развиться, было для него совершенно бесспорно.

Троцкий взглянул на дело иначе. «Собственной политической культурой наш пролетариат обладает в той мере, в какой это нужно для сохранения его диктатуры, — художественной же культуры у него нет» [2]). Эта антиленинская точка зрения Троцкого вытекает из его антиленинского взгляда на длительность пролетарской диктатуры. Ленин утверждал, что последняя охватывает целую эпоху. Троцкий оспаривает это положение (полемизируя как будто с Сизовым, на самом же деле с Лениным). Стоя на почве своей теории перманентной революции, он рассматривает пролетарскую диктатуру, как «кратковременный переход» [3]). Затем тотчас же наступает социализм, и только при нем возникает новая культура (а следовательно, и новое искусство), «к счастью уже социалистическая, а не пролетарская» [4]).

Вместе с ложными предпосылками Троцкого падает и вся его теория культуры. Тальгеймер не ломал себе голову над этими предпосылками, но зато с тем большим рвением воспринял выводы Троцкого. Он тоже находит, что новое большое искусство возникнет только тогда, когда социалистическое строительство продвинется настолько, что «источники общественного богатства» станут изобильны [5]). До того будут только «зародыши, зачатки» [6]), как выражается Троцкий; «первые шаги» [7]), как говорит Тальгеймер. Как известно, формула, употребленная в данном случае Тальгеймером для определения сроков, взята им из марксовой «Критики готской программы». Она характеризует высшую фазу коммунистического общества [8]),

[1]) Речь на III всероссийском с'езде РКСМ. Проект резолюции о пролетарской культуре.

[2]) Троцкий, Литература и революция.

[3]) Там же.

[4]) Там же.

[5]) Тальгеймер, Введение к Mehring, Zur Literaturgeschichte, I, стр. 31. Совершенно в таком же духе Каутский, Der historische Materialismus, Берлин 1927 г., I, стр. 385.

[6]) Троцкий, Литература и революция.

[7]) Тальгеймер, там же, стр. 31, Берлин 1928 г., стр. 17.

[8]) Marx-Engels, Programmkritiken.

ту стадию, которую Ленин называет коммунизмом в более тесном смысле слова [1]).

Здесь перед нами образец чисто-механического подхода. Пролетариат достаточно силен политически, чтобы отстоять себя в борьбе со своими внутренними и внешними врагами, и экономически, чтобы построить социализм. Но на культурном фронте он не может пойти дальше «интересных, хотя во многом еще хаотических первых шагов». Как будто культурное строительство не идет рука об руку с материальным! Как будто героическая эпоха боев за построение социализма не содержит, как раз в своем, отчасти еще хаотическом, но грандиозном общественном порыве огромнейшие импульсы к созданию большого искусства! Для диалектики Гегеля именно героические эпохи являются великими эпохами художественного творчества. Пусть этот принцип, формулированный в таком общем виде, подлежат критическому разбору с марксистской точки зрения,— но он уж, во всяком случае, правилен для героической эпохи молодого (именно молодого!) социализма. Здесь переживаются илиады и одиссеи в неслыханных дотоле масштабах. Через десять лет после окончания гражданской войны новый русский роман и кинематограф уже воспевают в героической эпопее боевую страду строящегося социализма в первой стране рабочей диктатуры.

Наше отличие от троцкистских и полутроцкистских нытиков и пессимистов заключается не в том, что мы будто считаем уже имеющиеся достижения советского искусства последним словом художественного творчества. Этого, конечно, нельзя сказать. Но мы видим в этих достижениях ранние продукты большого, монументального искусства, которое несомненно созидается еще во время эпохи диктатуры, еще до наступления высшей стадии коммунизма.

Кто в советской фильме замечает исключительно лишь новое содержание, кто не способен почувствовать, что здесь из нового содержания уже развилось множество новых форм (сенсационная загадка для всех буржуазных кинорежиссеров, бессильных разрешить ее, ибо у них нет соответствующих социальных предпосылок), кто перед лицом этого потока художественных фильм, новых по содержанию и по форме, все еще ждет появления «художественного гения», который создаст, наконец, новые формы [2]), — тот может быть и изучал с горячим рвением кантовскую теорию гения; но он уж наверное не имеет правильного представления ни об историческом материализме, ни о сущности искусства в период пролетарской диктатуры.

10. Обесценение материала художественного творчества.

Что есть «нечто», чему художественное творчество дает форму, этого не отрицает половинчатый (агностический) идеализм Канта. Однако это нечто не играет у Канта никакой роли в художественном творчестве. Чем менее ясен для нас материал, чем мы дальше от «понятия» о нем, тем легче развертывается художественное переживание, как чисто-суб'ективно-формальная игра. Только тогда, когда мы в эстетическом суждении не составляем себе никакого понятия о сущности предмета, «суждение вкуса является чистым»; ибо тогда нет налицо ничего такого, «что лишь связывает свободу воображения, как бы играющую с формой» [3]). Если же, наоборот, мы знаем что-нибудь об об'екте, то возникают ограничения, правила. И это

[1]) Ленин, Государство и революция.
[2]) Тальгеймер, там же, стр. 32.
[3]) Kant, Kritik der Urteilskraft, стр. 70

наше знание предмета, заставляющее нас сравнивать представление с реальным об'ектом, «ибо такое сравнение неизбежно»[1]) наносит «ущерб» чистому суждению вкуса[2]). В первом случае мы имеем «свободную», во втором случае — «лишь привходящую красоту»[3]).

Такой взгляд на искусство не отрицает наличие материала художественного творчества; но он стремится обесценить этот материал. Великие «моральные» темы, вытекающие из страстей эпохи, нарушают художественное впечатление. Они «вызывают интерес», а прекрасно будто бы лишь то, что «нравится, не вызывая никакого интереса»[4]). Они заставляют сравнивать содержание художественного произведения с действительностью, а прекрасное должно будто бы «нравиться всеобщим образом без посредства понятия»[5]).

Не таковы были эстетические требования революционного класса, наполненного своими великими «темами» и «интересами». Не такова была художественная программа молодой революционной буржуазии. В своей «Критике способности суждения» Кант капитулировал не только перед религиозными требованиями абсолютизма, стараясь доказать бытие бога, как «морального творца мира»[6]); он капитулировал перед абсолютизмом и в эстетической области. Провозглашенное им искусство играющих форм, красивой бессодержательности, и было не чем иным, как искусством более или менее просвещенного абсолютизма его времени.

У Шиллера это выявляется, пожалуй, даже еще более отчетливо. Для молодого буржуазного революционера Шиллера сцена была «моральным учреждением». Сцена должна была взять в свои руки «меч и весы». Когда «правосудие ослеплено блеском золота..., когда злодейства вельмож издеваются над его бессилием..., пороки должны предстать перед страшным трибуналом» сцены. Сцена должна была карать тысячи пороков, оставляемых без кары государственным правосудием, и «восхвалять тысячи добродетелей, о которых оно умалчивает». Она должна была быть «путеводительницей по жизни третьего сословия». «Только здесь сильные мира сего слышат то, чего они не слышат никогда или очень редко,—голос правды». Здесь законодательная власть должна дать ответ на жалобы подданных[7]).

Такова программа молодого Шиллера. Но «созревающий» Шиллер, который все больше ориентируется на придворные круги Германии, обретает в эстетической философии Канта радикальное средство для поворота вспять. Эта философия дает теоретическое обоснование тому, что он стремится теперь осуществлять в своем поэтическом творчестве. В ряде статей и, главным образом, в своих письмах об эстетическом воспитании человека, Шиллер сам принципиально высказывался о своей новой позиции (отчасти видоизменив кантовскую теорию, на чем мы здесь не можем останавливаться). Если прежде он считал задачей искусства провозглашение истин, то теперь он заявляет, что требуемое им отныне («классическое») искусство «не находит ни одной истины»[8]). Долой всякую тенденцию! «Ничто не противоречит в такой мере понятию красоты, как внушение определенной тенденции»[9]).

[1]) Там же, стр. 71.
[2]) Там же, стр. 70.
[3]) Там же, стр. 69.
[4]) Там же, стр. 48.
[5]) Там же, стр. 58.
[6]) Там же, стр. 324.
[7]) Шиллер, Сцена как моральное учреждение.
[8]) Письма об эстетическом воспитании человека, 21-е письмо.
[9]) Там же, 22-е письмо.

Тяжесть материала, если она вообще имеется, должна быть уничтожена формой. «Самая фривольная тема должна быть подана так, чтобы нам было легко перейти от нее тут же к самой строгой серьезности. Самый серьезный предмет должен быть подан так, чтобы мы были в состоянии тут же перейти от него к самой легкой игре». Это равносильно уничтожению предмета. Именно так это и понимает Шиллер. «В подлинно прекрасном произведении искусства содержание должно быть ничем, а форма всем». И, наконец, формулируется последний вывод из всех этих мыслей: «Тайна творчества истинного художника заключается, стало быть, в том, что он уничтожает материал формой; и чем импозантнее, притязательнее, соблазнительнее материал сам по себе..., чем больше зритель склонен заняться самим материалом, тем сильнее торжествует искусство, оттесняющее от него зрителя и утверждающее над ним свое господство» [1]).

Письма Шиллера об эстетическом воспитании содержат, впрочем, не только эстетическую программу, приноровленную к придворным сценам и поэтическим произведениям его времени. Чтобы не осталось и тени сомнения насчет классовой сути его требований, Шиллер старательно дополнил свою художественную программу политической. «Классический» ренегат доказывает сначала своему классу, который он сам призывал когда-то к мятежу, что он еще не «созрел» для власти. Физически, правда, революция была бы теперь—в 1795 г.!—уже возможна. Но она еще невозможна морально! «Допустим даже, что об'ективное человечество имеет основания роптать на государство; суб'ективное человечество должно уважать его учреждения». Можно ли в таком случае порицать (абсолютистское) государство за то, что оно подавляет «силой своего меча» морально еще незрелое, преисполненное «грубых, беззаконных инстинктов» суб'ективное человечество? [2]). Если «суб'ективный человек» так противоположен «об'ективному» (идее человечества), «что только подавление первого может обеспечить победу последнему, то государство должно применять против отдельного гражданина всю строгость закона; чтобы не стать ее жертвой, оно должно беспощадно раздавить враждебную индивидуальность» [3]).

Это — теория белого террора, изложенная в письмах к герцогу Гольштейн-Аугустенбургу, в тех самых письмах, которые так решительно отклоняют всякую «тенденцию» в искусстве и превозносят чистые формы. Разумеется, воспитание с помощью чистых форм должно дать «человечеству», т.-е. буржуазии и стоящему за ней пролетариату, ту моральную зрелость, которая впоследствии сделает его способным к политической свободе. Но и эта перспектива не так уж опасна для коронованных особ. Процесс эстетического облагорожения потребует «больше столетия» [4]). Такая картина будущего не могла, в самом деле, произвести на правительства «скверного впечатления» [5]).

---

[1]) Там же, 22-е письмо. Разрядка наша.

[2]) Там же, 5-е письмо.

[3]) Там же, 4-е письмо. Разрядка наша.

[4]) Там же, 7-е письмо.

[5]) Письмо Шиллера к Кернеру от 6 ноября 1792 г. Шиллер находит момент благоприятным (в 1792 г.!) для того, чтобы «высказать здравое суждение о революциях; и так как оно непременно окажется выгодным для врагов революции, то истины, которые придется при этом сказать правительствам, не смогут произвести скверного впечатления» (Переписка Шиллера с Кернером, Берлин 1847 г., II, стр. 346 сл.).

Сравним эти политически весьма недвусмысленные заявления Шиллера с тем, что пишет о его эстетических письмах Меринг[1]). И прежде всего, сопоставим драмы и стихотворения Шиллера из его «классического» периода с его новой программой: эти драмы (исключение, да и то мнимое, составляет лишь одна) изображают придворную жизнь и не выходят из круга интересов просвещенного абсолютизма. А теперь посмотрим, как Меринг, под влиянием канто-шиллеровских эстетических формул, не разгадал реакционную классовую суть позднейших произведений Шиллера. Тезис о том, что тайна творчества истинного художника заключается в уничтожении материала формой, этот тезис, трижды им упоминаемый [2]), Меринг называет «неуязвимым в его абсолютно-абстрактной формулировке», хотя и «приобретавшим в историческом развитии художественного вкуса всегда лишь условное значение» [3]). Такое «условное значение» Меринг и признавал очевидно за тем царством «чистых форм», в которое Шиллер бежал после своего революционного периода бури и натиска. В наше время такое бегство заслуживало бы, по Мерингу, самого решительного порицания. «Но иначе обстояло дело в ту эпоху, когда жил Шиллер и когда... светлое царство чистых форм являлось единственным прибежищем, откуда можно было обеспечить немецкому народу великое будущее» [4]). Что бегство Шиллера в царство—несуществующих—«чистых форм» сыграло известную роль в развитии немецкой культуры XIX века, это не подлежит никакому сомнению. Шиллер был одним из деятелей, создавших для полуфеодальных порядков Германии соответствующую полуфеодальную идеологию. Поэтому проникнутая весьма определенным классовым содержанием поэзия Шиллера систематически вколачивалась в голову целым поколениям молодых людей во всех школах. Такова классовая суть теории господства художественных форм, иллюстрированная на одном весьма характерном для немецкой идеологии примере. Теперь читателю понятно, почему при оценке критических работ Меринга мы так энергично подчеркнули вопрос: Кант или Гегель? Недооценка политического значения неокантианства (Бауэр—Адлер) привела Меринга, через принятие кантовской эстетики и защиту шиллеровской формулы искусства, к тому, что он проглядел конкретное общественное содержание немецкого «классического искусства».

11. Оформление материала.

Поскольку это дозволяла его основная идеалистическая установка, Гегель уже дал правильную характеристику отношения между содержанием и формой. Форма должна выявить с чувственно-наглядной стороны внутренние законы движения материала. Задача формы не в том, чтобы обесценить и уничтожить свой материал, а в том, чтобы выразить его, дать ему оформление. Форма принадлежит к сущности предмета, она есть явленная сущность.

Таким образом, для диалектического материалиста проблема содержания ставится совсем не так, как для половинчатых и полных идеалистов. Недостаточно утверждать, что художественная ценность зависит «и (!) от содержания, а не только от формы» [1]). Содержание есть основное соединительное звено между «жизнью» (употребляя это

[1]) Mehring, Zur Literaturgeschichte, I, стр. 213, сл.; стр. 244 сл. Ср. также Mehring, Deutsche Geschichte, Берлин 1910 г., ч. II, стр. 108 сл. Все те «истины», которые Шиллер счел нужным тоже высказать (ведь он жил в атмосфере просвещенного деспотизма!), Меринг усердно воспроизводит. Но суть политической концепции Шиллера он оставил, если не считать нескольких второстепенных замечаний, без всякого упоминания.

[2]) Mehring, Zur Literaturgeschichte, I, стр. 214; II, стр. 243 и 264.

[3]) Там же, стр. 264.

[4]) Там же.

любимое Лениным слово в ленинском смысле) и формой. Материал художественного творчества уходит своими корнями в жизнь. Кант считал, что художественному переживанию наносится ущерб всяким знакомством с сущностью материала, т.-е. стоящей за ним жизни. С марксистской точки зрения такой взгляд должен быть отвергнут не только как ложный, но и как крайне вредный. На греческих крестьян гомеровский Терсит не мог производить никакого художественного впечатления, ибо они знали, что эта фигура есть ложь, клевета на крестьян той эпохи. Такой же ложью является Джек Кейд Шекспира или Шнапс Гете (гетевское изображение идиллической жизни немецких крестьян в эпоху французской революции не только об'ективно неверно, но представляет собою и суб'ективно сознательную подделку. До нас дошли, к счастью, письма самого Гете, в которых он клеймит в сильнейших выражениях разорение крестьян феодальной эксплоатацией). Описание социальной действительности у Курта-Малера, повести Арнольда Цвейга, о благородных немецких солдатах и офицерах принадлежат к той же категории лжи. Наш материалистический метод вооружает нас здесь таким принципом художественной критики, которого никогда не может дать идеалистическая эстетика. Произведения названного рода отражают вполне определенные классовые измышления, классовые идеологии, классовые иллюзии. Их истинность [2]), а следовательно, и их действительная художественная ценность равна нулю. Такие работы могут, конечно, обладать высокими техническими достоинствами и часто действительно ими обладают. Но оформление есть нечто иное и большее, чем простая техника. Если я «искусно» выкрашу вылитый из гипса ствол под дерево, то выбранная мною «тема» будет мною как художником выполнена и даже как будто с соблюдением всех требуемых этой «темой» правил. Но самая тема взята произвольно, лишена внутренней правды. Будет ли это художественное произведение? Нет, в лучшем случае ловко проделанный фокус! Поскольку в художественной критике выдвигается требование «правдивости», это есть уже первый шаг, наивный и большей частью непоследовательный, к материалистическому взгляду на художественное творчество.

Итак, тема, материал, сюжет имеет огромное значение. С неудачно выбранной темой не создашь великого произведения. (В этом, как уже было замечено выше, материалистическое основание низкого уровня современного буржуазного искусства). Но одной темы еще недостаточно. Тема, говорит Гегель, это «сам предмет, приведенный к своим простейшим, хотя в то же время и наиболее широким определениям». Это простое, эта тема... есть абстрактное, и лишь выполнение есть конкретное» [3]). «Как бы ни было значительно какое-нибудь содержание само по себе, мы все же не удовлетворены этой абстрактной формой, но требуем еще чего-то» [4]).

---

[1]) Там же, II, стр. 264.

[2]) Тут требуется, конечно, диалектико-материалистическая теория познания, как она была наиболее ясно и широко разработана Лениным. По Мерингу, исторический материализм распростился с «абсолютной истиной, чтобы создать твердую почву для относительного познания» (в указ. месте, II, стр. 232). По Ленину, марксизм «признает относительность всех наших знаний, но не в смысле отрицания об'ективной истины, а в смысле исторической обусловленности границ приближения наших знаний к этой истине». Ленин отвергает таким образом всякое релятивистическое понимание истины. Возможное в каждый данный момент максимальное приближение к об'ективной истине может осуществляться всегда лишь с определенной классовой точки зрения. Это относится как к научной, так и к художественной истине.

[3]) Hegel. Aesthetik, I, стр. 140.

[4]) Там же, стр. 141.

Этим чем-то является оформление, выполнение. На нем должна обнаружиться способность художника почувствовать эстетически существенные черты обрабатываемого им куска жизни. И здесь опять требуется техническое знание данной художественной специальности. Но и здесь одного этого знания мало. Без глубокого знания самого предмета — человеческого тела, мира линий и цветов в его статике и динамике; характерных особенностей в судьбе различных социальных слоев и профессий — нельзя создать ничего подлинного в области скульптуры, графики, живописи, кинофильмы, поэзии. Чутье эстетически существенного позволяет художнику представить в наглядном виде внутренний закон определенного материала. У Золя Этьен Лантье попадает в угольный район, у Синклера группа иммигрантов—на чикагские бойни, Гладков приводит своего Глеба на пришедший в упадок цементный завод. Все это дает повод для конкретного развертывания явлений, характерных для жизни рабочего. Чем глубже, богаче, разнообразнее увидена художником эта жизнь, тем полнее и ярче развернется изображаемое им действие.

Форма и содержание связаны таким образом гораздо теснее, чем это обыкновенно представляют себе. Форма не привходит к материалу извне, как горшок к куску мяса. Внешняя форма является «не отделенной от внешнего материала или механически ему навязанной ради посторонних целей, а присущей реальности в силу ее понятия и из нее выявляющей формой» [1]). Ни материал, ни его форма не «выдумываются» произвольно. Задача в том, чтобы найти, выискать присущие данной ситуации темы, найти присущие данной теме возможности конкретного оформления.

Мы иллюстрировали нашу мысль на частном примере поэзии, потому что недостаток места не позволяет нам говорить о всех видах художественного творчества в отдельности. Чем глубже вдумываешься с диалектико-материалистической точки зрения в проблему формы, тем яснее становится ее укорененность в материальных, вещественных условиях. Так, в области поэтики можно было бы еще поставить специальный вопрос о «языке», как средстве поэтического выражения. Разумеется, и здесь как повсюду перед художником стоит специальная техническая задача, для овладения которой требуются весьма основательные знания. Но одного этого еще мало, как доказывает пример буржуазной литературы с ее шаблонными и пустыми словесными узорами. Чтобы уметь выбрать действительно подходящее слово и сочетание слов, нужно, во-первых, знать факты самой действительности, нужно знать предмет и далее нужно подать это знание предмета так, чтобы оно исходило из кругозора данного класса и могло воздействовать на него в привычной для него словесной форме. Чисто-формальная на первый взгляд проблема языка оказывается, таким образом, предметно-общественной проблемой. Поскольку слово выражает нечто предметное, оно всегда является вместе с тем выражением общественных отношений. Не случайно мещанские и республиканские боевые драмы молодого Шиллера написаны «в прозе», а его же «классические» драмы, ориентирующиеся на идеалы просвещенного абсолютизма, написаны стройным, торжественным размером пятистопного ямба. Шиллер, в теории которого формы празднуют победу над материалом, как вторгшиеся кочевники над крестьянским населением,—тот же Шиллер в своей поэтической практике (в которой он был материалистом поневоле, чтобы иметь возможность что-нибудь создать) весьма тщательно приспособлял к изменившемуся содержанию своего искусства эти якобы независимые от всякого содержания формы.

[1]) Там же, I, стр. 165.

Изменение содержания не прямо влечет за собой изменение формы. Здесь есть известная аналогия с отношением между переменами в способе производства и лишь медленно и не сразу следующими за ними изменениями производственных отношений. Лишь существенные изменения в социальной базе искусства, лишь соответствующие существенные изменения в тематике приводят к тому, что количественно-качественная передвижка материала сказывается в виде изменения «качества» формы. Если Тальгеймер заявляет: «новая форма, не заключающая в себе нового содержания, всегда от лукавого» [1]), то он лишь высказывает этим в мелкобуржуазно-морализирующем тоне чисто-идеалистическую мысль. Существенные изменения формы всегда свидетельствуют о том, что в ее материальном базисе произошли существенные перемены. Если эти перемены имели прогрессивный характер, то форма должна последовать за ними. Но темы могут и разложиться — оттого, что растерялся стоящий за ними класс, что его авторитеты разлагаются, распадаются, загнивают. Последнее и явилось материальной основой экспрессионистического разложения германского буржуазного искусства после окончания войны. В Германии экспрессионизм исчез с плакатов и выставок очень скоро после стабилизации марки.

Мы видим таким образом, что с нашей диалектико-материалистической точки зрения проблема формы отнюдь не отпадает. Она ставит, наоборот, эту проблему на надлежащее место, вскрывает внутреннюю закономерность, материальную подоплеку всякой формы. Искусство означает умение; так это и для марксистского эстетика. Но умение есть в данном случае умение найти тему, умение развернуть ее по вытекающим из нее эстетическим правилам, умение дать форму всему произведению в целом, умение разрешить надлежащим образом каждую отдельную задачу внутри этого целого.

Эпоха пролетарской борьбы за власть и социалистического строительства дает пролетарским художникам бесконечное множество новых ситуаций, новых тем, новых действий. Найти «форму» для этих новых содержаний значит художественно овладеть ими, подслушать их внутренние, движущие законы. Это огромная и очень трудная задача. Что она разрешима, доказывают советские фильмы и отдельные, почти уже ставшие «классическими», пролетарско-революционные романы. Содержание должно быть выявлено! Эта марксистская формула искусства стоит перед художниками со своим неумолимым требованием. Субъективные заверения в доброй воле мало чего стоят. Своими достижениями доказывает человек, какова на самом деле его воля. Художественное достижение—вот Родос пролетарски-революционного художника, вот где он должен плясать. «Ибо высшим и превосходнейшим является не несказуемое, словно художник может таить в себе большую глубину, чем обнаруживает его творение; нет, творения художника суть лучшее в нем, и то, что он есть поистине, то он и есть, а что остается внутри его, то не есть он» [2]).

---

[1]) Тальгеймер, в указ. месте, стр. 25. Между содержанием и формой имеет место не только «взаимодействие», как думает Тальгеймер; на ряду с взаимодействием, которое разумеется само собой, имеется также материалистическая зависимость формы от содержания. Но этого, конечно, нельзя увидеть, когда ставишь себе целью эклектически примирить эстетический идеализм Канта-Шиллера с диалектическим материализмом.

[2]) Hegel, Aesthetik, I, стр. 390.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ВОЛЬФСОН И ГАК. Очерки по историческому материализму. Учебное пособие для совпартшкол и марксистско-ленинских кружков.

Книга тт. Вольфсон и Гака имеет целью удовлетворить давно назревшую потребность низших звеньев сети партпросвещения в строго выдержанном популярном учебнике по диалектическому материализму. Из двух заслуживающих упоминания систематических курсов по марксистской методологии, курса т. Разумовского и курса т. Бухарина, первый, как известно, мало популярен, второй если и «строго выдержан», то совсем не в духе марксизма-ленинизма. Но именно благодаря своей популярности и систематичности «Теория истмата» т. Бухарина до сих пор безраздельно господствует в низших и даже средних звеньях сети партпросвещения и до сих пор, следовательно, препятствует распространению идей истинной марксистско-ленинской методологии. Поэтому нельзя не приветствовать появление книги Вольфсона и Гака, поскольку она в популярной форме и систематически пытается пропагандировать именно эти идеи.

Однако эта книга не лишена как крупных недостатков в своем построении, так и многочисленных вопиющих методологических и фактических ошибок.

Прежде всего порочен сам план построения работы. Два года тому назад, когда в методической комиссии по диамату при МК ВКП(б) резко встал вопрос о том, как строить програму—от диамата к истмату или наоборот,—было принято решение именно «наоборот». Члены комиссии понимали всю методологическую абсурдность этого «наоборот» и тем не менее действовали наперекор своему разумению. Победивший довод («практический», конечно): в массовой аудитории надо начинать с «конкретного», т.-е. с более доступного. На деле оказывается, что «конкретное» вовсе не более легкое, а, наоборот, более трудное. Только понимая общее как абстракцию, а не как синтез конкретных, можно было прийти к выводу: сначала «конкретное», т.-е. истмат, потом «абстрактное», т.-е. диамат. Только принимая предпосылку, что общественное бытие и общественное сознание легче понять, чем бытие вообще (всякое) и сознание вообще (всякое), можно было прийти к этому выводу.

Вряд ли теперь, когда книга написана, авторы ее не понимают этого. Да и фактически авторы вовсе не строго следовали правилу: сначала истмат, потом диамат, так как это невыполнимое правило, так как вовсе нет этих «сначала» и «потом». Истмат есть диамат, и н и ч е г о б о л ь ш е. Тот, кто, говоря об истматовских основных понятиях, как-то: базис и надстройка, общественное бытие и общественное сознание, производительные силы и производственные отношения и т. д.,—не подчеркивает их основной, решающий методологический смысл, покоящийся, конечно, на их об'ективно-истинном значении, тот занимается историей, тот занимается теоретической экономией, тот занимается всем, чем угодно, но только не истматом. А говорить обо всех этих категориях совершенно невозможно, не критикуя стихийно сложившихся в головах читателей и слушателей понятий: быть, сознавать, основа, надстройка, содержание, форма, сила, действие, свойство, отношение и т. д., и т. д. Вне критики этих

понятий, т.-е. вне материалистической диалектики, истмат превращается в самую обыкновенную социологию, лишь завуалированную марксистской фразеологией, на подобие «Теории истмата» Бухарина. Вне критики этих понятий, в лучшем случае, истмат превращается в сумму отдельных методологических афоризмов и конкретно-исторических, единичных фактических истин.

Авторы, должно быть, чувствовали это, когда они давали своей книге скромное название «Очерки по историческому материализму». На деле они стремятся преодолеть обычный «очеркизм» работ по истмату, дать внутренне-связанную цепь методологических положений. И также на деле они стремятся выйти за рамки обычной трактовки истмата, дать методологическое заострение истматовских проблем. Поэтому ничего удивительного нет в том, что «чорт» (т.-е. диалектика) называется по имени и очень часто гораздо раньше, чем по плану ему положено называться. Поэтому т. Вольфсону (автору 8 «истматовских» глав), нарушая правило—от конкретного к абстрактному, пришлось неоднократно призывать на помощь «абстрактное», предвосхищать, «обкрадывать» т. Гака, автора двух последних «диаматовских» глав. В результате получилась ни пава, ни ворона. Эта печать перехода от Бухарина к Ленину, от «марксистской» социологии к марксистской методологии лежит на всей работе Вольфсона и Гака. И, как всякая переходная форма, она по необходимости носит на себе пятна старого, предыдущего. Положение ухудшается тем более, что «Очерки по истмату» есть не одна, а две самостоятельные работы и как таковые могут жить совершенно независимо друг от друга. Тов. Гак даже не потрудился иллюстрировать методологические положения своих глав примерами из предыдущих глав, что хоть в небольшой мере должно было уничтожить гетерогенность «Очерков». Очевидно, для 2-го издания «Очерки» в смысле построения должны быть к о р е н н ы м о б р а з о м п е р е р а б о т а н ы. Вместе с тем должна быть уничтожена чрезмерная детализация подзаголовков, при которой все содержание некоторых пунктов исчерпывается одним предложением, даже одной цитатой. И, само собой разумеется, должно быть уделено гораздо больше, чем теперь, места собственно философским главам, а также должна быть выделена в качестве самостоятельных глав критика механистов (в связи разделом «диалектика природы») и критика методологии Бухарина (в связи, например, с диалектикой общественного развития в целом).

Что касается содержания «Очерков», то в этом отношении многочисленные и грубые ошибки весьма вредят общей их диалектически-материалистической тенденции. Надеемся, что ни читатель, ни авторы не посетуют, если мы основательно задержимся на этих ошибках.

На стр. 10 т. Гак пишет: «Марксизм является методом изучения действительности, способом и орудием ее распознавания и овладения ею. И то, что мы называем мировоззрением марксизма, есть р е з у л ь т а т (разрядка автора. *В. Р.)* применения этого метода к разнообразным сферам познаваемого мира. Но раз действительность—мир, природа, общественная жизнь—являет собой бесконечный непрекращающийся процесс изменения, то ясно, что должны получаться все новые и новые результаты применения марксизма к этой самой развивающейся действительности». Дальше тов. Гак правильно пишет, что «марксизм-ленинизм — это мировоззрение и метод», но ошибка уже сделана, и последнее положение ее вовсе не исправляет. Уже внушена мысль, что метод марксизма остается тем же, мировоззрение меняется—а это неверно. Диалектический материализм есть в одно и то же время и мировоззрение и метод, они изменяются или не изменяются одновременно в одном и том же отношении. Когда речь идет, главным образом, о том, чтобы внедрить диамат в конкретные науки, разрабатываемые до сих пор немарксистами, совершенно не к чему говорить об изменяемости марксистского мировоззрения, так как это изменение касается лишь отдельных естественно-научных положений, отнюдь не характеризующих собой существа марксистского мировоззрения и метода. Таким образом т. Гак сразу же подает палец механистам, которые имеют своей задачей поставить сущность, основы

диамата в зависимость от непрерывно изменяющегося конкретного содержания отдельных наук. Марксизм прекрасным образом учитывает и переваривает новые научные данные, нисколько при этом не изменяя своего существа, своего диалектически-материалистического мировоззрения и метода. Если бы марксизм при каждом новом результате конкретно-научного исследования изменял свое мировоззрение, стыдно было бы называться марксистом.

На стр. 17 т. Вольфсон совершенно неосновательно уверяет, что гегелевская «Наука логики» легла в основу революционного марксизма. Там же говорится, что античным и средневековым учениям «было... чуждо не только понимание каузальности, но и диалектика...», что, во-первых, является неверным, а, во-вторых, ставит диалектику рядом и позади каузальности, что уже совершенно никуда не годится.

На стр. 20 проводится механистическая мысль, что «в общественной жизни нет ничего случайного». Эта мысль подтверждается на стр. 21 следующим примером: «Повышение спроса обязательно ведет к повышению цен,—так же обязательно, как ночь следует за днем». Ясно, что в этих утверждениях нет никакой диалектики. И надо сказать, что это не случайная ошибка, так как т. Вольфсон явно не понимает об'ективной диалектики необходимого и случайного. Особенно ясно это демонстрируется его утверждением, что «уже древний философ Демокрит... дал исчерпывающее понимание детерминизма» (стр. 27), что «все, что совершается, не только может совершаться, но неизбежно должно совершаться» (там же). После таких утверждений т. Вольфсон и т. Гак могут сколько угодно обрушиваться на механистов, все равно их гневу можно не верить.

Плохой популяризацией диамата является опровержение на стр. 33 спенсеровской социологии: «руки без головы, конечно, не могут жить, пролетариат без буржуазии не только может жить, но может великолепно жить, в тысячу раз лучше, чем при буржуазии». Это опровержение также в духе Бухарина. Спенсер уподобляет общество (всякое) абстрактному биологическому организму. Спенсера надо бить. Но нельзя же в эпоху ликвидации классового общества провозглашать: «долой буржуазию» (с одной стороны) и «царству рабочих и крестьян не будет конца» (с другой стороны).

Далее на стр. 34—39 дается переложение работы Энгельса «Эволюция человека от обезьяны». Казалось бы, где лучше, если не здесь, показать, как современное развитие наук (в частности генетика) внесло ряд важных поправок в положения Энгельса, стоявшего на уровне естествознания своего времени и естественно не могшего предвосхитить все современные данные о развитии организма. Но, к сожалению, «Очерки» писали две руки. Поэтому получилось, что одна требует с каждым новым открытием изменения мировоззрения марксизма, а другая не испытывает нужды ни слова изменять в отдельных натурфилософских высказываниях Энгельса, несмотря на то, что Ленин уже в 1908 г. черным по белому писал: «...ревизия его (Энгельса) натурфилософских положений не только не заключает в себе ничего «ревизионистского» в установившемся смысле слова, напротив, необходимо требуется марксизмом» (Собр. соч., т. X, изд. 1-е, стр. 210).

На стр. 45 географическая среда называется «необходимейшим элементом производительных сил», хотя, с другой стороны, и «не влияет» на их развитие. На деле не верно ни то, ни другое. Географическая среда есть именно среда, условие, база, возможность производительных сил. Эта возможность в процессе конкретного процесса производства всякий раз по-особому, частично реализуется, превращаясь в «элемент». А, с другой стороны, даже не будучи «элементом», географическая среда весьма влияет на развитие производительных сил. Если бы среда не влияла, можно было бы пальцем выковыривать железную руду. Тов. Вольфсон путает «влияние» с «определением». Неправильно также говорить,

что «те силы, которые общественный человек выдвигает в целях поднятия производительности общественного труда, мы называем производительными силами» (стр. 41). Во всем 14 параграфе речь идет о материальных производительных силах, а последние вовсе не есть все «те силы». Смешение материальных производительных сил со всеми теми силами, «которые общественный человек выдвигает в целях поднятия производительности общественного труда», ведет к отрицанию исторического материализма, ведет к эклектизму. На стр. 42 элементы производительных сил смешиваются с моментами всякого процесса труда. Отсюда отождествление рабочей силы и труда, совокупности способностей и деятельности. Ясно, что такое смешение к добру не может повести, особенно в политической экономии, где на различии рабочей силы и труда зиждется понятие прибавочной стоимости.

На стр. 45 приводится следующая цитата: «Из всех орудий производства,— говорит Маркс в своей «Нищете философии»,—величайшей производительной силой является сам революционный класс». А понимается эта цитата так, будто здесь речь идет о «революционной роли труда»—по отношению к природе. Таким образом, получается искажение мысли Маркса. Маркс обосновывает революцию с точки зрения развития уже добытых производительных сил. Маркс подчеркивает тесное единство (суб'ективных) интересов революционного класса и об'ективных потребностей развития производительных сил. Вольфсон же сводит это важнейшее положение марксизма до плоской мысли о том, что человек «изменяет» «лицо земли».

На стр. 49 неоднократно всплывает бухаринская теория взаимодействия среды и системы в диалектически-фразеологическом одеянии. Оказывается, что марксистский анализ находит последнюю движущую силу общественного развития не в противоречии между производительными силами и производственными отношениями, а «в подвижном, диалектическом отношении между человеком и природой»—в материальном, беспрерывно видоизменяющемся столкновении между общественным человеком и природой».

На стр. 53—54, во-первых, утверждается, что «отношения между производителями могут быть чисто-технического характера и могут быть общественного (социального) характера». Во-вторых, общественные отношения превращаются в имущественные. В-третьих, этим отношениям справедливо пророчат в дальнейшем исчезновение. Таким образом коммунистическое общество, по Вольфсону, будет основано лишь на технических отношениях, а не на общественных. Чепуха получается оттого, что технические отношения метафизически противопоставляются отношениям общественным, а общественные отношения отождествляются с имущественными.

На стр. 55 по вопросу о содержании и форме (т. Гак, как же это вы пустили диалектику как занозу в истмат?) т. Вольфсон делает две ошибки. Во-первых, он считает, что они имеют «разную природу». Во-вторых, он утверждает, что «определенное изменение содержания обязательно влечет за собой определенную смену форм». Неверно, что содержание и форма имеют разную природу. Если бы это было так, они не находились бы во внутреннем единстве. Неверно и второе утверждение, так как единство содержания и формы, как и всякое единство, относительно.

На стр. 58 т. Вольфсон утверждает, что «количественные изменения часто следуют одни за другими и переходят в качественные изменения без резких скачков». Слово «резких» здесь поставлено всуе. Это совсем не методологическое понятие. Суть же дела в том, что здесь допускается превращение количества в качество без скачков. А это форменный механистический взгляд.

На стр. 60 дается совершенно ученическое раз'яснение термина «историко-материалистическое понимание». Историческое, мол, потому, что «оно улавливает развитие и изменчивость, материалистическое—потому, что в основе этого развития видит развитие производственных отношений, экономики». Этакими тавто-

ваниями терминов можно все «раз'яснить». Можно, например, исторический материализм свести к материализму экономическому. На самом же деле понятие «исторический материализм» ничего иного в себе не заключает, как «материалистическое понимание истории». Талмудизмом пахнет, т. Вольфсон, от ваших толкований.

На стр. 60—61 дается весьма слабая критика бухаринского понимания общества. Здесь же т. Вольфсон, стремясь опровергнуть абстрактное определение Бухариным трудовой связи, откуда-то выкопал «трудовую связь» у многих животных. С такой критикой Бухарина далеко не уедешь...

На стр. 64 утверждается: «Соединение промышленности и сельского хозяйства, постановка «обеих половинок народного хозяйства» на высшую техническую основу—такова задача социализма». Хороша «задача социализма», против которой отнюдь не возражает ни нэпман, ни кулак!

На стр. 66 с одной стороны уверяют, что «капиталистическая система в России» «недостаточно созрела для социализма», а с другой стороны считают, что созданная ею техническая база давала возможность начать насаждать социализм. С одной стороны нельзя не сознаться, с другой нельзя не признаться... так и продвигаемся с одной страницы на другую. Слабо, т. Вольфсон...

На стр. 66—67, где говорится о диктатуре пролетариата и о культуре, о сознательности и дисциплинированности и прочих условиях и «чудодейственных ключах» для построения социализма, совершенно ни слова не упоминается о социалистическом соревновании. Получается так, будто «Очерки» вышли не в конце 1929 года, а два—три года тому назад. Проморгали, т. Вольфсон...

На стр. 71 т. Вольфсон уверяет нас, что «если крестьянин, например, не произведет больше хлеба, чем ему нужно самому употреблять, то он и не будет ничего обменивать, ничего продавать». А Ленин уже 38 лет тому назад доказал, что по общему закону как раз такой крестьянин будет относительно больше продавать, чем середняк. Тов. Вольфсон имеет в виду определенную ступень в развитии товарного хозяйства, а говорит вообще. Поэтому и вообще нередко попадает впросак.

На этой же странице производственные отношения считаются «в конечном итоге» «трудовыми отношениями», что явно неверно и также явно механистично.

На стр. 72 мы узнаем, что производительные силы и производственные отношения «неразрывно связаны между собой... трудовой связью». Что это за новая «трудовая связь», уму непостижимо.

На стр. 75, по примеру Бухарина, не проводится качественного различия между идеологией и общественной психологией. На стр. 76 говорится, что на заре рабочего движения рабочие ненавидели не только класс капиталистов, но и машины. К сожалению, было только второе. На стр. 77: «Если бы в целом ряде стран не было бы политики протекционизма, политики покровительственных пошлин, то там не мог бы развиваться капитализм». Это неверно, это не материализм, не марксизм. Полукрепостническое государство могло задержать развитие капитализма и часто задерживало, но не могло остановить этого развития.

На стр. 79: «Идеями данного времени,—говорили Маркс и Энгельс в «Коммунистическом манифесте»,—всегда были лишь идеи господствующего класса». Таких пустяков Маркс и Энгельс никогда не говорили. Они говорили о господствующих идеях.

На стр. 80 говорится, что пролетариат борется с идеологией мелкой буржуазии, а не «с мелкой буржуазией как социальной массой». Неверно вообще, метафизично в особенности. Пролетариат всесторонне борется с мелкой буржуазией, перетягивая ее на свою сторону, заключая с ней прочный союз, всесторонне переделывая, перевоспитывая ее. Борется, как видим, совсем не так, как с эксплоататорами.

На стр. 91 т. Вольфсон не ухватил наиболее слабого места в бухаринском

определении классов. Именно, Бухарин рассматривает каждый класс как таковой, в его изолированности, и лишь подчеркивает момент общности внутри класса. Ленин же в самое определение класса вводит в качестве существенного момента противоположность и противоречие между классами в единой определенной общественной формации. Таким образом Ленин сосредоточивает внимание на внутреннем источнике самодвижения классового общества, Бухарин же этот источник упускает из виду и естественно вынужден искать его вне классовых противоречий, классовых взаимоотношений, классовой борьбы. В этом суть дела, каковую суть т. Вольфсон упустил из виду.

На стр. 93: «Крестьянину выгодно повышение цен на продукты сельского хозяйства». Опять «вообче», опять одностороннее «выпрямление кривой», способное вести в болото. На стр. 95: «Все угнетенные классы могут итти только за пролетариатом». Неверно; к сожалению, не только за пролетариатом.

На стр. 96 национализация земли смешивается с уничтожением помещичьей собственности. Неверно, что «ни одна буржуазная революция этой задачи не разрешила и не могла разрешить». Стыдно не знать, что Французская революция 1793—1794 гг. (конвент!) задачу уничтожения помещичьей земельной собственности разрешила блестяще. Только этим и можно об'яснить успех в дальнейшем наполеоновских войн. Слабо, т. Вольфсон.

На стр. 97: «Для марксистов экономическая борьба пролетариата неизбежно является и политической борьбой». Неверно. Тов. Вольфсон предостерегает нас: не понимайте это в смысле «экономистов». Напрасное предостережение: иначе понимать нельзя, это чистейший «экономизм». А ваши добавления—беспомощная путаница...

На стр. 98: «Хотя интересы пролетариата и крестьянства и не одинаковы, но между основной массой крестьянства и рабочим классом нет и отношений борьбы». Не «хотя... но», а «так как... то-есть...». И дальше должно быть дано раз'яснение смысла «отношений борьбы». Совсем плохо, тов. Вольфсон. Там же в пункте «Изменение классовых отношений в СССР» нэпман и кулак пропали—ликвидированы уже, что ли? Безобразно, т. Вольфсон!

На стр. 100 между коллективизацией крестьянского хозяйства и его укрупнением безоговорочно ставится простой знак равенства... Сама же коллективизация рассматривается лишь как условие использования с выгодой тракторов и других крупных орудий. На стр. 101 сущность нэпа сводится к допущению «в известных пределах... капиталистических элементов». Это во всяком случае не партийная точка зрения. На стр. 102: «В деревне эти задачи (задачи социалистического строительства на данном этапе. *В. Р.*) разрешаются с одной стороны обуздданием кулака, устранением возможности его возобладания в деревне». Для 1930 г. это совсем неверно. Но и для всего 1929 г. тоже было неверно. Уже и для прошлого года эта установка тянула назад, к 1926—1927 гг. Там же говорится, что в восстановительный период «мы в деревне стремились главным образом к восстановлению единоличного крестьянского хозяйства». Это опять-таки неверно, это искажает историческую перспективу. Никогда мы не «стремились главным образом...» к этому. Тов. Вольфсон упустил из виду такой пустяк, как кооперация, которая даже в своих элементарных формах была в восстановительный период путем к социализму. Коллективизация выросла из кооперации, а не упала с неба, коллективизация сама есть высшая ступень и форма кооперации.

На стр. 106 т. Вольфсон уверяет, что «стихийный процесс движения» рабочего класса «не ведет к цели». Неверно. Ведет. Но вместе с тем буржуазные и мелкобуржуазные влияния нейтрализуют этот процесс, притупляют его, сталкивают его с пути революции. Следовательно, этот процесс и не ведет, и ведет к цели. Это противоречивый процесс, как и всякий стихийный процесс в капиталистическом обществе. Если бы не было этого «ведет», никакая партия ничего не поделала бы. Но так как вместе с «ведет» есть и «не ведет», нужна партия, которая и осуществляет борьбу за торжество «ведет» против суб'ектов

и условий, осуществляющих «не ведет». Отрицание этого ведет к суб'ективному идеализму.

На стр. 117 неверное утверждение, будто германская буржуазия в XIX в. «смела последние остатки феодального государства». Откуда вы добываете такие новости, т. Вольфсон?

На стр. 129 говорится, что «парламент является государственной организацией классового общества, управляемого буржуазией». Не «общества», а господствующей в обществе буржуазии—и все.

На стр. 138 неверно утверждение, будто «революционные марксисты никогда не высказывались против реформы». Дело решает обстановка. Во время непосредственно революционной ситуации можно и необходимо высказываться против реформы, так как в таких условиях господствующим классам и оппортунистам выгодно подменять непосредственно революционные задачи пролетариата задачами реформационными. На стр. 139 восстание называется завершением борьбы революционного класса за власть. Неверно. Восстание есть **начало** революции, а не ее завершение. Восстание и революция не тождественны. Восстание можно (и должно) назначить, революцию—нелепо. Революция есть завершение восстания. Революция без восстания немыслима. Восстания без революции бывали в истории неоднократно. Ведь это же азбука, т. Вольфсон, и мне даже неудобно это растолковывать вам.

На стр. 148: «Пролетарское государство стремится поднять не только социалистическое хозяйство, не только государственную промышленность, но и **частновладельческое** крестьянское хозяйство, но поднять его и улучшить более или менее значительно оно может только при помощи **коллективизации**». Опомнитесь, товарищи, не смешиваете ли вы снова коллективизацию с укрупнением? Понимаете ли вы вообще, что такое коллективизация?..

На стр. 160 т. Вольфсон убеждает нас, что диалектический материализм устанавливает «в природе беспредельную изменчивость материи». Неверно, т. Вольфсон. Это только механисты ищут в природе материю. С нашей же точки зрения природа **и есть** материя. На стр. 163 неправильно говорится, что «торможение технического процесса и загнивание монополистического капитализма заключается... **не в абсолютном его регрессе**, а в задержке им развития производительных сил, в неполном их развертывании». Тов. Вольфсон забыл про империалистическую войну и про готовящиеся империалистические мировые войны. В первую мировую войну **был** колоссальный абсолютный регресс, готовится еще больший абсолютный регресс, подготавливается бешеным темпом небывалое разрушение производительных сил, гибель новых десятков миллионов жизней. Как же этого не видеть, как же не сказать об этом ни слова в пункте о реакционной роли монополистического капитализма? Задержки, неполное развертывание... А программа Коминтерна? А день 1 августа? Опять проморгали?..

На стр. 175 к слову «антисемитизм» т. Вольфсон не сумел подобрать более крепкого эпитета, чем «социализм дураков». У Бебеля может быть и было остроумно, а вот в устах большевика, да еще в наших условиях, это совсем не остроумно, а весьма плоско. В Германии, возможно (хотя и сомнительно), дело шло о «дураках». А у нас антисемитизм есть «социализм» не дураков, а кулаков и мерзавцев. Подобными остротами насчет антисемитизма, да еще в массовой книге, пропагандирующей революционную диалектику, нельзя бороться с бухаринской «Что танцуешь, Катенька? Польку, польку, маменька».

На стр. 175 мы впервые узнаем, что «пролетариат в программе своей партии... признал совесть свободной и предоставил всем гражданам полную свободу исповедания любой религии и отправления религиозного культа». Не только это «признал» пролетариат в программе своей партии и не только это «предоставил» он, совсем-совсем не только это, совсем-совсем «наоборот». Тов. Вольфсон безбожно смешал партию с государством.

Таковы крупнейшие ошибки в работе т. Вольфсона. Как видите, их боль-

ше, чем достаточно. А если сказать, что мы пропустили несколько просто крупных и десятки мелких ошибок да длинную серию контрольных вопросов, требующих лишь ответа «да» или «нет», да несистематичность, а часто и форменную чехарду в развитии важных и второстепенных положений каждой главы, то станет ясно, что общий итог этой работы не может быть признан удовлетворительным.

Работа т. Гака (две последние главы «Материализм и идеализм» и «Основные законы материалистической диалектики») отличается большей продуманностью и выдержанностью по содержанию и большей стройностью и систематичностью по форме. Наши замечания по этой части «Очерков» в основном сводятся к следующему. В пункте «Сознание—свойство особым образом организованной материи» имеются две существенные ошибки. Приведя общую характеристику канто-лапласовской теории образования солнечной системы, т. Гак дает следующее примечание: «В основном она (эта теория. *В. Р.*) остается верной и поныне, хотя и подверглась некоторым коррективам со стороны позднейших изысканий» (стр. 184). Это сказано слишком смело. Канто-лапласовская теория покоится целиком на механических представлениях XVIII в. Наоборот, теория Джинса Эддингтона с у щ е с т в е н н о отличается от канто-лапласовской, перенося центр тяжести в образовании звездных миров на самодвижение, на их внутреннее электро-магнитное движение, на излучение и химическое перерождение состава звезд. Как раз последнюю теорию и надо было привести в книжке, претендующей на то, чтобы дать основы диалектического материализма на современной ступени развития наук. К сожалению, гораздо легче декламировать на тему современные научные достижения», чем на деле знакомить массы с этими достижениями. В этом отношении «Очерки» решительно ничем не отличаются (в лучшую сторону) от остальных имеющихся у нас учебных пособий по философии марксизма. Вторая «опечатка» состоит в том, что т. Гак на ряду с правильной, дарвинистской, проводит и механо-ламаркистскую точку зрения на образование видов, хотя и употребляет дарвинистскую терминологию. Чего стоит, например, такое выражение: «и вот предки лошади... сумели приспособиться к жизни на равнинах...». В действительности «предки лошади» совсем не «приспособлялись». Их изменение произошло так же, как и превращение крылатых жуков в бескрылых, о чем говорит т. Гак. Никаких приспособительных тенденций у животных не имеется. Благоприобретенные приспособления животных под влиянием определенных условий среды, конечно, влияют на процессы наследования, но отнюдь не адэкватно. И по этому вопросу т Гак сделал бы гораздо правильнее, если бы привел хотя бы в общем виде взгляды современной генетики. Иначе получается то, что механистов-то мы бьем, а что касается связи философии с наукой, пробавляемся тем же, чем и они. Этак диалектический материализм еще не скоро покончит с метафизикой.

Наконец, в том же пункте «Сознание — свойство особым образом организованной материи», перечисляя прогрессивные формы материи, т. Гак говорит: сначала неорганический мир, потом органический, затем... «жизнь, форма существования белковых тел». Во-первых, органический мир и есть живая материя. А во вторых, «жизнь (т. е.) форма существования белковых тел»—это опять-таки натурфилософские взгляды Энгельса, стоявшие вполне на уровне науки 70-х гг. прошлого века, а в настоящее время оставленные наукой. Беда с вами, дорогие товарищи-популяризаторы наиболее передового и наиболее научного мировоззрения XX в. Ведь вы популяризируете не материалистическую диалектику, а форменное буквоедство. Нельзя же так, нехорошо, неудобно, стыдно. Хоть бы дали себе труд внимательно ознакомиться с трудами II конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений, резолюции которой вы сами цитируете...

На стр. 188 т. Гак утверждает: «... различия в свойствах различных элементов обусловлены различием в числе и в пространственной группировке этих наружных электронов». Согласие с механистами полное... Несомненно, некоторые химические свойства элементов зависят и от числа и от «пространственной группировки» наружных электронов (кстати, т. Гак называет эти электроны наружными лишь

по отношению к ядру — без дальнейших определений. В действительности они называются так не в противоположность ядру, а в противоположность внутренним, заключенным в ядре электронам). И тем не менее количественное и пространственное определение еще отнюдь не решают дела. Суть дела — в особой форме движения «электронов», в особом типе, в особой закономерности их внутренней связи, в том, что атом не только **состоит** из электронов, но он **суть** это внутреннее **единство** своих частей (электронов), которые в этом единстве вовсе не есть то, что они суть сами по себе. А кроме того т. Гак снова упустил из виду пустячок: **современные** данные о внутреннем неразрывном единстве частиц и волн, в котором, следовательно, и надо искать основу химических свойств атомов. Мало того, наука сегодняшнего дня, как бы выполняя указания Ленина, выдвигает учение о внутренних элементах самого электрона, о снятых в нем более мелких узлах. Ни о чем этом у т. Гака нет ни слова, ни намека. Необорот, он, как видим, дает такое понимание атомической и электронной теории, которое как раз и защищается с пеной у рта современными философскими реакционерами—механистами.

Далее на стр. 189 т. Гак пишет: «В свой книге «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин с большой силой настаивает на том, что философское определение материи **ничего общего не имеет** с физическим определением материи». Это невероятная дичь, т. Гак. Никогда Ленин на этом не настаивал. Наоборот, он обвиняет Плеханова как раз в том, что Плеханов в своих философских выступлениях не учитывал современного развития естествознания. Ленин в подтверждение своих философских взглядов неоднократно приводил современные естественно-научные данные, философию диалектического материализма ставил в прямую связь с естествознанием, с физикой. Физическое определение материи имеет так много общего с философским, что оно просто поглощается последним, входит внутрь его, снимается в нем. Против чего Ленин действительно выступал «с большой силой», так это против **отождествления** философского определения материи с естественно-научным. Ленин, как никто и никогда до него, неизменно и строго последовательно давал такое определение материи, которое одним ударом, так сказать, убивает трех зайцев: 1) оно разграничивает **весь** материалистический лагерь от **всего** идеалистического лагеря; 2) оно исправляет недостатки, преувеличения и увлечения домарксовского, метафизического материализма; 3) оно примиримо со всяким научно-конкретным определением материи; так как всякое конкретное определение материи, если оно претендует на научное значение, абсолютно-неизбежно должно исходить из признания ее об'ективной реальностью, существующей независимо от какого бы то ни было сознания. Поэтому невероятной путаницей является утверждение т. Гака, будто «под материей диалектический материализм понимает, **не** атомы и **не** электроны, а всю конкретную совокупность многообразных форм существования природы» (стр. 189). Не атомы, не электроны, а... Но с таким же правом всякий антимарксистский недурак добавит: не молекулы, не тела, не звезды, не воздух, не растения, не животные, не производительные силы, не и т. д.. до бесконечности, а... Получается форменная чертовщина. На деле же диалектический материализм под материей понимает и атомы, и электроны, и свет, и звезды, и органические тела и т. д. до бесконечности, т.-е. все существующее в об'ективной действительности независимо от какого бы то ни было сознания, мысли, идеи, духа.

Далее на стр. 191 т. Гак явно совершает ошибку **сведения** физиологических явлений к химическим, отождествляя, например, с последним внутреннее изменение сетчатки под действием световых лучей. Переворотом в науке является открытие (на той же странице) т. Гаком особого «органического чувства» — «чувства нашего существования, обладания телом». Интересно бы знать, в каком месте находится «центр», «заведующий» этим оригинальным чувством.

На стр. 192—193 т. Гак говорит, что «наши ощущения... сами по себе не дают нам еще **подлинного** знания вещей и процессов природы», и далее: «не чувства сами по себе, а чувства в союзе с мышлением доставляют нам **истинное** знание». Эти утверждения явно неверны. Слова «сами по себе» не спасают положе-

ния. В ощущениях отражается об'ективная истина—вот исходный пункт марксистско-ленинской теории познания. Что на этой истине человек не останавливается, что он идет дальше, выше или глубже, это другой вопрос. Не идет здесь также речь и о том, что чувства могут и обманывать. Разум тоже может обманывать. Здесь речь идет о том, дают ли, способны ли давать нам чувства подлинное, истинное, об'ективное знание. И на этот важнейший коренной в материалистической теории познания вопрос марксисты всегда отвечали и должны отвечать безусловно «да». А уже на этой основе можно и нужно итти дальше, говорить о недостаточности, односторонности и т. п. чувств. Тов. Гак явно не понимает этого и, следовательно, извращает основную посылку марксистской теории познания.

На стр. 197 проводится совершенно неправильная мысль, будто о «чужом сознании» мы можем судить лишь «на основе умозаключения по аналогии с собой». Это ничуть не отличается от утверждений на эту тему т. Сарабьянова в его вновь состряпанной в защиту философии механистов эклектической похлебки. Тов. Гак подобно механистам не понимает единства непосредственного и опосредствования, внутреннего и внешнего. Уже Фейербах знал, что сознание, чувство, мысли можно чувствовать, можно видеть, осязать, слышать—конечно, не непосредственно, а опосредствованно, на основе внешнего их выражения посредством мимики лица, взгляда, движения, голоса, пения, слова, прикосновения, знаков, письма и т. д. и т. п., — т.-е. бесконечными способами. Механисты по своему обыкновению рассматривают изолированные вещи, изолированных людей и приходят к обывательскому выводу: чужая душа потемки. А наши товарищи «очеркисты», забывая, что сознающий живой человек есть человек общественный, лезут за механистами туда же, в болото суб'ективизма.

На той же странице т. Гак ухитрился уместить еще несколько нелепостей. Чего стоит, например, такая фраза: «между тем достаточно мне перерезать слуховой нерв, чтобы колокол перестал звонить...». Форменное берклианство. И форменная сарабьяновщина. Все перепутано у вас, т. Гак. Вы желали отгородиться от наивного реализма? А отгородились вы от об'ективной истинности ощущений. Наивный реализм, отождествляющий «вещь в себе» и вещь, как она есть в ощущении, неправ, конечно. Но неправ также и механический материализм, утверждающий, что содержание ощущений разделяется на принципиально различные части. Совершенно неправ Сарабьянов, заявляющий, что наше ощущение черноты данной линейки и ощущение ее веса или прямизны принципиально различны, что в случае первого ощущения «честь и место» иероглифической «точке зрения», во втором же случае права теория зеркального отражения. Никогда ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин не становились на локковскую дуалистическую точку зрения двух принципиально отличных типов качеств. Энгельс и Ленин в особенности всегда резко и последовательно защищали монистическую теорию об'ективно верного отражения, копирования, живого, диалектического отображения об'ективной реальности в наших ощущениях. Энгельс всегда боролся против суб'ективизма и агностицизма. Ленин в особенности резко выступал против суб'ективизма и агностицизма, протаскиваемого «иероглифической» теорией познания.

Тов. Гак замазывает свое согласие с «иероглифической» теорией в гносеологии, замазывая самое существование этой теории. Тов. Гак забывает борьбу Ленина не только против «иероглифических» ошибок Плеханова, но и против всей иероглифической, эмпириосимволической теории познания Юшкевича. Тем самым т. Гак льет воду на мельницу сарабьяновщины, которая беспомощно, жалко, но с комичным видом непогрешимости барахтается между механическим материализмом и суб'ективным идеализмом.

Совершенно неправильно также поступает т. Гак, когда он свои рассуждения о пространстве и времени начинает следующей цитатой из Плеханова: «Что пространство и время... суть формы сознания, и что поэтому первое отличительное свойство их есть суб'ективность — это было еще известно Томасу Гоббсу, и этого не станет отрицать теперь ни один материалист» (Стр. 197). В этой цитате

ляет никакого материализма. Плеханов действительно часто совершенно некритически смотрел назад. Мы не принимаем целиком, безоговорочно учение Гоббса о времени и пространстве. Кроме Плеханова, мы имеем еще Энгельса и Ленина, которые вопреки Гоббсу никакой лазейки идеализму в вопросе о пространстве и времени не оставляли. И Энгельс и Ленин начинали с того, что пространство и время суть прежде всего формы материи, формы об'ективной реальности, и что поэтому первое отличительное «свойство» их есть об'ективность, материальность. Именно так вслед за Энгельсом и Лениным — не за Плехановым — ставит вопрос т. Деборин. Начинать с приведенной цитаты из Плеханова и забывать блестящую критику Гоббса, данную на основе Энгельса и Ленина т. Дебориным (см. его «Очерки по истории материализма», гл. «Томас Гоббс», — значит не только в естествознании плестись в хвосте, но и в философии сидеть в приготовительном классе. Конечно, т. Гак не стоит на точке зрения идеальности пространства и времени. Но в «учебном пособии» по диалектическому материализму мы особенно в праве ожидать строго последовательного и четкого проведения линии этого материализма, а не путаницы и оговорочек.

Следующей ошибкой т. Гака (на стр. 201) является отождествление взглядов Юма и Канта на причинность. Правильно указывая на то, что и Юм и Кант отрицают причинную, необходимую связь в об'ективно существующем мире, т. Гак вместе с тем создает впечатление, будто Юм подобно Канту признавал вообще причинную связь. Это — заблуждение, т. Гак. Это — незнание элементарных вещей, незнание того, что Кант решительно отвергает и опровергает юмистскую точку зрения «привычки», юмистское отрицание необходимой, закономерной связи «явлений». Недопустимо путать гнилой, реакционный сенсуализм и скептицизм Юма с высокопрогрессивным по сравнению с юмизмом кантианским рационализмом. Юмистское «привнесение» рассудком причинной связи в мир глубоко отлично от кантианского «привнесения», так как последнее, правда, на идеалистический лад, признает об'ективную мощь и истину мышления, первое же эту истину и силу отрицает. Кантианство произошло от юмизма путем его (частичного, конечно) преодоления. Неоюмизм, махизм, прагматизм и прочий, как выражается Ленин, конфузионизм есть шаг назад, есть попятное движение от неокантианства, есть ступень более глубокого разложения, загнивания буржуазной философской мысли. Нельзя, недопустимо по вопросу о причинности смешивать кантианство с юмизмом на том де основании, что и тот и другой стоят на точке зрения «привнесения».

На стр. 206 т. Гак односторонне утверждает, что современная буржуазия презрительно относится к теории, преклоняясь перед практикой. Это не совсем верно. В современном развитии буржуазной философской мысли имеются две тенденции — тенденция одностороннего эмпиризма, идеалистического сенсуализма и тенденция абстрактного, идеалистического, метафизического рационализма. Разрыв между эмпиризмом и рационализмом, между практикой и теорией с большим уклоном в эмпиризм и в делячество — вот общая характеристика современного состояния буржуазной мысли и культуры.

На стр. 210 проводится слишком прямолинейно, метафизически граница между теорией и историей предмета. По-видимому, т. Гак недостаточно разобрался в категориях «логическое» и «историческое». С точки зрения марксизма-ленинизма история (наука истории) предмета только в том случае заслуживает названия науки, если она теоретична. И обратно, теория должна быть историчной. Марксизм-ленинизм не признает науки истории, как просто наслоения во времени эмпирических фактов, он требует установления необходимой существенной связи. И, обратно, теория не есть сумма законов, а есть их внутренняя диалектическая и, следовательно, историческая (во времени обнаруженная и во времени реализуемая связь.

На стр. 211—212 т. Гак смешивает качество со свойством, ничего не говорит о том, что качество есть внутренняя форма, структура предмета, что качество предмета не есть сумма его свойств, его связей с другими предметами. Вообще вопросы, относящиеся к проблеме качества, т. Гак продумал недостаточно. Не-

пример, нельзя говорить, что «качественные изменения сопутствуют определенным количественным изменениям». «Сопутствие» это нечто внешнее, и это одно слово подрывает дальнейшее правильное утверждение, что всякое действительное качество количественно, а количество качественно, что они неразрывны и т. д.

На стр. 216 есть опять эклектические выражения, разоружающие марксизм перед основным современным философским ревизионизмом в нашей стране. Например, т. Гак совершенно необоснованно утверждает, что различные формы материи «не существуют отдельно друг от друга», что «всякая вещь есть совокупность указанных различных свойств и определений» (т.-е. всех известных нам форм движения). Неверно, грубейшая опечатка. Неорганические явления существуют отдельно от социальных и от явлений мышления, независимо от них, до них. Не «всякая вещь» есть совокупность всех известных нам «свойств и определений». Эти выражения есть совокупность путаницы, есть непонимание диалектического учения о развитии, о снятии форм.

Неверно также такое выражение: «к химическим явлениям относятся процессы горения, гниения, дыхания, пищеварения...» химические свойства организма: «в нем происходит обмен веществ» (стр. 216). Это чистейший механический материализм, это его теория сведения. Неверно также, что «животный организм» «являет собой совокупность свойств: механических..., физических..., химических..., биологических...». Это эклектика, а не диалектика. Что в организме имеют место все низшие формы движения — это абсолютно правильно. Но дыхание, пищеварение, обмен веществ не есть просто и только химия, перемещение человека не есть просто и только механика, тепловое состояние тела не есть просто и только физика и т. д. и т. п. Все эти формы сняты в организме, как в высшей, биологической форме. Дыхание, пищеварение, обмен веществ в организме не сводятся к химии. Органические явления не сводятся к неорганическим. Противоположная точка зрения, которую т. Гак проповедует, есть та самая точка зрения «нашего» механического материализма, сиречь философского ревизионизма которая подменяет «на деле революционно-материалистическую диалектику вульгарным эволюционизмом...», как об этом сам т. Гак сообщает на последней странице «Очерков».

Далее мы считаем неправильным такое выражение: «закон непрестанного движения и изменения относится не только к отдельному предмету, он относится к миру в целом» (стр. 219). Выражение «мир в целом» двусмысленное выражение. Тов. Гак имеет, повидимому, в виду всякий конкретный предмет, всякое конкретное отношение и процесс. В таком случае это верно. Но «мир в целом» есть также абсолютное бытие, бесконечная и вечная неразрушимая субстанция — абсолютное, независимое от сознания материальное существование, движение, изменение. В этом случае понятие движения и изменения «мира в целом» является или пустой тавтологией или нелепостью. Тов. Гак, повидимому, не знает истории философии, в частности, не знает спинозизма.

Последнее наше замечание относится к вопросу о соотношении логики диалектической и формальной. Тов. Гак своей собственной персоной прекрасно продемонстрировал ту путаницу, которая существует в нашем философском движении в этом вопросе. Обычная точка зрения, проводимая в повседневной школьной пропаганде, целиком вытекает из плехановского предисловия к русскому переводу «Людвига Фейербаха». Эта точка зрения насквозь эклектична. Плеханов делит действительность на две части, при чем в одной части господствуют законы формальной логики, в другой — законы диалектики. Отсюда, в качестве вывода, Плеханов ставит диалектическую логику рядом с формальной. Конечно, Плеханов при этом оговаривается, обставляет применение формальной логики рядом условий. И, тем не менее, даже оговоренная, обусловленная формальная логика выступает как таковая, именно как формальная логика. Формальная логика берется Плехановым как частный случай диалектической. Против такого способа выражения можно было бы и не возражать. Но вся беда в том, что этот «частный случай», это

частное берется в отношении к общему не диалектически, а опять-таки формально логически. Здесь общее, а здесь частное, здесь диалектика, а здесь формальная логика. Возникает или уничтожается предмет — диалектика. Возник или исчез предмет — формальная логика. Правда, Плеханов оговаривается: диалектика мол не утрачивает своих прав никогда. Абсолютно верно. Но отсюда следует, что формальная логика, как таковая, неверна? Нет, говорит Плеханов, иначе мы рассоримся с Аристотелем и с... Тренделенбургом. А с последним Плеханову совсем не хочется ссориться. Удивительно ли, что Ленин в качестве основного греха Плеханова выдвигает непонимание им всеобщности закона единства противоположностей, обвиняет его в том, что он берет этот закон лишь как сумму примеров. Пожалуй, с этой точки зрения у Плеханова не формальная логика есть частный случай диалектической, а, наоборот, диалектическая логика есть частный случай формальной. Именно этот вывод необходимо сделать, если всерьез отнестись к ответственнейшим высказываниям Ленина. Бояться подрыва философского авторитета Плеханова нечего. Французские материалисты, Спиноза, Гоббс, Декарт — не перестают быть великими мыслителями от того, что они метафизики. А Плеханов к тому же не просто метафизик, не только метафизик. Во всяком случае, как бы ни был велик философский авторитет Плеханова, мы не согласны, что лучшее в мировой марксистской философской литературе написано Плехановым. Мы за ленинизм, за ленинскую философию, мы за ленинские «поправки» к Плеханову. Мы согласны с Плехановым там, где с ним согласен Ленин, и должны критиковать Плеханова за то, за что его критикует Ленин. Мы не признаем самостоятельного значения формальной логики ни в чем. Формальная логика снимается, снята в диалектике, в логике содержательной, в логике конкретного, в конкретной логике. Формальная логика как истина есть не формальная логика, а момент логики диалектической. «Закон» тождества вовсе не формальный закон, а закон определенный, конкретный, диалектический и есть не более и не менее, как сторона, форма одного из выражений закона единства противоположностей. Диалектическиматериалистическое понимание и применение «законов формальной логики» не есть формальная логика, есть ее противоположность, ее уничтожение, есть вместе с тем сохранение и истинное восстановление того момента конкретного тождества, конкретного постоянства, конкретного покоя и т. п., которые были оторваны формальной логикой от диалектики бытия и мышления и односторонне и чрезмерно раздуты и абсолютизированы. Таким образом, формальная логика и уничтожается и сохраняется, т.-е. снимается в логике диалектической. Ни одного закона формальная логика не жертвует диалектике, диалектика просто-на-просто отбирает от формальной логики свою собственность — момент постоянства, и выгоняет формальную логику за дверь. Вечно живая диалектика не терпит мертвечины «абсолютного покоя» ни в природе, ни в обществе, ни в мышлении. Момент тождества в диалектике ничего общего не имеет с принципом тождества формальной логики.

Признает ли это т. Гак? Не признает... формально, так как не хочет ссориться с Плехановым, но на деле бьет нещадно и формальную логику, и Плеханова, и себя. Формальная логика, — говорит т. Гак, — имеет «лишь частичное применение, обнаруживая свое действие лишь в ограниченной определенными пределами сфере явлений» (стр. 231). А когда формальная логика не применима? Во-первых, говорит т. Гак, в случае движущегося тела, в случае простого перемещения. Во-вторых, в случае возникновения. В-третьих, в случае исчезновения. В-четвертых, в случае взаимодействия и взаимной связи явлений. Но ведь движение без материи так же не существует, как и материя без движения. Где же поэтому можно применить формальную логику? Нигде... Формальная логика целиком заострена против закона единства противоположностей, против закона тождества противоречий, против признания внутреннего источника самодвижения. Логика диалектическая и логика формальная так же не примиримы, как не примиримы диалектика и метафизика. «Ни один ум не говорит, не мыслит, не образует понятий в согласии с этим

законом (основным законом формальной логики — с законом или принципом тождества. *В. Р.*), и ни одно существование не подчиняется ему» (Стр. 232). Прекрасно, т. Гак, сейчас вы говорите вместе с Гегелем и вместе с Лениным. Но в таком случае будьте последовательны и выбросьте вон этот нелепый, неумный и несуществующий закон...

Последнее замечание. Критика механистов у т. Гака очень слаба, поверхностна, неконкретна. Ни слова не говорится о теории равновесия Бухарина. Ни слова не говорится о связи механистической философии с правыми ошибками в политике.

Общий итог. Задача, поставленная перед собой авторами «Очерков по историческому материализму», выполнена недостаточно удовлетворительно. Работа тт. Вольфсона и Гака требует коренной переработки. И чем скорее, тем лучше.

В. Ральцевич.

МАРКСИЗМ И ПРОБЛЕМЫ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ.

С. Я. ЛУРЬЕ. История античной общественной мысли. 1929 г. Гиз. Стр. 415. Ц. 3 руб. 50 к.

Проблемы античной истории в последнее время снова начинают приобретать свой актуальный интерес. Рост марксистской исторической науки и ее успешное проникновение во все почти области исторического знания ставят теперь другие новые задачи. И одной из таких является задача вторгнуться в ту область отдаленных от современной злобы дня проблем, которая еще до сих пор, к сожалению, является уделом досужих занятий только для особо избранной касты историков и филологов.

Проблемы древней истории наименее разработаны с марксистской точки зрения, поэтому задача заново проработать эти проблемы и дать им марксистское освещение перерастает в одну из очередных задач исторической науки в СССР. Нам нужно изучить древность, чтобы научиться новое отличать от старого, — говорил Маркс.

Своеобразной особенностью постановки проблем социально-экономической, как и идеологической истории древних, так называемых «классических» обществ было до сих пор то, что все эти проблемы брались в аспекте идеализации классической древности. Так было почти целиком на протяжении XIX века и в работах немецких историков, в особенности Курциуса [1]). «Вечно-радостная» Греция и «воинственно-суровый Рим» чуть ли не воспевались в различного рода приключениях и затейливых историйках их героев. «Божественность» Платона или подвиги Александра Македонского, надменная жестокость. Нерона или полная зависти поэтическая жизнь Горация, — все это как-то ставилось в центр интереса и не только изолировалось от исследований эпохи, со всеми ее особенностями социально-экономического развития, но даже подавляло и отодвигало собой последнее.

Нередко, таким образом, вся история древних Греции и Рима сгущалась исключительно почти в монографиях отдельных политических деятелей, «величие и падение» которых должно было раскрыть собою судьбы древней Греции или Римской империи.

Своеобразный, так сказать, «героико-центризм» и вместе с тем эстетизм вырастали, как метод в буржуазной исторической науке о древности.

---

[1]) Эта традиция продолжает еще сквозить и в ряде современных работ. Появились новые «Курциусы» в лице Salin'ов, Bisinger'ов, Junker'ов и др. (см их работы «Platon und die griechische Utopie»; «Agrarstaat in Platos Gesetzen»; «Marxismus und Platos Staatsidee»).

Такой подход к изучению древности не мог, конечно, долго продержаться даже в самой буржуазной науке. Как только стала проходить «золотая эпопея» капитализма и с началом экономических кризисов и социальных потрясений и общество в целом задвигалось во всех своих основных скрепах, хозяйственные проблемы и изучение начинают выдвигаться на первую линию.

И эти проблемы к началу XX в. забеспокоили уже не только предпринимателя и банкира, торговца и обывателя. Профессионалы от «чистой» науки, как историки древности и филологи, по простоте и наивности своей искренне верившие, что их область является столь далекой и чуждой интересам желудка, даже и они свою науку вынуждены была спустить с Олимпийских высот на порочную действительность.

И здесь проблемы социально-экономической истории выплыли на первую линию научного интереса.

Нам не представляется здесь места, чтобы остановиться на вопросе о том, как эти социально-экономические проблемы древности разрешаются в буржуазной историографии. Важно только отметить одно, что если независимо от суб'ективных желаний ученых в отдельных выводах и в деталях исследования буржуазная историография, может быть, и близко подходила к марксизму, то в основном она осталась чуждой марксизму и марксистскому методу.

Естественно, что даже на этом новом этапе буржуазная историческая наука не могла разрешить рядв проблем древней истории.

Проблемы происхождения, развития и гибели древних обществ, как определенного при этом типа общественной формации, попрежнему еще висят в воздухе И решающее слово здесь должно быть дано только марксистской науке.

Но если в области социально-экономических вопросов наука древности сдвинута с места даже самой буржуазной научно-исследовательской мыслью, то значительно сложней обстоит дело в области вопросов «надстроечного» порядка. Мы уже не говорим о том, что у нас еще нет такой капитальной работы, в которой была бы дана именно марксистская трактовка вопросов, связанных с формированием античных идеологий с историей общественной мысли древних народов. Нет даже хотя бы приближающейся к марксизму такой работы [1]).

Рецензируемая книга С. Я. Лурье по истории античной общественной мысли тем более обращает на себя внимание, что она претендует подойти к проблемам социальных идеологий древней Греции, именно с марксистской точки зрения.

Автор в своем методологическом введении приходит к тому положению, что в марксизме два фактора выступают в качестве основных: экономика и косная традиция. Если экономика играет всегда революционизирующую роль, то косная традиция всегда выступает в роли контрреволюционного, тормозящего фактора общественного развития. Играя такую роль, традиция, по мнению автора, способна иногда сковать живительные струи революционной экономики настолько, что общество в силу этого вступает в полосу затяжного социального кризиса. Пробка, застопоривающая общественное развитие, получается именно потому, что общество, будучи связано старыми психическими инстинктами, традициями, или, как автор называет, «рудиментом», перегружено ими в такой степени, которая не позволяет обществу свободно приспособиться к новым социально-экономическим отношениям. Весь старый багаж «надстроек» соответствовавший уже пройденному этапу экономического развития в новых условиях социально-экономической обстановки настолько — по мнению автора — тяготеет над общественным сознанием, что оно неспособно руководить новым этапом социально-экономического развития, итти в ритм ему и подниматься над ним в

[1]) Только в некоторых работах по истории социализма в отделах о древних утопиях дана марксистская установка в освещении проблем общественной мысли древних. См. раб. В. П. Волгина.

развертывании новых революционных сил. В силу этих обстоятельств общество приспособляется к новым условиям весьма своеобразным образом. В биологии этот способ известен как стоивший жизни целым видам животных, как условия, при которых совершается их вымирание. «Этот вредный, — пишет автор, — для животного вида способ приспособления, исходящий из несуществующих уже предпосылок... мы называем рудиментарно-традиционным способом приспособления» (Стр. 12 рецензируемой книги. Разрядка автора).

Именно этот способ приспособления, определил собой то положение, что «при таких условиях античное общество представляло собой больной организм, при чем исцеление, если и могло наступить, то только при очень благоприятных условиях» (Стр. 16). А что это за «благоприятные» и «неблагоприятные» условия — автор умалчивает. Предполагается, что смышленый читатель должен об этом догадаться.

Здесь не трудно видеть, что биологический принцип взятый автором совершенно механически перенесен в жизнь человеческих обществ. Автор совершенно не догадывается поставить вопроса, а почему же собственно традиция, рудимент должны были сыграть такую, но его мнению, исключительную роль в революциях древней Греции, в то время как мы знаем, что в результате революции нового времени — в Англии, во Франции, Германии и др. новые экономические отношения все-таки сравнительно легко преодолевали традиционно-рудиментарные «надстройки», чтобы консолидировать сложившийся капиталистический строй. В то же время бесспорно, что «рудименты» как в древности, так и в новое время действительно играли громадную роль. И при такой постановке вопроса слепой только не видит, что здесь дело далеко не только или вовсе не столько в роли «косной традиции», сколько именно в особенностях социально-экономической жизни древней Греции, которые только и могут здесь об'яснить, где тут der Hund begraben. Сами рудименты или традиции окостеневают и превращаются в реально-тормозящий фактор перехода общества на новую ступень лишь в том случае, когда экономические силы последнего не только неспособны преодолеть и противопоставить себя этим «рудиментам», а, наоборот, представляют наиболее благоприятную обстановку для их консервации.

А как раз такой случай мы и имеем в античном обществе. А раз так, то и таком случае все внимание должно быть переключено и сосредоточено не столько на традиции, сколько как раз на экономике и, в частности, на генезисе, столь долго занимавшей науку капиталистической проблемы хозяйственного развития древности. Это только и может дать нам ключ для понимания «благоприятных» или «неблагоприятных» условий развития древней Греции. Вот, собственно, где начинается «нить Ариадны». К этому обязывает элементарная марксистская грамота. Но автор, однако, не занимается изучением античной экономики. Поэтому в плане концепции автора рецензируемой книги не экономика, а, наоборот, традиция, психологический рудимент, приобретающий самостоятельное и самодовлеющее значение, призван об'яснить своеобразную судьбу античной Греции. «Только потому кучкам правителей удавалось в собственных интересах «вести» античное государство на путь полисной исключительности, постоянных кровопролитных войн и внутренней политики, построенной на рабстве и презрении к свободному труду, что они имели своим союзником косность общества, его многовековые психологические навыки. Эти навыки оказались сильней живых экономических потребностей: мертвые тащили за собой живых» (Стр. 25). При такой установке на исключительную роль традиции неудивительно, что наш автор ставит своей задачей в исследовании создать, так сказать, «феникс из пепла». И автор в этом придерживается следующей в основном установки: «Цель изучения рудиментарных «непрактичных», противоречащих живой экономике социальных переживаний поэтому двоякая: во-первых, мы получаем картину экономического уклада в предшествующую эпоху, во-вторых, мы непосредственно изучаем задерживающее и деформирующее влияние этих призраков прошлого на общественное развитие данной эпохи» (Стр. 18).

При всей осторожности автора не впасть в «вульгарный» исторический материализм (см. прим. на стр. 9—10), однако нетрудно видеть, как он, поскользнувшись на вопросе о роли и месте традиции, как фактора, ударяется в другую крайность, которая побуждает его формальный метод ретроспективного реконструирования считать за единственно-возможный способ изучения древних обществ. Нечего и говорить, что претензия на марксизм здесь очень слабо увязывается с возвращением к методу Геродота и Фукидида. Поистине «не всякий говорящий господи, господи, да взыдет в царство небесное».

Комплекс вопросов, взятых у автора для исследования об античной общественной мысли, можно разделить в основном в три основные группы: I—Характеристика социального законодательства в древней Греции (Солона и Писистрата в особенности). II—Анализ свойственных полисной обстановке теорий «филономизма» и «сотономизма». И, наконец, III—особо важный на наш взгляд анализ сакрально-этнологических корней античного социализма (Платон, Евгемер, Ямбул и т. д.).

1. При изложении социального законодательства автором проводится та оригинальная мысль, что ряд общественных установлений в древней Греции являются рудиментами, которые хотя и сохранились до позднейшего времени, но носят на себе все следы их первоначального (первобытного) значения. Чтобы вскрыть весь смысл их номинального и несоответствующего экономическому порядку поздней эпохи существования, нужно обратиться, по мнению автора, к этнологической науке, и тогда будет понятно как их происхождение, так и условия, при которых они смогли так долго сохраниться. Оказывается, ряд первобытных народов также сохранили такие учреждения, при чем эти народы имеют даже в мелочах ряд поразительных совпадений с «рудиментарными» учреждениями древней Греции. На это отмеченное еще в XVIII в. обстоятельство как-то очень мало обращалось внимания. И только последние исследования Дж. Гарисcона, М. Нильсона, Г. Шурца подтвердили это снова и теперь заставляют нас видеть,—говорит наш автор,—в основе общественной жизни древних греков те самые установления, которые возникли, как и у других народов, в эпоху «союзов мужчин» (Männerbünde) и деления на «возрастные группы» (стр. 23—31). Остатки установлений от эпохи Männerbünde и сохранились в древней Греции в виде непонятных для нас рудиментов [1]).

Общественный строй эпохи «союзов мужчин» характеризуется коммунистическим порядком, половым промискуитетом, казарменной обстановкой жизни, делением мужчин на возрастные группы, которые только позднее в силу имущественного роста одних групп над другими привели к классовой дифференциации. Эта эпоха даже идеализировалась древними авторами как «золотой век» Кроноса,—настолько она была популярна в народных массах.

Автор рецензируемой книги, ссылаясь на найденные им в Милете, в Греческой Италии остатки Männerbünde, приходит к выводу, что эти союзы мужчин в маленьких изолированных общинах «были некогда господствующей формой государственного устройства на всей той территории, где мы впоследствии находим типичные государства-города, т.-е. на берегах и островах Эгейского моря» (стр. 34). И вот все те архаические установления, полисная психология и традиция, которые тяготели над греческой историей позднее, были наследием, по мнению автора, именно культуры «союзов мужчин». Во всяком случае в происхождении аристократии (в господстве группы мужчин), в сохранении геронтократии (господства возрастной группы стариков), в «пританеях» (мужские обеденные дома) и, очевидно, в критских и спартанских сисситиях автор видит безусловные рудименты этой культуры.

И в дальнейшем, когда старые общины под влиянием новых экономических

[1]) Этого взгляда, правда, не получившего своего развития, придерживался в известной мере и Р. Ю. Виппер. См. его «Историю Греции в классическую эпоху» М. 1916 г.

условий разлагались и на смену аграрных отношений выступали денежные, то социальное законодательство должно было путем установления новых норм приспособить общество к сложившемуся порядку вещей, развязывая таким образом новые экономические отношения от старых преград и рутины. Но вот эту-то роль ни Солоново законодательство, ни радикальные реформы Пизистрата и др., как оказывается, и не могли выполнить, ибо они шли, по мнению автора, именно, путем «рудиментарно-традиционного приспособления», сами законодатели оказались во власти традиции и рутины, или, как говорит автор, «косной юридической фикции» Поэтому—«важнейшие реформы Солона были не только на словах, но и по существу восстановлением старых законных норм, не соблюдавшихся под влиянием новых экономических условий. Реформы Пизистрата представляли уже революционную ломку, но проводились, повидимому, тем же способом... Этот способ в науке носит название консервативной юридической фикции и состоит в том, что каждая новая мера представляется не как реформа (чем она действительно является), а как восстановление закона, существовавшего в древности, но давно забытого или искаженного злыми людьми — в данном случае хищной аристократией. В эпоху Пизистрата с этой целью был... сочинен или разукрашен рассказ о древнем царе Фесее, который оказался творцом афинской демократии... Равным образом подчеркивалась теперь... демократическая эпоха Кроноса» (стр. 163—164). В результате получается вывод, что, так как и Солон и Пизистрат в своей законодательной деятельности апеллировали к старым законам и установлениям, что являлось своеобразной реминисценцией эпохи Männerbünde,—то в результате законодательство не смогло приспособить общество к новым условиям. Спасти мелких аграриев, несмотря на всяческое старание, было невозможно, и, наоборот, помимо воли самих законодателей росло крепкое крестьянское кулачество. Социальное законодательство своим романтизмом только тормозило общественное развитие древней Греции в поворотные этапы ее истории.

Вряд ли такое об'яснение неудачи социального законодательства в древней Греции «консервативной юридической фикцией» можно признать марксистским. Зависимость между «консервативной юридической фикцией» и социальным законодательством была как раз обратной. Нам думается, что именно отсутствие исторически действенного класса и неспособность какого бы то ни было класса, который бы при тогдашних экономических противоречиях (VI—IV вв.) мог бы разрешить проблемы общественного развития, да еще путем социального законодательства, толкало и законодателей (агентов господствовавшего класса) и массу в целом (пролетаризированный класс мелких аграриев) одинаково во власть этой «косной фикции», «рудимента» и позднее к реакционному романтизму греческих утопистов. Именно своеобразная экономика должна нам об'яснить как своеобразную политическую импотенцию тогдашних классов, так и характерный для социальной мысли греков возврат их к идеалу отцов (πάτριος πολιτεία) или «к золотому веку Кроноса». Экономика же и классы у нашего автора выпали. В этом основной порок первой части работы С. Я. Лурье.

II. Интересную часть рецензируемой работы представляют главы с VII до XI, где дано описание и анализ руководящих идей в античной общественной мысли. Общественные теории, нравственные идеи и характер религиозности у античного грека были издавна предметом особого восторга у буржуазных исследователей. Но в редких работах можно было встретить серьезное изучение генезиса древних теорий. Если это и встречалось, то обычно эти теории, нравственные постулаты и религиозные идеи древних греков втискивались в определенные рамки скрижали, и чуть ли не скрижали Саваофа; все же то, что в эти рамки не входило, отбрасывалось, как крамольное и даже потомству с назиданием [1]).

[1]) Взять хотя бы работы Ф. Зелинского, который уже у древних греков сумел найти и христианские заповеди, и православную мораль, и все «прочее», чем богат сам Зелинский и чем он теперь, находясь в белой эмиграции, делится с кафедры Варшавского университета.

«Должны лишь в ад и папу верить мы и повторять не думая псалмы» (Вольтер). Нужно отдать справедливость автору, что он совершенно далек от этого и пытается по-марксистски подойти к вопросу.

Заслуга автора состоит в том, что он пытается увязать развитие античной мысли с социально-экономической обстановкой древней Греции. Все общественные взгляды и теории делятся в основном на филономические и онтономические. «Филономизм» представляет собой такую систему, которая обнимает собой все политические взгляды, выросшие на почве устоев древне-греческой общины, натурального хозяйства, политической замкнутости общины и спаянности ее членов. Греческий «полисный» патриотизм, авторитарность государства, абсолютное подчинение личности общине, — вот основные элементы филономических теорий. Весь этот комплекс взглядов увенчивается своеобразной религиозной традицией, связанной с культом рода и предков. Идея покровительства предка над родом и всеми его сородичами, идея отдельного и особого для каждой общины бога, охраняющего род и его интересы и мстящего нарушителям их, тесно увязывались и со всей системой филономической эсхатологии. «Поскольку в христианстве основной догмой является тесная непосредственная связь между отдельным человеком и богом, постольку же основой филономической системы была такая же непосредственная интимная связь между человеком и его родным государством, и культ предков был именно тем мистическим ферментом, который питал и поддерживал это чувство, как питает и поддерживает христианскую мораль вера в загробную жизнь» (стр. 195). Вера же в загробную жизнь у грека отступала на второстепенный план перед его культом предка, осуществляемого в форме непосредственной и живой связи с родом.

Как известно, социальное мышление такого направления нашло наиболее яркое свое выражение в теориях Платона, Еврипида, Антифонта (оратора) и др.

Автор подчеркивает, что, несмотря на разложение древних устоев греческих городов и развитие новых отношений, старое социальное мышление—филономизм—продолжает еще тяготеть над дальнейшим развитием греческой истории и до самого конца V в. Опять непонятно, что же способствовало сохранению этой традиции (полисной исключительности, в особенности) в условиях развивающихся новых экономических отношений (денежное хозяйство). Опасность вульгарного материализма пугает автора очевидно настолько, что он не рискует в вопрос заглянуть поглубже, а потому и теряет почву для какого бы то ни было марксизма. Не говоря уже о том, что в результате такой «методологии» автором почти совершенно выхолащивается классовое содержание этого типа социального мышления (филономизма).

Что же касается онтономических теорий—детища нового социально-экономического порядка (денежные отношения—VI—IV вв.),—то они, как правильно замечает автор, нашли свое выражение, главным образом, в пропаганде софистов и особенно в анархической теории Антифонта. Индивидуализм, отрицание государства, старой морали, провозглашение права сильного, апология собственности и вместе с тем рождавшийся космополитизм—все это в противоположность старому филономизму обнимает собой новые концепции социального мышления—онтономизм. Но здесь, как и почти везде, не ставится автором вопроса—почему же все-таки эти новые онтономистические теории не могли преодолеть старые, каков был тот социально-экономический процесс, который даже при новых хозяйственных и социальных отношениях не мог обеспечить победы этим теориям, как более соответствовавшим новым отношениям и социальному мышлению. Не говоря уже о том, что здесь совершенно упускается из виду изучение той классовой расстановки сил, которая определила собою модификацию филономического мышления в онтономическое. Совершенно очевидно, что именно эти проблемы должны были приобрести особенный интерес марксистской исторической науки. Но и на эти вопросы ответа не последовало.

III. И последняя группа вопросов, которые в постановке автора приобретают новое освещение — это, в сущности, вопрос о социальных корнях античного социализма.

В момент развертывания и особого напряжения классовой борьбы в конце V и начале IV в. характерной особенностью общественного сознания древних греков было то, что оно разбивается по различным группам. В ответ на социально-экономическое разложение Афин наблюдается различная реакция различных классов и в различных формах. Тут и «аполитизм» Сократа, анархизм Антифонта, тут и интеллигентские прожекты в виде социалистических утопий Платона, Евгемера, Ямбула и др. Автор вполне добросовестно излагает все эти направления.

Автор много места отводит также критике старых взглядов Р. Пельмана о предпосылках и характере античного социализма (стр. 288—316).

В результате этой критики ни на чем не основанные взгляды Р. Пельмана, сумевшего и на Платона надеть каску прусского юнкера, а на Гогенцоллернов мантию мудрых стражей идеализируемого Платоном государства—отпадают теперь совершенно. Целиком и последовательно (на этот раз действительно по-марксистски) опровергаются модернизированные представления об якобы имевшем (по Пельману) место в древней Греции движении свободных рабочих, о забастовках в современном смысле слова, о наличии античной социал-демократии и идеях социализации производства на основе обобществленного труда. Весь этот жуткий вымысел Пельмана автор шаг за шагом отводит и приходит к следующему основному и совершенно правильному выводу, что «если бы в древности и были созданы социалистические системы (в нашем смысле этого слова· *А. М.*), то они не нашли бы в античном обществе такого класса, который обладал бы сознательной волей к проведению этих систем в жизнь» (стр. 297). Автор только не заостряет, к сожалению, внимания на том, что отсутствие именно такого класса снимает и всякую возможность появления подобных систем в древней Греции.

Однако что же лежит в основе тех социальных утопий, которые тем не менее в истории античной общественной мысли занимают столь видное место?— В этом вопросе рецензируемая работа выставляет свою оригинальную теорию. Привлекая материалы этнологической науки и, в частности, заслуживающие большого внимания выводы Фрэзера о роли так называемых «кроний» и «сатурналий» в древности—автор развивает положение, что «для античной легенды о «социалистическом рае» было достаточно корней в традиции» (Стр. 41). Миф «о золотом веке» Кроноса, легенды и ритуал, унаследованные еще от эпохи «союзов мужчин» (Männerbünde) с их первобытно-коммунистическим бытом являлись для позднейшего времени и в моменты напряженной классовой борьбы в особенности почвой для своеобразной реминисценции этих традиций в социальных утопиях. И в особенности в античных комедиях. Отмечая, что любимым сюжетом комедии древних авторов было изображение чествования богов в действе, автор «Истории античной общественной мысли» находит тесную связь этих комедий с сатурналиями в честь Кроноса и Диониса. Вместе с тем здесь подчеркивается (см. стр. 320), что проникнутые сакрально-ритуальным социализмом картины античных комедий были очень популярны в афинских народных массах и что не раз этот социализм выставлялся как бы знаменем в социальной борьбе. Так представляется роль традиционного источника в формировании «социалистического» утопизма комедий.

Возможно, что в известной части это и так, но путь доказательства такого вывода еще не убеждает нас в безусловности этого положения. Вместе с тем, эта догадка реальна, и возможно, что античная комедия действительно носила на себе следы ритуального происхождения и являлась соответствующей литературной обработкой мифов и легенд, лежавших в основе различного рода праздников типа сатурналий.

В происхождении же социалистических учений на ряду с этим моментом играла еще, по мнению автора, большую роль идеализация старых государственных

учреждений и обычаев (стр. 328). Если античное общество за период VI—IV вв., «сбрасывавшее с себя цепкие щупальцы старой казарменной обстановки», выдвигало на передовую линию идейной борьбы анархистов,—то вздыхавшие по «старому доброму времени» реакционеры цеплялись «за социализм», за старые полукоммунистические устои жизни, как «за действительнейшее средство для проведения своей реакционной программы» (стр. 328). «Античные социалисты видят в первобытной эпохе господства божественного закона... период безмятежного, никем не омрачавшегося счастья», опираясь при этом... на народную легенду... Таким образом греческие социалистические утопии восстанавливают те общественные отношения, которые уже были изжиты к началу VI в. и восстанавливают иногда настолько, что дают нам ключ для понимания ранне-греческой истории (стр. 329). Автор подтверждает это положение на примере анализа утопий Платона, Евгемера и Ямбула [1]).

При этом безусловном влиянии «рудимента» на общественную мысль опять-таки у автора выскользает анализ социально-экономической обстановки, которая только и могла показать нам и об'яснить как живучесть этих «рудиментов», так и их своеобразную трансформацию в античных комедиях и социальных утопиях. При методологической же установке автора традиция наделяется всеми свойствами мистического фермента, скрывающего от нас действительность с ее экономикой, классами и политикой. Этот органический дефект поэтому и не позволил автору дать об'яснение месту и роли традиции как фактору вообще, так и в социальной жизни древней Греции в особенности.

В заключение несколько выводов.

Работа С. Я. Лурье дает нам совершенно новую постановку проблемы античной истории, но отнюдь не марксистское их решение. Роль традиции как тормозящего фактора на примере некоторых моментов истории древней Греции отмечена описательно и верно, но здесь еще не дано генезиса этой роли.

Вот почему работу С. Я. Лурье еще нельзя назвать последовательной и марксистской работой. Исследуя те или иные моменты истории древней Греции и наделяя «рудимент»—«традицию» ролью двигателя, самостоятельно дающего истории «ход назад», автор забывает, что для этой роли «рудимента» (действительно так резко сказавшегося на истории древних обществ) были свои причины, всеми своими корнями уходившие в социально-экономическую жизнь древней Эллады. И только анализ этой жизни может об'яснить нам, почему Солоново законодательство и реформы Писистрата, несмотря на их известный радикализм, проводились именно под традиционными лозунгами и в то же время привели как раз к прямо-противоположным результатам. Только классовая борьба и социальная значимость идей, выступавших в развитие лозунгов этой борьбы, может подвести нас и к пониманию причин устойчивости традиционных физиономических теорий древних греков. И, наконец, только тот социально-экономический маразм, который обнажил неспособность ни одного из классов в древней Греции держать власть в своих руках и руководить обществом,—может об'яснить нам рецидивы старого, сакрально-ритуального социализма и вообще идеализацию строя старины в утопиях древне-греческих мыслителей. Но очевидно, что уже эти невыясненные вопросы должны быть формулированы и разрешены только как очередные задачи для марксистской исторической науки. Автор рецензируемой книги, в формулированной им проблеме «традиции»—«рудимента», только поставил эти вопросы, но марксистского их решения дать не мог, ибо подошел к ним с заведомо немарксистской точки зрения. Роль традиции как фактора развития древних обществ получила в плане концепции автора неправильное освещение. Марксистская наука и критика должна поставить своей задачей дать правильную, т.-е. подлинно марксистскую, разработку

[1]) Кстати, при разборе первых двух утопий остались, к сожалению, неиспользованными новая работа B i s i n g e r'a «Agrarstaat in Platos Gesetzen», 1925, и статья Г. М. П р и г о р о в с к о г о («Труды Института истории», т. I).

всех этих вопросов, связанных с формированием и развитием древних докапиталистических обществ. Задача вторгнуться в область античной истории, являющейся едва ли не главной твердыней идеалистической школы, становится одной из очередных и актуальных задач марксистской исторической науки. И книга С. Я. Лурье заставит несомненно посильнее напрячь внимание и насторожить ухо марксистов к проблемам развития древних обществ.

А. Мишулин.

BRONISLAV MALINOWSKY. **Sex and Repression in savage Society.** London, K. Paul Ed., 1927, p. 285. Cont. I part. The Formation of a complex. II part. The Miror of Tradition. III part. Psycho-analisis and antropology. IV part. Instinkt and Cultur. Лондон, 1927 г. (Содержание: I ч. Образование комплекса. II ч. Зеркало сказаний. III ч. Психоанализ и антропология. IV ч. Инстинкт и культура).

Огромный фактический материал, накопленный современной этнологией и родственными ей науками, все с большей настойчивостью требует синтетического истолкования. И культурно-исторической школе, сменившей эволюционистов, и американской описательной школе (Boas, Lowie, Hankins), и англичанам, колеблющимся между первыми и вторыми, до сих пор это плохо удается. В поисках за методом, могущим служить орудием подобного синтетического познания, многие буржуазные социологи обратились к психоанализу, приобретающему в последние годы широкие симпатии среди ученых кругов Запада. Эта волна увлечения докатилась и до этнологии. Малиновский, автор, широко известный и за пределами Англии, пытается в рецензируемой работе перекинуть мост между этими двумя областями мысли. По своему собственному признанию он принадлежал раньше к числу глупцов, высмеивавших психоанализ, не дав себе труда изучить его как следует, но затем он счастливо уверовал в гений Фрейда и даже отправился в далекую Меланезию в поисках за первобытными невротиками, при помощи которых он надеялся пролить свет на сложнейшие проблемы доистории. Прожив несколько месяцев на острове Тробрианде, в непосредственном общении с природой, и убедившись к своему величайшему разочарованию, что чернокожие аборигены наслаждаются полным душевным равновесием, Малиновский вернулся в old merry England, где и написал свою очень интересную книгу, послужившую об'ектом настоящей рецензии.

В своем исследовании Малиновский ставит перед собой следующую проблему: конституция семьи меняется вместе с изменением культурных и общественных форм, меняется состав, способы наследования, счет родства, названия и классификация родственников, брачные церемонии, следовательно должны меняться склонности и влечения членов семьи, должен меняться и нуклеарный комплекс. Каково взаимоотношение этих элементов: комплекса и общества? Могут ли все формы семьи, общества, материальной культуры, мифологии, религии быть выведены из Эдипова или какого-либо другого психологического комплекса? Короче говоря, каково отношение фрейдовского бессознательного в частности и инстинктов вообще к культуре, к историческому развитию человечества?

Приступая к разрешению проблемы, Малиновский сразу афиширует свой «ревизионизм». Он отнюдь не считает себя ортодоксальным последователем Фрейда. По его мнению, Эдипов комплекс вовсе не является ключом, открывающим двери познания. Сфера его действия ограничена кругом патриархальных народов, а попытка об'яснить при его помощи матриархальный строй обречена на неудачу. (р. 144). Но этим его разногласия с ортодоксальной психоаналитической школой не исчерпываются. Они гораздо глубже. В то время, как Фрейд и его ученик

Jones утверждают, что «в Эдиповом комплексе совпадают начала религии, нравственности, общественности и искусства» (Фрейд, Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии, Гиз, стр. 165), Малиновский приходит к противоположному выводу. Сравнив патриархальную семью современной Англии с патриархальном строем туземцев Тробрианда, он показывает, что «теория Фрейда не только соответствует человеческой психологии, но что эта последняя следует изменениям в человеческой природе, причиняемым различными строениями общества. Другими словами, я устанавливаю глубокую корреляцию между типом общества и нуклеарным комплексом, находимым в нем» (p. 81). Поэтому задача исследователя заключается вовсе не в том, «чтобы предполагать универсальное существование Эдипова комплекса, но в том, чтобы изучать каждый тип цивилизации и установить соответствующий ему специальный тип комплекса» (p. 82). Сходные мысли Малиновский повторяет неоднократно. Если вдуматься в них, то станет очевидным, что отрицание универсальности Эдипова комплекса представляет сравнительно второстепенный момент. Суть дела заключается в том, что социальные условия определяют психологическое содержание нуклеарного комплекса, а не нуклеарный комплекс определяет социальные формы, как это выходит у Фрейда. Например, в матриархальных условиях Тробрианда основной конфликт возникает не между сыном и отцом (Эдипов комплекс), а между сыном и братом матери, так как молодой человек хочет жениться не на матери, а на сестре, и убить брата своей матери, мешающего осуществить это намерение. Но в то же время он уважает его, как представителя власти, старшего в семье (p. 80—81). Но не эта амбивалентность чувств создала матриархальную организацию Тробрианда, а, наоборот, матриархальная организация обусловила подобную направленность эмоционального конфликта. В противовес Фрейду и Jones'y Малиновский становится на стихийно-материалистическую позицию. Более того, он уничтожает всякое методологическое значение психоанализа для социологии. В самом деле, если пресловутый нуклеарный комплекс не только не обусловливает социального развития, но сам является его продуктом, то изучать необходимо именно это социальное развитие; психоанализ же остается вспомогательным средством, при помощи которого можно уловить лишь некоторые черты индивидуальной или общественной психологии. От универсально-социологических претензий Фрейда и его учеников это более чем далеко.

Мы думаем, что Малиновский стал на правильный путь. Трудно отрицать вовсе наличие в человеческой психике целого ряда влечений и желаний, подавляемых существующими социальными запретами, но все сохраняющимися в подсознательном, латентном состоянии. В этом отношении работы Фрейда не лишены интереса для марксизма. Но следует определенно сказать, что не подобный комплекс создает общественную конституцию, психологию, религию, искусство, но, наоборот, общественная среда создает и формирует комплекс [1]). Психоаналитический метод, в некоторых своих частностях, может служить средством познания индивидуальной психики, но и то только при условии признания примата общества над комплексом. Малиновский, идя по этому пути, высказывает ряд ценных мыслей.

Фрейд видел в убийстве отца молодыми людьми первобытной группы «величайшее событие, с которого началась культура»... ибо благодаря ему возник Эдипов комплекс. В противовес ему Малиновский полагает, что культура не могла возникнуть наподобие револьверного выстрела, — это был постепенный процесс, отнявший массу времени. Но этим его возражения против Фрейда не исчерпы-

---

[1]) Мы оставляем в стороне вопрос о содержании комплекса и границах его влияния; несомненно, Фрейд в этом отношении заходит слишком далеко. Условимся понимать под ним совокупность привычек и инстинктов биологического происхождения, тормозимых существующими общественными нормами.

ваются. Фрейд относил убийство отца к до-человеческому, животному состоянию предка, положившего этим революционным актом начало всякой культуре. Малиновский указывает, что в животном состоянии отсутствовали всякие социальные запреты, ставящие препятствие желаниям молодых людей, а следовательно, не мог образоваться Эдипов комплекс, являющийся продуктом амбивалентных чувств. Только культура, создающая различного рода правовые и социально-религиозные ограничения действий, ставит подобные преграды и, следовательно, стимулирует образование самого Эдипова комплекса. «Мы видим,— говорит наш автор,— что теории Фрейда и Jones'a пытаются об'яснить происхождение культуры процессами, которые предполагают существование культуры, т.-е., вращаются в порочном кругу» (p. 153). Тут Малиновский варьирует свою вполне справедливую мысль о примате общества над нуклеарным комплексом, исходя из которой, он отвергает психоаналитическое об'яснение генезиса, тотемизма, экзогамии, анимизма и т. д.

В то время как для Фрейда и его ортодоксальных последователей комплекс является, если не чем-то биологическим, то во всяком случае до-социальным, Малиновский видит в нем продукт культуры. По его мнению, «капитальная ошибка гипотезы Фрейда, как и всех прочих умозаключений о ранних формах семьи, состоит в игнорировании различия между инстинктом и привычкой (habit), между биологически обусловленной реакцией и культурным приспособлением (adjustment)» (p. 275). Если едва ли можно признать это основной ошибкой психоанализа,—таковая заключается в идеалистической установке, если говорить о философии в неправильном отождествлении способа мышления дикарей и невротиков, если говорить об этнологии,—то все же мысль Малиновского вполне приемлема для марксиста, несмотря на свою абстрактность. Переведенная на язык физиологической школы, она гласит: поведение человека определяется социальной средой, а не... комплексом Эдипа. Мы еще раз спрашиваем читателя: какова ценность психоанализа для социологии? Признаться, мы ее не видим. Социология не нуждается в психоанализе, хотя психоанализ нуждается в социологии, и если, тем не менее, Малиновский заявляет, что его книга есть попытка сочетания антропологии и психоанализа (p. 136), то это противоречит фактическому положению дела; его книга есть скорее попытка опровержения психоанализа, как социологической доктрины.

Четвертая часть книги, озаглавленная «Инстинкт и культура», пытается выполнить поставленную задачу на более широкой основе, т.-е. решить вопрос о соотношении между социологией и биологией.

По своим историко-философским взглядам Малиновский принадлежит к числу основателей так называемой «функционалистской» школы в антропологии. Он полагает, что спор между эволюционизмом и культурно-исторической школой уже потерял свою остроту. В настоящее время дилемма гласит: функциональное или каузальное понимание истории? Вместе с Ратклиф-Броуном и Турнвальдом он рассматривает культуру, как живой организм, все части которого находятся в постоянном взаимодействии, но ни одна из них не является определяющей. Всякую каузальную точку зрения, всякую попытку найти причинную последовательность он квалифицирует как метафизику (p. 139, 191, 182). «Чрезвычайно важно показать, какие из числа различных факторов культурного развития играют роль в процессе: как они производят психологические модификации человеческих задатков, и каким путем непсихологические элементы могут влиять на эти задатки. А так как факторы культурного развития переплетаются и существенно зависят друг от друга, и так как мы не знаем и не можем показать последовательности их развития, ибо во всякую спекуляцию о первоэлементах входит некая доза нашего интеллектуального контроля, то мы можем познать лишь соотношение факторов, углубляющих наши знания» (p. 180—181). Пытаясь опровергнуть причинное понимание истории, Малиновский приводит поразительные по наивности

аргументы. Конечно, отделить действовавшую когда-то причину от существующего теперь следствия возможно только логически, при помощи абстракции, но ведь всякое научное познание предполагает участие «интеллектуального контроля» и даже чистый идеограф, ползучий эмпирик, не может спастись от абстракции. Нельзя сказать, чтобы они отсутствовали и у Малиновского. У него не хватает только научно-проверенной и обоснованной методологии и философии. Он выступает перед нами, как сторонник той самой пресловутой теории факторов, о которой Лабриола справедливо сказал, что «она представляет собой нечто гораздо меньшее, чем наука, и гораздо большее, чем грубое заблуждение». Социология Малиновского насквозь эмпирична и сохраняет декорум учености, только среди беспорядочного хаоса фактов. При первой же попытке осмыслить теоретически, она натыкается на ряд логических затруднений и тупиков, ибо, раз возникла теория факторов, необходимо должны начаться споры о том, какой фактор нужно признать господствующим» (Плеханов, т. VIII, стр. 244).

Пытаясь применить свою теорию на практике, Малиновский допускает наличие постоянной координации между факторами, изучение которой необходимо социологу. «Если культурные процессы обнаруживают наличие постоянных влияний нескольких факторов, то мы можем предположить, что эти же факторы контролировали и происхождение культуры» (p. 181). Таким фактором, в постоянном и вечном существовании которого Малиновский не сомневается, является семья. В социологии приходится часто встречаться с термином «стадный инстинкт», якобы сколачивавший первобытную пра-человеческую группу. Малиновский начисто отрицает существование такового. Надо различать между животным, стадным (gregariousness) инстинктом и sociality человека. Последнее суть продукт длительного общественного и культурного развития. И только семья является группой, заимствованной человеком от животного, ибо она базируется на вечных биологических инстинктах. Конечно, при переходе от биологического к социальному она претерпевает глубочайшие изменения. Поэтому «the familyas the cradle of nascent culture» (p. 184—188). «В первобытном обществе индивидуум строит все свои связи по типу отношений к отцу и матери, брату и сестре». Если все социальные отношения не могут быть сведены к до-человеческой стадности, то они могут быть выведены из развития тех отношений, которые человек сохранил еще от своих животных предков: отношение между мужем и женой, между родителями и детьми, между братьями и сестрами, короче говоря — отношений недифференцированной семьи» (p. 223). Семейная группа, послужившая колыбелью всего человеческого развития (ср. P. W. Schmidt, «семья... есть колыбель всего общественного развития человечества», «Völker und Kulturen», t. I, S. 149), была ядром, из которого развились все прочие, более широкие общественные организации: род, община, племя, государство. Такова социологическая концепция Малиновского, чрезвычайно характерная для современной буржуазной этнологии. Против нее можно возразить многое. Человек есть общественное животное—общественное не по прирожденному инстинкту, но в силу необходимости, сгонявшей его в борьбе за существование в широкие группы или орды, превосходившие своими размерами семью. Основой такой орды являлась не кровная связь, но трудовая кооперация. Сравнение с антропоидами мало что говорит, ибо последние суть вероятно дегенерировавшие потомки видов, вытесненных предком человека в борьбе за существование и возможно, именно, вследствие своей ассоциальности. Далее моногамная семья, приоритет которой, по сравнению с более широкими формами общежития, отнюдь не доказан еще фактически, покоится также не на животных, или биологических, не на кровно родственных, а на экономических связях. «Брак есть нечто большее, чем урегулированная половая связь, — верно замечает Вестермарк, — это есть экономическое учреждение». В общем этой же точки зрения придерживался и Малиновский в своих ранних работах. Она проскальзывает у него и в настоящей книге.

Поэтому его ссылка на кровно-родственные, от биологического предка заимствованные связи, как на основу семьи — так же мало основательны, как ссылка на врожденный «социальный» или «стадный» инстинкт. Таким образом, Малиновский, отвергнувший вполне законно учение Фрейда, остается у разбитого корыта, ибо его собственная теория приоритета моногамной семьи отнюдь не решает проблемы взаимоотношения культуры и инстинкта, социологии и биологии. Об'являя моногамную семью вечной и естественной категорией, современная буржуазная социология в сущности переносит на всю историю обыденные формы современного общества. «Она ограничивается тем, что педантски систематизирует затасканные и самодовольные представления буржуазных деятелей производства о их собственном мире — лучшем из всех миров — и об'являет эти представления истинными и вечными». Эти слова Маркса, сказанные совсем по другому адресу, великолепно подходят к современной исторической науке, начиная от В. Шмидта и кончая Допшем, апологетическая природа которой становится все более очевидной.

Книга Малиновского иллюстрирует тщетные поиски методологии социальных наук, при помощи которой можно было бы овладеть накопленным материалом. Несмотря на пристрастие автора к психоанализу, она великолепно показывает, что последний для этого так же мало пригоден, как и функционалистская эклектическая теория исторического процесса. Она показывает лишний раз, что единственный путь к правильному пониманию общественных явлений—материалистическое понимание истории—закрыт для буржуазной социологии, а вместе с ним закрыт и путь к синтетическому пониманию—до-истории. И тут будущее принадлежит марксизму!

А. Золотарев.

ЗАОЧНО-БИБЛИОТЕЧНЫЕ КУРСЫ ПО ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИМ ДИСЦИПЛИНАМ. Изд. Бюро заочного обучения при Педагогическом факультете II МГУ.

1) **Предмет и метод современной психологии.** Под редакцией Л. С. Выгодского. Ц. 2 р. 50 к. 191 стр.

2) **Естественно-научные предпосылки психологии.** Под редакцией К. Н. Корнилова. Ц. 1 р. 50 к. 116 стр.

3) **Элементы дифференциальной психологии.** Под редакцией К. Н. Корнилова. Ц. 1 р. 88 стр.

В длинном списке грехов эмпирической психологии имеется и библиотечная графа. Она рассказывает о том, как эмпирическая психология не в состоянии была дать сколько-нибудь точные указания библиотекарю в его работе по руководству массовым читателем. Такова, напр., библиопсихология Рубакина. Она исходит из абстрактных положений о мыслях, чувствах и стремлениях изолированного человека. Книга, по Рубакину, служит лишь в о з б у д и т е л е м мыслей, чувств и т. д., а не п е р е д а т ч и к о м мыслей и чувств одного человека другому.

Об'ективного содержания книги как таковой никто из читателей вполне точно и определенно знать не может. Совсем по Маху утверждение Рубакина, что книга есть функция читателя, проекция читательского восприятия книги. Неудивительно, что библиопсихология Рубакина встретила резко отрицательные отзывы в советской печати, со стороны людей, которым близки интересы и запросы библиотекаря и массового читателя. Библиотекаря занимает, во-первых, вопрос о книге, как социальном раздражителе, «психологические свойства книги», и, во-вторых, психология читателя. На эти два вопроса современная нам психология не в состоянии дать научно-обоснованный ответ; нет еще библиотечной психологии, а есть лишь отдельные эмпирические наблюдения, выводы из которых никак не могут претендовать на научность своих положений. В виду переживаемого психологией кризиса инициатива снизу, в данном случае—инициатива самих библиотекарей, имею-

щих дело с живыми людьми определенной социальной среды и определенных интересов, может иметь громадное значение: не только в собирании эмпирического материала, но и в указаниях, которые могут быть даны научному исследователю наподобие того, что сделала в деле научной постановки психологического исследования психотехника. Вдумчивому библиотекарю необходимо поэтому знакомство с настоящим положением психологии. Названные в заголовке три книги составляют три выпуска из девяти намеченных к изданию за первый год обучения на библиотечных курсах БЗО при Педагогическом факультете II МГУ. Первый выпуск имеет содержанием предмет и методы современной психологии. Предмет современной психологии автор определяет так: «Поведение живых существ, т.-е. вся сумма взаимодействий живого организма с окружающей его средой, не упуская из своего внимания и суб'ективную сторону этого поведения (психические состояния)». Это определение имеет, видимо, целью отгородить себя от бихэвиоризма, для которого психика есть «пустой звук», средневековых (и новых) номиналистов, и от рефлексологов, по которым психика исчерпывается суммой простых и сочетательных рефлексов. Но само по себе это определение предмета психологии, противопоставляющего поведение живого существа суб'ективной стороне его, содержит некоторый рудимент дуалистического представления о соме и душе. С большой полнотой изложены и характеризованы существующие методы психологического исследования, при чем указываются достоинства и недостатки каждого из методов. Указания о практическом значении отдельных методов в библиотечном деле, сопровождающие отдельные главы, так же как и библиографические указания к ним, проводят с достаточной полнотой сугубо-практическую установку книги. Дана правильная оценка библиопсихологии Рубакина. Но только нельзя сводить недостатки положений Рубакина к методу самонаблюдения. Есть в положениях Рубакина кое-что от об'ективного исследования, но библиопсихология Рубакина не перестает от этого быть эмпирической, ненаучной в существе своем, так как она исходит из абстрактных свойств человеческой души.

Во второй из названных в заголовке книг (III выпуск издания): «Естественно-научные предпосылки психологии»—большинство специально-психологических статей написано В. М. Боровским. Недостаток статей заключается в бихэвиористической точке зрения и установке автора. Автор библиографических статей, В. А. Невский, пытается внести коррективы в статьи Боровского примечаниями к ним. Но абстрактно-общие замечания не в состоянии исправить того ложного представления, которое в состоянии породить, напр., статья о биологических факторах человеческого поведения, сводящая аффективную окраску всего поведения взрослого человека к одной из трех основных эмоций, или статья об основных данных современной сравнительной психологии, по которой все интеллектуальное поведение человека исчерпывается развитием навыков: то же номиналистическое толкование психики бихэвиористов. Очень хороша библиографическая часть книги. Статья о значении неврологии и эндокринологии в деле изучения читателя справедливо указывает на малонаучность попыток об'яснить все и вся в человеке исключительно деятельностью его желез. Но автор забывает об этом мудром правиле осторожного отношения к узко-биологическим толкованиям в статье об учении о конституциях и изучении читателя: так, он говорит о меньшей податливости на внешние половые раздражения и большей способности к отвлеченному мышлению «элинского читателя».

Третья из названных в заголовке книг: «Элементы дифференциальной психологии» образует V выпуск издания. Статьи в ней посвящены характерологии и классификации личностей, учению об индивидуальной одаренности и проблеме сравнительного поведения индивидов разных возрастов и полов. Материя этого выпуска таким образом непосредственнее, чем предыдущие, соприкасается с прямыми интересами и задачами библиотекаря. Но проблемы эти вместе с тем принадлежат

к числу тех, в попытках решения которых преобладает стремление поставить на место научного исследования (с учетом биологически-консервативного начала и социально-обусловленных видоизменений) односторонние биологические дедуктивные построения.

Если статья Н. Ф. Добрынина («Характерология и классификация личностей») страдает неувязкой биологического и социального, о котором автор вспоминает лишь в конце статьи ссылкой в общих выражениях на марксистскую социологию, то статья П. И Гурова («Типы поведения и их связь с читательским поведением») страдает игнорированием биологических особенностей индивидуума. И здесь понадобилось примечание—корректив редакции: в этом случае примечание пытается более подробно указать на упущения автора (Гурова). Статья Добрынина, посвященная учению об одаренности, страдает теми же недостатками, что и вышеупомянутая.

При всех (перечисленных выше) недостатках обсуждаемые работы будут очень полезны библиотекарю; они намечают вполне правильно линию его психологической подготовки к большому делу обслуживания массового читателя. В следующем издании, которое несомненно понадобится, необходимо позаботиться об устранении одностороннего биологизма, о проведении единой марксистской точки зрения в основных вопросах психологического исследования. Хороши еще названные работы тем, что будят самостоятельную мысль библиотекаря, напоминая ему о том, что, находясь в состоянии кризиса, психология нуждается (в деле обоснования научно-обоснованной библиотечной психологии) в прямом участии прикосновенных к практической библиотечной работе работников.

М. Байч.

РЕЦИДИВ МЕХАНИЗМА В БИОЛОГИИ.

«Медико-Биологический Журнал» 1929 г., вып. 5; журнал **«Естествознание и Марксизм»** 1929 г., № 2.

Каждый новый и неожиданный успех в области естествознания делается источником методологических ошибок, если этот успех недостаточно продуман, недостаточно оценен в его взаимоотношении к другим отраслям естествознания, если он взят односторонне. В таком случае на почве революции в современном естествознании вырастают различного рода философские течения, уводящие в сторону от действительного понимания совершающегося в естествознании.

В наших условиях новые и новые успехи естествознания то в той, то в другой его области при некритическом их усвоении служат поводом, с одной стороны, к различного рода механистическим ошибкам, с другой—к некритическому отношению к теориям современных буржуазных естествоиспытателей, к примиренческому отношению к различного рода проявлениям идеализма в области естествознания. Такого рода ошибки и загибы затрудняют скорейшее и правильное усвоение успехов естествознания, тормозят наше научное развитие. Поэтому борьба за чистоту метода материалистической диалектики в применении к естествознанию является залогом наших дальнейших успехов.

Образцом рецидива механистической ревизии марксизма в области естествознания, рецидива, заслуживающего большого внимания в виду особой важности тех вопросов, которые при этом затрагиваются, является ряд статей, вызванных успехами генетики.

Генетика—отрасль биологии, бурно расцветшая за самые последние годы. Она имеет большое практическое значение как в применении к растениеводству и животноводству, так и в применении в проблеме улучшения человеческой расы. Вместе с тем генетика теснейшим образом связана в своих теоретических выводах

со всеми главнейшими проблемами биологии: учениями о наследственности, изменчивости и эволюции.

Эти успехи генетики, некритически переваренные, вскружили кое-кому головы и привели к ряду ошибок, которые далеко выходят за пределы проблем собственно биологии.

Наивысшего упрощенства в своих выводах достиг проф. А. Серебровский в ряде его статей. В статье «Антропогенетика и евгеника в социалистическом обществе» в первом из указанных журналов он связывает проблемы генетики и евгеники с проблемами социалистического строительства. Это очень хорошо. Но плохо то, что проф. А. Серебровский при этом забывает элементарные марксистские истины.

Установив задачи антропогенетики и евгеники, он переходит к проблеме того, что он называет «генофондом». «Тот запас генов,—пишет он,—который имеется сейчас во всех гражданах СССР, имеет тенденцию, как показывает теория, длительно сохраняться без заметных изменений (об этих изменениях скажем ниже), и поэтому еще многие поколения людей впредь будут иметь дело с тем же в общих чертах составом этого запаса, который мы предложили называть г е н о ф о н д о м».

Из этого определения генофонда, из его медленной изменяемости никак не следует тот вывод, который делается автором статьи вслед за цитированным местом. Ставя проблемы генофонда населения СССР в связь с пятилеткой в части, касающейся населения, проф. Серебровский задается вопросом о взаимоотношении естественных богатств: угля, нефти, металлов и наследственных расовых свойствах. Он пишет:

«Но не большим ли еще естественным богатством являются эти разнообразные человеческие гены? Не меньшее ли значение будет иметь учет того, какое количество тех или иных полезных или вредных генов находится в той массе народов СССР, и, главное, происходят ли или не происходят в генофонде какие-либо процессы, которые имели бы обнадеживающее или угрожающее значение для нашего хозяйства и культуры?»

Вопросы эти у проф. Серебровского, в сущности, риторические. Вопрошая, он уже отвечает, что проблема генофонда важнее проблемы нефти, угля, металла. Наиболее яркое выражение эта точка зрения получила в статье в обсуждении проблемы темпа выполнения пятилетки в связи с проблемой генофонда.

Наш автор пишет:

«Если подсчитать, какое количество сил, времени, средств освободилось бы, если бы нам удалось очистить население нашего Союза от различного рода наследственных страданий, то наверное пятилетку можно было бы выполнить в 2½ года».

Здесь пред нами двойная ошибка. Прежде всего проф. Серебровский ошибается, поскольку он говорит о населении СССР, что темп выполнения пятилетки зависит от биологических наследственных свойств этого населения. Здесь, грубейшая механистическая ошибка: сведение социологии к биологии, общественного к биологическому. Разве не классовый опыт пролетариата СССР, не энтузиазм масс, не правильная политика коммунистической партии—залог выполнения пятилетки, поскольку мы говорим о населении?

С другой стороны, проф. Серебровский забывает или не понимает основной марксистской истины, что для создания новых форм быта, улучшения жилищ и питания населения СССР предпосылкой является разработка именно угля, нефти, металла. А без разрешения этой задачи не может быть поставлена и полностью разрешена проблема улучшения биологических свойств населения нашего Союза. Все эти проблемы проф. Серебровским решаются механически и по-кабинетному.

Таким же кабинетным духом на нас веет, когда он в рассматриваемой статье начинает разбирать методы улучшения человеческой породы и проблему взаимоотношения мужа и жены в условиях строящегося социалистического общества.

Проф. Серебровский и здесь механически решает сложную проблему создания здоровой смены, когда он предлагает ввести искусственное оплодотворение женщин «рекомендованной спермой». Демьян Бедный в своем фельетоне «Евгеника», напечатанном в № «Известий» от 4 июня с. г., достаточно зло высмеял примитивный подход проф. Серебровского к проблеме семьи и воспроизводства новых поколений.

Не останавливаясь на других ошибках рассматриваемой статьи (прежде всего проблема семейной этики в социалистическом и буржуазном обществе), мы отметим, что механистические ошибки, делаемые проф. Серебровским в рассматриваемой статье, не являются случайными и тесно связаны с его общетеоретическими взглядами в области естествознания вообще и биологии в особенности.

В этом отношении наиболее показательной является его статья в № 2 журнала «Естествознание и Марксизм» под заголовком «Опыт качественной характеристики процесса органической эволюции».

Механистическое понимание основных проблем диалектики природы здесь сказывается прежде всего в трактовке движения материи. Под движением материи проф. Серебровский даже применительно к явлениям жизни понимает механическое движение и, одновременно с тем, причинность трактует, как механическую причинность, как абстрактную, метафизическую (по его терминологии — «универсальную») детерминированность. Он пишет: «...в основе всех жизненных явлений—и филогенеза в том числе — лежит движение материи—и больше ничего. Но, утверждая эту несомненную для нас истину и удовлетворяясь только ею, мы должны будем ограничиться исследованием только части явлений мира, исследованием, которое может привести нас лишь к выводу об универсальной детерминированности—и только. Мы должны будем отказаться от исследования всех возможных форм связей и вместе с мыльной водой идеализма выплеснуть и здорового ребенка науки».

Ограничение понимания причинности механической причинностью приводит нашего автора к ряду расходящихся с наукой и с марксизмом положений. По проф. Серебровскому в области физики, химии и физиологии действует лишь механическая причинность, исключающая категорию случайности. Это утверждение неверно уже применительно к области современной механики атома, где физики давно уже отошли от одностороннего употребления категории метафизической необходимости и, волей неволей, принуждены теперь оперировать и категорией случайности, как об'ективной категорией. Такой логический переворот характеризует все развитие механики с момента перехода ее от классической механики к новейшей механике, вызванной к жизни электродинамикой, теорией квант, теорией строения атома. Тем более нелепо утверждение проф. Серебровского об исключительном значении механической причинности в области физиологии. Здесь снова пред нами, правда в новой форме, на основе нового научного материала, воскресают старые механистические попытки.

Ошибка, в которую впадает проф. Серебровский, вызвана тем, что он, желая исследовать особую форму причинности в области эволюционного процесса (а эта попытка законна), усмотрел различие форм причинности не по той линии, по какой оно есть на самом деле, и впал в старую вульгарную трактовку причинности по отношению к ряду естественно-научных дисциплин.

С этой основной ошибкой связан у проф. Серебровского ряд других ошибок: трактовка взаимоотношения эмбриологии и филогенеза, неправильная оценка взглядов Дарвина и Энгельса и некоторые другие.

Все эти ошибки являются ошибками, выходящими за пределы собственно генетики. Но и в области трактовки значения тех открытий, которые сделаны генетикой, у наших неумеренных генетиков далеко обстоит не все благополучно.

Генетика дала очень много нового для более углубленного понимания проблемы эволюции; генетика оказалась плодотворной в теоретической и практической области. Но, как всякая односторонняя теория, она содержит в себе мета-

физические моменты. Таковыми прежде всего являются: атомизация организма и неумение подойти к организму с точки зрения его целостности, метафизическое противопоставление наследственного и приобретенного в процессе индивидуальной жизни и т. д. Поэтому задача марксистов должна заключаться в преодолении этих односторонностей генетики, ее метафизических моментов.

К сожалению, мы этого не видим. Энгельс в «Анти-Дюринге» писал: «Но сама теория развития еще очень молода, и поэтому нет сомнения, что дальнейшие исследования приведут к очень значительному видоизменению теперешних, в том числе строго-дарвинистских, представлений о ходе развития видов» (стр. 67, изд. 1928 г.). Ход развития биологии блестяще подтвердил этот прогноз Энгельса. Но последний никогда не противопоставлял наследованных признаков благоприобретенным. Тогда как у наших генетиков этот разрыв имеется налицо. Поэтому они должны критиковать и критикуют Энгельса, поскольку он высказывался и за допущение унаследования благоприобретенных признаков. С этой критикой выступает и проф. Серебровский в рассматриваемой статье, при этом он об'ясняет ошибку Энгельса тем, что последний, «отнюдь не будучи специалистом-биологом, но следя за прогрессом эволюционной теории, лишь стремился быть в уровне с наукой того времени».

И здесь несомненно неправильная оценка Энгельса грешит непониманием роли основоположников марксизма в обосновании новой методологии науки, в том числе и естествознания. Маркс и Энгельс отнюдь-таки не тем характеризовались, что стояли на высоте современной им науки, в тем, что, стоя на этой высоте, умели критиковать метафизику и идеализм и поднимались над уровнем тогдашней науки, давая ей новое обоснование в лице диалектического материализма. Вот недооценку методологии диалектического материализма мы и видим во всех рассмотренных нами писаниях проф. Серебровского.

Ошибки проф. Серебровского не имели бы того значения, которое они имеют на самом деле, если бы они не выражали целого течения в биологии. Указанные статьи проф. Серебровского были помещены в журналах, руководимых марксистами-биологами (Агол, Левит, М. Левин), которые с ним солидаризировались, помещая его статьи без примечаний или, как это мы имеем с первой статьей, в качестве передовицы.

Нужно заставить наших товарищей-марксистов, работающих в специальных отраслях науки (что очень ценно и является одним из больших наших достижений последнего времени), не терять перспективы и за деревьями данной специальности видеть лес, т.-е. проблему в ее целостности и взаимоотношении к тем завоеваниям, которые уже сделаны марксизмом [1]).

А. Максимов.

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ.

I

Против путаницы в вопросах мирового хозяйства.

(Письмо в редакцию „Под Знаменем Марксизма“).

В № 2—3 за 1930 г. «Под Знаменем Марксизма» появилась статья Н. Петрова «Мировое хозяйство как предмет политической экономии», в которой автор бросает мне обвинение в том, что я развиваю «чуждые, вредные и враждебные марксизму взгляды». Серьезное обвинение, и я вынужден ответить, хотя статья сама по себе не стоила этого [1]. Я считаю, что мировое хозяйство достигло своего окончательного развития в период монополистического капитализма, когда процесс расширенного воспроизводства идет не только за счет накопления в своей стране, но и за счет ограбления всего остального мира, когда, следовательно, мир разделился на два лагеря: народы-суб'екты и народы-об'екты капиталистической эксплоатации. «Основным фактором,— писали мы,— вовлекшим промышленно-отсталые страны в сферу мирового хозяйства является экспорт или импорт капитала», а не меновые отношения между странами» (стр. 28—29 «Введения в изучение мирового хозяйства»). Петров же думает, что мировое хозяйство относится уже к периоду простого товарного хозяйства, или, по крайней мере, к эпохе первоначального накопления, когда еще господствовал торговый капитал.

Для Петрова «мировое хозяйство» есть меновое хозяйство. «Обмен—существеннейший признак мирового хозяйства» (стр. 81), «производство для обмена, рыночные отношения являются определяющими чертами мирового хозяйства» (стр. 94). Итак, я исхожу из положения, что производственные отношения определяют систему хозяйства, а Петров думает, что рыночные. Нужно ли доказывать, что Маркс и Ленин считали именно производственные отношения определяющими чертами» всякой ступени экономического развития?

«Хозяйство, т.-е. самый производственный процесс», говорит Маркс (Капитал, т. II, изд. 1923 г., стр. 89), и Маркс далее резко критикует буржуазных ученых, которые в основу разграничения экономических формаций исходят из способа обмена, а не из характера производства, что соответствует «узости буржуазного кругозора». Ленин высказался, как раз по вопросу, который нас интересует. «Экономическое развитие между колониями и европейскими народами,— писал он,— по крайней мере, большинством последних состояло, прежде всего, в том, что колонии втягивались в обмен товаров, но еще не в капиталистическое производство. Империализм это изменил. Империализм есть, между прочим, вывоз капитала» (т. XIX, стр. 198. Подчеркнуто нами. *М. С.*). Итак, Ленин противопоставляет чисто-рыночным связям, товарным—производственные. О последних приходится говорить по отношению к большинству колоний (в смысле проникновения в них капиталистического хозяйства) только в эпоху империализма, когда экспорт капитала играет такую важную роль. Разве я говорил что-нибудь другое? Или Ленин вместе с Марксом тоже развивали «антимарксистские взгляды»?

Но, может быть, антимарксистским является деление всех народов в период империализма на суб'екты и об'екты. Петров называет это деление «плоской аналогией». Словоупотребление «народы» выводит «марксиста» Петрова из себя. «Англия,—кричит он,—берется просто, как «народ-суб'ект»» (стр. 108). Благодаря своим замечательным познаниям в области марксизма и ленинизма, Петров проглядел официальный документ XV партс'езда. В отчете делегации ВКП(б) в ИККИ читаем (стр. 596):

«Во время нашей предс'ездовской дискуссии не раз ссылались на то положение, которое со всей силой, со всем упором выдвигал Владимир Ильич, а именно, что мы должны резким образом отличать страны господствующего империализма—суб'екты колониальной политики—от стран угнетенных, от колоний, которые

[1] Ученические упражнения собратника Петрова, И. Бутаева, оставляю, конечно, без ответа.

являются об'ектами колониальной политики, об'ектами колониальной эксплоатации и колониального угнетения со стороны крупных империалистических держав».

Следовательно, разделение всех народов на «об'екты» и «суб'екты» принадлежит XV партс'езду, а Петров называет ее «плоской аналогией». На стр. 556 того же отчета мы находим и выражение «Англия превращается в государство-рантье». И сколько раз Ленин просто говорит о «народах»! На II конгрессе Коминтерна он, напр., заявил: «Что является самой важной, основной идеей моих тезисов? Различие между угнетенными и угнетающими народами» (т. XIX, стр. 242).

Не решится ли Петров обвинить Ленина и весь Коминтерн в том, что они «проблему английского рабочего класса, как проблему международную и мирохозяйственную зачеркивают»?

По мнению Петрова «экономические междугосударственные отношения» не охватывают «отношений международного труда к международному капиталу; меновые же междугосударственные отношения их охватывают. На каком это языке «меновые» отношения шире производственных, экономических? При этом я и в «Введении» и в своем труде «Мировое хозяйство до и после войны» анализирую и положение рабочего класса. Далее, делая ударение на экспорт капитала, как на определяющую особенность современной стадии развития, я тем самым говорю и об «отношениях труда»: ведь понятие «капитал» не отделимо от понятия «труд», один без другого существовать не может, между тем как меновые отношения мыслимы и без этих категорий. «Классы выпадают» не у Спектатора, а как раз у Петрова! Я определяю мировое хозяйство в полном согласии с Лениным и Коминтерном, а Петров—с буржуазными учеными.

Петров сделал открытие, что мировое хозяйство—это меновые отношения между государствами, совершенно не подозревая, что ровно 70 лет тому назад, в 1858 г., Каутс, один из последователей исторической школы, таким же образом определил мировое хозяйство,- «как об'единение государств путем торговли». И должны были пройти 70 лет, чтобы новый Кайз в «Под Знаменем Марксизма» преподнес нам ту же «ученость»!

Петров упрекает нас, что мы повторяем Бюхера. Петров тут делает ряд невероятных искажений и передержек, пытаясь свалить с больной головы на здоровую. В чем заключается суть схемы исторического развития Бюхера? В том, что он, подобно Гильдебранду, Каутсу и самому Петрову, исходит из рыночных отношений, а не из производственных. Я же кладу в основу своего деления на ступени развития форму присвоения прибавочной стоимости. Критику схемы Бюхера с этой (а не с исторической) точки зрения дал впервые я и заявляю:

«Отвергая самостоятельное деление на географические, рыночные моменты, как не характерные для экономической науки, исследующей социальные взаимоотношения, мы сохраняем это деление как подчиненные более общим категориям моменты, придавая им в то же время социальный смысл» («Введение», стр. 26).

И я далее об'ясняю, что «национальное хозяйство» означает для меня эксплоатацию «своей» нации, «мировое хозяйство — эксплоатацию всего мира». И только сознательной попыткой затушевать идейные истоки своей концепции, по которой признаком хозяйства являются меновые отношения, что целиком и полностью совпадает с духом учения Бюхера, можно об'яснить то, что Петров приписывает мне позицию Бюхера.

Более того, сходство между Бюхером и Петровым идет еще дальше. Бюхер отрицает существование мирового хозяйства, заявляя, что в меновых отношениях ничего не изменилось, а Петров об'являет, что «национальное хозяйство» и «мировое хозяйство» не две последовательные «ступени», а только «соотносительные и синхронические (одновременно существующие) явления». Разве это не одно и то же? И что сделать с Лениным, который писал,—что раньше создается «национальный, а затем (подчеркнуто нами. *М. С.*) мировой рынок» (т. III, стр. 488)? И кому, кроме Петрова, не известно, что Маркс много раз подчеркивает, что только «крупная промышленность [1]) создала всемирный рынок, что только она оторвала промышленность от национальной почвы и т. д.» (Коммунистический манифест, изд. Института Маркса и Энгельса, 1923 г., стр. 73, 75). При домашней промышленности и мануфактуре существовал национальный рынок, при крупной промышленности

[1]) Соратник Петрова И. Бутаев наивно спрашивает в том же номере «Под Знаменем Марксизма»: «Когда народное хозяйство образовалось раньше, чем была изобретена машина?» (стр. 125). Но ведь Маркс говорит о крупной промышленности в противоположность мануфактуре; последняя создала национальный рынок, а первая—мировой.

СООБЩЕНИЯ и ЗАМЕТКИ

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ.

I

Против путаницы в вопросах мирового хозяйства.

(Письмо в редакцию „Под Знаменем Марксизма").

В № 2—3 за 1930 г. «Под Знаменем Марксизма» появилась статья Н. Петрова «Мировое хозяйство как предмет политической экономии», в которой автор бросает мне обвинение в том, что я развиваю «чуждые, вредные и враждебные марксизму взгляды». Серьезное обвинение, и я вынужден ответить, хотя статья сама по себе не стоила этого [1]). Я считаю, что мировое хозяйство достигло своего окончательного развития в период монополистического капитализма, когда процесс расширенного воспроизводства идет не только за счет накопления в своей стране, но и за счет ограбления всего остального мира, когда, следовательно, мир разделился на два лагеря: народы-суб'екты и народы-об'екты капиталистической эксплоатации. «Основным фактором, — писали мы, — вовлекшим промышленно-отсталые страны в сферу мирового хозяйства является э к с п о р т или и м п о р т к а п и т а л а», а не меновые отношения между странами» (стр. 28—29 «Введения в изучение мирового хозяйства»). Петров же думает, что мировое хозяйство относится уже к периоду п р о с т о г о т о в а р н о г о х о з я й с т в а, или, по крайней мере, к эпохе первоначального накопления, когда еще господствовал торговый капитал.

Для Петрова «мировое хозяйство» есть меновое хозяйство. «Обмен—существеннейший признак мирового хозяйства» (стр. 81), «производство для обмена, рыночные отношения являются определяющими чертами мирового хозяйства» (стр. 94). Итак, я исхожу из положения, что п р о и з в о д с т в е н н ы е отношения определяют систему хозяйства, а Петров думает, что р ы н о ч н ы е. Нужно ли доказывать, что Маркс и Ленин считали именно п р о и з в о д с т в е н н ы е отношения определяющими чертами» всякой ступени экономического развития?

«Хозяйство, т.-е. самый производственный процесс», говорит Маркс (Капитал, т. II, изд. 1923 г., стр. 89), и Маркс далее резко критикует буржуазных ученых, которые в основу разграничения экономических формаций исходят из с п о с о б а о б м е н а, а не из х а р а к т е р а п р о и з в о д с т в а, что соответствует «узости буржуазного кругозора». Ленин высказался, как раз по вопросу, который нас интересует. «Экономическое развитие между колониями и европейскими народами,— писал он,—по крайней мере, большинством последних состояло, прежде всего, в том, что колонии втягивались в о б м е н т о в а р о в, но еще не в капиталистическое п р о и з в о д с т в о. И м п е р и а л и з м э т о и з м е н и л. И м п е р и а л и з м е с т ь, м е ж д у п р о ч и м, в ы в о з к а п и т а л а» (т. XIX, стр. 198. Подчеркнуто нами. *М. С.*). Итак, Ленин противопоставляет чисто-рыночным связям, товарным—производственные. О последних приходится говорить по отношению к большинству колоний (в смысле проникновения в них капиталистического хозяйства) только в эпоху империализма, когда экспорт капитала играет такую важную роль. Разве я говорил что-нибудь другое? Или Ленин вместе с Марксом тоже развивали «антимарксистские взгляды»?

Но, может быть, антимарксистским является деление всех народов в период империализма на суб'екты и об'екты. Петров называет это деление «плоской аналогией». Словоупотребление «народы» выводит «марксиста» Петрова из себя. «Англия,—кричит он,—берется просто, как «народ-суб'ект»» (стр. 108). Благодаря своим замечательным познаниям в области марксизма и ленинизма, Петров проглядел официальный документ XV партс'езда. В отчете делегации ВКП(б) в ИККИ читаем (стр. 596):

«Во время нашей предс'ездовской дискуссии не раз ссылались на то положение, которое со всей силой, со всем упором выдвигал Владимир Ильич, а именно, что мы должны резким образом отличать страны господствующего империализма— с у б ' е к т ы колониальной политики—от стран угнетенных, от колоний, которые

---

[1]) Ученические упражнения соратника Петрова, И. Бутаева, оставляю, конечно, без ответа.

являются об'ектами колониальной политики, об'ектами колониальной эксплоатации и колониального угнетения со стороны крупных империалистических держав».

Следовательно, разделение всех народов на «об'екты» и «суб'екты» принадлежит XV партс'езду, а Петров называет ее «плоской аналогией». На стр. 566 того же отчета мы находим и выражение «Англия превращается в государство-рантье». И сколько раз Ленин просто говорит о «народах»! На II конгрессе Коминтерна он, напр., заявил: «Что является самой важной, основной идеей моих тезисов? Различие между угнетенными и угнетающими народами» (т. XIX, стр. 242).

Не решится ли Петров обвинить Ленина и весь Коминтерн в том, что они «проблему английского рабочего класса, как проблему международную и мирохозяйственную зачеркивают»?

По мнению Петрова «экономические междугосударственные отношения» не охватывают «отношений международного труда к международному капиталу; меновые же междугосударственные отношения их охватывают. На каком это языке «меновые» отношения шире производственных, экономических? При этом я и в «Введении» и в своем труде «Мировое хозяйство до и после войны» анализирую и положение рабочего класса. Далее, делая ударение на экспорт капитала, как на определяющую особенность современной стадии развития, я тем самым говорю и об «отношениях труда»: ведь понятие «капитал» не отделимо от понятия «труд», один без другого существовать не может, между тем как меновые отношения мыслимы и без этих категорий. «Классы выпадают» не у Спектатора, а как раз у Петрова! Я определяю мировое хозяйство в полном согласии с Лениным и Коминтерном, а Петров—с буржуазными учеными.

Петров сделал открытие, что мировое хозяйство—это меновые отношения между государствами, совершенно не подозревая, что ровно 70 лет тому назад, в 1858 г., Каутс, один из последователей исторической школы, таким же образом определил мировое хозяйство,- «как об'единение государств путем торговли». И должны были пройти 70 лет, чтобы новый Кайз в «Под Знаменем Марксизма» преподнес нам ту же «ученость»!

Петров упрекает нас, что мы повторяем Бюхера. Петров тут делает ряд невероятных искажений и передержек, пытаясь свалить с больной головы на здоровую. В чем заключается суть схемы исторического развития Бюхера? В том, что он, подобно Гильдебранду, Каутсу и самому Петрову, исходит из рыночных отношений, а не из производственных. Я же кладу в основу своего деления на ступени развития форму присвоения прибавочной стоимости. Критику схемы Бюхера с этой (а не с исторической) точки зрения дал впервые я и заявляю:

«Отвергая самостоятельное деление на географические, рыночные моменты, как не характерные для экономической науки, исследующей социальные взаимоотношения, мы сохраняем это деление как подчиненные более общим категориям моменты, придавая им в то же время социальный смысл» («Введение», стр. 26).

И я далее об'ясняю, что «национальное хозяйство» означает для меня эксплоатацию «своей» нации, «мировое хозяйство — эксплоатацию всего мира». И только сознательной попыткой затушевать идейные истоки своей концепции, по которой признаком хозяйства являются меновые отношения, что целиком и полностью совпадает с духом учения Бюхера, можно об'яснить то, что Петров приписывает мне позицию Бюхера.

Более того, сходство между Бюхером и Петровым идет еще дальше. Бюхер отрицает существование мирового хозяйства, заявляя, что в меновых отношениях ничего не изменилось, а Петров об'являет, что «национальное хозяйство» и «мировое хозяйство» не две последовательные «ступени», а только «соотносительные и синхронические (одновременно существующие) явления». Разве это не одно и то же? И что сделать с Лениным, который писал,—что раньше создается «национальный, а затем (подчеркнуто нами. *М. С.*) мировой рынок» (т. III, стр. 488)? И кому, кроме Петрова, не известно, что Маркс много раз подчеркивает, что только «крупная промышленность [1]) создала всемирный рынок, что только она оторвала промышленность от национальной почвы и т. д.» (Коммунистический манифест, изд. Института Маркса и Энгельса, 1923 г., стр. 73, 75). При домашней промышленности и мануфактуре существовал национальный рынок, при крупной промышленности

---

[1]) Соратник Петрова И. Бутаев наивно спрашивает в том же номере «Под Знаменем Марксизма»: «Когда народное хозяйство образовалось раньше, чем была изобретена машина?» (стр. 125). Но ведь Маркс говорит о крупной промышленности в противоположность мануфактуре; последняя создала национальный рынок, а первая—мировой.

(«когда мануфактурный способ производства оказался, в свою очередь, недостаточным» и «когда пар и машина произвели революцию в промышленности») мировой рынок. Когда господствующей отраслью хозяйства явилась тяжелая, в особенности машиностроительная промышленность, пар заменился электричеством и мотором внутреннего сгорания, а вместо вывоза товаров, преобладающим стал вывоз капитала, мировой рынок преобразовался в мировое хозяйство. Смысл отрицания существования мирового хозяйства Бюхером и отрицания последовательности фаз этого развития у Петрова (как и у И. Бутаева) сводится к отрицанию интернационализма рабочего движения. Ведь, если мировое хозяйство существовало в XVI или XVIII вв., то на основании чего можем теперь говорить: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»? Этот лозунг Коммунистического манифеста вытекает именно из «последовательности ступеней развития», из того факта, что «своей эксплоатацией всемирного рынка буржуазия преобразовала в космополитическом духе производство и потребление всех стран», т.-е. что современная промышленность впервые создала предпосылки международного движения. Слабость I Интернационала и сила III в этом отношении—лучшее доказательство того, что мировое хозяйство оформилось в эпоху империализма. Сопоставление участия «представителей колоний» в II Интернационале с конгрессами III Интернационала—лучшее подтверждение правильности нашей установки, что мировое хозяйство в основном продукт монополистического капитализма.

Можно, конечно, утверждать, что между мировым хозяйством и мировым рынком нет принципиальной разницы, что с появлением мирового рынка начинается эпоха мирового хозяйства (но выражение «мировое хозяйство как конкретный процесс капиталистического воспроизводства—лишено всякого смысла: почему этот «конкретный процесс» называется «мировым хозяйством»? Почему вообще нуждаются в таком выражении, а не просто говорить: капиталистическое производство на местном, или национальном, или внешнем, или мировом рынке?). Мы, однако, видели, что Ленин делает это различие. Затем, остается непонятным, почему все-таки международное рабочее движение было сравнительно слабым даже в эпоху I Интернационала, когда мировой рынок уже создался. Никто не станет отрицать, что международные связи усилились за последние десятилетия. Но перешло ли количество в качество, и нельзя ли в движении капитала видеть качественное отличие теперешних отношений от прежних и назвать на этом основании теперешний период мировым хозяйством? Вот как стоит вопрос! Между тем в постановке его Петровым мы имеем отрицание развития международных отношений и, следовательно, борьбу против той концепции, которую дал нам Коммунистический манифест.

М. Спектатор.

М. Спектатор защищается и наступает.

(Ответ на „письмо в редакцию" М. Спектатора).

М. Спектатор усердно приписывает мне в своем письме элементарнейшую ошибку подмены производственных отношений меновыми. Свое ни на чем не основанное обвинение он взял краеугольным камнем письма, его лейтмотивом, повторяемым со страницы на страницу. Это не обмолвка, сделанная «в состоянии запальчивости», это—система полемики. Взять хотя бы следующие места из «письма» М. Спектатора:

(1) «Я» (М. Спектатор) «исхожу из положения, что производственные отношения определяют систему хозяйства, а Петров думает, что рыночные» (2) «Петров сделал открытие, что мировое хозяйство—это меновые отношения между государствами». (3) «Бюхер, подобно... своему Петрову, исходит из рыночных отношений, а не из производственных». (4) «Только сознательной попыткой затушевать идейные истоки своей концепции, по которой признаком хозяйства являются меновые отношения,... можно об'яснить, что Петров приписывает мне позицию Бюхера» и т. д.

Откуда почерпнул М. Спектатор свою убежденность в том, что я развиваю такие взгляды, совершенно неизвестно. Он приводит из моей статьи всего-на-всего две цитаты, из которых одна опровергает М. Спектатора, а не подкрепляет его, даже будучи взята вне контекста. Вот она: «Производство для обмена, рыночные отношения являются определяющими чертами мирового хозяйства». Производство для обмена, простите, т. М. Спектатор, есть все-таки производство, а не

обмен. И поставлено это самое производство, как вы сами видите, на первое, ему соответствующее, место.

Зачем же рядом с производством, скажете вы, упоминать еще «рыночные отношения»? На это не трудно ответить. Во-первых, в различении и сопоставлении производства и обмена, вообще говоря, нет никакого «проступка», ибо вы должны знать, что «производство, распределение, обмен и потребление... образуют собою части целого, различия внутри единства» [1]).

Во-вторых, как вы могли усмотреть из текста, специальное подчеркивание «рыночных отношений» в данном месте потребовалось для противопоставления марксистской концепции менового общества определению мирового хозяйства Гармса. Гармс исходит из организованности мирового хозяйства, тогда как его действительную основу составляют стихийно-регулируемые отношения, «производство для обмена, рыночные отношения», анархическое хозяйство.

Другую (и последнюю) цитату из моей статьи М. Спектатор взял с стр. 81 и подал читателю из рук вон неприлично. Произошло это у него, надо думать, не столько по злому умыслу, сколько по недостаточному знакомству с соответствующими частями учения Маркса-Ленина, которые я старался лишь излагать.

Напр., у Ленина есть такое (приведенное мною в статье) замечание, сделанное им по поводу п р о г р а м м ы п а р т и и:

«Программа восходит и должна восходить от простейших проявлений капитализма к более сложным и «высшим», о т о б м е н а к т о в а р н о м у п р о и з в о д с т в у, к вытеснению мелких предприятий крупными, к кризисам и т. д.» [2]).

С другой стороны, мы знаем, что исследование капиталистических отношений в теоретических работах Маркса также не случайно начинается с изучения обмена, меновых отношений.

Отсюда мы заключаем, что ничего необычного, тем более ошибочного, нет в таком определении мирового хозяйства, которое делается методом восхождения от абстрактного к конкретному, от обмена к товарному производству. А ведь только в этом и заключается инкриминируемое мне место.

М. Спектатор, будучи об'ективным, признал бы, что цитата, которую он привел: «Обмен—существеннейший признак мирового хозяйства», не заканчивает, а л и ш ь н а ч и н а е т мое определение мирового хозяйства, что «существеннейший признак»—не значит «исчерпывающий признак». Ведь цитированное место непосредственно за собою имеет следующую недвусмысленную расшифровку:

«Итак, если мы желаем исследовать мировое хозяйство, мы должны исследовать меновые отношения, взятые в мировом масштабе. При этом мы должны не один раз подчеркнуть две вещи... Во-вторых. Нужно не один раз подчеркнуть, что з а р ы н о ч н ы м и о т н о ш е н и я м и в с е г д а с к р ы в а ю т с я п р о и з в о д с т в е н н ы е о т н о ш е н и я. Связь между людьми в процессе обмена предполагает, что между ними установлена связь в процессе производства, что их частные работы давно уже сделались составными частями, слагаемыми совокупной работы общественного коллектива, каковой факт в обмене лишь «проявляется», находит себе выражение» [3]).

Итак, положение, которое у меня, по словам М. Спектатора, не только пропущено, но даже, якобы, заменено своей противоположностью, на самом деле п о д ч е р к н у т о р а з р я д к о й и не один раз напоминается на протяжении всей статьи. Напр., на стр. 83 мы находим:

«Отношения обмена входят неразрывной составной частью в систему производственных отношений товаро-производящего общества».

На стр. 84 еще ярче и недвусмысленнее:

«И з у ч е н и е м и р о в о г о х о з я й с т в а н е м о ж е т б ы т ь н и ч е м и н ы м к а к и з у ч е н и е м п р о и з в о д с т в е н н ы х о т н о ш е н и й к а п и т а л и с т и ч е с к о г о о б щ е с т в а, в з я т о г о в м и р о в о м м а с ш т а б е».

Это место опять-таки подчеркнуто разрядкой, «не заметить» которой М. Спектатор не мог. С подобными положениями он должен был встретиться и на страницах 97, 99, 101 и др.

На каком же основании вы приписываете мне, т. М. Спектатор, подмену производственных отношений меновыми? Разрешите же считать, что в вашем обвинении сказывается не столько полемическое «увлечение», сколько непонимание того, что значит «восхождение от простейших проявлений к более сложным, от обмена к товарному производству» (Ленин). Тот, кто не понимает этой стороны марксистско-ленинского метода, всегда стремится к законченным «дефинициям», этому кумиру всех механистов и формалистов.

[1]) М а р к с, К критике политической экономии, 1923 г., стр. 23.
[2]) Л е н и н, Соч., т. XX, 1927 г., стр. 297. Разрядка моя. *Н. П.*
[3]) «Под Знаменем Марксизма» № 2—3, 1930 г., стр. 82, 83.

Разрешите, далее, заключить, что все ваши апелляции к Марксу и Ленину, к партийным документам и т. д. в защиту мнимо-попираемых производственных отношений по крайней мере неуместны.

К сожалению, М. Спектатор не один раз употребил в «письме» тот же самый мало его украшающий прием. Напр., защищая одну из своих ошибок, он возмущенно бросает по моему адресу: «На каком это языке «меновые отношения» шире производственных, экономических?»—Не знаю на каком, только не на моем. Ведь не далее, как на 99 стр. моей статьи, М. Спектатор должен был встретить прямо противоположное тому, что он мне приписывает. У меня говорится:

««Рынок» и «мировой рынок» логически—понятия более узкие, более частные, по сравнению с понятием «производственные отношения» (а следовательно, и «мировое хозяйство»)... Первые являются «выражением», «проявлением» вторых».—У меня стоит «более узкие», а вовсе не «шире», т. М. Спектатор. Эту мысль я провожу в статье многократно (см. стр. 93, 94, 97, 99, 101), специально на ней задерживаю внимание читателя и подкрепляю известной всему миру цитатой из Введения к «К критике политической экономии». И после этого М. Спектатор позволяет себе голословно заявить, что у меня «меновые отношения шире производственных»!

Тяжело, значит, положение М. Спектатора, если он вынужден приписывать своему критику прямо противоположное тому, что тот говорит, повторяет, подчеркивает разрядкой, развивает и т. д.

Примерно того же достоинства выступления М. Спектатора по вопросу о «странах-суб'ектах» и «странах-об'ектах», сопровождаемое опять ссылкой на Ленина и Коминтерн. Соответствующих мест моей статьи М. Спектатор просто не пожелал понять. Я говорил только о том, что изучение мирового хозяйства не может сводиться к изучению взаимоотношений между «странами-суб'ектами» и «странами-об'ектами», ибо последние далеко не покрывают всей суммы общественных отношений, в частности, не охватывают отношений международного труда к международному капиталу. Но я нигде не отрицал деления стран на «суб'екты» и «об'екты» эксплоатации. Наоборот, подчеркнул: «Из этого, конечно, отнюдь не следует, что учение о мировом хозяйстве не занимается «экономическими междугосударственными отношениями». Занимается и очень занимается. Но оно не должно забывать более существенного: всей суммы капиталистических производственных отношений» (стр. 110).

М. Спектатор, повидимому, не понимает некоторых, употребляемых им, выражений. Напр., он дважды говорит, что я, якобы, называю деление стран на «суб'екты» и «об'екты» «плоской аналогией»!

Всякая аналогия, в том числе и «плоская», есть сравнение, по крайней мере, двух вещей. Называть аналогией одну вещь («деление стран») может, повидимому, т. М. Спектатор, но не я.

«Плоской аналогией» в работе М. Спектатора я называю не деление стран на суб'екты и об'екты эксплоатации, а то его (М. Спектатора) представление о национальных хозяйствах, по которому они уподобляются индивидуумам человеческого общества. Эту плоскую аналогию М. Спектатор позаимствовал, вместе с Н. Бухариным, у буржуазных экономистов. Н. Бухарина эта аналогия привела к «организованному капитализму». М. Спектатору она дала возможность по-ревизионистски выхолостить классовый момент из определения мирового хозяйства.

Напрасно М. Спектатор уверяет нас, что у него «классы есть», на том основании, что он говорит об экспорте капитала, ибо он тем самым «автоматически» говорит и об «отношениях труда». Хотя понятие «капитал» и не отделимо от понятия «труд», но понятие «экспорт капитала» охватывает собою, согласитесь, только один участок всей суммы общественных, а значит, и классовых отношений, даже в современном нам обществе.

Мы можем только очень сожалеть, что М. Спектатору оказалось не под силу понять критику его увлечений Бюхером по части «ступеней хозяйственного развития»[1]). Будем надеяться, что «горбатого могила исправит». Однако об'яснить это «непонимание» случайностью не можем, как не можем признать случайным буквальное совпадение всех бюхеровских «ступеней» со спектаторовскими. Исключение, ведь, составляет одна только последняя «ступень» — мировое хозяйство, которой нет у Бюхера и которую М. Спектатор прибавляет «от себя». И это опять-таки характеризует М. Спектатора.

Мировым хозяйством, как оно дается у М. Спектатора, полностью подменивается то, что со времен Ленина известно под именем империализма. Мы не будем здесь гадать о том, чей «социальный заказ» выполняет т. М. Спектатор, совершая такого рода «подстановку».

---

[1]) Аналогичную с моей критикой М. Спектатора и, в основном, правильную мы находим в недавно появившейся статье А. Иткиной в журнале «Мировое Хо-

Кое-каким общественным классам давно желательно смазать четкое революционное учение об империализме. Каутский попытался это сделать, производя империализм из дурной воли, из стремления промышленных стран овладеть аграрными. М. Спектатор делает ту же работу тоньше. Он просто отождествляет империализм с мировым хозяйством.

Квалификация взглядов М. Спектатора как чуждых, вредных и враждебных марксизму дается в нашей литературе не впервые.

Сказать, что М. Спектатор в вопросах теории беспомощен или эклектичен — значило бы выразиться слишком мягко и неправильно. М. Спектатор развивает под марксистским флагом чуждую нам концепцию, концепцию ревизионистов-социал-соглашателей, концепцию западно-европейских пацифистов, которые тоже ведь непрочь поговорить о «странах-об'ектах эксплоатации», лишь бы не говорить о классах и классовой борьбе.

Н. Петров.

III.

Из помещенной в № 2—3 «Под Знаменем Марксизма» статьи т. Дучинского «Неодарвинизм и проблема эволюции человека» можно понять, будто бы я считаю гениальную мысль Энгельса о решающей роли труда в эволюции человеческого организма устарелой и маловажной «старой орфографией». Это недоразумение является следствием того, что т. Дучинский до сих пор не может уяснить себе качественной разницы между изменчивостью и эволюцией.

Для всякого биолога-марксиста несомненно, что человек — продукт трудовой жизни, и только борьба в трудовом коллективе могла выработать характерные для него особенности. Трудовая жизнь так же создала человека, как море — кита, а пустыня — верблюда. Трудовая теория Энгельса вскрывает основной фактор эволюции человека.

Сущность наследственной изменчивости является совершенно другой проблемой. В XIX столетии биологам по этому вопросу ничего не было известно, и в лучшем случае они отделывались спекулятивными рассуждениями. В те времена не делали еще различия между фено- и генотипической изменчивостью, и мы с полным правом считаем, что по этому вопросу биологи XIX столетия писали «по старой орфографии».

Но сущность трудовой теории происхождения человека — в об'яснении его эволюции, а не изменчивости. Смешение качественно различных проблем, столь характерное для механистов, и в данном вопросе чрезвычайно мешает распространению правильных представлений.

В обществе биологов-материалистов т. Дучинскому неоднократно указывалось на путаность его представлений в области основных эволюционных проблем. Тов. Дучинский в лучшем случае так же «дарвинист», как и авторитетный для него эклектик Плате.

М. Местергази.

IV.

Мое внимание обратили на то, что в 5 номере вашего журнала напечатана статья т. Разумовского, в которой было упомянуто обо мне в том смысле, что моя философская позиция отождествляется со взглядами Лукача и Корша, при чем эта позиция квалифицируется, как троцкистская или полутроцкистская.

На это я должен заметить:

Оценка т. Разумовского кажется слишком анахронической, так как я уже 6 лет тому назад отмежевался от взглядов Лукача и Корша и с тех пор я в целом ряде моих статей боролся с уклонами и извращениями марксизма в их работах. Так как большая часть этих работ появилась в Германии, то, повидимому, т. Разумовский их не читал. Между тем, и в СССР были напечатаны некоторые мои статьи на русском языке (в «Вестнике Комакадемии»), из которых т. Разумовский мог бы узнать мои взгляды по вопросам материализма и идеализма и т. д.

Действительно, было бы удивительно, что Коминтерн, поручающий мне в продолжение года ответственные работы в области теории, не заметил моего якобы «троцкистского» или «полутроцкистского» уклона, о котором упоминает т. Разумовский.

С коммунистическим приветом **А. Фогараши.**

зяйство и Мировая Политика», № 6 за 1930 г., стр. 33—56. Так как М. Спектатор живо интересуется квалификацией своих взглядов нашими экономистами, хотя некоторых из них он презрительно именует «учениками», мы сообщаем ему, что в упомянутой статье его взгляды названы «насквозь буржуазным представлением», «беспримерным эклектизмом» и т. п. (см. стр. 38—44).

V.

В письме, помещенном в «Правде» 24 августа, т. Деборин пишет, что я якобы в своей статье, о которой идет речь в письме, обвинял т. И. И. Степанова в троцкизме. Это — неверно и прямо противоположно тому, что действительно было в статье. В ней прямо говорится, что механисты—Степанов и некоторые другие—сочетают ревизионистскую философскую позицию с правильной революционной политической линией. Источник механистической ревизии определялся во влиянии мелкобуржуазной стихии. Поэтому, писалось в статье, не случайно, что и у троцкизма мы находим механистическую методологию.

Возражение со стороны механистов стремилось за правильной политической линией т. Степанова протащить неправильную философскую позицию. Эта аргументация нашла свое выражение в письме т. Бухарина. Тов. Деборину угодно было воспользоваться этим аргументом механистов! — Но факт остается фактом: в моей статье политическая линия т. Степанова признавалась правильной.

Что же касается уничтожения 16.000 печ. листов принятого редакцией и напечатанного предисловия редакции «Под Знаменем Марксизма» к статьям Дубинского и Серебровского, то т. Деборин не отмечает, что именно среди биологов (коммунистов и беспартийных) имеется сильное течение против той позиции, которую защищает Серебровский и которая идет против некоторых утверждений Дарвина, принимавшихся в определенной форме и Энгельсом. Эту позицию и сам т. Деборин до известной поры защищал на страницах «Под Знаменем Марксизма» и лишь в последнее время стал считать «безграмотной». Нечего говорить, что «совещание» коммунистов-биологов, о котором говорит т. Деборин в своем письме и на которое ни автор редакционного предисловия, ни вообще редакционная коллегия не были приглашены, состояло лишь из тех биологов-коммунистов (2 — 3 человека), которые безоговорочно поддерживают теперешнюю позицию т. Деборина.

Почему потребовались такие экстраординарные меры, как спешное уничтожение 16.000 печ. листов? — Ответ на это мы получаем в том, что снятие предисловия совпадает с моментом заседания фракции ВКП(б) Института философии и ОВМД и с стремлением передать фактически редактирование журнала «Под Знаменем Марксизма» от полномочной редакционной коллегии к группе товарищей, выразивших свою позицию в декларации 10, напечатанной в № 5 «Под Знаменем Марксизма».

С коммунистическим приветом А. Максимов.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКЦИИ

Подробный ответ на все «обвинения» т. Максимова дан т. Дебориным на страницах «Правды». До сих пор Максимов не понимает своей ошибки в случае с т. Степановым и добавляет новые ошибки, характеризуя, напр., методологию троцкизма только как механистическую.

Что же касается предисловия т. Максимова, то редакция действительно сделала ошибку, набрав его, но лучше исправить своевременно ошибку, чем печатать статьи с малограмотным предисловием.

По вопросу же о редакционной коллегии журнала т. Максимову хорошо известно, что никаких изменений в порядке руководства журнала за последние четыре года не произошло.

ОПЕЧАТКИ:

Напечатано:	Должно быть:
№ 5 за 1930 г.	
Стр. 81, строки 18 и 19 сверху: и ликвидация кулачества как класса и сплошных рамках.	и ликвидация кулачества как класса и сплошная коллективизация деревни, по Троцкому, осуществимы только в планетарных рамках.
Стр. 158, строка 26 снизу: материальность мира — в его единстве.	единства мира — в его материальности.
Стр. 182, строка 18 снизу: строительского социализма.	строительства социализма.
Стр. 179, строки 5 и 6 сверху: Ведь этим самым Маркс утверждает	Ведь этим самым Маркс как бы утверждает
№ 6 за 1930 г.	
Стр. 98, строка 20 сверху: либо утверждать	тогда нельзя утверждать
Стр. 99, строка 7 снизу: диспропорция сил	диспозиция сил
Стр. 103, строка 12 снизу: не только не может быть	не может быть
Стр. 113, строка 4 снизу: бедных	белых
Стр. 151, строка 18 снизу: торый в 1789 г. в парижских предместьях произвел революцию («Крестьян-	тогда, когда оно закрепощалось; восстания уже закрепощенного крестьян-

---

Ответственный редактор А. М. Деборин.

Редакционная коллегия: { А. А. Максимов, М. Н. Покровский, Я. Э. Стэн, А. К. Тимирязев.

Главлит № А — 77010 Тираж 7.700 экз.

Типография газеты „Правда", Москва, Тверская, 48.